Историческая и социально-образовательная мысль

Historical and Social - Educational Idea

ТОМ 9 № 4 Часть 1 2017

Электронная версия: **http://www.hist-edu.ru**

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ № 26/15 от 17 июня 2011 г. журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» включен в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

В 2015 году журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» стал членом международной ассоциации PILA (Publishers International Linking Association). Статьям журнала «Историческая и социально-образовательная мысль», начиная с № 6 2014 г., присваиваются уникальные буквенно-цифровые идентификаторы DOI (Digital Object Identifier).

Редакция журнала является членом
АССОЦИАЦИИ НАУЧНЫХ РЕДАКТОРОВ И ИЗДАТЕЛЕЙ (АНРИ)
Редакция журнала является членом Международного Комитета по публикационной этике COPE (Committee on Publication Ethics) с 2017 года.

Свидетельство о регистрации:
ПИ № ФС77-37035
от 04.08.2009

ISSN 2075-9908 (Print)
ISSN 2219-6048 (Online)

Главный редактор
д. и. н., профессор
В.А. Штурба

Научный редактор
Т.А. Халилов

Заведующий редакцией
Н.В. Вавилкина

Редактор электронной версии
А.М. Литвинов

Редактор англоязычных текстов
Т.А. Халилов

Корректор
А.Ф. Мишина

Журнал размещается в национальной информационно-аналитической системе **РИНЦ** (Российский индекс научного цитирования) Российской научной электронной библиотеки
http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001

Выходит 6 раз в год

Все права защищены. Ни одна часть этого издания не может быть занесена в память компьютера либо воспроизведена любым способом без предварительного письменного разрешения издателя.

Рукописи рецензируются. Учредитель и издатель предупреждают авторов о юридической ответственности за несанкционированное использование чужих авторских прав.

АДРЕС РЕДАКЦИИ

350080, Россия, г. Краснодар, мкр. Пашковский, ул. Заводская, д. 32, к. 301
Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»
Тел/факс: 8 (861) 237-62-19
E-mail: **akademus07@rambler.ru**

УЧРЕДИТЕЛИ

Кубанская многопрофильная Академия подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов;
Северо-Кубанский гуманитарно-технологический институт.

Historical and Social-Educational Idea

VOLUME 9 # 4 Part 1 2017

Web Version address**: http://www.hist-edu.ru**

The Academic Journal «*Historical and Social-Educational Idea*» has entered into the list of academic periodicals under review (those intended to publish the summaries on the study' outcomes, upon the theses nominated for Doctoral Degrees or the Candidate' standing), with the Resolution No 26/15 by the Supreme Attesting Commission Panel under the Russian Ministry of Education and Science, issued on June 17th, 2011.

The journal «*Historical and Social-Educational Idea*» is member of the International Association PILA (Publishers International Linking Association). Unique alphabetic-digital identifiers DOI are assigned to the articles of the journal «*Historical and Social-Educational Idea*», starting from its issue N 6, 2014.

Editorial Board is a member of the Association of Science Editors and Publishers (ASEP)

The editorial board is a member of the COPE (Committee on Publication Ethics) since 2017.

Certificate of Incorporation:
PI No. FS77 - 37035
of August 4th, 2009

ISSN 2075-9908 (Print Copies)
ISSN 2219-6048 (Web Online Version)

Editor-in-Chief:
V.A. Shturba,
Doctor of Historical Sciences,
Professor

Research Supervisor:
T.A. Khalilov

Head of Editorial Board:
N.V. Vavilkina

Web Layout Designer:
A.M. Litvinov

Editor for the English Wording:
T.A. Khalilov

Proofreader:
A.F. Mishina

The Journal is located at the nationwide data analysis framework of the Russian Academic Citation Index operated by the E-Library.
http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001

The Journal is issued 6 times a year

All rights reserved. No part to this publication may be stored at the outsider computer memory nor reproduced by any means, without the prior written permission by the publisher.

The author's copies shall be subject to review. Both the Promoters and the Publisher notify the authors about legal liability for unauthorized use of another author's rights.

OFFICE ADDRESS

32 Zavodskaya Str., Apt. 301, Pashkovsky microdistr., Krasnodar city, 350080 RUSSIA
Editorial Office
Journal «Historical and Social educational idea»
Phone/fax: 8 (861) 237-62-19
E-mail: **akademus07@rambler.ru**

INCORPORATORS

Kuban Region Multi-Sector Academy of Vocational Training and Upgrading and Advanced Training of Specialists;
Northern Kuban Region Institute for the Humanities and Technologies.

Редакционный Совет

Председатель Редакционного Совета

Волков Юрий Григорьевич, заслуженный деятель науки РФ, действительный член академии социальных наук России, доктор философских наук, профессор, кафедра теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет
Ростов на Дону. Россия

Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН, действительный государственный советник Российской Федерации III класса
Москва. Россия

Бунимович-Мендражицкая Светлана Юрьевна, доктор философии, доктор математики, доктор биологии, профессор, кафедра компьютерных наук и математики, Ариэльский университет
Тель-Авив. Израиль

Гребенникова Вероника Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии, декан, факультет педагогики, психологии и коммуникативистики, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Гомулка Кристина, доктор политических наук, профессор, Гданьский политехнический университет
Гданьск. Польша

Грушевский Сергей Павлович, доктор педагогических наук, профессор, декан, факультет математики и компьютерных наук, заведующий кафедрой информационных образовательных технологий, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Догнал Йосеф, доктор философии, доцент, кафедра русистики, философский факультет, Университет им. св. Кирилла и Мефодия (г. Трнава Словацкая Республика), Институт славистики, философский факультет, Университет им. Масарика (г. Брно Чешская Республика)
Брно. Чешская Республика

Икэда Ёсиро, доктор философии (история), доцент, кафедра истории стран Запада, Высшая школа гуманитарных наук и социологии, Токийский университет
Токио. Япония

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Кислицын Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Ростов-на-Дону. Россия

Editorial Council

Editorial Board Chairman

Yuriy G. Volkov, Honored Scientist of the Russian Federation, Full Member of Russian Academy of Social Sciences, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University
Rostov-on-Don. Russia

Nikolay F. Bugay, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Full State Counselor of the Russian Federation - Class III
Moscow. Russia

Svetlana Yu. Bunimovich-Mendrazitskaya, Doctor of Philosophy, Doctor of Mathematics, Doctor of Biology, Professor, Department of Computer Sciences and Mathematics, Ariel University
Tel-Aviv. Israel

Veronika M. Grebennikova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Pedagogy and Psychology, Dean, Faculty of Pedagogy, Psychology and Communication Studies, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Krystyna Gomolka, doctor of political Sciences, Professor, Gdansk Polytechnic University
Gdansk. Poland

Sergey P. Grushevsky, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Dean, Faculty of Mathematical and Computer Sciences, Head of Department of Information Technology in Education Sphere, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Josef Dohnal, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Russian Studies, Faculty of Philosophy, St. Cyril and Methodius University (Trnava, Slovak Republic), Institute of Slavic Studies, Faculty of Philosophy, Masaryk University (Brno, Czech Republic)
Brno. Czech Republic

Yoshiro Ikeda, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of Occidental History, Graduate School of Humanities and Sociology, University of Tokyo,
Tokyo. Japan

Valeriy V. Kasyanov, Doctor of Sociological Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of Russian History, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Sergey A. Kislitsin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Head of Department of Political Science and Ethnic Policy, South-Russian Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Rostov-on-Don. Russia

Спалбер Диана, доктор философии (методология исследований в психологии и педагогике), научный советник, кафедра ЮНЕСКО, университет Генуи, преподаватель, Link Campus University в Риме
Генуя. Италия

Токтосунова Адаш Искандеровна, доктор политических наук, профессор, Восточный университет им. Махмуда Кашгари, консультант-эксперт, Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ от Кыргызской Республики
Бишкек. Кыргызстан

Цыганков Андрей Павлович, доктор философских наук, профессор международных отношений и политических наук. Университет Сан-Франциско
Сан-Франциско. США

Шанин Теодор, доктор философии, профессор социологии, Манчестерский университет (г. Манчестер, Великобритания), президент, Московская высшая школа социальных и экономических наук (г. Москва, Россия), почётный член Российской академии сельскохозяйственных наук
Манчестер, Великобритания

Штурба Евгений Викторович, доктор исторических наук, профессор, кафедра педагогики и психологии, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Шхагапсоев Заурби Лелович, почетный работник высшего профессионального образования РФ, доктор юридических наук, профессор, начальник Северо-Кавказского института повышения квалификации сотрудников МВД России (филиал) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции
Нальчик. Россия

Чепель Татьяна Леонидовна, действительный член Академии прогнозирования, российское отделение Международной академии исследования будущего, кандидат психологических наук, профессор, кафедра психологии и педагогики, Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск. Россия

Diana Spulber, Doctor of Philosophy (Methodology of Research in Psychology and Pedagogy), Scientific Advisor, Unesco Department, University of Genoa, Lecturer, Link Campus University Rome
Genoa. Italy

Adash I. Toktosunova, Doctor of Political Sciences, Professor, Mahmud Kashgari Eastern University, Expert-Consultant, Interstate Fund for Humanitarian Cooperation of CIS Member States from the Kyrgyz Republic
Bishkek. Kyrgyzstan

Andrei P. Tsygankov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of International Relations and Political Science, San Francisco State University
San Francisco. USA

Teodor Shanin, Doctor of Philosophy, Professor of Sociology, University of Manchester (Manchester, UK), President, Moscow School of Social and Economic Sciences (Moscow, Russia), Honorary Member of Russian Academy of Agricultural Sciences
Manchester, UK

Evgeny V. Sturba, Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of Pedagogy and Psychology, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Zaurbi L. Shkhagapsoev, Honored Specialist of the Russian Higher Professional Education, Doctor of Law, Professor, Head of North-Caucasian Institute for Advanced Training of Employees of the Russian Ministry of Internal Affairs (Branch) of Krasnodar University of the Russian Ministry of Internal Affairs, Police Colonel
Nalchik. Russia

Tatyana L. Chepel, Member of Academy of Forecasting, Russian Branch of International Academy of Researches of Future, Candidate of Psychological Sciences, Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk. Russia

Редакционная коллегия

Главный редактор

Штурба Виктор Александрович, член-корреспондент Российской академии естественных наук, член Ассоциации научных редакторов и издателей, Отличник Народного Просвещения РСФСР, Отличник Образования Высшей Школы, доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Халилов Тимур Александрович**,** научный редактор журнала "Историческая и социально-образовательная мысль"
Краснодар. Россия

Атанесян Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии, факультет социологии, Ереванский государственный университет
Ереван. Армения

Быкасова Лариса Владимировна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры общей педагогики, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал)
Таганрог. Россия

Ващук Ангелина Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом социально-политических исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук
Владивосток. Россия

Верещагина Анна Владимировна, доктор социологических наук, профессор, кафедра теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону. Россия

Козодой Виктор Иванович, доктор исторических наук, профессор, президент и учредитель, Сибирская академия управления и массовых коммуникаций
Новосибирск. Россия

Нефедов Сергей Александрович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии, Уральское отделение Российской академии наук
Екатеринбург, Россия

Патюкова Регина Валерьевна доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью КубГУ, член-корреспондент Академии педагогических и социальных наук
Краснодар. Россия

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, кафедра философии и социологии, Краснодарский университет МВД России
Краснодар. Россия

Факторович Александр Львович, доктор филологических наук, профессор, кафедра истории и правового регулирования массовых коммуникаций, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Editorial board

Editor-in-Chief

Viktor A. Sturba, Corresponding Member of Russian Academy of Natural Sciences, Member of Association of Science Editors and Publishers, Excellent Specialist of Public Education of RSFSR, Excellent Specialist of Graduate School Education, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Timur A. Khalilov, Scientific Editor of the Academic Journal "Historical and Social-Educational Idea",
Krasnodar, Russia

Arthur V. Atanesyan, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Applied Sociology Department, Faculty of Sociology, Yerevan State University
Yerevan. Armenia

Larisa Bykasova, Doctor of pedagogical Sciences Associate Professor, Professor of General pedagogic department Rostov state economic University (RINH).
Taganrog. Russia

Angelina S. Vashchuk , Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Social and Political Studies Department, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences
Vladivostok. Russia

Anna V. Vereshchagina , Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University
Rostov-on-Don. Russia

Viktor I. Kozodoi, Doctor of Historical Sciences, Professor, President and Founder, Siberian Academy of Management and Mass Communications
Novosibirsk. Russia

Sergei A. Nefedov**,** Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg, Russia

Regina V. Patyukova, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University, Corresponding Member of Academy of Pedagogical and Social Sciences
Krasnodar. Russia

Mikhail Yu. Popov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Philosophy and Sociology, Krasnodar University of Russian Ministry of Internal Affairs
Krasnodar. Russia

Alexander L. Faktorovich, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of History and Legal Regulation of Mass Communications, Kuban State University
Krasnodar. Russia

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

1917 год: трагедия или триумф?		***1917: Tragedy or Triumph?***
ГОРОЖАНИНА М.Ю. г. Краснодар, Россия КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО, ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО И ДРУГИЕ СОСЛОВИЯ В КОНЦЕ XIX ВЕКА И В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 ГОДА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	13	M. Yu. GOROZHANINA Krasnodar, Russia KUBAN COSSACKS, ORTHODOX CLERGY AND OTHER ESTATES AT THE END OF THE 19 CENTURY AND IN THE PERIOD OF REVOLUTIONARY EVENTS 1917: COMPARATIVE ANALYSIS
КАСЬЯНОВ В. В. г. Краснодар, Россия КОВАЛЕВ В. В. г. Ростов-на-Дону, Россия САМЫГИН С. И. г. Ростов-на-Дону, Россия ПРИЧИНЫ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В РОССИИ (СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ)	23	V. V. KASYANOV Krasnodar, Russia V. V. KOVALEV Rostov-on-Don, Russia S. I. SAMYGIN Rostov-on-Don, Russia CAUSES OF REVOLUTION OF 1917 IN RUSSIA (SOCIAL-CULTURAL ASPECT)
Исторические науки и археология		***Historical Sciences***
АЗАМАТОВА Г. Б. г. Уфа, Россия ПРОБЛЕМА ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ЗЕМСКИХ УЧРЕЖДЕНИЯХ: НА МАТЕРИАЛАХ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ (ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX - НАЧАЛО XX в.)	33	G. B. AZAMATOVA Ufa, Russia PROBLEM OF CRIME IN LOCAL GOVERNMENT INSTITUTIONS: ON MATERIALS OF UFA PROVINCE (LAST QUARTER OF XIX - BEGINNING OF XX CENTURIES)
ВТОРУШИН М. И. г. Омск, Россия К ВОПРОСУ О «БОНАПАРТИЗМЕ» ДИКТАТУРЫ АДМИРАЛА А.В. КОЛЧАКА	39	M. I. VTORUSHIN Omsk, Russia ON THE QUESTION OF BONAPARTISM BY THE DICTATORSHIP OF ADMIRAL A.V. KOLCHAK
ГЛАШЕВА З. Ж. г. Нальчик, Россия АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРИОД НАМЕСТНИЧЕСТВА А.И. БАРЯТИНСКОГО (1856-1862 гг.)	45	Z. Zh. GLASHEVA Nalchik, Russia ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL TRANSFORMATIONS ON THE NORTH CAUCASUS IN GOVERNORSHIP OF A.I. BARYATINSKY (1856-1862)
ПОПОВ А. А., СИНЕГУБОВ С. Н. г. Ишим, Россия ИССЛЕДОВАНИЕ ВОПРОСОВ ВОЕННО-МОРСКОЙ ПОЛИТИКИ КАЙЗЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В 1918-1920-е гг.	50	A. A. POPOV, S. N. SINEGUBOV Ishim, Russia INVESTIGATION OF ISSUES OF MILITARY-MARITIME POLICY OF KAISEROV GERMANY IN THE CONTEXT OF DEVELOPMENT OF SOVIET HISTORICAL SCIENCE IN 1918-1920-S.
РОМАНОВА А. В. г. Ульяновск, Россия СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КОМПЕТЕНЦИИ МВД РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. (НА ПРИМЕРЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ)	56	A. V. ROMANOVA Ulyanovsk, Russia FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE COMPETENCE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE EARLY XIX AND EARLY XX CENTURIES: ON THE EXAMPLE OF THE EXECUTIVE POLICE
СЕРЕБРЕННИКОВ С. В. г. Кемерово, Россия ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЯПОНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР (1945-1950 гг.) (СТРАНИЦЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ)	64	S. V. SEREBRENNIKOV Kemerovo, Russia FOOD SECURITY OF JAPANESE WAR PRISONERS IN SIBERIA AND THE FAR EAST OF THE USSR (1945-1950): PAGES OF DOMESTIC HISTORIOGRAPHY
СУВОРОВ В. Г. г. Коломна, Россия ИДЕЯ ПОСТОЯННОГО ВСЕПРАВОСЛАВНОГО СИНОДА В РУССКОМ ПРАВОСЛАВИИ КОНЦА XIX - НАЧАЛА XXI ВЕКА	81	V. G. SUVOROV Kolomna, Russia PERMANENT PAN-ORTHODOX SYNOD IDEA IN THE RUSSIAN ORTHODOX TRADITION FROM THE LATE XIX TO EARLY XXI CENTURIES
ФАТКУЛЛИНА Г. Ф. г. Уфа, Россия ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА УРАЛЕ В XVIII в.	92	G. F. FATKULLINA Ufa, Russia THE HISTORICAL CONDITIONS OF DEVELOPMENT OF THE MINING INDUSTRY IN THE URALS IN THE XVIII CENTURY

Социологические и гуманитарные науки		***Sociological and Humanities Sciences***
АРТЮХ А. А. г. Санкт-Петербург, Россия ЖЕНЩИНЫ-РЕЖИССЕРЫ В СОВРЕМЕННОМ ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ	99	A. A. ARTYUKH St. Petersburg, Russia WOMEN-DIRECTORS IN THE CONTEMPORARY GLOBAL WORLD
ГУРБА В. Н., КОНОВАЛОВ В. Н. г. Ростов-на-Дону, Россия УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И КОРПОРАЦИЙ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	107	V.N. GURBA, V. N. KONOVALOV, Rostov-on-Don, Russia MANAGERIAL INTERACTIONS OF THE STATE AND CORPORATIONS IN RUSSIA IN THE NATIONAL SECURITY CONTEXT
ДУДАКОВА Л. Г. г. Ростов-на-Дону, Россия ХАЛИЛОВ Т. А. г. Краснодар, Россия ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УЧАСТНИКОВ РЫНКА ЦЕННЫХ БУМАГ ЮФО В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА: ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	116	L. G. DUDAKOVA Rostov-on-Don, Russia T.A. KHALILOV Krasnodar, Russia ACTIVITIES OF PROFESSIONAL PARTICIPANTS OF THE SOUTHERN FEDERAL DISTRICT STOCK MARKET IN THE CRISIS CONDITIONS: POLITICAL-ECONOMIC ANALYSIS
ЖЕРЕБКИН М. В. г. Ялта, Россия СУВЕРЕНИТЕТ КАК ФОРМА И УСЛОВИЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ НЕЗАВИСИМОГО ГОСУДАРСТВА	124	M. V. ZHEREBKIN Yalta, Russia SOVEREIGNTY AS A FORM AND CONDITION FOR EXISTENCE OF AN INDEPENDENT STATE
ИБРАГИМОВ Р. Н. г. Абакан, Россия ИМЯ, ИМИДЖ И РЕПУТАЦИЯ: НА ДАЛЬНИХ РУБЕЖАХ СОЦИОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ	132	R. N. IBRAGIMOV Abakan, Russia NAME, IMAGE AND REPUTATION: ON THE DISTANT FRONTIERS OF THE SOCIOLOGY OF PERSONALITY
КАРЧАА Л. Р. г. Москва, Россия РЕКЛАМА ЭПОХИ АРТ-ДЕКО: СТИЛЕВЫЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ	142	L. R. KARCHAA Moscow, Russia ADVERTISEMENT OF THE ART-DECO AGE: STYLE AND SOCIAL-CULTURAL FEATURES
КОСТРОВА Н. А. г. Майкоп, Россия К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕНСИФИКАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ, СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ И АКТУАЛИЗАЦИИ ПРОТИВОРЕЧИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	148	N. A. KOSTROVA Maykop, Russia TO A QUESTION OF INTENSIFICATION OF INTERACTION, SOCIAL INTEGRATION, AND COMPLICATION OF CONTRADICTIONS IN CONTEMPORARY SOCIETY
ЧИРВА Н. И. г. Краснодар, Россия МЕДИЙНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК СФЕРА РЕЦЕПЦИИ СПОРНЫХ КИНОФЕНОМЕНОВ	154	N. I. CHIRVA Krasnodar, Russia MEDIA SPACE AS THE SPHERE OF RECEPTION OF DISPUTABLE CINEMA PHENOMENA
Образование и педагогические науки		***Education and Pedagogical Sciences***
ГРЕБЕННИКОВА В. М. г. Краснодар, Россия КАИНОВА М.М. г. Москва, Россия РОЛЬ АККРЕДИТАЦИОННЫХ АГЕНТСТВ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ АССОЦИАЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ В ВУЗАХ США НА ПРИМЕРЕ КОММУНИКАТИВНОГО КОМПОНЕНТА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ БИЗНЕС-ШКОЛ	163	V. M. GREBENNIKOVA Krasnodar, Russia M. M. KAINOVA Moscow, Russia TEACHING COMMUNICATION SKILLS IN BUSINESS PROGRAMS: THE ROLE OF ACCREDITING AGENCIES AND PROFESSIONAL ORGANIZATIONS IN SHAPING ACADEMIC STANDARDS IN THE US COLLEGES AND UNIVERSITIES
КАЛИЖАНОВ У. К. г. Алматы, Казахстан ОЛЖАС СУЛЕЙМЕНОВ: ТЮРКОСЛАВИСТИКА И КУЛЬТУРНЫЙ КОД	175	U. K. KALIZHANOV Almaty, Kazakhstan OLZHAS SULEYMENOV: TYURKOSLAVISTIKA AND CULTURAL CODE
КОЖЕВНИКОВ В. В., ЛАЗАРЕВ В. А. г. Краснодар, Россия ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И РАЗВИТИЕ В МАТЕМАТИЧЕСКИХ НАУКАХ: НА ПРИМЕРЕ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И.П. МИТЮКА	180	V. V. KOZHEVNIKOV, V. A. LAZAREV Krasnodar, Russia CONTINUITY AND DEVELOPMENT IN MATHEMATICAL SCIENCES: ON THE EXAMPLE OF LIFE AND ACTIVITY OF I.P. MITYUK
КРУЧИНА О.Н. г. Керчь, Россия ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ К КОММУНИКАЦИИ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ БУДУЩИХ СУДОВОДИТЕЛЕЙ	188	O. N. KRUCHINA Kerch, Russia FORMATION OF READINESS FOR COMMUNICATION IN A FOREIGN LANGUAGE OF FUTURE NAVIGATORS

МАКЕЕНКОВА Т. В., МАЛИНКИНА Н. А. г.Смоленск, Россия РУССКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ ИНОСТРАНЦЕВ: ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ	194	T. V. MAKEENKOVA, N. A. MALINKINA, Smolensk, Russia THE RUSSIAN LANGUAGE FOR FOREIGNERS: FROM THE TEACHING EXPERIENCE
НЕМЫКА А. А., ШЛАЙТОВА М. Н. г. Краснодар, Россия КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СПОСОБНОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СЛОВЕСНИКА В ТЕКСТАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С. ДОВЛАТОВА	201	A. A. NEMYKA, M. N. SHLAYTOVA Krasnodar, Russia COMMUNICATIVE-PRAGMATIC ABILITIES OF THE LANGUAGE INDICATOR IN THE S.D. DOVLATOV'S TEXTS
ОЛЕЙНИКОВ В. С. г. Санкт-Петербург, Россия ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ВОСПИТАНИЯ ГОТОВНОСТИ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ К ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ГЕРОИЗАЦИИ НАЦИСТСКИХ ПРЕСТУПНИКОВ	207	V. S. OLEYNIKOV St. Petersburg, Russia PSYCHOLOGICAL-PEDAGOGICAL CONDITIONS OF FORMATION OF READINESS OF STUDENTS OF HIGH SCHOOLS OF THE RUSSIA MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS TO COUNTER THE NAZI CRIMINALS GLORIFICATION
СИВАКОВА Е. В., НАЗАРОВА И. П. г. Краснодар, Россия К ВОПРОСУ О РАЗНЫХ ПОДХОДАХ К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА	215	E. V. SIVAKOVA, I. P. NAZAROVA Krasnodar, Russia TO THE QUESTION CONCERNING DIFFERENT APPROACHES TO THE PROBLEM OF TRANSLATION
ГОЛУБЕВ С. В. г. Воронеж, Россия ЯКОВЛЕВ А. В. г. Липецк, Россия ТОЛСТЫХ В. В. г. Москва, Россия УСОВЕРШЕНСТВОВАННАЯ СИСТЕМА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ (ШТАБОВ) АВИАЦИОННЫХ СОЕДИНЕНИЙ В ХОДЕ ПРОВЕДЕНИЯ КОМАНДНО-ШТАБНОГО УЧЕНИЯ	221	S. V. GOLUBEV Voronezh, Russia A. V. JAKOVLEV Lipetsk, Russia V. V. TOLSTYKH Moscow, Russia, ADVANCED SYSTEM OF INFORMATION SUPPORT OF CONTROLS (STAFFS) OF AVIATION CONNECTIONS DURING CARRYING OUT OF THE COMMAND-STAFF DOCTRINE
Информация	227	***Information***

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакция научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» приглашает всех желающих опубликовать свои научные статьи в специальном разделе «1917 год: трагедия или триумф? Взгляд через столетие».

Набор статей осуществляется в течение 2017 года.

По всем вопросам можно обращаться по электронному адресу: akademus07@rambler.ru.

Приглашаются аспиранты, соискатели, преподаватели вузов, научная общественность. Редакция обязуется безвозмездно публиковать материалы специального раздела на страницах журнала. Редакция будет благодарен Вам за распространение данной информации среди заинтересованных персон.

С уважением,
главный редактор журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»,
доктор исторических наук,
профессор В.А. Штурба

DEAR COLLEAGUES!

The editorial board of Academic Journal "Historical and Social-Educational Idea" invites everyone to participate in the special section "1917: Tragedy or Triumph? Looking Through the Century".

A set of articles is carried out during 2017.

All questions possible to address to: akademus07@rambler.ru.

Postgraduate students, candidates of sciences, university professors, representatives of scientific community are invited. The editorial board is committed to free publish materials in the pages of its science journal. The editorial board will be grateful if you would circulate this information among the scientific community.

Sincerely,
Chief Editor of the Academic Journal
"Historical and Social-Educational Idea",
Doctor of Historical Sciences,
Professor V.A. Shturba

1917 год: трагедия или триумф? Взгляд через столетие

1917: Tragedy or Triumph? Looking Through the Century

УДК 908

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-13-22

ГОРОЖАНИНА Марина Юрьевна
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
mary_clio@list.ru

Marina Yu. GOROZHANINA
Kuban State University
Krasnodar, Russia
mary_clio@list.ru

КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО, ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО И ДРУГИЕ СОСЛОВИЯ В КОНЦЕ XIX ВЕКА И В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 ГОДА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена сравнительному анализу духовного состояния населения Кубанской области в конце XIX в. и в годы Февральской и Октябрьской революций. На основе анализа различных источников делается вывод о том, что главной причиной революционных потрясений 1917 года стал духовный кризис, охвативший все слои российского общества. Освещается его проявление на Кубани, а также рассматриваются причины падения монархических настроений в казачьем крае. В работе прослеживается взаимосвязь между изменением социального состава населения Кубанской области, популяризацией либеральных идей и ростом протестных настроений. Много внимания отводится рассмотрению причин массовой поддержки жителями Кубани февральской революции. Впервые проводится взаимосвязь между царской политикой, направленной на недопущение существования сугубо казачьего региона, и ослаблением монархических настроений в Кубанской области. В статье также выделяются факторы, оказавшие влияние на положение духовенства на Кубани: 1) духовный, определяющий степень нравственного состояния общества; 2) экономический, неразрывно связанный с материальным положением; 3) социальный, обозначающий социальный статус духовенства в сословной иерархии; 4) политический, представленный политическими пристрастиями и симпатиями служителей Церкви. Много места отводится и объяснению причин различного отношения кубанского духовенства к революционным событиям 1917 г., впервые обращается внимание на неоднородный его состав; в исследовании обозначается три течения - радикальное, консервативное и реформистское, - на которые к 1917 г. распалось духовенство Кубани.

Ключевые слова: население Кубани, кубанское казачество, православное духовенство, революционные события 1917 г., духовный кризис, взаимоотношения РПЦ и общества

KUBAN COSSACKS, ORTHODOX CLERGY AND OTHER ESTATES AT THE END OF THE 19 CENTURY AND IN THE PERIOD OF REVOLUTIONARY EVENTS 1917: COMPARATIVE ANALYSIS

Article is devoted to the comparative analysis of a spiritual condition of the population of the Kuban Region at the end of the 19 century and in days of the February and October revolutions. On the basis of the analysis of various sources the conclusion that the spiritual crisis which has captured all layers of the Russian society became the main reason of revolutionary shocks of 1917 is drawn. His manifestation in Kuban is lit and also the reasons of falling of monarchic moods in the Cossack region are considered. In work the interrelation between change of social composition of the population of the Kuban Region, promoting of the liberal ideas and growth of protest moods is traced. A lot of attention is paid to consideration of the reasons, mass support by residents of Kuban of the February revolution. The interrelation between the imperial policy directed to prevention of existence of especially Cossack region and weakening of monarchic moods in the Kuban region is for the first time carried out. In article the factors which have exerted impact on position of clergy in Kuban such as are also allocated: 1) spiritual - defining degree of a moral condition of society; 2) economic inseparably linked with financial position; 3) the social, designating social status of clergy in class hierarchy; 4) political, presented by political addictions and sympathies of clergymen. Many place is allocated also to an explanation of the reasons of various relation of the Kuban clergy to revolutionary events of 1917, the attention to its non-uniform structure is for the first time paid, in a research three currents to which by 1917 the clergy of Kuban has broken up are designated: radical, conservative and reformist.

Keywords: population of Kuban, Kuban Cossacks, Orthodox clergy, revolutionary events of 1917, spiritual crisis, relationship between the Russian Orthodox Church and society

В российской истории немало спорных вопросов, но, пожалуй, наибольшее внимание исследователей привлекает тема революционных событий 1917 года. По нашему мнению, российское общество и власть до сих пор не извлекли уроков из трагедии 1917 года, в результате которой единая страна была расколота на противоборствующие стороны. Как верно замечал Цицерон, «самым величайшим бедствием является гражданская война». Просматривая современные форумы по данной тематике, можно констатировать, что в сердцах многих россиян противостояние все еще продолжается. До сих пор мы делимся на красных и белых, и этот раскол отражается как на страницах научных исследо-

ваний, так и в отечественном кинематографе. В связи с чем представляется значимым освещение взаимоотношений между различными слоями общества накануне и в годы революционных событий 1917 г. Рассмотрим эту проблему на примере Кубани. В качестве объекта исследования данный регион выбран не случайно. Именно здесь наиболее сильны были монархические настроения.

Анализ исторических документов показывает, что к 1917 г. внутри кубанского общества всего за каких-то полвека произошли заметные перемены. Так, к началу образования Кубанской области и создания Кубанского казачьего войска 1860 г. духовный кризис, начавший в это время проявляться в центральных губерниях Российской империи, здесь практически не наблюдался [1, с. 546].

Во многом именно относительная закрытость казачьего общества в этот период способствовала сохранению в нем старых установок относительно веры, влияние новых идей было менее заметно, чем в других социальных слоях. К 1868 г. нравственное состояние как кубанских казаков, так и их пастырей было по сравнению с другими регионами значительно прочнее. Случаи пьянства, дебоширства и нерадивого исполнения священнослужительских обязанностей были крайне редки и составляли менее 0,5% от всего контингента священнослужителей черноморских станиц (главными нарушителями дисциплины здесь были в основном низшие чины церковнослужителей, преимущественно псаломщики) и около 5% духовенства линейных станиц [ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.2532. Л. 92]. Совершенно иная картина наблюдалась в закубанских станицах, где основной костяк населения составляли уже не казаки. Окончание Кавказской войны, царская переселенческая политика способствовали интенсивной колонизации Закубанья русскими поселенцами. В созданные станицы в экстренном порядке отправлялись священнослужители. Согласно архивным документам, мало кто из духовенства, несмотря на льготы и подъемные, добровольно соглашался туда ехать. Как правило, штат формировался за счет выпускников духовных семинарий, не очень обременяющих себя знаниями, либо священников, которые не могли ни с кем ужиться. Все это создавало благодатную почву для конфронтации с местным населением. Именно в среде закубанского духовенства был наиболее высок процент нарушения дисциплины (до 95% от числа всех правонарушений среди свяшенно- и церковнослужителей Кубанской области) [ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д. 2532. Л.134-147].

В это же время казачество Кубани сохраняло глубокую набожность, что находило отражение как в массовом церковном строительстве, так и регулярном посещении ими храмов в воскресные дни [ГАКК. Ф.1. Оп.1. Д.499. Л.10 об.].

Трепетно относились казаки и к соблюдению постов. Очень часто источники сообщали следующее: «Даже детям и больным дают в пост скоромную пищу не иначе как с благословления священника, а некоторые взрослые больные даже при разрешении священника предпочтут скорее проболеть более продолжительное время или даже расстаться с жизнью, чем оскоромиться в постные дни. Мало этого, приезжие в станицу во время поста, если бы даже просили хозяйку накормить скоромной пищей, получили бы отрицательный ответ. Помимо этого ни одна казачка не продаст молока или яиц, зная, что все это будет употреблено в пост» [2, с. 699]. В Великий пост обязательно говели и все казаки, находящиеся на службе. Составлялись особые исповедальные листы по всем казачьим частям, где отдельной строкой указывались лица, не желавшие поститься и причащаться. Вплоть до 1905 г. таких казаков практически не было, за исключением сильно больных либо находящихся вне части, а вот после принятия закона о свободе вероисповедания картина слегка изменяется, тем не менее говеющие составляют по Кубанскому казачьему войску по-прежнему подавляющее большинство.

С наступлением XX в. ситуация разительно изменилась. В это время в казачью среду стали активно проникать либеральные идеи и мещанские ценности. Отмена крепостного права, активная переселенческая политика на Кубань привели к тому, что уже к концу XIX в. стал резко меняться социальный состав населения Кубанской области, где постепенно доля казачества сокращалась.

Согласно данным всероссийской переписи 1897 г., казаки, кровью и потом защищавшие и осваивавшие кубанскую землю, составляли лишь 47% от всего населения Кубанской области. К началу Первой мировой войны их процентный состав еще более сократился, чему в немалой степени способствовала интенсивная миграция. В 1914 г. численность жителей Кубанской области составила 3 050 391 чел., из них к войсковому сословию относилось лишь 42,8%, заметно сократилась и доля зрелого населения от 33 до 70 лет (13% от общего числа) [3, с. 4]. Эти данные особенно важно учитывать при рассмотрении перемен в духовной жизни кубанского общества. С одной стороны, консерватизм казачества, его приверженность монархизму были размыты широким притоком иногородних, с другой - основная часть кубанцев была представлена не зрелыми людьми, а молодежью, которая, как известно, более всего подвержена влиянию новых идей [3, с. 5].

К 1917 г. кубанское общество было неоднородным не только по социальному, но и материальному положению. Но особенно много нареканий со стороны казачества вызывал рост иногородних лиц не только в городах, но и в станицах. Из всех отделов Кубанской области к этому времени казаки сохранили большинство лишь в Ейском отделе, где в это время проживало 249 516 лиц войскового и 140 448 лиц не войскового сословия, здесь же был и самый наименьший процент иноверцев - 1,5% [3, с. 6]. Не этот ли факт станет главной причиной поддержки монархизма в 1917 г. жителями данного района? Именно здесь будет принятая единственная на Кубани резолюция от 3-8 апреля 1917 г., в которой подчеркивалась незыблемость самодержавия. В частности, в ней говорилось: «Громадное большинство членов собрания высказалось за конституционную монархию, где царь царствует, но не управляет. Управление страной должно производиться ответственным перед народным представительством министерством. Монарх царствует пожизненно» [4, с. 206].

Все остальные отделы Кубанской области выразили поддержку Временному правительству и выступили за превращение России в парламентскую республику. С установлением советской власти на Кубани именно духовенство Ейского отдела возглавило борьбу с обновленчеством.

Резкий приток иногородцев еще более обострял их взаимоотношения с казачеством, что находило отражение в выработке своеобразного стереотипа - «мы» и «они». РПЦ стремилась сгладить это противостояние, но в реальности лишь усугубляла ситуацию. Так, жители ст. Разшеватской писали: «Всем известно, что в массе станиц преобладают лица не войскового сословия, так называемые иногородние, среди которых много бедняков. Между тем неизвестно почему везде за требы с иногородних взыскивается плата вдвое больше, чем с казаков. Перед Богом все равны, поэтому плату за требы следует уравнять». Ставропольский архиерей поручил благочинному, в подчинении которого находилась данная станица, разобраться с ситуацией, но священники сохранили прежний порядок [5, с. 656].

Яблоком раздора было и массовое открытие ЦПШ: казаки не желали выделять средства на строительство школ для иногородних. Во многом данному противостоянию способствовало популярное среди казачества мнение о неполноценности иногородних. Данное предубеждение особенно проявлялось при росте численности переселенцев в казачьем регионе и любых посягательствах власти на казачьи права и интересы. Так, еще в 1861 г. Командующий войсками Кубанской области граф Н.И. Евдокимов, пытаясь обустроить закубанские станицы за счет казачества, ассимилировав его с пришлым населением, столкнулся с резким противодействием. По этому поводу он докладывал военному министру Д.А. Милютину: «Из затруднений, встреченных в Кубанской области при наряде казаков на переселение, выяснилось, что особенных правительственных мер требует Черноморье. Большинство тамошнего дворянства, наследуя и храня заповеди бывшего малороссийского гетмана Мазепы, старается поддерживать дух отдельной национальности в мысли простого народа, им же угнетенного. Оно ропщет на присоединение 6-ти бригад кавказских казаков единственно оттого, что боится внесения в Черноморию внешних идей и изменения прежнего порядка, утвердившего в Черномории дух ненави-

сти к москалям и за панами право безнаказанного притеснения казаков. Я только теперь узнал Черноморию и убедился, что это язва на теле русской земли излечима только при совершенном слиянии ее с кавказскими казаками и при уменьшении панства [РГБ. Отд. рукописей. Ф.169. Карт.63. Ед.хр.38. Л.3 об.4]. В этих взглядах графа Евдокимова поддерживал и Наказной атаман Кубанского казачьего войска Н.Н. Иванов, который подчеркивал, что настроение черноморцев «подготовлялось издавна искусственным сосредоточением народонаселения в самом себе». Он обвинял черноморское панство в том, что именно оно было заинтересовано, «чтобы черноморец называл русского человека москалем во враждебном смысле, чтобы они не обращались к москалю за поддержкою в душевном горе, не разделяли бы с ними свои радости» [6, с. 556-557]. Впоследствии именно эта черта казачества сыграет важную роль в появлении в годы гражданской войны идеи создания независимой Кубанской республики и приведет к расколу в лагере белого движения, когда часть казачества (представленная в основном потомками черноморских казаков) выступит против А.И. Деникина за «самостийную» Кубань. Вместе с тем, как показало время, идея разбавления казачьего население Кубани пришлым дала не позитивный, а негативный результат.

Так, уже в годы революции 1905-1907 гг. впервые в истории наметился раскол в казачьей среде. Очень небольшая его часть поддержала протестное движение. Волнение охватило ряд пластунских батальонов. 13-й Кубанский пластунский батальон выдвинул требования об улучшении быта казаков и удалении своего командира. 14, 15, 16 и 17-й Кубанские пластунские батальоны (в Новороссийске, Тихорецкой, Крымске и на станции Евлах) отказались выполнять полицейские функции и участвовать в подавлении народных выступлений. В этом их поддержали казаки 2-го Кавказского казачьего полка, Кавказского запасного кавалерийского дивизиона, 2-го Урупского казачьего полка. В это же время основная масса казаков осудила бунтовщиков. По этому поводу казак И. Касиненко даже сочинил песню, опубликованную в «Кубанских областных ведомостях», в которой были слова: «Не гневайся на нас, Царю, не вси винувати, що меж нами объявилысь зрадныки прокляти…».

Эта фраза была услышана монархизмом, а вот на протестное настроение казачества никто особого внимания не обратил. Вместо поиска причин этого власти просто наказали виновных. Практически также поступали они и с участницами женских бунтов, численность которых с 1916 г. стала заметно возрастать. Часто казачки, чьи мужья воевали на фронтах Первой мировой войны, выражая недовольство неконтролируемым ростом цен, просто громили торговые лавки [ГАКК. Ф.-Р.1547. Оп.1. Д.31. Л.93-106]. Но опять никто не пытался понять суть происходящего. Власть делала вид, что все в порядке. Неудивительно, что реакция казачества на февральские события 1917 г. будет уже иной. Временное правительство поддержит не только казачья беднота, но и часть элиты. Так, 3 марта 1917 г. сообщение городского головы М.Д. Скворикова на чрезвычайном заседании городской Думы о переходе власти к Временному правительству было встречено бурей восторгов [7].

Росту социальной напряженности способствовала и неравномерность в экономическом развитии кубанских станиц. К 1917 г. здесь четко выделялось три района:

- черноморские станицы - самые богатые, располагались на самых плодородных землях, наиболее пригодных для хозяйствования;

- станицы линейных казаков - неоднородные по материальному благосостоянию. В годы Кавказской войны, находясь на передовых позициях, постоянно подвергались нападениям горцев; материальное положение стало слегка улучшаться лишь после ее окончания, но зачастую почвы были менее плодородными, чем у черноморцев;

- закубанские станицы (основанные после окончания Кавказской войны по проекту Командующего войсками Кубанской области графа Н.И. Евдокимова) - также различались по материальному достатку. Особенно бедными были поселения, расположенные в нагорной местности, где не было земель, пригодных для хлеборобства. Так, еще в 1909 г. один из членов ОЛИКО Л.В. Македонов в своем докладе особо обращал внимание на тяжелый быт станиц нагорной полосы: «… Почти ни одна семья во всем этом крае не имеет

годового запаса своего хлеба и живет покупным. 93% населения живет лесным промыслом. Те станицы, которые имеют еще хороший лес под рукой, живут лучше тех станиц, которые уже успели его вырубить. Население за 40 лет, со времени образования этих станиц, почти не увеличилось, а экономическое положение его значительно ухудшилось и в ближайшем будущем, если не будут сделаны изменения в их укладе, ухудшится еще более» [8, с. 30-31]. Однако все предложения докладчика по улучшению положения так и не были осуществлены.

Усилению духовного кризиса, докатившегося к началу XX в. до Кубани, во многом способствовала и деятельность либерально настроенной интеллигенции. Так, в жандармском «Политическом обзоре Кубанской области» за 1905 г. сообщалось: «Учительский персонал в народных училищах заслуживает особого внимания, так как его участие в революционном движении и даже руководство им народными массами не подлежит никакому сомнению <…> Директор народных училищ Кубанской области В.В. Скидан по сведениям агентуры состоит членом Революционной Украинской партии, и принадлежность его к ней подтверждается тем участливым отношением, которое он проявляет ко всем деятелям этого революционного сообщества» [ЦДНИКК. Ф.2830. Оп.1. Д.73. Л.15].

Все чаще в демократической прессе встречались антимонархические высказывания. Так, в 1905 г. Бальмонт писал:

Наш царь - Мукден, наш царь - Цусима,
Наш царь - кровавое пятно,
Зловонье пороха и дыма,
В котором разуму - темно…

Естественно, те, кто думал так же, как и поэт, с пренебрежением относились ко всем, кто проповедовал монархические ценности. Не случайно именно русская интеллигенция стала разносчицей нигилистического отношения к церкви и духовенству. Именно она выступала с критикой церковной деятельности.

Нередко на этой почве возникали конфликтные ситуации. Поводом для противоречий становилось и открытие театральных сцен на месте, где раньше священнослужители проводили религиозно-нравственные чтения. Таким образом, к 1917 г. отношение к РПЦ на Кубани не было однозначным.

Этому во многом способствовало два фактора:

1) разнородность кубанского общества. К этому времени в нем выделялись следующие слои: казачество (бедное, среднее, зажиточное); иногородние (купцы, мещане, ремесленники, городская и сельская беднота); войсковое и российское дворянство; интеллигенция.

2) неоднородность состава кубанского духовенства, которое к началу XX в. состояло как из потомственных казаков и относилось сразу к двум сословиям - духовному и казачьему (их дети сами выбирали, кем им быть: священниками или казаками), так из пришлого, которое несло на себе печать всего российского священства.

На положение православного духовенства Кубани, как и всей России, в этот период заметное влияние оказали четыре фактора:

1) духовный, определяющий степень нравственного состояния общества;

2) экономический, неразрывно связанный с материальным положением;

3) социальный, обозначающий социальный статус духовенства в сословной иерархии;

4) политический, представленный политическими пристрастиями и симпатиями церковнослужителей.

Негативные последствия церковной реформы Петра I, приведшие к подчинению Церкви государству, с особой силой проявились с наступлением XX века. К этому времени Церковь как институт переживала сильный внутренний кризис. Среди комплекса проблем особо выделялось две: экономическая и духовная.

Нерешенность вопроса о материальном обеспечении церковнослужителей негативно отражалась не только на их положении, но и на позициях Православной Церкви. Отсутствие государственного жалованья у духовенства (к началу XX в. его на Кубани по-

лучали далеко не все пастыри), существование лишь за счет совершаемых треб да земельного участка, с одной стороны, создавали зависимость священника от своего прихода, с другой - превращали его в обычного земледельца. Постоянная материальная нужда заставляла служителей Церкви больше заботиться не о духовной пище, а о поисках пропитания для себя и своих домочадцев, из-за чего страдало качество богослужения. Не имея свободного времени на самообразование, священник деградировал в своем развитии и зачастую мало чем отличался от своих прихожан. Не удивительно, что многие церковнослужители разделяли требование бастовавшего народа об улучшении быта, с надеждой восприняли весть о революции и грядущих переменах. Так, священник Н. Глаголев в 1906 г. в своей статье, помещенной в Ставропольских епархиальных ведомостях, предлагал отменить поклоны. По этому поводу он писал: «Мы духовенство задумали со всей Россией обновиться. Очиститься, совлечь ветхозаветного человека и вдруг стояние на коленях такая отсталость. Поклоны унизительны по своей бессмысленности. Их можно сравнить с побоями и розгами. Ныне отошедшими в область преданий» [9, с. 234].

Нередко священники под предлогом революции отказывались перечислять средства в епархию. Начиная с 1905 г. на страницах «Ставропольских епархиальных ведомостей» велось открытое обсуждение церковного реформирования. Особенно острые дискуссии вызывали вопросы о пенсии, жалованье для священнослужителей и о праве голоса во время епархиальных съездов младших представителей церковного клира. К 1917 г. еще более усилилось противостояние между священниками и псаломщиками, белым и черным духовенством. Не случайно один из первых доносов на священство по поводу политической неблагонадежности был сделан задолго до установления советской власти в Екатеринодаре. 5 апреля 1917 г. двое певчих Георгиевского монастыря выступили с обвинениями в адрес настоятеля монастыря Авраама и монаха Илиодора, якобы агитировавших за старую власть. На одном из рабочих митингов, где звучали эти обвинения, было принято решение виновных арестовать [ГАКК. Ф-Р.342. Оп.1.Д.4. Л.5].

Экономические проблемы усугублялись духовным кризисом. «Благочестие в народе прогрессирует на убыль, чему способствуют театральные представления и наша "прогрессивная" печать», - писал в отчете за 1915 г. один из благочинных Кубанской области [ГАСК. Ф.135. Оп.66. Д.624. Л.79]. Священнослужители не только первыми обратили на это внимание, но и попытались как-то изменить ситуацию, в связи с чем каждое воскресенье стали проводить религиозные беседы с населением. В то же время духовный кризис затронул и некоторых представителей духовенства. Так, в отчетах благочинных стали появляться сообщения такого рода: «Отцы-настоятели лучше истратят лишние 100 рублей на парчевое облачение, чем накупят на эту сумму полезных журналов и газет. Вместо той гнилой пищи, какая предлагается им интеллигентами из учителей, фельдшеров и недоучек-гимназистов» [ГАСК. Ф.135. Оп.66. Д.624. Л.79].

Положение усугублялось и политической неоднородностью кубанского духовенства. К 1917 г. в нем наметилось три течения: реформистское, консервативное и радикальное.

Реформистское (представленное в основном низшими слоями церковного клира и молодыми приезжими священниками) ратовало за коренные перемены, за демократизацию церковного управления, за отказ от многих церковных канонов и за либерализацию церковной жизни. Впоследствии именно из этой среды вышли сторонники революции и обновленчества.

Консервативное (как правило, состоявшее из коренного черноморского духовенства, полковых священников, черного духовенства) выступало за сохранение верности канонам Православия и немедленное восстановление патриаршества. Негативно относилось к революционным событиям.

Радикальное (на Кубани оно было немногочисленным, в него входили в основном высшие чины белого духовенства и некоторые представители черного), во многом соглашаясь с консерваторами, призывало к более решительным действиям. По мнению его представителей, именно православное духовенство должно возглавить борьбу с революционным движением и оказать содействие восстановлению монархии. Многие из этой

среды стали участниками таких организаций, как Общество Архангела Михаила и Черная сотня.

Вместе с тем, несмотря на все вышесказанное, по сравнению с центральными губерниями России позиции Православной Церкви на Кубани были по-прежнему крепки, чему во многом способствовало наличие казачьего населения, большая часть которого оставалась глубоко верующими людьми. В это время единственным разногласием среди духовенства и казачества был материальный вопрос. Казаки не очень хотели содержать свое духовенство, недовольство вызывало и наделение священнослужителей землей из станичного пая. Но конфронтаций на этой почве было не много.

В это время казаки часто ходатайствовали о награждении лучших представителей духовенства. Церковный авторитет значительно укрепляли и полковые священники, которые пользовались здесь особым уважением. Не случайно, несмотря на негативные последствия манифеста о веротерпимости, позиции православия здесь были все еще сильны, хотя и подверглись некоторым изменениям. Примечательно, что в то время, когда в России многие выходили из православия, на Кубани ряды православных продолжали расти за счет единоверцев и представителей других конфессий.

В то же время, несмотря на широкую просветительскую работу духовенства, религиозная культура населения в общей массе оставалась крайне низкой. К началу XX в. на Кубани, как и сто лет назад, было немало лиц, не знающих православных молитв либо их искажающих. Вместе с тем желание исправить положение вещей исходило лишь от церковных властей. Повсеместное открытие воскресных школ для взрослых не давало положительных результатов из-за невысокого числа учеников. Зачастую, несмотря на старание священников привлечь как можно больше прихожан, воскресные школы оставались полупустыми. Часто в рапортах содержались сообщения такого рода: «В вверенной мне воскресной школе было проведено всего шесть уроков, при чем на первом присутствовало 12 учеников, на последнем 6, да и то они просили прекратить уроки, так как едут на заработки» [ГАСК. Ф.135. Оп.56. Д.264. Л.18].

Таким образом, на Кубани известный закон диалектики перехода количества в качество не действовал, поэтому, несмотря на то, что к 1917 г. здесь было создано свыше 500 воскресных и более 200 церковно-приходских школ, уровень религиозного образования по-прежнему был крайне низким. Падение нравственности отражалась и на крепости семейных устоев. К началу XX в. впервые в истории Кубани заметно возрастает число разводов. Примечательно, что если сто лет назад к ним относились как к событию из ряда вон выходящему, то к началу XX в. это становится обычным явлением. Меняется и причина развода: если в начале XIX века поводом к расторжению брака являлась пропажа мужа или супруги, то через сто лет - супружеские измены. Заметно возрастает и число незаконнорожденных и брошенных детей. Так, только за 1916 г. в Екатеринодаре было зарегистрировано 147 подкидышей. Газеты называли эту цифру невиданной для Кубани и угрожающей будущему [10]. В это же время родители все чаще жаловались на неуправляемых детей. Несмотря на интенсивную антиалкогольную кампанию, на Кубани с наступлением XX в. резко возросло пьянство и как следствие - преступность. Так, в одном из отчетов по Кубанской области сообщалось: «За 12 лет с 1899 по 1911 душевое потребление водки выросло в 3 раза. За 2 года с 1909-1911 число преступлений выросло в 2 раза» [11, с. 5].

Вседозволенность, влияние городской среды негативно отражались и на женском целомудрии: все чаще стали встречаться случаи, когда девушки теряли целомудрие еще до свадьбы. Правда, в казачьей среде все это вызывало массовое осуждение. Казаки по-прежнему старались соблюдать христианские заповеди.

В то же время первая русская революция не только породила в обществе надежды на свободу, но и посеяла семена будущей смуты. К 1917 г. разбойные нападения на простых граждан становятся обычным явлением даже для екатеринодарцев. Газеты тех лет пестрят сообщениями о митингах, забастовках и убийствах.

К 1917 г. стало заметным и ослабление религиозных чувств среди кубанского населения. В это время на имя наказного атамана от командиров войсковых частей все чаще

стали поступать просьбы: «учитывая сложность условий, разрешить не поститься во время военных сборов» [ГАКК. Ф.396. Оп.1. Д.7973. Л.44]. Кубанцы перестают соблюдать постные дни в среду и пятницу. По этому поводу некоторые представители кубанского духовенства даже предлагали внести корректировки в церковные правила: «Учитывая, что половина клириков и около тысячи мирян не соблюдают посты, отлучение всех их от храма, как это было в древней православной традиции, в нынешних условиях не приемлемо» [9, с. 234].

Вместе с тем среди духовенства было немало лиц, искренне переживающих за будущее страны. Так, еще в начале 1916 г., желая ослабить накал социальной напряженности, православное духовенство Кубани основное внимание стало уделять разъяснительной работе среди населения. Именно священнослужители выступили первыми контрпропагандистами «большевистской заразы». В отчете о состоянии церквей, духовенства и приходов за 1916 г. особо подчеркивался этот вид деятельности. «Священники почти каждый и воскресный, и праздничный день произносят за Литургией поучения или своего сочинения, или пользуются готовыми печатными поучениями из различных духовных журналов и собраний известных проповедников. Многие же священники установили себе правило говорить устно, пользуясь всяким подходящим поводом и не только за Литургией, но и за другими службами и при всяком удобном случае в храмах и в домах прихожан. Во всех приходах священники после вечерни всегда ведут с прихожанами собеседования» [ГАСК. Ф.135. Оп.66. Д.625. Л.81]. Пытаясь не допустить братоубийственной войны, уже к 1917 г. православное духовенство Кубани обозначило собственную позицию: «Церковь должна соблюдать нейтралитет в борьбе казаков и иногородних, ни в коем случае не поддерживать ни одну из сторон, а стремиться прекратить их взаимную вражду. Это не легкое дело, оно требует от пастыря немало мужества, он всегда должен быть готов встретить неприятности со стороны окружающих из-за святого дела любви к пасомым. Именно сегодня особенно важно брать пример с знаменитых пастырей и отцов Церкви, таких как Св. Григорий Богослов, Иоанн Златоуст и др. Именно Православное духовенство должно усилить антипропагандистскую деятельность против большевиков» [12, с. 116-117]. К сожалению, придерживаться данной тактики могли не все священники, так как некоторые из них принадлежали к казачьему сословию, поэтому их выбор был очевиден.

В январе 1917 г., пытаясь привлечь внимание кубанского духовенства к всеобщему падению морали, с особым воззванием к ним обратился викарный епископ Екатеринодарский и Кубанский Иоанн. В своем послании епископ особо указывал на то, что в последние годы резко сокращается число прихожан, что порождает пьянство, распутство и другие пороки. Для предотвращения этого необходимо улучшить нравственное состояние самого духовенства. Епископ призывал священников забыть об обидах и сплотиться перед лицом надвигающейся опасности. «Ныне совершается Суд Божий над нашей многострадальной Родиной, ныне вся великая страна наша тоскует в оковах страшного рабства грозной войны. Теперь ли время раздорам, неуживчивости и ссорам?!» [13]. Но его призыв, к сожалению, так и не был услышан.

10 марта 1917 г. в Екатеринодаре состоялся праздник свободы в честь свержения монархии. В манифестации по этому поводу приняли участие около 100 тыс. человек, духовенство города отслужило молебен о здравии нового правительства. Находясь под воздействием праздничной эйфории, кубанцы почти не обратили внимания на отставку наказного атамана Кубанского казачьего войска, коренного казака, уважаемого всеми генерала М.П. Бабыча. Он был истинным радетелем своего дела, прекрасным администратором, бескорыстным человеком, в формулярном списке которого значилось: «Кроме содержания по службе ничего не имеет». Но в условиях революции Кубань таких людей больше не ценила. 10 октября 1917 г. все казачество Кубани ликовало по поводу возвращения давней запорожской традиции выборности атамана. Первым избранным наказным атаманом Кубанского казачьего войска стал А.П. Филимонов.

Ожидая перемен, возлагая большие надежды на будущее, жители Кубани, казалось, не замечали происходящего. Почти каждую неделю в разных уголках области проходили митинги и демонстрации; о том, что идет война, требующая больших затрат, народ и

правительство, похоже, забыли. Уже к осени 1917 г. стало понятно, что жизнь лишь ухудшается. В кубанской столице, кроме дороговизны, появился и дефицит продовольствия, заметно возросло число безработных. Но что-либо изменить новая власть не спешила. Казалось, кубанское общество полностью лишилось не только зрения, но и возможности адекватно оценивать происходящее. Поэтому известие о событиях 25 октября 1917 г. в центре Российской империи не произвело в Екатеринодаре ошеломляющего впечатления. Газеты тех лет писали: «Настроение в городе вполне спокойно, и ожидать каких бы то ни было беспорядков в связи с выступлением петроградских большевиков не приходится» [14]. Иной была реакция казачьих властей. По этому поводу войсковой атаман А.П. Филимонов писал: «В случае захвата власти большевиками в Петрограде этой власти не признавать. Защищать временное правительство всеми имеющимися в распоряжении средствами» [ГАКК. Ф.-Р.411. Оп.2. Д.290. Л.234]. По всей Кубанской области объявлялось военное положение, все митинги и собрания были запрещены. Но время было упущено, начинался кровавый период гражданской войны.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать следующие выводы.

1. Революция 1917 г. стала следствием множества причин, но главную роль сыграли два фактора:

- духовный кризис, оказавший сильное влияние на изменение ценностей русской интеллигенции и нравственное состояние всего российского общества;

- нежелание монархической власти увидеть реальность всего происходящего. Длительное игнорирование ею необходимости проведения кардинальных реформ (все, что делалось, не отвечало требованиям времени и запаздывало как минимум на 100 лет). Невзирая на рост протестного настроения, российская элита продолжала жить по принципу «Народ все стерпит», а монарх и его окружение делали вид, что контролируют ситуацию. В действительности все преобразования не только не достигали цели, но еще больше усугубляли положение.

2. Власть упорно игнорировала истинные причины народного недовольства, поэтому не смогла разглядеть силу, которая веками служила ей верой и правдой; эпоха казачьей вольности давно ушла в прошлое, но монархическое правительство все еще не доверяло казакам. Поэтому вместо создания сугубо казачьих регионов власть разбавляла население данных территорий большим притоком иногородних. С одной стороны, это подрывало в глазах казаков авторитет монарха, с другой - даже в некогда промонархических районах стали возникать протестные настроения, ситуация усугублялась усиливающимся противостоянием казаков и иногородних.

3. Поддержка Временного правительства большей частью населения Кубанской области была обусловлена тремя факторами:

- к 1917 г. кубанское общество оказалось неоднородным как по социальному, так и материальному положению. Появлению революционных идей в некогда монархическом крае способствовали как сильная дифференциация кубанского общества, так и резкое увеличение иногороднего населения, которое по численности превосходило казачье, а также доминирование молодежи над пожилыми жителями;

- падение нравственных устоев кубанского общества;

- просчеты в государственной и конфессиональной политике заметно ослабили авторитет монарха в глазах кубанцев. Несмотря на различие в требованиях в условиях революции, все протестное население сумело выступить единым фронтом. Так, часть кубанского общества, представленная в основном интеллигенцией и буржуазными элементами, радела за политические свободы; другая часть, в основном из социальных низов, жаждала улучшения материального положения. Неспособность монархизма решить назревшие проблемы не только усугубила ситуацию, но и способствовала объединению всех сил против царизма.

Вместе с тем, как показало время, наиболее преданными монархизму оказались казаки. Поэтому установление советской власти в данном регионе велось одновременно с политикой расказачивания. Именно пришлое, а не коренное население Кубани стало главным инициатором антицерковной политики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. 1.Святитель Игнатий Брянчанинов. Избранные письма / Письма к монашествующим. - М., 2012
2. Кубанский сборник 1883. Т.1.
3. Отчет о состоянии Кубанской области за 1914 // Кубанский сборник на 1916. Т. XXI. - Екатеринодар, 1916.
4. Бабкин М.А. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 г. / Материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви. - М., 2006.
5. Ставропольские епархиальные ведомости. - 1888. - № 7.
6. Короленко П.П. Переселение казаков за Кубань в 1861 г. // Кубанский сборник. Т. XVI. - Екатеринодар, 1911.
7. Кубанский курьер. - 3 марта 1917.
8. Известие ОЛИКО. - 1909. - Вып. IV.
9. Ставропольские епархиальные ведомости. - 1906. - № 9.
10. Кубанский край. - 1917. - 24 января.
11. Кубанская область в недавнем прошлом и настоящем. - Екатеринодар, 1911.
12. Руткевич П. Пробуждение Кубани // Кубанский Церковный Вестник. - 1919. - № 8.
13. Кубанский казачий вестник. - 1917. - 20 января.
14. Листок войны. - 1917. - 28 октября.

REFERENCES

1. 1.Svyatitel' Ignatij Bryanchaninov. Izbrannye pis'ma. [Selected letters]. Pis'ma k monashestvuyushchim. M., 2012
2. Kubanskij sbornik Kubanskij sbornik 1883. T.1.
3. Otchet o sostoyanie Kubanskoj oblasti za 1914. [A report on the state of the Kuban region in 1914]. Kubanskij sbornik na 1916. T. XXI. Ekaterinodar, 1916.
4. Babkin M.A. Rossijskoe duhovenstvo i sverzhenie monarhii v 1917 g. Materialy i arhivnye dokumenty po istorii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. [Russian clergy and the overthrow of the monarchy in 1917, the Materials and archival documents on the history of the Russian Orthodox Church] M., 2006.
5. Stavropol'skie eparhial'nye vedomosti № 7. 1888.
6. Korolenko P.P. Pereselenie kazakov za Kuban' v 1861 g. [The resettlement of the Cossacks in the Kuban in 1861]. Kubanskij sbornik T. XVI. Ekaterinodar 1911.
7. Kubanskij kur'er 3 marta 1917.
8. Izvestie OLIKO. Vyp. IV. 1909.
9. Stavropol'skie eparhial'nye vedomosti № 9. 1906.
10. Kubanskij kraj 1917. 24 yanvarya.
11. Kubanskaya oblast' v nedavnem proshlom i nastoyashchem. Ekaterinodar 1911.
12. Rutkevich P. Probuzhdenie Kubani. [The Revival Of The Kuban]. Kubanskij Cerkovnyj Vestnik. 1919. № 8.
13. Kubanskij kazachij vestnik. 1917. 20 yanvarya.
14. Listok vojny 1917. 28 oktyabrya.

Информация об авторе:

Горожанина Марина Юрьевна, Кубанский государственный университет,
РИНЦ SPIN - код 3917-0710
г. Краснодар, Россия
mary_clio@list.ru

Information about the author:

Marina Yu. Gorozhanina, Kuban State University,
SPIN - kod 3917-0710
Krasnodar, Russia
mary_clio@list.ru

Получена: 16.06.2017

Для цитирования: Горожанина М. Ю. Кубанское казачество, православное духовенство и другие сословия в конце XIX века и в период революционных событий 1917 года: сравнительный анализ. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 1. с.13-22.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-13-22.

Received: 16.06.2017

For citation: Gorozhanina M.Yu. Kuban cossacks, orthodox clergy and other estates at the end of the 19 century and in the period of revolutionary events 1917: comparative analysis. *Historical and Social Educational Idea.* 2017. Vol . 9. no.4. Part. 1. Pp. 13-22.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-13-22. (in Russian)

УДК 930.85

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-23-29

КАСЬЯНОВ Валерий Васильевич
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
culture@kubsu.ru

КОВАЛЕВ Виталий Владимирович
Институт социологии и регионоведения
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону, Россия
vitkovalev@yandex.ru

САМЫГИН Сергей Иванович
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
г. Ростов-на-Дону, Россия
samygin78_@yandex.ru

Valery V. KASYANOV
Kuban State University
Krasnodar, Russia
culture@kubsu.ru

Vitaliy V. KOVALEV
Institute of Sociology and Regional Studies
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia
vitkovalev@yandex.ru

Sergei I. SAMYGIN
Rostov State Economic University (RINE)
Rostov-on-Don, Russia
samygin78_@yandex.ru

ПРИЧИНЫ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В РОССИИ (СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ)

В данной статье предпринимается попытка установить причины революции 1917 года в России и последовавшие за ней события гражданской войны. Авторы акцентируют свое внимание на том, что как сама революция, проходившая поэтапно единым процессом в течение всего 1917 года, так и растянувшаяся на несколько лет гражданская война имели крайне ожесточенные формы. По окончании этих событий вся социально-экономическая инфраструктура страны была разрушена, а население имело колоссальную убыль своей численности. Авторы исходят из того, что беспрецедентная жестокость событий 1917–1921 гг. была обусловлена тем, что российское общество не имело общих социокультурных оснований для единства. Культурный разлом во многом произошел после петровских преобразований, следствием которых стала потеря характерных для допетровской России соборных форм жизни. События 1917 года и последовавшая за ним совершенно логичным образом кровопролитная гражданская война во многом были детерминированы отсутствием в Российской империи единых социокультурных оснований для взаимодействия между разными социального слоями. Общество саморазделилось на «своих» и «чужих». Следствием этого стала ситуация тлеющего конфликта, готового в любой момент трансформироваться в жестокую войну всех против всех ради взаимного и тотального уничтожения. Четкая дифференциация и поляризация противоборствующих сил в 1917–1921 гг. была обусловлена ролью так называемой революционной интеллигенцией, которая предложила низшим слоям российского общества идеологические ценности, которые во многом были созвучны соборно-традиционалистским представлениям крестьянства о собственности, власти, праве и других социальных институтах.

Ключевые слова: 1917 год, революция, гражданская война, причины революции, жестокость, смута, культурный разлом, соборность, стереотипы

CAUSES OF REVOLUTION OF 1917 IN RUSSIA (SOCIAL-CULTURAL ASPECT)

This article attempts to establish the causes of the Revolution of 1917 in Russia and the civil war events that followed after. The authors focus on the fact that as the revolution itself, which took place in stages as a single process throughout 1917 and spanning several years of civil war, was extremely violent form. After these events the entire social-economic infrastructure of the country were settled and the population had a huge decline in their numbers. The authors believe that unprecedented the brutality of the events of 1917–1921 was due to the fact that Russian society had no common social-cultural basis for unity. The cultural rift largely occurred after Peter's reforms, the result of which was the loss characteristic of pre-Petrine Russia conciliar forms of life. The events of 1917 and the ensuing absolutely logical way, a bloody civil war was largely determined by the absence in the Russian Empire, a single social-cultural grounds for interaction between different social layers. Society has divided into "us" and "them". The result was a situation of unresolved conflict, ready at any moment to transform into a brutal war of all against all for the sake of mutual and total destruction. Clear differentiation and polarization of the opposing forces in 1917–1921 years was due to the role of the so-called revolutionary intellectuals, which offered the lowest strata of the Russian society of ideological values, which was largely in tune with the sobornost'-traditionalist notions of the peasantry of ownership, authority, law and other social institutions.

Keywords: 1917, revolution, civil war, causes of revolution, brutality, disturbance, cultural divide, sobornost', stereotypes

В этом году наша страна отмечает (празднует, негодует, порицает, осуждает) столетие событий 1917 года, которые начались в двадцатых числах февраля в виде не обещающих ничего грандиозного голодных бунтов, вызванных задержками подвоза хлеба в Петроград. Сейчас отношение к ним, действительно, очень разное. Зависит оно от случайно прочитанной где-то информации, просмотренной телепередачи, стереотипов восприятия прошлого либо твердых идеологических убеждений, в основе которых лежит четко осмысленное понимание общественного устройства и перспектив развития современной российской жизни. Общество, в самом деле, не относится однозначно к тому, что произошло со страной в 1917 году. Но совершенно точно можно сказать, что даже сейчас, спустя столетие, вряд ли найдутся совсем уж равнодушные. Объяснение этому лежит на поверхности. 1917 год стал последним годом существования Российской империи, а возможно, и всей российской цивилизации как некоего самобытного культурно-исторического феномена. Страна претерпела самые радикальные трансформации. Решительным образом изменились социальная структура, быт, культурные регулятивы, экономика, политическое устройство. Изменилось все. Власть, люди, государство, социальные институты стали другими. На политической карте мира по окончании гражданской войны появилось государство нового типа – СССР, которое само уже исчезло, кануло в Лету истории. Вот уже почти три десятилетия на его месте возникло и развивается Российская Федерация (Россия), провозгласившая себя в статье 1 своего Основного закона демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления [9]. Однако интерес к историческому прошлому не ослабевает, подстегиваясь теми трудностями и проблемами, которые переживает современный российский социум. Кто-то видит идеал в перемолотой в жерновах революции Российской империи, кто-то испытывает ностальгию в связи с распадом СССР, кому-то вполне по душе современный период. Столетие революции 1917 года – это хороший повод, чтобы обратить внимание на наше прошлое, понять его причины, главные и второстепенные процессы, а также последствия, ими вызванные. В данной статье мы рассмотрим некоторые из причин, ставших побудительным импульсом для возникновения великой русской смуты начала XX столетия.

При первом, самом поверхностном взгляде на события, захлестнувшие Россию в конце февраля 1917 года и продолжавшиеся в форме гражданской войны вплоть до 1921 года, поражает жестокость и ожесточение, свойственные тем сторонам, которые принимали участие в этом глобальном для страны социальном конфликте, представляющем реальную угрозу безопасности России [2]. Результатом войны стали колоссальные убытки во всех социальных сферах. Выплавка чугуна упала до 4% от довоенного уровня, добыча угля снизилась на 70%, производство сельскохозяйственной продукции сократилось на 40%, спад в промышленности достиг отметки 80%. По подсчетам экономистов все убытки от гражданской войны можно измерить в сумме 40 млрд золотых рублей. Прямая убыль населения из числа только погибших и умерших составляет 10,7 млн человек. Сюда же нужно добавить 2,5 млн эмигрировавших. Демографы считают, что фактически, с учетом неродившихся, страна недополучила 30-40 млн человек [3].

Фактически война велась на уничтожение. Но поражает даже не столько материальный ущерб, сколько всевозрастающий виток насилия, сопровождавшего противоборствующие стороны. В воспоминаниях участников событий тех лет сохранилось множество описаний сцен массовых расстрелов, пыток, предательств, потерь людьми человеческого облика. Это была внутренняя война, в которой не считались ни с чем: возрастом жертвы, полом, состоянием беспомощности и т.п. Это была война, в которой побежденный подлежал тотальной ликвидации, а победитель превращался в нравственно деградированное существо с полной девальвацией моральных ценностей и норм. Беспрецедентная жестокость стала частью российской жизни уже с первых месяцев революции 1917 года, а далее насилие возрастало по нарастающей, достигнув своего пика в решающие месяцы гражданской войны во второй половине 1919 года [13].

Данная ситуация заставляет поднять вопрос о том, в чем же были причины подобного положения дел в стране и связаны ли эти причины жестокости протекания револю-

ционного процесса с общими побудительными импульсами русской смуты, начавшейся в феврале 1917 года. Мы убеждены, что между ними существует прямая и непосредственная связь. Именно неслыханная жестокость гражданской войны содержит в себе ключ понимания того, что в реальности детерминировало как перевороты, произошедшие в 1917 году в Петрограде, так и последовавшие за ними военные действия на других территориях бывшей Российской империи.

Чтобы ответить на приведенный выше вопрос, нам необходимо временно оставить 1917 год и обратиться к более раннему историческому периоду – времени реформ Петра Великого.

Петровские реформы оцениваются в исторической науке двойственно [10]. С одной стороны, именно при Петре I был совершен модернизационный скачок, благодаря которому страна получила мануфактурное производство [6], боеспособную регулярную армию, выходы к морскому побережью, прочные внешнеполитические связи, построенную на рациональных началах модель управления обществом [1]. С другой стороны, не менее актуальным является вопрос о цене, заплаченной за указанные достижения и их долговременные последствия [7]. Проблема цены российскими и зарубежными историками поднималась практически сразу после окончания преобразовательной политики. Речь идет о разорении крестьянства, непосильном бремени на городские слои, усилении государственного контроля, переакцентировании промышленного сектора от частного капитала в пользу государственного [12]. Говоря о достижениях в области культуры, противники петровских преобразований обращают внимание на поверхностную вестернизацию [16].

Список претензий к Петру I можно было бы продолжить, но нас интересует, прежде всего, только один аспект, на который впервые обратили внимание и развили в своих исследованиях славянофилы. Речь идет о том, что реформы Петра Великого породили в российском обществе культурный разлом – явление, которого, по их мнению, ранее не существовало. Мы далеки от столь категоричных утверждений. Со времен середины XIX в. историческая наука ушла далеко вперед, пережив в советские годы даже период увлечения классовым подходом, вследствие применения которого наличие эксплуатации и классового антагонизма мерещилось историкам чуть ли не со времен крещения Руси [3]. Однако не видеть того, что отношения между крестьянами и дворянством после петровских преобразований качественно изменились, невозможно с позиции применения любой методологии.

Если до первой четверти XVIII в. крестьяне и дворяне говорили на одном языке, одевались в похожую одежду, отмечали общие праздники, строили свои дома из одинакового материала, общались непосредственно между собой, ели одни и те же блюда, верили в общие суеверия и т.п., то, после вестернизации дворянства, культурно-бытовые обстоятельства коммуникации решительным образом изменились. Дворяне стали учить своих детей французскому, из-за чего некоторые оказались настолько необученными родному языку, что говорили на нем с явно выраженным иностранным акцентом, а то и вовсе его не знали (известен исторический факт, что во время нашествия Наполеона на Россию дворяне из патриотических соображений массово нанимали себе учителей русского языка). Одежда высшего слоя стала кроиться на иностранный манер, а лицо мужчин приобрело неприлично голое, по традиционным российским представлениям, очертание из-за сбривания бород. В городах и сельской местности возводились большие каменные поместья и дворцы, которые ничем не были похожи на примитивные боярские хоромы, которые ранее так же, как и крестьянские избы, строились из дерева. Дворянство в массовом порядке стало переезжать в города, где проживало либо в офицерских казармах, либо в собственных домах (это стимулировалось ростом управленческого аппарата и особыми требованиями армии нового образца, предполагавшими постоянное обучение солдат воинскому ремеслу: шагистике, линейному строю, перемещению колоннами, стрельбе и т.п.) [15]. В результате крестьяне в значительной степени начинают взаимодействовать с барином через посредство приказчика, часто «немца», безжалостно обдиравшего их как липку.

Эти рассуждения можно продолжить, но суть не в их количестве. Важны последствия, которые можно определить как культурный разлом. В прежде едином сообществе потенциально появилось две России, обладавших своими собственными правилами, правдами, верами, суевериями, бытом, речью, одеждой и т.д. До поры до времени эти «две России» мирно сосуществовали, но мир между ними был обманчивым, непрочным, временным, готовым под давлением определенных обстоятельств и причин в любой момент превратиться в войну на взаимное уничтожение. В каком-то смысле дворянство в сознании российского крестьянства постепенно начинает превращаться в какое-то подобие иностранца, то есть фактически – чужого [7].

И вот здесь, в этом месте, мы обнаруживаем ключевое слово, которое многое определяет как в причинах революции, так и в характере протекания гражданской войны. Данным словом является «чужой» [8]. Действительно, отношения между крестьянством, а затем и возникшим из его недр после переселения в города рабочим классом (пролетариатом), и высшими слоями российского общества в виде дворянства, купечества 1-2 гильдий и сформировавшимся параллельно этим сословиям экономическим классом буржуазии были уподоблены взаимоотношениям между «своими» и «чужими», которые по традиции характеризуются непониманием, неприязнью, подозрительностью. Ненависть и озлобление – это другой уровень, который возможен при наличии объективных условий для их порождения. Таковые условия, безусловно, были. К ним мы скоро обратимся.

Резкая классовая стратификация – это явление, которое характерно для многих обществ. В известном смысле и в определенной степени оно было свойственно и Европе, которая так же, как и наша страна, активно участвовала в 1917 году в Первой мировой войне. Об этой войне мы вспомнили потому, что европейские народы находились в примерно равном положении с российским. Все испытывали тяжелые лишения и подлинные бедствия. Война заставляла работать экономические системы всех воюющих стран на пределе возможностей. Причем наиболее уязвимыми были именно беднейшие слои населения, то есть крестьяне и рабочие. Однако внутренняя смута, взорвавшая все устои социальной жизни, произошла только в Российской империи [13]. У этого, безусловно, был причинный комплекс, который трансформировал упоминаемые нами «непонимание» и «неприязнь» в «ненависть» и «озлобление». Наша задача, следовательно, заключается в том, чтобы определить тот спусковой механизм, который, с учетом социокультурных особенностей России, запустил трансформационный процесс изменения психологического климата в стране, определяющего отношение бедных слоев к богатым. Иными словами, речь идет о том, как неприязнь трансформировалась в ненависть, а непонимание – в озлобление.

Надо заметить, что, даже руководствуясь в строгом смысле формальной стороной заявленной схемы, мы можем обнаружить резкий рост классовой борьбы в первую очередь в тех странах, где классовая сегрегация, выражающаяся в жестком разделении частей социума на «своих» и «чужих», была наиболее очевидна. В качестве примеров можно привести Францию и Германию – страны, отличающиеся от многих других наличием элиты, по своим культурным признакам резко дистанцирующих себя от низших слоев разными социальными атрибутами (речью, одеждой, манерами и т.п.). Именно в этих странах проявилось наиболее сильное влияние радикальных политических группировок. Показательна в этом плане Германия, как государство, потерпевшее поражение в войне. В разных немецких областях (Баварии, Бремене, Эльзасе) по окончании войны образовались «советские республики», которые удалось ликвидировать исключительно благодаря применению армии как карательного органа. Во Франции указанные процессы оказались приостановлены эйфорией от победы. Но влияние компартии было заметно в течение всего XX в. И чтобы это влияние как-то снизить и, даже более того, предотвратить процесс легальной передачи власти коммунистам через победу на парламентских выборах, даже пришлось в 1951 г. отказаться от пропорциональной избирательной системы в пользу мажоритарной [14].

Однако нельзя не обратить внимание на то, что в европейских странах во все кризисные времена удавалось предотвратить цивилизационную катастрофу, как бы близко

некоторые народы не подходили к черте, за которой можно было потерять человеческий облик в бойне тотального и взаимного самоуничтожения. В Российской империи в 1917 году и в ходе последовавших за ним событий это сделать не удалось.

Для этого были свои внутренние предпосылки, связанные с социокультурными особенностями ментальности русских. В отличие от Европы Россия имела свой собственный опыт соборного единства, к которому европейцы, создавая ЕС, лишь стремятся сейчас, находясь в мучительном поиске ценностно-идентификационных оснований для цивилизационного единения. В допетровские времена в обществе не было культурного разлома, а следовательно, отсутствовали установки на то, что разные социальные слои представляют собой нечто чужеродное по отношению друг к другу. Настолько чужеродное, как, например, во Франции, дворянство которой совершенно искренне считало, что оно являет собой расово-антропологически совершенно иной тип человека, сотворенного Богом отдельно, по другому лекалу, чем простолюдина. Благодаря соборности русский народ сохранил по каналам исторической памяти представление о справедливом социальном идеале, где между социальными группами нет ни культурного, ни бытового, ни духовного разделения. Эта потребность в ином общественном устройстве в потенциальном, зародышевом состоянии находилась где-то глубоко в недрах народного сознания и при наличии подходящих социальных условий готова была выплеснуться оттуда, порой в крайне причудливых идеологических формах, например гибрида русского традиционализма и коммунизма.

Русское крестьянство, а затем и рабочий класс вопреки стремительному течению времени сохраняли в своем ментальном арсенале представления о собственности, праве, власти и других социальных институтах в архаичном соборно-традиционном ключе, вступающем во все больший антагонизм с ментальностью и образом жизни дворян и иных высших слоев общества. Этот антагонизм периодически проявлялся в восстаниях и крестьянских войнах. Вспышки народного гнева, которые систематически имели место в российской истории, как правило, затихали и заканчивались жестокими репрессиями со стороны государства. Неприязнь и непонимание, прежде всего, со стороны крестьянства, лишь слегка тлели, иногда вспыхивая огнем взаимных обид и унижений.

Положение низших классов не менялось ни в имущественном плане, ни в социокультурном, пока не появился класс, точнее прослойка, оказавшаяся способной выступить в виде силы, организующей народ на сопротивление. Эта сила вышла из самого народа, во многом под воздействием расширяющихся потребностей в образовании. Следствием подобного положения стало появление особого, свойственного только России, социального класса – интеллигенции. Его характеризует крайне негативное, неприязненное отношение ко всему, что связано с государством, особенно в его деспотичных формах, тяга к справедливости, совестливость, склонность к созерцательности и широким социальным обобщениям, народолюбие. Особой разновидностью этого слоя была «революционная интеллигенция», многие представители которой разделяли убеждение о том, что высшая цель может быть достижима самыми низменными средствами, что потенциально способствовало девальвации нравственности не только у руководителей движения, но и у самого народа. Именно интеллигенция стала локомотивом, рупором, спусковым механизмом, в общем, всем тем, что запускало социальное брожение, превращало социум во взрывоопасную субстанцию, готовую в любой момент вспыхнуть и сгореть в пожаре взаимной классовой ненависти и озлобления.

Подводя общий итог, мы можем отметить следующее. События 1917 года и последовавшая за ним совершенно логичным образом кровопролитная гражданская война во многом были детерминированы отсутствием в Российской империи единых социокультурных оснований для взаимодействия между разными социального слоями. Общество саморазделилось на «своих» и «чужих». Следствием этого стала ситуация тлеющего конфликта, готового в любой момент трансформироваться в жестокую войну всех против всех ради взаимного и тотального уничтожения. Четкая дифференциация и поляризация противоборствующих сил в 1917–1921 гг. была обусловлена ролью так называемой революционной интеллигенции, которая предложила низшим слоям российского общества идеологические ценности, оказавшиеся во многом созвучными соборно-

традиционалистским представлениям крестьянства о собственности, власти, праве и других социальных институтах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Вахитов Р. Петр Первый и Иосиф Сталин: суровые модернизаторы России // Бельские просторы. – 2012. – № 8.
2. Верещагина А.В., Самыгин С.И., Гафиатулина Н.Х. и др. Социология безопасности. – М.: ИНФРА-М, 2017. – 264 с.
3. Голдин В.И. Россия в гражданской войне: очерки новейшей историографии: (вторая половина 1980-х – 90-е гг.) / В.И. Голдин; Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Архангельск: Боргес, 2000.
4. Греков Б.Д. Киевская Русь. – М.: Госполитиздат, 1953.
5. Гутовский А.Ю., Коновалов В.В. Два мира, два Петра // 10 корпус. – 2016. – № 2.
6. Зубков К.И. Абсолютизм и модернизация: к оценке петровских реформ начала XVIII века // Вестник Гуманитарного университета. – 2017. – № 1.
7. Касьянов В.В. История культуры. – М.: Юрайт, 2016.
8. Касьянов В.В. Социология культуры. – Краснодар: Периодика Кубани, 2014.
9. Конституция Российской Федерации (в послед. ред. закона РФ о поправке к Конституции РФ от 21.07.2014 №11-ФКЗ-ФКЗ) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря; – 2014. – 29 июля.
10. Кудимов А.В., Каленский В.П. Реформы Петра I в области местного самоуправления // Мир экономики и права. – 2010. – № 5.
11. Кульпин Э.С. Уроки петровской модернизации: социоестественный взгляд // Историческая психология и социология истории. – 2012. – Т. 5. – № 1.
12. Лавренов С.Я., Бритвин Н.И. Февральская революция 1917 года: причины и движущие силы // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. – 2017. – № 3.
13. Новоселова Д.И. Предпосылки Октябрьской революции 1917 года в России // Теория и практика современной науки. – 2016. – № 10.
14. Морозова О.М., Самыгин С.И., Стариков Н.В. Всемирная история. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2010.
15. Самыгин С.И., Самыгин П.С., Шевелев В.Н. История. – М.: КноРус, 2017.
16. Федотова В.Г. Европа как регион и как концепт: к методологии вопроса // Знание. Понимание. Умение. – 2015. – № 4.

REFERENCES

1. Vakhitov R. Petr Perviy i Iosif Stalin: surovye modernizatory Rossii. [Peter the Great and Joseph Stalin: harsh Russian modernizers]. Belsky prostory = Belsky prostory. 2012. №8.
2. Vereshchagina AV, Samygin SI Gafiatulina N.Kh. Sociology of security. Moscow: INFRA-M, 2017. 264 p.
3. Goldin V.I. Rossia v grazhdanskoy voyne: ocherki noveyshey istoriografii (vtoraya polovina 1980-h – 90-e gg.). [Russia in the civil war: essays on recent historiography (second half of the 1980s and 90s)]. Pomor. GOS. Univ. im. M. V. Lomonosov. Arkhangelsk: Borges, 2000.
4. Grekov B.D. Kiev Rus. M: Gospolitizdat, 1953.
5. Gutowski A.Yu., Konovalov V.V. Dva mira, Dva Petra. [Two worlds, Two Peter]. 10 korpus = 10 corpus. 2016. №2.
6. Zubkov K.I. Absolutism i modernizacia: k ocenke Petrovskih vremen nachala XVIII veka. [Absolutism and modernization: the assessment of the Petrine reforms of the early XVIII century]. Vestnik gumanitarnogo universiteta = Bulletin of the University for the Humanities. 2017. №1.
7. Kasyanov V.V. Istoria kultury. [History of culture]. M., 2016.
8. Kasyanov V.V. Sociologia kultury. [Sociology of culture]. Krasnodar: Periodika Kubani, 2014.
9. Konstitucia Rossiyskoy Federacii. [Constitution of the Russian Federation]. Rossiyskaya Gazeta. 1993. 25 December 2014. July 29.

10. Kudimov A.V., Kalenskiy V.P. Reformy Petra I v oblasti mestnogo samoupravlenia. [Reforms of Peter I in the field of local government]. Mir ekonomiki i prava = World of Economics and law. 2010. №5.
11. Kulpin E.S. Uroki Petrovskoy modernizacii: socioestestvennyi vzglyad. [Lessons of Peter's modernization: socialisten view]. Istoricheskaya psihologia i sociologia istorii = Historical psychology and sociology history. 2012. Vol. 5. №1.
12. Lavrenov S.Y., Britvin N.I. Fevralskaya revolucia 1917 goda: prichiny i dvizhushie sily. [The February revolution of 1917: causes and driving forces]. Nauchno-analiticheskiy zhurnal Obozrevatel-Observer = Scientific-analytical journal Obozrevatel-Observer. 2017. №3.
13. Novoselov D.I. Predposylki Oktiabrskoy revolucia 1917 goda v Rossii. [Preconditions of the October revolution of 1917 in Russia]. Teoria i praktika sovremennoy nauki = Theory and practice of modern science. 2016. №10.
14. Morozova O.M., Samygin S.I., Starikov N.V. Vsemirnay istoria. [The history of the world]. Rostov-na-Donu: Feniks, 2010.
15. Samygin S.I., Samygin P.S., Shevelev V.N. Istoria. [History]. M.: KnoRus, 2017.
16. Fedotova V.G. Evropa kak region i kak koncept: k metodologii voprosa. [Europe as a region and as a concept: on the methodology of a question]. Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill. 2015. №4.

Информация об авторах:

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
culture@kubsu.ru

Ковалев Виталий Владимирович, доктор социологических наук, профессор, кафедра теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия
vitkovalev@yandex.ru

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, кафедра управления персоналом и социологии, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону, Россия
samygin78_@yandex.ru

Получена: 19.06.2917

Для цитирования: Касьянов В.В., Ковалев В.В., Самыгин С.И. Причины революции 1917 года в России (социокультурный аспект). Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 1. с.23-29.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-23-29.

Information about the authors:

Valery V. Kasyanov, Doctor of Sociological Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Russian History Department, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
culture@kubsu.ru

Vitaliy V. Kovalev, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology for Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
vitkovalev@yandex.ru

Sergei I. Samygin, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Human Resource Management and Sociology, Rostov State Economic University (RINE),
Rostov-on-Don, Russia
samygin78_@yandex.ru

Received: 19.06.2917

For citation: Kasyanov V.V., Kovalev V.V., Samygin S. I. Causes of revolution of 1917 in Russia (social-cultural aspect). Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 1. Pp. 23-29.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-23-29. (in Russian)

Исторические науки и археология

Historical Sciences and Archaeology

УДК 94(470.57) DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-33-38

АЗАМАТОВА Гульназ Булатовна
Институт истории, языка и литературы Уфимский научный центр РАН
г. Уфа, Россия
gulnaz.azamatova@yandex.ru

Gulnaz B. AZAMATOVA
Institute of History, Language and Literature of the Russian Academy of Sciences
Ufa, Russia
gulnaz.azamatova@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ЗЕМСКИХ УЧРЕЖДЕНИЯХ: НА МАТЕРИАЛАХ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ (ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX - НАЧАЛО XX в.)

PROBLEM OF CRIME IN LOCAL GOVERNMENT INSTITUTIONS: ON MATERIALS OF UFA PROVINCE (LAST QUARTER OF XIX - BEGINNING OF XX CENTURIES)

В статье рассматривается проблема правонарушений в органах земского самоуправления. Данный аспект истории земства остается в целом недостаточно изученным. Исследование служебных нарушений в органах земского самоуправления дополняет представления об условиях внутренней работы земских учреждений, взаимодействия общественных и государственных органов управления. Для анализа обозначенной проблемы привлекались материалы земств Уфимской губернии, основная масса которых впервые вводится в научный оборот. Изучение работы земского исполнительного аппарата позволило сделать вывод о том, что законодательное ограждение его от административного влияния местной власти могло иметь отрицательные последствия для земского бюджета и положения земских плательщиков. Росту правовой культуры земских деятелей способствовало, прежде всего, включение выборных служащих земских управ в круг государственных служащих, согласно Положению 1890 г., а также создание новой структуры - Губернского по земским делам присутствия.

The article deals with the problem of crime in the organs of territorial self-government. Despite the sufficient lack of knowledge on history of counties, its individual aspects remain poorly understood. In this regard, we can distinguish the question of wrongdoing in the authorities of territorial self-government. His study complements the view on the conditions of the internal work of the provincial institutions, the interaction of public and state administration bodies. For the analysis of identified problems, the materials involved county of Ufa Province, the bulk of which was first introduced in the scientific revolution. A study of the work of the provincial Executive office has led to the conclusion that a legislative shield it from the administrative influence of local authorities could have negative consequences for the provincial budget and the provisions of the county payers.

Ключевые слова: правонарушения, финансовые преступления, протест губернатора, земская управа, земское собрание, административный контроль, корпоративная замкнутость, гласность, ревизионная комиссия, Уфимская губерния

Keywords: offences, financial crimes, protest of Governor, provincial Council, provincial Assembly, administrative control, corporate privacy, publicity, audit Commission, county of Ufa governorate

Учреждение земства в России после отмены крепостного права стало решающим фактором децентрализации и демократизации управления уездами и губерниями. Благодаря созданию относительно независимой ниши земского самоуправления общественные представители получили возможность решать широкий круг местных хозяйственных и культурных задач. Вместе с тем земские учреждения как часть системы управления оказались зависимы от так называемых вечных проблем органов власти - превышения законных полномочий, проявления личных интересов, корпоративной замкнутости и пр. Исследователь А.А. Ярцев, анализируя правоприменительную практику Сената в спорах губернаторов и земств, отмечал, что многие протесты губернаторов были связаны с прямыми нарушениями закона земствами [1, с. 243]. Если защита Сенатом прав земства и ограждение его от излишнего давления органов власти оцениваются как положительные факторы, способствующие укреплению традиций местного самоуправления, то интересно проследить также и сами причины и характер земских нарушений. В центре внимания данной статьи находится проблема правонарушений в земских учреждениях Уфимской губернии. Для ее изучения привлекались опубликованные материалы земских учрежде-

ний и архивные документы, большинство из которых впервые вводится в научный оборот.

Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1 января 1864 г. заложило новые принципы местного управления. Прежде всего, земства действовали самостоятельно в кругу своей компетенции, губернатор не имел в их отношении распорядительной власти, по аналогии с ведомственными учреждениями, состоящими в подчинении отдельных министерств. Губернатору было дано право проверки/рассмотрения выборных документов, земских смет, постановлений. Серьезными ограничителями власти губернатора являлись недельный срок внесения протеста и право земского собрания обжаловать его [2, с. 191-192].

По Положению 1864 г., вынесение постановлений о нарушениях и предание суду членов земских управ зависело от решения губернского земского собрания (ст.116). Удаление от должности членов земских управ было возможно только по решению Сената (ст.117). Не подлежали судебному разбирательству важнейшие стороны земской деятельности, прежде всего налогообложения, подтверждая самостоятельность земства в пределах их компетенции.

В Уфимской губернии земства были введены законом 2 мая 1874 г. «О применении Положения о земских учреждениях к Уфимской губернии». Земские исполнительные органы, отчасти копируя административные органы, заимствовали их негативные стороны, что особенно сильно проявилось в первое «земское» десятилетие. Важнее то, что в новых условиях гласности и реформированного суда многое выходило на поверхность. Например, стало известно, что председатель Бирской земской управы Ф.Е. Шестаков, совмещающий пост с должностью мирового судьи, торговал вином на основании фальшивых документов и без патента в д. Толбазы в 1882 г. В опубликованных материалах уездных земских собраний часто помещались устные претензии гласных по поводу служебных нарушений в управах. Так, в 1876 г. в стерлитамакском земстве острый конфликт возник между группой гласных и управой первого состава. Председатель П.В. Эннатский и члены В.А. Карпов, Н.В. Орлов и Ф.Е. Попов обвинялись в единоличных решениях, ограждении от налогов обладателей ценза, удельных и казенных земель. Шестеро гласных собрания составили обращение в губернское собрание, направили жалобы губернатору и в Сенат [3, с. 138].

Редкий случай обращения в Министерство внутренних дел сельского гласного произошел в Стерлитамакском уезде в 1888 г. Крестьянин Ф. Любишев писал о злоупотреблениях и «вредном вообще отправлении деятельности» уездной управы. Член управы А. Кутлуюлов, секретарь, надворный советник П. Сухачев, вольнонаемные писцы Белюнов и Щербаков обвинялись в вымогательстве взяток с сельского населения по самым разным поводам: за выдачу прогонных ямщикам, документов об исправлении дорог, решения об открытии базаров, аренду земских станций и злоупотреблениях при выдаче продовольственных ссуд [4, с. 448-495]. Видимо инициатива Любишева исходила из группового конфликта интересов, сам правдоискатель затем отказался сотрудничать с судом, опасаясь осложнений. В результате по постановлению губернского собрания 1890 г. дело о противозаконных действиях членов управы было передано в суд.

Наиболее частой формой выявленных правонарушений были «неправильные» выборы и финансовые преступления. Например, губернаторы нередко составляли протесты по поводу избрания гласными лиц, не включенных в списки избирателей, состоящих под судом, избранных по незаконным доверенностям и другим, более мелким нарушениям [5, с. 8-11; 6, с.12; 7, с. 3-7]. Примеры по Уфимской губернии свидетельствуют о широком применении земствами возможности защиты прав гласных вне зависимости от распоря-

жений администрации. Поверка прав отдельных гласных и решение их «судьбы» большинством голосов являлись одним из механизмов закрепления земских избранников в собраниях, даже при грубых нарушениях закона.

В ряду крупных финансовых преступлений оказалось фактическое присвоение председателем златоустовской управы А.Г. Бунаковым земель башкир Мурзаларской волости. В 1877 г. он оформил в собственность 50 тыс. дес. вотчинной земли башкир путем фиктивной покупки их за неуплату земских сборов. Показательной в связи с этим была позиция губернского земского собрания, от решения которого зависел вопрос о передаче дела в суд. Земское собрание 1879 г. не нашло «достаточных оснований для применения к поступку Бунакова ст. 116 [Положения 1864 г.]» [8, с. 53-58]. Несмотря на расследование Оренбургского генерал-губернатора и требование Уфимского губернатора пересмотреть решение собрания, губернская управа, а вслед за ней и собрание всячески уклонялись от дальнейшего рассмотрения дела Бунакова. Это показало, что многие земские гласные были причастны к незаконным земельным сделкам. После включения в расследование губернской администрации дело контролировал Сенат, и председателя земской управы посадили в тюрьму.

На уровне местной администрации устранение беспорядков в земских управах было практически недостижимой задачей. В 1885 г. губернатор П.А. Полторацкий внес в губернское собрание вопрос о привлечении к ответственности председателя и членов уфимской уездной земской управы, которые обвинялись в покровительстве «дорожного бизнеса». Отставной унтер офицер Риванец посредством фиктивных лиц монополизировал заключение подрядов с сельскими обществами. Дороги не ремонтировались или «исправлялись настолько дурно, что с весны до зимы находились в не проездном состоянии». Все попытки уездного по крестьянским делам присутствия и уездной полиции не давали результата. Однако и такой вопиющий случай закончился ничем, даже после указания Сената о необходимости обоснования ответа губернатору [9, с. 359-364, 453-586].

Немаловажным моментом в щекотливых ситуациях было стремление земских иерархов сохранить неприкосновенность и репутацию земского самоуправления. Безусловно, были и случаи пресечения нарушений. Губернское собрание 1880 г. постановило предать суду состав стерлитамакской управы из-за нарушений при постройке больницы. В 1884 г. собрание после замечания уездного исправника привлекло к ответственности бывших членов Белебеевской управы Канзафарова и Напалкова за выдачу ложных квитанций об исправлении дорог [6, с. 208, 219].

Авторы земской реформы, безусловно, всерьез рассчитывали на самоконтроль местного самоуправления, предусмотрев для этого создание специальных учреждений - ревизионных комиссий. В их составе должно было быть как минимум три члена из гласных, определялся десятидневный срок работы с возможностью продлить ревизию и после сессии собрания. На основании выводов ревизионной комиссии формировалось положительное либо отрицательное решение собрания о работе земской управы. Наличие контролирующего органа способствовало повышению качества работы управ. Ревизионные комиссии были особо востребованы в период отсутствия разветвленного исполнительного аппарата управ из специалистов. В начале XX в. по примеру других губерний в уфимских земствах для проверки смет начали создаваться отдельные ревизионные комиссии.

Главным минусом общественного контроля являлся надзорный, а не специальный характер. Отсутствие у гласных необходимых знаний в ревизуемых отраслях и нехватка времени оборачивались поверхностными результатами ревизий, что подчеркивали и сами земцы.

После издания Положения 12 июня 1890 г. на председателей и выборных членов земских управ распространялись условия государственной службы. Они подлежали дисциплинарной ответственности по постановлениям земских собраний или распоряжениям губернатора. Проверку деятельности земских учреждений осуществляло вновь учрежденное Губернское по земским делам присутствие. Кроме того, губернатор получил право ревизии земских учреждений.

Уравнение положения земского руководства со служащими государственного административного аппарата стало главным стимулом для соблюдения законности их деятельности. Хотя правительственные чиновники по-прежнему сталкивались с проблемой корпоративной замкнутости земского института. На нежелание земских и городских органов привлекать к ответственности свои управы обращало внимание Министерство внутренних дел в 1903 г., объясняя это «партийностью взглядов и затруднительностью уловить ответственность коллегиальных учреждений».

Среди нарушений рассматриваемого периода укажем на решение Бирского собрания 1912 г. о возбуждении дела против члена управы И.П. Иванова, присвоившего часть суммы от продажи лошадей крестьянам по льготной ссуде [10, с. 66-70]. В 1911 г. решением губернского по земским делам присутствия было открыто уголовное дело на бывших председателей земской управы Н.П. Товарищева, Н.В. Катанского и ее членов В.В. Колесникова, В.П. Юрьева. Они обвинялись в пропаже 980 руб., поступивших для рассылки по земской почте учителям министерских школ. Возможно, дело было вызвано трениями земства с администрацией, поскольку Казанская судебная палата вынесла решение о прекращении уголовного преследования и отмены подписки о невыезде.

Точечно использовались возможности ревизии губернатором земских учреждений по Положению 12 июня 1890 г., поскольку они требовали квалифицированных специалистов и значительных временных затрат. Но даже как исключительная мера они могли не достигнуть цели.

В Уфимской губернии под ревизию попало мензелинское земство. Ее предыстория была связана с конфликтом между двумя группами гласных - либеральной и правой [11, с. 19-31]. В 1910 г. губернатор А.С. Ключарев устроил проверку работы Мензелинской земской управы за трехлетие 1906-1909 гг. Формально выбор Мензелинского земства объяснялся традиционной финансовой задолженностью уезда, в действительности этот шаг был направлен против оппозиционного состава управы. Несмотря на выявление секретарем Уфимского губернского по земским и городским делам присутствия Ареопагитским нарушений счетоводства и финансовой отчетности, растрат сумм из кассы сельскохозяйственного склада, администрация не решилась на открытый конфликт с земством и ограничилась общими замечаниями [12, с. 1110].

Изучение правонарушений в земских учреждениях показало, что проблема имела реальную значимость как для земских собраний, так и для местной и центральной администрации. В земствах по Положению 1 января 1864 г. случаи злоупотребления служебным положением и превышения полномочий управами и собраниями были нередким явлением. Основной причиной являлась низкая правовая культура местного чиновничества, ряды которого пополнили земские учреждения. Определенными факторами, сдерживающими правонарушения, были гласность, публичная отчетность и демократические принципы местного самоуправления. Можно констатировать положительное влияние новой редакции земского закона 12 июня 1890 г. на укрепление правовой культуры выборных земских служащих. Немаловажным фактором было также поступательное развитие профессионализма представителей местного, в том числе и земского, аппарата управления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ярцев А.А. Правоприменительная практика сената как верховного административного суда. 1864-1890 гг. (по материалам споров губернаторов с земскими органами самоуправления) // Правоведение. - 2013. - № 5 (310).
2. Жукова Л.А. Административный контроль и земское самоуправление. 1864-1881 // Земское самоуправление в России. 1864- 1918. - М., 2005. - Кн.1.
3. Сборник постановлений первого очередного Уфимского губернского земского собрания с 16 января по 6 февраля 1876 года. - Уфа, 1876.
4. Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания с приложениями. XVI очередное 1890 г. - Уфа, 1891.
5. Сборник постановлений первого Уфимского губернского земского собрания 1875 г. - Уфа: печатня Н Блохина, 1875.
6. Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие. 1875-1909. - Уфа, 1915. - Т.1.
7. Вестник Уфимского земства. - Уфа, 1883. - Вып. 3.
8. Вестник Уфимского земства. - Уфа, 1880. - Вып. 1.
9. Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания с приложениями. XII очередное собрание 1886 и XI чрезвычайное 1887 года. - Уфа, 1887.
10. Бирское уездное земское собрание. XX чрезвычайная сессия 10 декабря 1912 и XXI чрезвычайная сессия 8 февраля 1912 г. - Бирск, 1913.
11. Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания 35 очередной сессии 1909 г. - Уфа, 1910.
12. Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания 36 очередной сессии с 10 по 23 октября 1910 года и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями. - Уфа, 1911.

REFERENCES

1. Yartsev A.A. Pravoprimenitel'naya praktika senata kak verkhovnogo administrativnogo suda.1864 – 1890 gg. (po materialam sporov gubernatorov s zemskimi organami samoupravleniya) [Law enforcement practice of the Senate as the Supreme administrative court. 1864 – 1890s (on materials of governors of disputes with local governments]. Pravovedenie [Law/Jurisprudence]. 2013. № 5 (310). (in Russian).
2. Zhukova L.A. Administrativnyy kontrol' i zemskoe samoupravlenie. 1864-1881. [Administrative control and zemstvo self-government]. Zemskoe samoupravlenie v Rossii. [Zemstvo self-government in Russia]. 1864-1918. M., 2005. Kn.1. (in Russian).
3. Sbornik postanovleniy pervogo ocherednogo Ufimskogo gubernskogo zemskogo sobraniya s 16 yanvarya po 6 fevralya 1876 goda. [The collection of decrees of the first another of the Ufa provincial Zemstvo Assembly, 16 January-6 February 1876]. Ufa, 1876. (in Russian).
4. Sbornik postanovleniy Ufimskogo gubernskogo zemskogo sobraniya s prilozheniyami. XVI ocherednoe 1890 g. [The collection of decrees of the Ufa provincial Zemstvo assemblies with applications. XVIth 1890]. Ufa, 1891. (in Russian).
5. Sbornik postanovleniy pervogo Ufimskogo gubernskogo zemskogo sobraniya 1875 g. [The collection of decrees of the first of the Ufa provincial Zemstvo assemblies 1875]. Ufa: pechatnya N Blokhina, 1875. (in Russian).
6. Sistematicheskiy svodnyy sbornik postanovleniy Ufimskogo gubernskogo zemskogo sobraniya za 35–letie. 1875–1909. [Systematic consolidated collection of decrees of the Ufa provincial Zemstvo assemblies for 35 years. 1875-1909.Vol.1]. Ufa, 1915. T.1. (in Russian).
7. Vestnik Ufimskogo zemstva. [Bulletin of the Ufa Zemstvos]. Ufa, 1883. Vyp.3.
8. Vestnik Ufimskogo zemstva. [Bulletin of the Ufa Zemstvos]. Ufa, 1880. Vyp. 1.
9. Sbornik postanovleniy Ufimskogo gubernskogo zemskogo sobraniya s prilozheniyami. XII ocherednoe sobranie 1886 i XI chrezvychaynoe 1887 goda. [The collection of decrees of the Ufa provincial Zemstvo assemblies with applications. XII regular meeting of the XI extraordinary 1886 and 1887]. Ufa, 1887. (in Russian).
10. Birskoe uezdnoe zemskoe sobranie. XX chrezvychaynaya sessiya 10 dekabrya 1912 i XXI chrezvychaynaya sessiya 8 fevralya 1912 g. [Birskiy County Zemstvo Assembly. The XXth extraordinary session of December 10, 1912 and XXI extraordinary session on 8 February 1912]. Birsk, 1913. (in Russian).

11. Sbornik postanovleniy Menzelinskogo uezdnogo zemskogo sobraniya 35 ocherednoy sessii 1909 g. [A collection of decrees Menzelinsk County Zemstvo Assembly of the 35 regular session of 1909]. Ufa, 1910. (in Russian).
12. Sbornik postanovleniy Menzelinskogo uezdnogo zemskogo sobraniya 36 ocherednoy sessii s 10 po 23 oktyabrya 1910 goda i doklady. [A collection of decrees Menzelinsky uyezd Zemstvo assemblies 36 regular session from 10 to 23 October 1910, and the reports of the Menzelinsk County Zemstvo]. Ufa, 1911. (in Russian).

Информация об авторе:

Азаматова Гульназ Булатовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Отдел истории и истории культуры Башкортостана, Институт истории, языка и литературы, Уфимский научный центр РАН,
г. Уфа, Россия
gulnaz.azamatova@yandex.ru

Получена: 30.05.2017

Для цитирования: Азаматова Г.Б. Проблема правонарушений в земских учреждениях: на материалах Уфимской губернии (последняя четверть xix - начало xx в.). Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 1. с.33-38.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-33-38.

Information about the author:

Gulnaz B. Azamatova, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Department of History and Culture of Bashkortostan, Institute of History, Language and Literature of the Russian Academy of Sciences,
Ufa, Russia
gulnaz.azamatova@yandex.ru

Received: 30.05.2017

For citation: Azamatova G. B. Problem of crime in local government institutions: on materials of Ufa province (last quarter of xix - beginning of xx centuries). Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 1. Pp. 33-38.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-33-38. (in Russian)

УДК 94(57) (092) Колчак А.В. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-39-44

ВТОРУШИН Михаил Иванович
Государственный технический университет
г. Омск, Россия
vtorushin-m2013@yandex.ru

Mikhail I. VTORUSHIN
State Technical University
Omsk, Russia
vtorushin-m2013@yandex.ru

К ВОПРОСУ О «БОНАПАРТИЗМЕ» ДИКТАТУРЫ АДМИРАЛА А.В. КОЛЧАКА

Представлена проблема истории системы «бонапартизма» Белого движения в годы Гражданской войны на востоке России. Цель исследования - выявить сущностные элементы феномена «бонапартизма» военной диктатуры адмирала А.В. Колчака в Сибири, определить его специфику и причины неэффективности политики «бонапартизма» Белого движения на востоке России.
Известно, что Гражданская война в России обусловила установление режима диктатуры в противоборствующих лагерях. На востоке России диктатура Белого движения из-за узости и неустойчивости социальной базы изначально имела военный характер. Этот фактор вынудил лидера Белого движения адмирала А.В. Колчака лавировать, используя систему «бонапартизма», между антисоветскими политическими силами и социальными группами Сибири, чтобы удержать власть и одержать победу в войне. Белый «бонапартизм» адмирала А.В. Колчака принципиально отличался от модели «бонапартизма» П.А. Столыпина, который делал ставку на коренные социально-экономические реформы. Социальные условия Сибири в конечном итоге обусловили неэффективность политики «бонапартизма» и, как итог, общий кризис белой государственности и поражение Белого движения. Стоит признать, что общенациональные кризисы, катаклизмы революции и гражданские войны объективно обусловливают фактор политики «бонапартизма», призванной обеспечить устойчивость политической системы при наличии узкой социальной базы. Итоги исследования могут быть использованы при чтении курса истории России, создании обобщающих работ по истории Сибири, спецкурсов по истории революции 1917 г. и Гражданской войны.

Ключевые слова: «аграрный бонапартизм», Белая армия, Белое движение, «бонапартизм», военная диктатура, гражданская война, «колчаковский бонапартизм», «Омский блок», «русский бонапартизм», Сибирский регион

ON THE QUESTION OF BONAPARTISM BY THE DICTATORSHIP OF ADMIRAL A.V. KOLCHAK

The paper raises the history problem of the White movement Bonapartism policy during the Civil war in Eastern Russia. The study aims at capturing the essence of the Bonapartism phenomenon of Admiral Kolchak's military dictatorship in Siberia, determining the phenomenon social context, and finding out reasons for the inefficiency of the White movement Bonapartism policy in Eastern Russia. It is found that the Civil war in Russia led to the dictatorship in the opposing forces. In the Eastern part of the country the White movement dictatorship was originally military in character due to the narrowness and instability of the support base. This factor forced Admiral Kolchak to maneuver, using Bonapartism methods, between various anti-Soviet political forces and social groups of Siberia, in order to retain power and win the war. The system of "White Bonapartism" had fundamental differences from the P.A. Stolypin model. Historical and social conditions of Siberia caused general inefficiency of the Bonapartism policy, crisis of the White statehood and defeat of the White movement. The results of the study can be used when lecturing on the history of Russia, writing generalized works on history of Siberia, teaching special courses on the history of the Russian revolution and the Civil war. It must be admitted that national crises, revolution and civil war cataclysms lead to the Bonapartism policy phenomenon, intended to ensure the political system stability under the narrow support base environment.

Keywords: agrarian Bonapartism, White army, White movement, Bonapartism, Civil war, Military dictatorship, Kolchak Bonapartism, Omsk block, Russian Bonapartism, Siberian region

Вопрос о сущности белого режима власти на востоке России в годы Гражданской войны является предметом научных дискуссий и требует серьезного изучения в свете столетия русской революции и Гражданской войны в стране. Развернувшееся политическое противоборство между сторонниками Советской власти и адептами Февральской революции в 1918 г. приняло открытые военные формы. В этих политических условиях стал неизбежным переход к системе диктатуры, чтобы мобилизовать материальные и людские ресурсы на подконтрольной территории для достижения полной победы. В Советской России такой формой стала диктатура пролетариата, а на территории антисовет-

ских режимов власти - военные авторитарные диктатуры. Отличие противоборствующих в войне диктатур, имевшее принципиальный характер, состояло в размере социальной базы. Режим диктатуры пролетариата в силу исторических условий имел несравненно более широкую базу, чем антисоветский лагерь. По этой причине военные диктаторы Белого движения унитаристов России для расширения социальной базы были вынуждены лавировать, вызвав к жизни явление «бонапартизма». В этом плане научный интерес вызывает система «бонапартизма» белого режима власти на востоке страны, где в ноябре 1918 г. была установлена диктатура адмирала А.В. Колчака.

После государственного переворота 18 ноября 1918 г. в Омске и роспуска эсеровской Директории у власти оказались лица, идейно близкие к партии кадетов, отстаивавшие либеральный вариант развития России. Правительство адмирала А.В. Колчака, выбирая модель реформирования экономических и социальных отношений в Сибири и в перспективе на всей территории бывшей Российской империи, прежде всего, использовало философию и опыт реформ П.А. Столыпина, который стремился в свое время создать модель государства либерального консерватизма в России [1]. Эта модель, по мнению лидеров Белого движения, как нельзя лучше подходила к той программе, которая была провозглашена в Декларации Верховного правителя России сразу после государственного переворота 18 ноября. Правящие круги белого режима власти для реализации этой программы использовали систему «русского бонапартизма» [2]. Расставляя акценты, Верховный правитель России и Совет министров Всероссийского правительства пошли, как это предлагал П.А. Столыпин, по формуле «успокоение, порядок и реформы» [3].

Стоит отметить, что сам реформатор утверждал, что параллельно с мероприятиями «успокоения» власти сами должны инициировать как социальные, так и иные реформы: «Это было бы большой ошибкой - там, где правительство победило революцию (Пруссия, Австрия), оно успевало не исключительно физическою силой, а тем, что, опираясь на силу, само становилось во главе реформ. Обращать все творчество правительства на полицейские мероприятия - признак бессилия правящей власти» [3, с. 44]. Мысль П.А. Столыпина по ряду объективных и субъективных причин вожди Белого движения востока России игнорировали, делая ставку исключительно на меры подавления недовольства.

Вопрос сущности режима «бонапартизма» адмирала А.В. Колчака, который косвенно является свидетельством неустойчивости белого режима на востоке страны, вызывает неоднозначные оценки среди исследователей, так как сложно определить как внутреннюю, так и внешнюю стороны данного социально-политического явления в истории антисоветского движения. По мнению А.Н. Медушевского, «современная политическая наука использует понятие "переходный период", интерпретируя политические режимы разных стран как синтез традиции и инновации, новых форм и прежнего содержания, стремление к поиску оптимального сочетания социальных структур, правовых норм и политических функций в условиях модернизации. В этой перспективе мы считаем целесообразным разграничение таких понятий, как реальный, номинальный и мнимый конституционализм. Последний представляет собой известное сочетание двух чистых его типов - реального (свойственного стабильным демократиям) и номинального (являющегося откровенной демагогией, свойственной тоталитарным режимам) и дает формулу авторитарного режима, в котором конституционализм и политическая демократия допускаются лишь в той мере, в какой это не мешает исполнительной власти осуществлять модернизацию страны» [4, с. 118].

Исходя из этого вывода, стоит признать, что специфика режима «бонапартизма» адмирала А.В. Колчака состояла во многом в мнимом конституционализме, тем более что к концу 1918 г. на востоке России в глазах общественности институты представительной демократии были основательно дискредитированы. Поэтому «колчаковский бонапартизм» стал отрицанием каких-либо партийных коалиций и «режима ассамблеи», что согласуется с выводом А.Н. Медушевского об изначальном антипарламентаризме любой системы режима «бонапартизма» [4, с. 123].

Изучая понятие и сущность феномена «колчаковского бонапартизма», Г.З. Иоффе обратил основное внимание на противоречия в системе организации власти белого ре-

жима востока России, которая вынуждала Верховного правителя России лавировать между «правыми» и «левыми» группировками министров правительства, которое он получил по наследству от Директории, а также между статусными прерогативами Верховного правителя и властными полномочиями его Совета министров, «с одной стороны, он сам являлся источником власти "верховного правителя" и разделял с ним эту власть, так как участвовал в рассмотрении и обсуждении законов, а с другой - при концентрации всей власти в руках "правителя" фактически превращался в орган, не "ответственный за внутреннюю и внешнюю политику"» [2, с. 179]. Это обстоятельство в своих мемуарах признал управляющий делами Всероссийского правительства Г.К. Гинс, отмечавший, объясняя компетенции властных структур «бонапартистского» режима власти Белого движения на востоке России, что статус института Совета министров в системе верховной власти имел неопределенность, «практика пошла путем зигзагов, которые в результате исказили сущность ноябрьской конституции» [5, с. 209].

По мнению Г.З. Иоффе, данная неопределенность предопределена была тем обстоятельством, что единоличная власть адмирала А.В. Колчака, с одной стороны, вынуждена была опираться на реставраторские силы, например на верхушку Сибирского казачества и представителей старой бюрократии, а с другой - на либерально-консервативный лагерь, который был заинтересован в сохранении завоеваний февральской революции эпохи цензового Временного правительства [2, с. 177-179], так как, по признанию Г.К. Гинса, «одним отрицательным лозунгом - "долой большевиков" - объединить всю Россию было невозможно» [5, с. 237].

Как считает В.В. Журавлев, понятие и сущность «колчаковского бонапартизма» Белого движения на востоке России заключались в лавировании между принципами «беспартийности» и «коалиционности», «политические силы, подготовившие и совершившие колчаковский переворот, не проявили необходимой последовательности в реализации ими же провозглашенных принципов организации государственной власти. С одной стороны, отвергнув политическое партнерство с социалистами, правые лишились их поддержки и приобрели опытных в конспиративных делах противников. С другой стороны, постоянно гоняясь за призраком «коалиционности», они лишили себя возможности создать монолитную власть, объединенную общим пониманием целей и методов действия, ничего не получая взамен. Боясь «пойти по пути реакции», они неизбежно скатывались на «гибельный путь партийности» [6, с. 41].

В оценке сущности «колчаковского бонапартизма» А.А. Штырбул обращает основное внимание на классово-политическую опору белого режима власти на востоке России: «У А.В. Колчака была возможность опираться, в зависимости от необходимости, на два переменных социально-политических большинства: помещичье-буржуазное (в политическом плане черносотенно-кадетское) и буржуазно-мелкобуржуазное (кадетско-социал-либеральное). В первом случае возникла устойчивая возможность проводить реакционную политику; во втором - сглаживать ее отдельными либеральными и демократическими мерами, необходимыми для привлечения широких средних слоев города и деревни. При этом кадеты являлись переменной политической величиной, что давало им и А.В. Колчаку как Верховному правителю особые дополнительные возможности для гибкой политики в интересах имущих слоев Сибири» [7, с. 383]. Также А.А. Штырбул обращает внимание и на лавирование Верховного правителя в отношениях с казачьими атаманами, которые полностью контролировали территории Оренбуржья, степей Урала, Сибири, Семиречья, Забайкалья и Дальнего Востока [7, с. 385-386].

По нашему мнению, классический «русский бонапартизм», тот, который сложился после революции 1905 г., предполагает наличие как внутренней, так и внешней стороны своего существования. В эпоху Третьеиюньской монархии «русский бонапартизм» свою внешнюю или публичную сторону наиболее ярко проявил в работе III Государственной думы. Как известно, П.А. Столыпин в стенах Государственной думы лавировал между правоконсервативным флангом законодательной ассамблеи Российской империи, который был в основном представлен монархистами, и либеральной кадетской оппозицией,

опираясь в центре в качестве переменной величины на фракцию октябристов [8, с. 91-121].

Внутренней, или латентной, стороной «русского бонапартизма» была политика лавирования между интересами класса помещиков, которые возглавляли консервативный лагерь, и промышленной буржуазией страны, требовавшей от царского правительства расширения своего участия в управлении империей, с опорой на финансовую олигархию и имперскую бюрократию [9, с. 551-552]. Кроме того, П.А. Столыпин в рамках общей концепции «бонапартизма» пытался осуществлять политику «аграрного бонапартизма», то есть лавировать между уходящим с политической арены и теряющим экономический вес поместным дворянством и набиравшими вес «чумазыми лендлордами», или «сильными мужиками» [10].

«Бонапартизм» адмирала А.В. Колчака как вариант продолжения «столыпинского бонапартизма» имел существенное видоизменение. Во-первых, не имела полного развития внешняя сторона данного социально-политического феномена - белые власти Сибири сознательно на период Гражданской войны отказались от созыва представительного органа какой-либо формы, то есть ни Национального собрания, ни Земского собора. В рамках этого решения они распустили Сибирскую областную думу. Это было обусловлено тем, что Верховный правитель и лидеры кадетов Сибири, учитывая демократические традиции населения края и опыт революции 1917 г., а также итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание, не рассчитывали получить на выборах в представительный орган необходимое большинство, чтобы создать внутри парламента два требуемых большинства на флангах форума и «партию центра» для создания устойчивой парламентской системы, как основы, или политического поля для социального лавирования. После победоносного завершения Гражданской войны деятели белого режима власти востока России, учитывая непопулярность кадетов и либеральной программы реформ в широких слоях населения, предполагали отсечь основную массу трудящихся от участия в какой-либо политической деятельности. В связи с этим планом в правительственных сферах негласно обсуждался вопрос о восстановлении избирательного закона 1907 г. При этом предполагалось лавировать между жителями крупных городов, получавших право прямых выборов, и остальным населением страны, для которого предполагалась двухстепенная система выборов [2, с. 173].

Во-вторых, внутренняя сторона «колчаковского бонапартизма» также не получила логичного продолжения, так как в белом антисоветском лагере были глубокие социальные противоречия среди его составных частей, например, между сибирской и российской буржуазией, бывшими помещиками и областным крестьянством, кадровым, или консервативным, и эсерствующим офицерством Белой армии, сибирской и великорусской бюрократией, российскими либералами и правыми социалистами, которые входили в «Омский блок» сторонников адмирала А.В. Колчака [11, с. 324] и т.д., что не давало Верховному правителю четко определиться со своей основной социальной опорой как переменной политической величиной.

Эти факторы свидетельствуют о неустойчивости всей конструкции власти Верховного правителя России и, как итог, о латентном кризисе всего Белого движения на востоке страны. При этом стоит учитывать влияние на общую политику «колчаковского бонапартизма» сибирской специфики, например при проведении аграрной политики, то есть наличие острых противоречий по земельному вопросу между историческими категориями крестьян Сибири, а также всем крестьянством и краевым казачеством [12, с. 133]. Кроме того, влияло на политику «бонапартизма» адмирала А.В. Колчака наличие леводемократических и областнических настроений в среде местной интеллигенции.

В поисках объединяющего начала Верховный правитель России и областные кадеты основную ставку сделали на лозунг «национальной диктатуры» и идеологию национализма [13, с. 23]. Тезис о «национальной диктатуре» был определен чеканной формулой - «Единая и неделимая Россия» является «государством демократическим, правовым и национальным». Однако удержаться в рамках традиционных постулатов идеологии национализма лидерам Белого движения не удалось, поэтому национализм колчаковско-

го режима власти приобрел характер открытого «русского шовинизма», что оттолкнуло от Всероссийского правительства адмирала А.В. Колчака нерусские народы Казахстана, Поволжья, Сибири, Урала [14]. Шовинистический лозунг белых унитаристов, который стал духовной основой проповеди идеологии русского фашизма на востоке страны, озвучил генерал А.Ф. Матковский: «Пора всем русским вспомнить, что они дети Великой Руси, которая не может не быть Великим государством. Мы Русские, и этим должны гордиться».

Таким образом, антисоветское движение в годы Гражданской войны на востоке России, после его трансформации в движение унитаристов белого дела закономерно приобрело форму авторитарной военной диктатуры. Идейной основой военной диктатуры Белого движения стала концепция либерального развития России в ее консервативной парадигме. Это породило феномен «колчаковского бонапартизма», так как антисоветский лагерь представлял собой конгломерат политических сил и общественных групп различной социально-политической ориентации, имевших в борьбе с Советской властью прямо противоположные задачи в диапазоне от реставраторских до правосоциалистических целей. В данных условиях единственно возможной политикой было социальное и политическое лавирование. Но расклад на востоке России социальных и политических сил в антисоветском лагере видоизменил модель «столыпинского бонапартизма». Поэтому политика «колчаковского бонапартизма» не получила законченного оформления, приобретя неустойчивое состояние. По этой причине она вступила в конфликт с интересами основной массы населения Сибири, что обусловило поражение Белого движения в Сибири.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Щербина А.В. Имперское сознание и либеральное движение в России в начале XX века // Либеральный консерватизм: история и современность. - М.: РОССПЭН, 2001. - С. 225-233.
2. Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. - М.: Мысль, 1983. - 294 с.
3. Корелин А.П. Политическая программа П.А. Столыпина: либерально-консервативный синтез // Либеральный консерватизм: история и современность. - М.: РОССПЭН, 2001. - С. 43-54.
4. Медушевский А.Н. Русский бонапартизм как предмет сравнительного изучения // Труды института российской истории. - М.: РАН, 2005. - Вып. 5. - С. 118-181.
5. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак: поворотный момент русской истории. 1918-1920. - М.: Айрис-пресс, 2008. - 672 с.
6. Журавлев В.В. К вопросу о характере политического режима на востоке России в период правления А.В. Колчака // Гражданская война в Сибири. Сб. докладов и статей научной конференции. - Красноярск: КрасГУ, 1999. - С. 34-41.
7. Штырбул А.А. Политическая культура Сибири: опыт провинциальной многопартийности (конец XIX - первая четв. XX в.). - Омск: Наука, 2008. - 612 с.
8. Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907-1911 гг. - Л.: Наука, 1978. - 246 с.
9. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. - М.: РГГУ, 2008. - 710 с.
10. Дроздов И. Новая сила в деревне // Современный мир. - 1913. - № 5. - С. 173-185.
11. Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917-1920 гг. - Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. - 428 с.
12. Расторгуев С.В. Аграрная политика колчаковского правительства: Дис. ... кан. ист. наук. - М., 1996. - 195 с.
13. Цветков В. Белогвардейская альтернатива // Родина. - 2004. - № 4. - С. 22-25.
14. Аманжолова Д. Национальный вопрос в годы Гражданской войны в России // рия. - 2003. - № 19. - С. 1-19.

REFERENCES

1. Shcherbina A.V. Imperskoe soznanie i liberal'noe dvizhenie v Rossiy v nachale XX veka. [Imperial consciousness and liberal movement in Russia in the early twentieth century]. Liberal'niy konservatizm: istoriya i sovremennost'. [Liberal conservatism: history and modernity]. Moskow. ROSSPEN. 2001. Pp. 225-233. (in Russian)

2. Ioffe G.Z. Kolchakovskaya avantyura i ee krah. [Kolchak's adventure and its collapse]. Moskov. Mysl'. 1983. P. 294. (in Russian)
3. Korelin A.P. Politicheskaya programma P.A. Stolypina: liberal'no-konservativniy sintez. [Political program of P.A. Stolypin: the liberal-conservative synthesis]. Liberal'niy konservatizm: istoriya i sovremennost' [Liberal conservatism: history and modernity]. Moskow. ROSSPEN. 2001. Pp. 43-54. (in Russian)
4. Medushevskiy A.N. Russkiy bonapartizm kak predmet sravnitel'nogo izucheniya. [Russian Bonapartism as a subject of comparative study]. Moskow. RAN. 2005. V. 5. Pp. 118-181. (in Russian)
5. Gins G.K. Sibir', soyuzniky i Kolchak: povorotniy moment russkoy istorii. 1918-1920. [Siberia, the allies and Kolchak: the turning point of Russian history. 1918-1920]. Moskow. Airis-press. 2008. P. 672. (in Russian)
6. Zhuravlev V.V. K voprosu o haraktere politicheskogo rezhima na vostoke Rossii v period pravleniya A.V. Kolchaka. [To the question about the nature of the political regime in the East of Russia during the reign of Kolchak]. Grazhdanskaya voina v Sibiry. Sb. dokladov i statey nauchnoy konferenziy. [Civil war in Siberia. A collection of reports and articles of scientific conference]. Krasnoyarsk. State university. 1999. Pp. 34-41. (in Russian)
7. Shtyrbul A.A. Politicheskaya kul'tura Sibiry: opyt provinzial'noy mnogopartiynosty (konez XIX - pervaya chetvert' XX v.). [The political culture of Siberia: the experience of provincial multiparty system (end of XIX - first thursdays XX century). Omsk. Nauka. 2008. P. 612. (in Russian)
8. Dyakin V.S. Samoderzhavie, burzhuaziya i dvoryanstvo v 1907-1911 gg. [Autocracy, the bourgeoisie and the nobility in 1907-1911]. Leningrad. Nauka. 1978. P. 246. (in Russian)
9. Eroshkin N.P. Istoriya gosudarstvennyh uchrezhdeniy dorevoluzionnoy Rossiy. [The history of state institutions of pre-revolutionary Russia]. Moskow. Russian State University for the Humanities. 2008. P. 710. (in Russian)
10. Drozdov I. Novaya sila v derevne. [A new force in the village]. Sovremenniy mir. [The modern world]. 1913. No. 5. Pp. 173-185. (in Russian)
11. Shilovskiy M.V. Politicheskie prozessy v Sibiry v period sozial'nyh kataklizmov 1917-1920 gg. [Political processes in Siberia in the period of social cataclysms 1917-1920]. Novosibirsk. Sibirskiy hronograf. 2003. P. 428. (in Russian)
12. Rastorguev S.V. Agrarnaya politika kolchakovskogo pravitel'stva: diss. … kan. ist. nauk . [Agrarian policy of the Kolchak government: dissertation of candidate of historical Sciences]. Moskow. 1996. P. 195. (in Russian)
13. Zvetkov V. Belogvardeyskaya al'ternativa. [The white guards alternative]. Rodina. 2004. No. 4. Pp. 22-25. (in Russian)
14. Amanzhalova D. Nazional'niy vopros v gody Grazhdanskoy voyny v Rossii. [The national question in the years of the Civil war in Russia]. Istoriya. 2003. No. 19. Pp. 1-19. (in Russian)

Информация об авторе:

Вторушин Михаил Иванович, кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра «Государственное, муниципальное управление и таможенное дело», Государственный технический университет,
г. Омск, Россия
vtorushin-m2013@yandex.ru

Получена: 27.06.2017

Для цитирования: Вторушин М. И. К вопросу о «бонапартизме» диктатуры адмирала А.В. Колчака. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 1. с.39-44.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-39-44.

Information about the author:

Mikhail I. Vtorushin, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Public, Municipal Administration and Custom's Management Department, State Technical University,
Omsk, Russia
vtorushin-m2013@yandex.ru

Received: 27.06.2017

For citation: Vtorushin M.I. On the question of bonapartism by the dictatorship of admiral A.V. Kolchak. Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 1. Pp. 39-44.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-39-44. (in Russian)

УДК: 35.071.1 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-45-49

ГЛАШЕВА Зулейха Жамботовна
Институт гуманитарных исследований - филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук
Нальчик, Россия
zu-20.80@list.ru

Zuleikha Zh. GLASHEVA
Institute for Humanitarian Studies Kabardino-Balkarian Science Center of the Russian Academy of Sciences
Nalchik, Russia
zu-20.80@list.ru

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРИОД НАМЕСТНИЧЕСТВА А.И. БАРЯТИНСКОГО (1856-1862 гг.)

ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL TRANSFORMATIONS ON THE NORTH CAUCASUS IN GOVERNORSHIP OF A.I. BARYATINSKY (1856-1862)

В статье анализируются интеграционные процессы, происходившие среди горского население в 1856-1862 гг. Автор обращает внимание на особенности административно-территориальных изменений и их влияние на общественный быт горских народов. С начала 1850-х годов А.И. Барятинский уже не просто военачальник, исполнитель приказов, а опытный военный администратор, нередко выдвигавший конкретные и продуманные предложения. Во время Крымской войны активных действий против горцев не проводилось, применялась оборонительная тактика для удержания закрепленных территорий. Став наместником, А.И. Барятинский решил перейти к наступательным действиям, имея в виду планомерное продвижение вглубь территории, находившейся под контролем Шамиля. Кроме реорганизации военного управления, князя занимал вопрос и о методах покорения кавказских земель. Он считал, что нельзя действовать только силовыми методами, необходимо сочетать их с мирными. Цель А.И. Барятинского заключалась в построении колониального управления на окраинах империи. С полным правом его можно назвать одним из основателей военно-народной системы на Кавказе. Он рассматривал эту систему как искомый образец для новых потенциальных владений Российской империи, как залог спокойного и выгодного для российского государства обладания приобретенными территориями. Им преследовалась цель интеграции Кавказа в состав Российской империи и стремление унификации социально-экономического строя горцев с общероссийским.

Ключевые слова: Российская империя, Кубанская область, Терская область, Дагестанская область, наместничество, пристовство, округ

The article analyzes the integration processes that took place among the mountain population in 1856-1862. The author draws attention to the peculiarities of administrative and territorial changes and how they influenced the social life of the mountain peoples. Since the early 1850's. A.I. Bariatinsky has become, he is already playing the role of not just a military commander, an executor of orders, but acting as an experienced military administrator, who often put forward specific and well-thought-out proposals. During the Crimean War, there was no active action against the mountaineers, and defensive tactics were used to retain the assigned territories. Becoming the governor of A.I. Baryatinsky decided to proceed to offensive actions, meaning a systematic advance into the territory that was under the control of Shamil. In addition to the reorganization of the military administration, the prince also occupied the question of methods of conquering the Caucasian lands. He believed that one can not act only by force, it is necessary to combine them with peaceful ones. The purpose of A.I. Baryatinsky was to build a colonial administration in the outskirts of the empire. He can rightly be called one of the founders of the military-popular system in the Caucasus. He viewed this system as a sought-after model for new potential possessions of the Russian Empire, as a pledge of a quiet and profitable possession of the territories acquired by the Russian state. They pursued the goal of integrating the Caucasus into the Russian Empire and the desire to unify the socio-economic system of the highlanders with all-Russian ones.

Keywords: Russian empire, Kuban region, Terek region, Dagestan region, governorship, fame, district

Наместником Кавказа указом императора от 22 июля 1856 г. назначается опытный военачальник, генерал-фельдмаршал, кн. А.И. Барятинский. С его именем связан период в становлении системы управления краем (1856-1862 гг.). А.И. Барятинский занимался преобразованиями в связи с замирением края на завершающем этапе Кавказской войны. С его именем связаны реформы по созданию новой системы управления краем. В своей реформаторской деятельности новый наместник опирался на опыт предшественников, хотя внес в систему управления много нового. В период наместничества кн. А.И. Барятинского произошло усиление военного и гражданского административного аппарата. В 1856 г. Отдельный Кавказский корпус был преобразован в Кавказскую армию. Административная деятельность кн. А.И. Барятинского началась с учреждения 4 апреля 1857 г. Временного отделения при Главном управлении наместника. Задачей отделения стала

разработка проектов реформирования управления краем. А.И. Барятинский добивается значительного расширения аппарата управления краем.

С 1 января 1859 г. стало действовать «Положение о Главном управлении и Совете наместника Кавказского». Указом императора Александра II от 10 февраля 1859 г. предусматривалось, что Положение и штат Главного управления и Совета наместника вводятся в виде опыта на два года [6, с. 98-99], в соответствии с которым учреждается Главное управление, состоявшее из пяти департаментов: общих дел, судебных дел, финансовых дел, государственных имуществ и контрольных дел. Начальник Главного управления выполнял обязанности помощника наместника Кавказа и руководил всеми делами в крае.

Совет наместника превращался в совещательный орган, занимавшийся вопросами реформирования края по заданию самого наместника и при его участии, вел финансовые сметы и по отношению к Кавказскому краю выполнял функции Совета министров. Начальник Гражданского управления получил право непосредственного сношения с министрами [2, д.1662, л.5 об]. Наместник Кавказа вместе с Советом и начальником Главного управления, наделенный правами имперского министра, по полномочиям не имел себе равных среди должностных лиц Российской империи [2, д.1662, л.6 об].

При А.И. Барятинском вводится новая система административно-территориального деления наместничества. Области, в которых проходили военные действия, были разделены на пять военных отделов; учреждены округа, подразделяемые на приставства, участки и наибства [2, д.511, л.10]. Начальникам этих отделов предоставлялись широкие полномочия. Горские племена по-прежнему контролировались приставами, подчиненными начальникам отделов Кавказской линии [2, д.511, л.9].

После завершения Кавказской войны, окончательно утвердившись на Северном Кавказе, Российская империя занялась его обустройством. Для горских народов было официально установлено военно-народное управление. Суть его заключалась в сосредоточении всей полноты власти на местах в руках военных начальников и привлечении к управлению представителей местных народов.

В 1856 г. кн. А.И. Барятинский поставил вопрос о внесении изменений в приставскую систему управления, обосновывая это наличием целого ряда существенных причин. Признавалось, что основная задача системы приставства заключалась не столько в «водворении гражданственности» и решении «культурных задач», как это требовали новые условия, сколько в удержании горцев в повиновении. Все это не соответствовало тем задачам в крае, решение которых с соблюдением особой осторожности предстояло новой администрации [1, с. 664]. В 1857 г. приставства упраздняются.

В сентябре 1858 г. в Кавказской администрации и управлении краем произошли изменения. Указом А.И. Барятинского прежняя структура Кавказской линии была упразднена. Это было связано с тем, что к этому периоду народы центральной части Северного Кавказа уже были включены в состав Российской империи. Военные действия продолжались на Северо-Западном Кавказе против адыгских народов и на востоке против Шамиля. Война шла к концу, и было уже очевидно, что она закончится в пользу Российской империи, поэтому Кавказская администрация была озабочена необходимостью приступить к «органическому единению горских народов с Россией» [3, с. 124].

Левое крыло Кавказской армии для удобства местного управления вместо девяти приставств и двух особых управлений горцами делилось на четыре округа: Кабардинский, Военно-Осетинский, Чеченский и Кумыкский [1, с. 646-647; 7, д.347, л.8-22]. На правом крыле Кавказской Армии вместо шести приставств было образовано четыре: Нижне-Прикубанское, Закубанских ногайцев, Тахтамышевское и Карачаевское [1, с. 645].

Пространство к северу от главного Кавказского хребта, включавшее Терскую и Кубанскую области, а также Ставропольскую губернию, с 15 февраля 1860 г. стало называться Северным Кавказом. Кубанская и Терская области были образованы 20 февраля 1860 г. Терская область делилась на шесть горских округов: Кабардинский, Военно-Осетинский, Чеченский, Аргунский, Ичкерийский и два наибства (Ауховское и Салатовское), временно причисленные к Кумыкскому округу [8, с. 197-198].

В Кубанской области административно-территориальные изменения произошли 14 июля 1861 г. Верхне-Кубанский округ и приставства: Бжедуховское, Тахтамишевское и Нижне-Прикубанское упразднены.

Приставство Карачаевское переименовано в Верхне-Кубанское с присоединением к нему всех аулов бывшего Тахтамышевского приставства. Приставство Закубанских Ногайцев переименовано в Нижне-Кубанское. Образовано особое Лабинское приставство из горских племен, живущих между реками Лабою и Белою. Вместо упраздненного Бжедуховского приставства образован особый округ Бжедуховский, в состав коего вошло все Бжедуховское племя [7, д.379, л.200-200 об; 4, с. 18].

29 марта 1859 г. для устройства военного управления в Прикаспийском крае передовые его линии и прилегающие к ним земли были разделены на три отдела: Северный Дагестана, состоявший из Салаватии, Сулакской линии и всего лежавшего за нею пространства до Каспийского моря; Средний Дагестан - из передовой линии от Агач-Кале до Цудахарских ворот, Даргинского округа, Мехтулинского ханства с частью Шамхальства и Сюргинского общества; Южный Дагестан, заключавший в себе Казыкумухское и Кюринское владения и Самурский округ. Таким образом, в состав Дагестанской области вошла бывшая Дербентская, которая была учреждена из Кубинского и Дербентского уездов Каспийской области, округов Самурского и Даргинского, владений Кюринского и Казыкумухского и прочих земель, лежащих к югу от Аварского Койсу [4, с. 28].

Образование Дагестанской области и Закатальского округа было юридически закреплено 5 апреля 1860 г. [1, с. 434-440]. Область подразделялась на четыре военных отдела (Северный, Средний, Верхний и Южный) и заключала шесть округов: Даргинский, Кайтаго-Табасаранский, Казикумухский, Гунибский, Самурский и Бежетский. В нее также вошли четыре ханства: шамхальства Тарковское, Мехтулинское, Кюринское и наибство Присулакское.

В составе военных отделов были образованы округа во главе с начальниками из царских офицеров. Ханства и владения также были включены вместе с округами в состав военных отделов. В Северный Дагестан вошли: Даргинский округ, Мехтулинское ханство, шамхальство Тарковское, Присулакское наибство. В Южный Дагестан были включены: Самурский и Кайтаго-Табасаранский округа и Кюринское ханство. Средний Дагестан состоял из Гунибского, Казикумухского округов и Аварского ханства. В состав Верхнего Дагестана вошли все остальные аварские селения. Округа в свою очередь делились на более мелкие административные единицы - наибства [5, с. 279].

После упразднения Дербентской губернии в Дербенте было введено городское управление. В Среднем Дагестане были восстановлены Аварское ханство и союзы вольных обществ. Верхний Дагестан составили союзы обществ. Вслед за положением об учреждении Дагестанской области и Закатальского округа вводилось областное управление в Порт-Петровске. Циркуляр о создании наибства Присулакского вышел 1 июля 1860 г., тогда же возникло управление начальника Самурского округа. Годом позже из Терской области в Дагестан передается Андийский округ. Вместо начальника Дагестанской области вводится должность военного губернатора. «Положение» от 5 апреля 1860 г. не решило до конца вопрос о создании однотипной системы административного деления в Дагестане [5, с. 279].

Однако система административно-территориального деления, введенная при кн. А.И. Барятинском, отличалась многими погрешностями, нестыковками, отсутствием понимания истинного положения дел на местах и учета интересов горцев. Например, в Военно-Осетинский округ вошли не только осетины, но и кабардинцы, чеченцы, назрановцы, ингуши, карабулаки. В составе Аргунского и Ичкерийского округов оказались лезгинские общества, ничего общего не имевшие с чеченцами. Все это показывает противоречивость политических действий кавказской администрации, внешне проявлявшей интерес к учету особенностей каждой народности [8, с. 198]. А.И. Барятинский и не задавался целью учитывать целый комплекс историко-географических, политико-социальных и этнического факторов, стремясь лишь упорядочить структуру военно-народного управ-

ления на время - до окончания войны. Реформы, проводимые наместником, были признаны неудачными и неблагоприятно сказались на всей внутриполитической ситуации.

Важным итогом наместничества кн. А.И. Барятинского стало введение надолго утвердившегося на Кавказе «военно-народного» управления горцами. Такая система оценивалась в свое время как «результат политических и экономических условий, в которых находился Кавказский край в течение продолжительной борьбы с горскими племенами» [8, с. 166]. Необходимость применения совершенно новых институтов управления в горских обществах стала очевидной еще в ходе Кавказской войны. В горской среде не представлялось возможным использование чисто российской системы управления. В самой Российской империи весь административно-судебный строй в государстве был построен на крепостном праве, совершенно чуждом горскому населению. Прививать же этому населению несвойственные ему понятия и условия жизни являлось опасным в политическом отношении [8, с. 167]. Поэтому кавказской администрации пришлось сохранить, хотя бы на время, традиционные институты управления и судопроизводства, основанные на религии, обычаях и традициях.

29 мая 1862 г. было произведено новое административно-территориальное деление Терской области, в составе которой выделялись три военных отдела (Западный, Средний и Восточный) и два отдельных управления: а) военного начальника округа Минеральных вод и б) Владикавказское городовое управление [7, д.418, л.4 об], - разделенных на восемь округов, а округа - на 12 участков и 15 наибств. В основу нового деления был положен принцип географического положения и однородности этнического состава населения. Каждый начальник отдела наделялся широкими полномочиями. Западный отдел состоял из округов: Кабардинского, включавшего в себя Большую и Малую Кабарду и Пять горских обществ (Балкарское, Безенгийское, Хуламское, Чегемское и Уруспиевское); Осетинского, состоявшего из осетинских племен; Ингушского, состоявшего из (Назрановского, Карабулакского, Кистинского, Цоринского, Акинского и Галгаевского обществ) [7, д.418, л.47 об]. Средний отдел состоял из чеченцев Большой и Малой Чечни, а также надтеречных и качкалыковских, включал Аргунский округ (Шатоевское, Чантинское, Чаберлоевское, Шароевское общества) и Ичкерийский, состоявший только из населения Ичкерии. Восточный - из Кумыкского с населением Кумыкской плоскости; Нагорный округ (Салатавское, Ауховское, Зиндакское общества) [7, д.493, л.85; д.418, л.48]. Средний отдел и Нагорный округ Восточного отдела были населены чеченцами. Ингушевский округ состоял из обществ: Назрановское, Карабулакское, Кистинское, Цоринское, Акинское и Галгаевское [4, с. 24-25]. Управление округами носило полувоенный характер.

В Терской области реализовывался план дробления горских округов в целях облегчения выполнения управленческих задач и «умиротворения» местного населения с опорой на военную власть. Каждый из военачальников выполнял одновременно функции начальника центрального округа или отдела.

Говорить о какой-либо последовательности российской политики в крае можно лишь в свете стратегических задач по сохранению региона в составе Российской империи. Во всем остальном это была сплошная чересполосица директив, циркуляров и практических действий, часто противоречивших друг другу. Столкновение интересов гражданского и военного ведомств, регионалистов и централистов [9], сторонников жестких мер и их оппонентов продолжалось вплоть до начала XX в. Для интеграции Кавказа в состав Российской империи необходимо было добиться унификации его социально-экономического строя с общероссийским.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Акты кавказской археографической комиссии. Т. XII. - Тифлис, 1904.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф.730. Оп.1.
3. Думанов Х.М., Думанова-Крымшокалова Ф.Х. Права и судебные органы адыгов // Исторический вестник КБНИИ. - Вып. I. - Нальчик, 2006.

4. Зверинский В.В. Указатель изменений в распределении административных единиц и границ империи с 1860 по 1887 г. - СПб., 1887.
5. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. - 1917 г.). Т. II. - М.: Наука, 1988.
6. ПСЗРИ. Собр. II. 1859. Т. XXXIV. Отд. 1-е. №34148. - СПб., 1861.
7. Российский государственный военно-исторический архив. Ф.38. Оп.7.
8. Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. - Тифлис, 1907. - Т. I.
9. Северный Кавказ в составе Кавказской области и Кавказского наместничества // [Электронный ресурс] - http://mybiblioteka.su/9-22080.html (дата обращения: 10.07.17).

REFERENCES

1. Acts of the Caucasian Archaeographic Commission. T. XII. Tiflis. 1904.
2. State Archives of the Russian Federation. F.730. Op.1.
3. Dumanov Kh.M., Dumanova-Krymshokalova F.Kh. Rights and judicial bodies of the Adygs. Historical bulletin of the KBIRI. Issue. I. Nalchik, 2006.
4. Zverinsky V.V. Index of changes in the distribution of administrative units and the boundaries of the empire from 1860 to 1887, St. Petersburg., 1887.
5. History of the peoples of the North Caucasus (end of XVIII century - 1917). T. II. M., "Science", 1988.
6. PIT. Coll. II. 1859. T. XXXIV. Otd. 1 st. No. 34148. St. Petersburg, 1861.
7. Russian State Military Historical Archive. Ф.38. Op.7.
8. Esadze S.S. Historical note on the management of the Caucasus. Tiflis, 1907. T. I.
9. North Caucasus in the Caucasus region and the Caucasus vicegerency. Available at: http://mybiblioteka.su/9-22080.html (accessed: 10.06.17.)

Информация об авторе:

Глашева Зулейха Жамботовна, кандидат исторических наук, Институт гуманитарных исследований - филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук,
г. Нальчик, Россия
zu-20.80@list.ru

Получена: 10.06.2017

Для цитирования: Глашева З.Ж. Административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе в период наместничества А.И. Барятинского (1856-1862 гг.). Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 1. с.45-49.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-45-49.

Information about the author:

Zuleikha Zh. Glasheva, Candidate of Historical Sciences, Institute for Humanitarian Studies, Kabardino-Balkarian Science Center of the Russian Academy of Sciences,
Nalchik, Russia
zu-20.80@list.ru

Received: 10.06.2017

For citation: Glasheva Z. Zh. Administrative-territorial transformations on the North Caucasus in governorship of A.I. Baryatinsky (1856-1862). Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 1. Pp. 45-49.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-45-49. (in Russian)

УДК 930 (234.85+571.1/5): 359 (430) DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-50-55

ПОПОВ Артем Андреевич
Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета
г. Ишим, Россия
popovaptem15@mail.ru

СИНЕГУБОВ Станислав Николаевич
Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета
г. Ишим, Россия
globus_75@inbox.ru

Artem A. POPOV
P.P. Ershov Ishim Pedagogical Institute (branch) of Tyumen State University
Ishim, Russia
popovaptem15@mail.ru

Stanislav N. SINEGUBOV
P.P. Ershov Ishim Pedagogical Institute (branch) of Tyumen State University
Ishim, Russia
globus_75@inbox.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ВОПРОСОВ ВОЕННО-МОРСКОЙ ПОЛИТИКИ КАЙЗЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В 1918-1920-е гг.

INVESTIGATION OF ISSUES OF MILITARY-MARITIME POLICY OF KAISEROV GERMANY IN THE CONTEXT OF DEVELOPMENT OF SOVIET HISTORICAL SCIENCE IN 1918-1920-S.

В работе в краткой форме рассматриваются основные моменты изучения проблематики военно-морской политики кайзеровской Германии на фоне становления новой академической науки в Советском Союзе. Особое внимание уделяется преобразованиям в историческом знании. Подчеркивается роль методологии в развитии и организации научной работы, и создании учебной инфраструктуры. Однако отмечается, что в первые послереволюционные (1918-1920-е) годы методология марксизма-ленинизма хоть и была направляющим фактором в научном познании, но была вынуждена мириться с соседством старых дореволюционных методов. Это приводило к определенному плюрализму мнений в русле одной формальной методики научной работы. Данные обстоятельства позволили по-новому взглянуть на картину военно-морской политики германской империи перед Первой мировой войной. Более того, в данных условиях происходило пополнение источниковой базы исследования. В нее включались архивный материал, а также переводная и мемуарная литература. В результате анализа указанных источников отечественные ученые в 1918-1920-е годы смогли представить свой оригинальный взгляд на флотскую проблему в начале XX в. При этом основное внимание авторов было приковано к рассмотрению двух направлений военно-морских устремлений кайзеровского рейха - колониальному и развитию германо-английского флотского антагонизма.

The paper briefly examines the main points of studying the problems of the naval policy of Kaiser Germany against the backdrop of the emergence of a new academic science in the Soviet Union. Particular attention is paid to transformations in historical knowledge. The role of methodology in the development and organization of scientific work, and the creation of educational infrastructure are emphasized. However, it is noted that in the first post-revolutionary years (1918-1920), the methodology of Marxism-Leninism, although it was a guiding factor in scientific knowledge, was forced to put up with the neighborhood of old pre-revolutionary methods. This led to a certain pluralism of opinions in the vein of one formal method of scientific work. These circumstances made it possible to take a fresh look at the picture of the naval policy of the German Empire before the First World War. Moreover, under these conditions, the source base of the research was replenished. It included archival material, as well as translated and memoir literature. As a result of the analysis of these sources, Russian scientists in the years 1918-1920. Could present their original view of the naval problem in the early twentieth century. At the same time, the main attention of the authors was focused on the consideration of the two directions of the naval aspirations of the Kaiser's Reich - the colonial and the development of German-English naval antagonism.

Ключевые слова: кайзеровская Германия, военно-морская политика II-го рейха, советская историография, германо-английское морское соперничество

Keywords: Kaiser Germany, naval policy of Second Reich, Soviet historiography, German-British naval rivalry

Проблематика изучения военно-морской политики кайзеровской Германии как одной из составляющих Первой мировой войны на протяжении многих лет остается одной из самых разрабатываемых тем на просторах отечественной и зарубежной исторической науки. Впрочем, особенно тернистым путь ее изучения был именно в нашей стране. Начало систематического исследования вопроса военно-морских устремлений II-го рейха

совпало с грандиозными переменами на просторах монархии Романовых, которые затронули все стороны жизни общества, в том числе и изыскательскую деятельность [3].

Отсюда анализ указанной проблемы невозможен в отрыве от рассмотрения становления академической науки в 1918-1920-е годы.

1917 г. стал во многом определяющим для России. Республика, сменившая монархию, не только запустила новую систему общественно-политических отношений, но и серьезным образом повлияла на научно-исследовательскую сферу [3, с. 6-7]. Пришедшая к власти партия большевиков, вместе со своим энергичным лидером В.И. Лениным, начинает проводить активную политику внедрения «марксистских принципов» в предметные дисциплины. В данных обстоятельствах преобразования коснулись и исторического знания. Однако концепция самой исторической науки в 1918-1920-е годы еще только утверждалась и находилась на стадии формирования, что в указанный период придавало ей неповторимое своеобразие [4].

Естественно новые веяния не могли одномоментно вытеснить десятилетиями отточенные методы научной работы в ученой среде. Отсюда в методологии отечественной исторической науки в 1918-1920-е годы складывалась парадоксальная ситуация. С одной стороны, в советской стране довольно быстрыми темпами происходит переориентирование на материалистическое понимание исторического процесса, унифицированное с марксистской исторической теорией. С другой стороны, этот процесс довольно мирно сосуществовал с дореволюционными буржуазными методиками научной работы. Некоторыми современными исследователями, например Г.Р. Наумовой, А.Е. Шикло и И.П. Дементьевым, отчасти это объяснялось сложной политической и экономической ситуацией в послереволюционной России, что затрудняло полную «советизацию» научной отрасли [3; 8].

Впрочем, нельзя не согласиться со словами В.А. Дунаевского, что в сложившихся условиях того времени надлежало использовать и старые научные кадры. Именно их неоспоримый практический, а также методический опыт был необходим для возвышения советской исторической школы за рубежом. Данный подход в глазах иностранной публики обеспечивал ее преемственность с царской [4, с. 16].

Вместе с тем такой методологический плюрализм не мог обеспечить планомерного развития научного знания в 1918-1920-е годы. Исходя из этого, правительство очертило круг задач, необходимых для решения указанного вопроса. Во-первых, возникала необходимость создания новых исследовательских центров, всецело принимающих марксистскую теорию. Во-вторых, требовалась специальная учебная площадка для подготовки будущих кадров [4, с. 17].

Понятно, что формат статьи не позволяет более подробно представить всю полноту структуры советской науки. Тем не менее необходимо отметить ряд принципиальных моментов.

Потребность в пропаганде марксистско-ленинских принципов привела к организации единого научного центра, базировавшегося в Москве. В 1918-1920-х годах им стала Социалистическая (позже Коммунистическая) академия наук, которая совмещала в себе как учебно-методические, так и научно-исследовательские функции. Более того, на ее базе постепенно стали формироваться профессиональные объединения ученых, в том числе и историков. Наиболее заметным из них стало Общество историков-марксистов, которое оформилось к 1925 г. Впрочем, деятельность общества, равно как и самой Академии, шла по многим научным направлениям и не могла в полной мере затрагивать вопросы новой и новейшей истории [4, с. 19].

Параллельно с ними, но с большим вниманием к историческим проблемам на протяжении 1920-х годов и в разных формах функционировала Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). Именно она вместе со своими структурными компонентами стала одним из первых центров изучения вопросов отечественной и зарубежной истории. При этом последней уделялось довольно пристальное внимание [4, с. 20].

Одной из приоритетных тем по истории зарубежья стала Первая мировая война. Особенно в ее контексте получила свое рассмотрение проблематика военно-морской политики кайзеровской Германии. Это объяснялось, прежде всего, стремлением оправдать и превознести антивоенную деятельность большевиков в глазах общественности, а также доказать хищнические устремления великих держав перед военным конфликтом 1914-1918 гг. и тем самым еще раз апробировать положения, высказанные Марксом-Лениным.

Естественно, появление вышеуказанных специальных учреждений не могло не способствовать быстрому становлению научной деятельности. В связи с этим для планомерной работы по указанной теме в Советской России в 1918-1920-х годах была организована широкая сеть мероприятий. Они весьма способствовали расширению и укреплению источниковой базы исследования, которую пополнили источники нескольких групп.

Прежде всего, это были отечественные архивные материалы (в основном дипломатического характера), а также мемуарная и переводная литература. Более того, на основе анализа полученных данных советские авторы начинали предпринимать самостоятельные попытки обобщения знаний по флотским вопросам. Продуктом их научных штудий стали монографические труды, которые затрагивали проблему военно-морской политики кайзеровской империи.

Для дальнейшего рассмотрения необходимо уделить внимание ключевым моментам каждой из групп. Несомненно, вершиной исследовательской деятельности послереволюционной России стало активное введение в исторический оборот на регулярной основе малоизученного архивного материала, который мог пролить свет на многие тонкости военно-морских устремлений германского рейха в начале XX в. Ведущую роль в этом деле сыграл один из авторитетнейших журналов того времени - «Красный архив».

На его страницах нашли свое отражение различные документальные свидетельства, но в основном это были российские материалы дипломатического характера (доклады, служебные записки, отчеты) [10]. В то же время отечественным ученым был затруднен доступ к зарубежным хранилищам документов, что не позволило публиковать иностранные материалы на полях журнала. Вместе с тем документы, представленные в «Красном архиве», позволяли советским историкам сделать вывод о довольно серьезных империалистических разногласиях между Германией и Великобританией по флотским вопросам, неразрешенность которых ставила мир на грань военного столкновения [10, с. 27].

При этом на основании изученных данных отечественными учеными уже в 1918-1920-е годы начинает прорабатываться один из важных сюжетов предвоенной европейской дипломатии - возможность русско-германского военно-политического союза против англичан [10, с. 24]. Однако из-за недостатка архивных источников данный вопрос в исторической литературе того времени был подчинен более обширной проблематике и не выделялся в самостоятельное направление.

Одновременно с этим, период 1918-1920-х годов отличался не только планомерным вводом в исторический оборот архивных документов, но и публикацией переводной зарубежной мемуарной литературы, в которой понимались вопросы морской тематики. Среди них были воспоминания Т. Бетман-Гольвега, А. Тирпица и кайзера Вильгельма II. Впрочем, дать исчерпывающего раскрытия положений военно-морской проблематики по понятным причинам данные источники не могли. За неимением возможности работать с зарубежными архивными материалами напрямую, исследователям 1918-1920-х годов такие свидетельства были интересны, прежде всего, с точки зрения внимания к взглядам ведущих деятелей Германской империи на флотскую политику.

Так, М.П. Павлович в комментариях к «дневникам» Вильгельма II указывал, что военно-морская политика германского государства в начале XX в. была логичным продолжением империалистической колониальной политики империи [2, с. 4-5]. К похожим выводам пришел и В.А. Гурко-Кряжин. В предисловии к воспоминаниям Т. Бетман-Гольвега он писал, что развитие немецкого флота - это необходимое условие для нормального функционирования государственной машины II-го рейха. При этом В.А. Гурко-Кряжин

отмечал, что политика рейхсканцлера Т. Бетман-Гольвега была несомненно захватнической, но его стратегия во флотском вопросе заключалась в том, чтобы давать англичанам малые уступки в надежде на то, что такая мера поможет ослабить накал военно-морского противостояния двух империй [1, с. 8].

Такая политика канцлера вызвала шквал критики со стороны главы военно-морского ведомства адмирала А. Тирпица. Об этом свидетельствуют его воспоминания [14]. По словам флотоводца, ослабление темпов строительства военных кораблей не имело особой выгоды ввиду того, что политика британского правительства в первое десятилетие XX в. уже была направлена на политическое и экономическое уничтожение рейха, а не на ослабление Германии как государства [13, с. 44].

Благодаря планомерной научной работе, проведенной отечественными специалистами в 1918-1920-е годы, источниковая база проблематики военно-морской политики кайзеровской Германии значительно окрепла. Это позволило советским историкам перейти к созданию собственных монографических трудов, затрагивающих флотские вопросы. Однако, как уже отмечалось выше, авторы во многом были лишены возможности привлекать к своим штудиям иностранный материал, что в конечном итоге сказывалось на качестве научных работ. Они носили преимущественно публицистический характер. Более того, в отличие от официальных архивных и мемуарных публикаций, которые строго были выдержаны в духе марксизма-ленинизма, авторские книги, напротив, такого диктата в 1918-1920-е годы отчасти избежали. Сказывался методологический плюрализм советской академической науки.

Одними из первых послереволюционных ученых, вышедших на германскую морскую тему, были Н.И. Кареев, А.М. Зайончковский, М.Н. Покровский, а также Е.В. Тарле. Все вышеуказанные исследователи уделили внимание военно-морской политике кайзеровского государства. При этом их оценки главных составляющих данного явления несколько различались.

Так, Н.И. Кареев подчеркивал, что увеличение темпов флотского строительства немцами было сопряжено с растущими колониальными потребностями и изначально не было направлено на ущемление «заморских» интересов британской короны [6, с. 88]. Отчасти аналогичное мнение разделял и М.Н. Покровский. Будучи марксистом, историк прибавлял, что впоследствии рост могущества кайзеровских ВМС серьезно беспокоил официальный Лондон, провоцируя гонку морских вооружений [9, с. 21].

В ином ключе шли рассуждения А.М. Зайончковского [5] и Е.В. Тарле [11]. Свое профессиональное внимание авторы сосредоточили не на колониальных вопросах, а преимущественно на военно-морском соперничестве Германской и Британской империй. В опубликованных в 1920-е годы работах авторы отмечали, что германо-английский антагонизм был спровоцирован усилением экономических возможностей II-го рейха, которые требовали зашиты в любом месте земного шара [12]. Естественно, такие непомерные амбиции молодого государства натыкались на интересы Великобритании, что вызывало ответные меры и приводило к нагнетанию напряженности в Европе.

Подытоживая вышесказанное, нужно подчеркнуть, что послереволюционное состояние советской исторической науки 1918-1920-х годов в определенном роде допускало небольшие разночтения в трактовке исторических событий. Но все-таки добрососедства не получилось. С началом 1930-х годов марксистско-ленинская теория в советской науке трансформируется в официальную направляющую методологию.

Таким образом, давая оценку исследованиям советских ученых по вопросам военно-морской политики кайзеровской Германии в контексте развития академической исторической науки в постреволюционной России в 1918-1920-е годы, необходимо отметить, что Октябрьская революция 1917 г. привела к серьезным методологическим изменениям в отечественном историческом знании. Это отразилось на появлении специальных учебных заведений, а также проведении большого объема научно-исследовательских мероприятий. Вследствие этого произошло расширение источниковой базы темы. Ее пополнили материалы отечественных архивов, прежде всего дипломатических, а также мемуарная и переводная литература.

На первых порах марксизм-ленинизм и его методологические принципы довольно успешно сосуществовали со «старыми» установками, что приводило к появлению различных взглядов на некоторые аспекты морской политики II-го рейха в начале XX в. Различия в основном заключались во взглядах ученых на цели флота и его влияния на международные отношения.

Впрочем, несмотря на разночтения, изыскания, раскрывающие тему военно-морской политики кайзеровской Германии, формально были выдержаны в духе марксистско-ленинской теории. Однако на приведенном выше примере анализа деятельности отечественных исследователей в 1918-1920-е годы данное явление еще не приобрело широкий размах, который будет характерен для последующих годов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бетман-Гольвег Т. Мысли о войне. - М., 1925.
2. Вильгельм II Гогенцоллерн. События и люди. 1878-1918. - М.-Пг., 1923.
3. Дементьев И.П. Историография истории Нового и Новейшего времени стран Европы и Америки. - М., 2000.
4. Дунаевский В.А. Становление и развитие советской историографии нового и новейшего времени стран Европы и Америки // Историография истории Нового и Новейшего времени стран Европы и Америки. - М., 2000.
5. Зайончковский А.М. Первая мировая война. - Л., 1926.
6. Кареев Н.И. Новейшее время от 1859 до 1914 гг. - Пг., 1923.
7. Ленин В.И. Война и российская социал-демократия // Социал-демократ. - 1914. - № 33. - С. 3-5.
8. Наумова Г.Р. Историография истории России. - М., 2007.
9. Покровский М.Н. Внешняя политика России в XX в. - М., 1926.
10. Русско-германские отношения / Пред. М.Н. Покровского // Красный архив. - 1922. - №1 (1).
11. Тарле Е.В. Европа в эпоху империализма 1871-1919. - М., 1928.
12. Тарле Е.В. Императоры Вильгельм II и Николай II в 1904-1907. - Пг., 1917.
13. Тирпиц А. Из воспоминаний. - М.-Л., 1925.
14. Tirpitz A. Erinnerungen. - Leipzig, 1919.
15. Wilhelm II. Ereignisse Und Gestalten Aus Den Jahren 1878-1918. - Leipzig, 1922.

REFERENCES

1. Bethmann Hollweg. T. So the thought of war. M., 1925.
2. Wilhelm II Hohenzollern. Events and people. 1878-1918. M.-PG., 1923.
3. Dementyev I.P. Istoriografija istorii Novogo i Novejshego vremeni stran Evropy i Ameriki. [Historiography of modern and contemporary Europe and America.]. M., 2000.
4. Dunayevsky V.A. Stanovlenie i razvitie sovetskoj istoriografii novogo i novejshego vremeni stran Evropy i Ameriki. [The Formation and development of Soviet historiography, modern and contemporary Europe and America]. Istoriografija istorii Novogo i Novejshego vremeni stran Evropy i Ameriki. M., 2000.
5. Zaionchkovskii A.M., Pervaja mirovaja vojna. [The First world war.]. L., 1926.
6. Kareev N.I. Novejshee vremja ot 1859 do 1914 gg., [Latest time, from 1859 until 1914.]. PG. 1923.
7. Lenin V.I. Vojna i rossijskaja social-demokratija. [The War and Russian social-democracy]. Social-demokrat. 1914. No. 33. Pp. 3-5.
8. Naumova G.R. Istoriografija istorii Rossii. [Historiography of history of Russia]. M., 2007.
9. Pokrovsky M.N. Politika Rossii v XX v. [Russia's foreign policy in the twentieth century], M., 1926.
10. Russko-germanskie otnoshenija. Predislovie M.N. Pokrovskogo. [Russian-German relations. Foreword by M.N. Pokrovsky.Red archive]. Krasnyj arhiv. 1922, No. 1 (1).
11. Tarle E.V. Europe in the era of imperialism (Evropa v jepohu imperializma 1871-1919), 1871-1919. M., 1928.
12. Tarle E.V. Emperors Wilhelm II and Nicholas II, 1904-1907. PG. (Imperatory Vil'gel'm II i Nikolaj II v 1904-1907), 1917.
13. Tirpitz A. From the memories (Iz vospominanij). Moscow-Leningrad, 1925.
14. Tirpitz A. Erinnerungen. Leipzig, 1919.
15. Wilhelm II. Ereignisse Und Gestalten Aus Den Jahren 1878-1918. Leipzig, 1922.

Информация об авторах:

Попов Артем Андреевич, соискатель, кафедра истории, социально-экономических и общественных дисциплин, Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета,
г. Ишим, Россия
popovaptem15@mail.ru

Синегубов Станислав Николаевич, доктор исторических наук, профессор, кафедра исто-рии, социально-экономических и обществен-ных дисциплин, Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета,
г. Ишим, Россия
globus_75@inbox.ru

Получена: 21.06.2017

Для цитирования: Попов А.А., Синегубов С.Н. Исследование вопросов военно-морской политики Кайзеровской Германии в контексте развития советской исторической науки в 1918-1920-е гг. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 1. с.50-55.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-50-55

Information about the authors:

Artem A. Popov, Competitor, Department of History, Social-Economic and Humanitarian Sciences, P.P. Ershov Ishim Pedagogical Institute (branch) of Tyumen State University,
Ishim, Russia
popovaptem15@mail.ru

Stanislav N. Sinegubov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of History, Social-Economic and Humanitarian Sciences, P.P. Ershov Ishim Pedagogical Institute (branch) of Tyumen State University,
Ishim, Russia
globus_75@inbox.ru

Received: 21.06.2017

For citation: Popov A.A., Sinegubov S.N. Investigation of issues of military-maritime policy of Kaiserov Germany in the context of development of soviet historical science in 1918-1920-s. Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 1. Pp. 50-55.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-50-55. (in Russian)

УДК 947 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-56-63

РОМАНОВА Анна Валерьевна
Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова
г. Ульяновск, Россия
wwr@bk.ru

Anna V. ROMANOVA
Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov
Ulyanovsk, Russia
wwr@bk.ru

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КОМПЕТЕНЦИИ МВД РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XIX - НАЧАЛЕ XX в. (НА ПРИМЕРЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ)

Статья посвящена эволюции компетенции министерства внутренних дел Российской империи с 1802 по 1917 г., в частности в сфере «полиции безопасности». Одним из важных факторов эффективного функционирования правоохранительного органа является его компетенция, оптимальное соответствие ее состава требованиям времени. Степень его обусловлена уровнем развития общества, государства, правовой культурой законодателя, конкретной исторической ситуацией и др. В Российской империи с начала XIX в. исполнительная (общая) полиция относилась к одному из ведущих исполнительных нов - министерству внутренних дел, в рамках которого протекали зарождение и развитие ее компетенции. В статье реализованы следующие задачи: реконструирован генезис, проанализированы основные этапы развития, исследовано содержание последних - состав предметов ведения и полномочий, определены причины, вызвавшие их эволюцию. Анализ комплекса нормативно-правовых актов, фактов, оценок предшествующих исследователей, осуществленный методами, характерными для исторических и историко-правовых наук, позволил автору сделать следующие выводы. Процесс генезиса компетенции МВД имел длительный и сложный по содержанию характер; эволюция компетенции МВД, в частности исполнительной (общей) полиции прошла ряд этапов, обусловленных широким спектром причин; изменения в рамках их объемов компетенции постоянно носили разнонаправленный характер; параллельно происходит эволюция состава предметов ведения и полномочий, а также конкретизация их содержания, которая в конце XIX в. переходит на качественно новый уровень. В заключение автор констатирует, что постепенно из массы административных и судебных предметов ведения и полномочий Департамента полиции выделяется полицейская компетенция, которая концентрируются в специальных его подразделениях; однако данный процесс остался незавершенным, и компетенция Департамента полиции МВД включала в себя предметы ведения и полномочия, не характерные для органов полиции.

Ключевые слова: полиция, исполнительная (общая) полиция, полиция безопасности, полиция благочиния, министерство внутренних дел, департамент полиции исполнительной, департамент полиции, делопроизводство, отделение. компетенция

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE COMPETENCE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE EARLY XIX AND EARLY XX CENTURIES: ON THE EXAMPLE OF THE EXECUTIVE POLICE

The article deals with competence of the Ministry of Internal Affairs from 1802 to 1917 years in particular in the field of "security police". The article is written on the basis of a wide range of sources: the legislation of the Russian Empire, as well as the analysis of the literature of pre-revolutionary, soviet and modern Russian researchers. The article analyzes the approaches of different authors to the evolution of the Ministry's competence. The urgency of the problem is determined by a number of aspects. One of the important components of the effective functioning of the law enforcement agency is the composition of its competence, its optimal correlation with the requirements of the time, which is determined by the level of development of the state, society and legal culture of the legislator, a specific historical situation. In the Russian Empire since the beginning of the XIX century the police belonged to one of the leading executive bodies - the Ministry of Internal Affairs within the framework of which the formation and development of its competence proceeded. The following tasks have been realized in the article: the genesis has been reconstructed, the main stages of development have been analyzed, the composition of the subjects of reference and powers has been studied, the causes that have caused their evolution have been determined. Based on the analysis, a set of research methods, a set of normative legal acts and assessments of previous researchers, the author came to a number of conclusions: the process of the genesis of the competence of the Ministry of Internal Affairs had a long and complex content, in particular the "security police" has passed a number of stages due to a wide range of objective and subjective reasons, the change in the scope of their competence was multidirectional. Gradually, the subjects of reference and powers of the "security police" are differentiated from the mass of other Police Departments and are concentrated in its special units. However, this process remained incomplete until the end of the analyzed period, and the competence of the "security police" included not the items of reference and powers that are characteristic for it.

Keywords: police, security police, deanery police, Ministry of Internal Affairs, Department of executive police, Police Department, clerical work, competence, subjects of reference, powers

Одним из существенных факторов, обусловливающих эффективное функционирование любого правоохранительного органа, выступает его компетенция, оптимальное ее соответствие требованиям времени. Степень этого определяется уровнем развития общества, формой государства, правовой культурой законодателя, конкретной исторической ситуацией, в частности уровнем преступности.

В Российской империи с начала XIX в. полиция относилась к одному из ведущих исполнительных органов - министерству внутренних дел, в рамках которого и протекало формирование и развитие ее предметов ведения и полномочий.

Целью предлагаемого исследования выступает анализ зарождения и развития компетенции МВД Российской империи в сфере «полиции безопасности». Для ее реализации решаются следующие задачи: реконструируется генезис, анализируются основные этапы развития компетенции, изучаются тенденции развития изменений ее объема и содержания, определяются причины, вызывавшие эволюцию.

Внимание к анализу компетенции МВД в сфере исполнительной полиции впервые проявили дореволюционные ученые: А.Д. Градовский [1], А.И. Елистратов [2]. В советский период исследованием отдельных аспектов проблемы занимались Р.С. Мулукаев [3], Д.И. Шинджикашвилли [4; 5], П.А. Шуйский [6], К.Г. Федоров, А.Н. Ярмыш [7], но в целом количество работ сократилось. В постсоветский период количество исследований, в которых анализируется проблема, значительно увеличилось, расширился круг изучаемых аспектов. Отдельные аспекты ее исследовались в работах А.В. Горожанина [8], Матиенко [9], Реента [10], Ялтаева [11; 12]. Однако предметом специального исследования проблема почти никогда не выступала.

Министерство внутренних дел было образовано на основании ст. I п. 5 Указа императора Александра I от 8 сентября 1802 г. «Манифеста об учреждении министерств», а в содержании ст. IV закрепилась его первоначальная компетенция - «должность министра внутренних дел обязывает его печься о повсеместном благосостоянии народа, спокойствии, тишине и благоустройстве всей Империи» [13]. А.Д. Градовский констатировал: «Под такое чрезвычайно обширное определение можно было, конечно, подвести чрезвычайно много предметов управления..», аргументируя это перечнем из шести позиций компетенции МВД [1, с. 488].

Компетенция министерства изначально включала в себя не только предметы ведения и полномочия правоохранительного органа, но также органа центрального управления и судебного. Многоотраслевой характер его компетенции позволил Р.С. Мулукаеву сделать принципиальный вывод, что оно охватило своим функционированием внутренние дела в широком смысле слова, обеспечивало прочность и незыблемость всего внутреннего устройства Российского государства [3, с. 28].

Мы полностью разделяем точку зрения А.В. Горожанина, что «наделение полиции значительным объемом административно-хозяйственных функций вызывалось слабостью органов местного самоуправления и недоверием к ним со стороны самодержавия» [8, с. 256]. Вследствие этого, а также феодального характера государства, на уездном уровне в одном органе были соединены административные, полицейские и даже часть судебных функций - в нижнем земском суде.

В литературе встречается два подхода к оценке тенденций эволюции первоначальной компетенции МВД. Первый подход А.В. Горожанина: «В течение своего существования оно (МВД. - *Р.А.*) испытывало различные изменения, оставаясь, впрочем, верным первоначальной мысли его учредителя» [8, с. 256]. Второй подход А.Д Градовского: «Этот первоначальный план (1802 г. - *Р.А.*) изменился уже через несколько лет» [1, с. 489]. Оба данных подхода имеют недостатки, так как первоначально какого-либо развернутого плана создания министерской системы не существовало, а формировался он по мере потребностей в ее развитии. В ряде случаев - как продукт политической борьбы, иногда скорректированный складывающейся практикой функционирования органов центрального управления [14, с. 48-49].

25 июля 1810 г. император утвердил проект закона «О разделении государственных дел на особые управления» [15]. По нему из компетенции МВД были выделены компе-

тенция Министерства полиции и Главного управления духовных дел иностранных вероисповеданий. Следовательно, компетенция МВД резко сократилась и «…со всеми этими задачами министерство было отнесено к отделу "государственной экономии"» [1, с. 489].

Еще во «Введении к уложению государственных законов» М.М. Сперанский выделил три группы недостатков проведенной реформы 1802 г., которые затрагивали в различной мере и полицию. Во второй группе, именовавшейся «Некоторая неточность и несоразмерность разделения дел», среди пяти главных направлений в порядке исполнительском (т.е. реализации законов) им выделялся пункт «г» «Устройство внутренней безопасности». В третьей группе «Недостаток точных правил или учреждений, на основе которых должно действовать министерство» М.М. Сперанский предлагал в 5 пункте «создать специальное министерство полиции, которое должно включать в свою структуру: а) полицию учредительную, занимающуюся паспортным режимом, надзором за зрелищными мероприятиями, публичными собраниями и пр., а также выполняющую роль политической полиции; б) полицию исполнительную, которой вместить в обязанность пресекать все нарушения безопасности, устройство внутренней стражи, содержать различные смирительные учреждения…» [16, с. 99-100].

Полиция безопасности сосредоточивалась в особом министерстве полиции, учрежденном на базе Манифеста «Общее учреждение и наказ министерствам» и закона «Общее учреждение министерств» от 25 июня 1811 г. На основании § 1 главы I части I последнего из ведения МВД, в частности, было изъято «Устройство внутренней безопасности», которое отошло к компетенции вновь образуемого министерства полиции [17].

В этот же день было утверждено «Учреждение и наказ министру полиции», которое разрабатывалось параллельно основным актам, завершающим правовое оформление министерской реформы [17]. Составной его частью являлись правила особенной ответственности министра полиции, где определялись возложенные на министерство задачи. Например, в «чрезвычайных обстоятельствах» он мог непосредственно отдавать приказы войскам, минуя военного министра, а также освобождался от ответственности за превышение власти, если действовал «в видах общей безопасности». МВД получило права контролирующего органа в отношении всех других органов центрального ния - надзирать за окончательным исполнением законов по всем министерствам. Мы согласны с точкой зрения исследователей, что этим «полиция обособлялась от административного аппарата, стояла над ним, контролируя его деятельность» [8, с. 240]. В состав министерства полиции вошли три департамента: полиции исполнительной, полиции хозяйственной, полиции медицинской с медицинским советом - и две канцелярии (общая, особенная), а также управление по делам печати [1, с. 489]. С ликвидацией министерства полиции в 1819 г. его компетенция отошла снова к ведению министерства внутренних дел [18].

На протяжении последующего периода прослеживаются две тенденции в развитии объема и состава компетенции МВД. Первая направлена на ее расширение путем механического присоединения новых структур или появления новых функций. В частности, в 1832 г. к министерству присоединилось в виде департамента упраздненное главное управление духовных дел иностранных вероисповеданий ПСЗРИ [19]. Вторая - на сужение объема компетенции, через сокращение предметов ведения. В1826 г. на базе реформированной особенной канцелярии МВД было образовано III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. В результате все эти разнонаправленные изменения, по оценке А.Д. Градовского, «расширили компетенцию министерства» [1, с. 489].

Очередной этап оформления компетенции МВД был осуществлен в Своде Законов Российской Империи редакции 1832 г. в томе первом «Учреждения» части первой «Свода учреждений государственных и губернских» книге четвертой «Свод учреждений министерств» раздела второго «Частное образование министерств» главы второй «Образование МВД» отделения четвертого «Состав и предметы Департамента полиции исполнительной». Содержание ст. 1340 регламентирует данный аспект в отношении первого отделения: «…ведает делами общего губернского устройства», ст. 1341 - второго отделения:

«ведает делами благочиния» - содержащая центральные предметы ведения и полномочия общей полиции, ст. 1342 - третьего отделения: «ведает делами о повинностях» [20, с. 337-340].

С начала 30-х до конца 50-х годов XIX в. прослеживаются дальнейшие изменения в объеме и составе компетенции общей полиции Департамента полиции исполнительной, которые в основном нашли отражение в принятых за период с 1833 по 1857 г. пяти нормативно-правовых актах [21, с.190].

На основании второй редакции (1857 г.) Свода Законов Российской Империи в томе первом «Учреждения» части первой «Свода учреждений государственных и губернских» книге четвертой «Свод учреждений министерств» раздела пятого «Учреждение МВД» главы второй «Состав и предметы Департамента Полиции Исполнительной» ст. 1204 регламентируется компетенция первого отделения: «…вообще что касается до соблюдения порядка в губернском, уездном и городовом управлении», ст.1205 - второго отделения: «переписка по судной уголовной полиции, по исследованию и пресечению неустройств всякого рода, неповиновения законной власти, разбоев, грабежей, воровства, мошенничества, буйства и вообще все дела, относящиеся к тем мерам, которые правительство принимает, когда благочиние уже нарушено и требуется прекращение беспорядка», ст.1206 - третьего отделения: «по исполнению судебных приговоров и вообще законных постановлений и требований... мест и лиц», связанных со сбором земских повинностей (натуральных, безденежных), податей, недоимок, а также казенных, частных взысканий; обнаружению и доставке в лиц в государственные органы, ст.1207 - четвертое отделение: «есть счетное» [21, с. 189-191].

Сравнительный анализ предметов ведения и полномочий второго отделения Департамента полиции исполнительной МВД по Своду Законов Российской империи в редакции 1857 г. с редакцией 1832 г. позволяет констатировать определенные изменения. Во-первых, достаточно объемный перечень предметов ведения был изъят, в частности по распределению цыган в города и селения, дела о раскольниках, дела о евреях в полицейском их устройстве и др. Во-вторых, значительный круг предметов ведения и полномочий был конкретизирован, например о мерах для открытия и истребления разбойнических шаек, фальшивых ассигнациях, монетах … и документах, вообще по отправлению и препровождению ссыльных и др.

В-третьих, появляется шесть новых предметов ведения, например: об учреждении опеки по особым случаям, означенным в Общем Учреждении Губернском или по казенным взысканиям, о высылке подозреваемых иностранцев; не обращении к публике вредных книг; жалобах обывателей на военных чинов; необходимости учреждения исправительных арестантских рот гражданского ведомства и о денежном их содержании, по распределению неспособных к службе и в общие работы. Таким образом, с одной стороны, наблюдается процесс дифференциации компетенции полиции от других исполнительных и надзорных органов, с другой - попытка разделения полномочий и предметов ведения полиции исполнительной и политической.

На протяжении последующего периода (1861-1917 гг.) прослеживаются разнонаправленные изменения в полицейской компетенции МВД. Первая направлена на ее расширения по известным направлениям, посредством присоединения других государственных институтов или их подразделений или оформления новых направлений деятельности. Это было обусловлено многочисленными, различными по своей сущности процессами, усилившимися или порожденными в российском обществе и государстве реформами Александра II. В дальнейшем эти процессы претерпели изменение и продолжились до второй половины 90-х годов XIX в., и на них наложили отпечаток события Первой российской революции и Первой мировой войны. В частности, следствием их была интенсивная урбанизация, увеличение численности и размеров маргинальных групп населения, появление новых составов и рост числа административных правонарушений и преступлений, качественное изменение криминогенной ситуации в Российской империи.

Вторая тенденция направлена на сужение объема компетенции, не столько через полномочия, сколько через предметы ведения. Устав Уголовного Судопроизводства 20 ноября 1864 г. лишил исполнительную полицию права осуществлять предварительное расследование преступлений, приведение части приговоров в исполнение. Устав Гражданского Судопроизводства изъял из ведения общей полиции рассмотрение споров, связанных с бесспорными исками. Земская реформа 1864 г. и Городская реформа 1870 г. вывели из ведения общей полиции многочисленные предметы, связанные с местным хозяйством.

Дальнейшая конкретизация полицейской компетенции МВД происходила в рамках Отделений Департамента Полиции в течение 1880-1917 гг. Например, второе Делопроизводство (законодательное) занималось вопросами образования подразделений полицейских органов на всей территории империи, изменением их штатов, наблюдением за питейными заведениями, утверждением уставов общественных организаций. Одновременно предметы ведения концентрируются в рамках Делопроизводств путем ее перераспределения между ними. Например, в январе 1898 г. в составе Департамента полиции было образовано принципиальное новое отделение - Особый отдел, занимавшийся политическим розыском, а 12 марта 1908 г. - VIII Делопроизводство, руководившее уголовным розыском (сыскными отделениями) [22, с. 50-52, 60].

В окончательной редакция полицейская компетенция, сосредоточенная в Департаменте Полиции МВД, была сформулирована в Своде Законов Российской Империи (изд. 1892 г.) и оставалась неизменной до донца существования МВД. Она включала в себя следующие предметы ведения и полномочия, которые относились, бесспорно, к полицейским: «1) по предупреждению и пресечению преступлений и по охране общественной безопасности и порядка; 2) о государственных преступлениях; 3) по устройству полицейских учреждений и по наблюдению за их деятельностью и за правильным течением дел в сих учреждениях; 4) по определению, перемещению, увольнению и награждению чинов полиции и назначению им пенсии и других законом установленных выплат; <…> 7) о снабжении иностранцев видами на проживание в России и о высылке иностранцев; 8) по поверке показаний лиц, именующих себя за границею русскими подданными, по передаче в Россию русских подданных, задержанных за границею, дезертиров и обвиняемых в разных преступлениях; <…> 10) по надзору за питейными и трактирными заведениями; 11) о мерах безопасности от огня и по надзору за приготовлением, хранением, торговлею и перевозкой пороха и других взрывчатых веществ; 12) по утверждению уставов разных обществ и клубов и разрешению публичных лекций, чтений, выставок и съездов». Одновременно в ее составе сохранились или появились предметы ведения, которые можно отнести к компетенции полиции с большой натяжкой: «…5) об охранении и возобновлении государственной границы; 6) о пограничных сообщениях; <…> 9) об учреждении опеки в особых случаях; 10) по надзору за питейными и трактирными заведениями; 12) по утверждению уставов разных обществ…» [23].

Содержание компетенции демонстрирует большой шаг вперед в ее регламентации, когда законодатель впервые перешел к определению круга предметов ведения и полномочий Департамента полиции в целом, а не как ранее - отдельных его структурных подразделений (отделений, делопроизводств). Он достаточно логично, кратко, четко и емко определил предметы ведения и полномочия полиции, причинами чего выступили: во-первых, преобладание процесса сужения компетенции «полиции безопасности» над расширением, во-вторых, повышение уровня правосознания и совершенствование юридической техники, используемой законодателем. В результате этого произошло резкое сокращение количества позиций и объема положений в статье, регламентирующей полицейскую компетенцию Департамента полиции МВД. Одновременно, она продолжала включать в себя не свойственные полиции элементы, что было обусловлено некоторым соблюдением традиций, невысоким уровнем развития системы органов исполнительной власти и др.

Анализируя компетенцию министерств Российской империи начала XX в., А.Д. Градовский констатировал: «Министерство внутренних дел сосредоточивает в своих руках

самые разнообразные задачи внутреннего управления. Вообще оно может быть названо министерством полицейским, в обширном смысле этого слова; вверенные ему задачи касаются как области полиции благосостояния, так и полиции безопасности. Но оно имеет своим предметом и другие задачи администрации» [1, с. 488].

Таким образом, на протяжении исследуемого периода компетенция МВД постоянно развивается в двух противоположных направлениях - расширения и сужения, в первую очередь в аспекте предметов ведения. В сфере «полиции безопасности» происходит постепенное выделение ее из административной компетенции МВД. Следствием этого стало сужение полномочий, но прежде всего - предметов ведения. Причины этого были обусловлены объективными процессами, протекающими в российском обществе и государстве на протяжении исследуемого периода, изменением типа и повышением уровня правосознания законодателя, совершенствованием юридической техники. В целом, даже к концу рассматриваемого периода компетенция МВД в рамках министерской системы управления оставалась крайне обширной, что в ряде случаев было обусловлено только субъективными причинами и противоречило существующим объективным потребностям общества и государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Градовский А.Д. Начала русского государственного права: О государственном устройстве. В 2-х тт. Т. 2. - М.: Зерцало, 2006. - 542 с.
2. Елистратов А.И. Основные начала административного права. - М.: Г.А. Леман, 1914. - 332 с.
3. Мулукаев Р.С. Полиция в России (IX - нач. XX в.). - Н. Новгород, 1993.
4. Шинджикашвилли Д.И. Сыскная полиция царской России в период империализма. - Омск, 1973. - 67 с.
5. Шинджикашвилли Д.И. О структуре и основных направлениях деятельности Министерства Внутренних Дел России в период имперализма // Вопросы теории и философии. - Омск, 1970. - С. 175-188.
6. Шуйский П.А. Департамент полиции. 1880 - начало XX века. - Харьков, 1930. - 150 с.
7. Федоров К.Г, Ярмыш А.Н. История полиции дореволюционной России. 1976. - 94 с.
8. Горожанин А.В. Российская полиция на страже имперской государственности [в 2 тт.] Т. 1: Полиция как столп российской имперской государственности (XVIII - первая половина XIX века). - Самара: Самар. юрид. ин-т Минюста России, 2004. - 259 с.
9. Матиенко Т.Л. Российский сыск в IX - первой половине XIX века. Генезис и становление. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012 . - 192 с.
10. Реент Ю. А. Общая и политическая полиция России (1900-1917 гг.) - Рязань: Узорочье, 2001. - 284 с.
11. Ялтаев Д.А. Охранительная деятельность полиции в неподконтрольных жандармерии уездах Казанской губернии. - Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. - 2012. - № 2. - С. 42-45.
12. Ялтаев Д.А. Правоохранительная деятельность полиции в чувашских уездах Казанской губернии в 1862-1917 годах. - Чебоксары: Изд-во Чуваш.ун-та, 2012. - 156 с.
13. Полное собрание законов Российской Империи (далее - ПСЗРИ). - СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Собрание I. Т. XXXVII. № 20406.
14. Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. - М.: Наука, 1989. - 240 с.
15. ПСЗРИ. Собрание I. Т. XXXI, № 24307.
16. Чибиряев С.А. Великий русский реформатор. Жизнь, деятельность, политические взгляды М.М. Сперанского. - М.: Воскресенье, 1993. - 238 с.
17. ПСЗРИ. Собрание I. Т. XXXI. № 24687.
18. ПСЗРИ. Собрание I. Т. XXXI. № 27964.
19. ПСЗРИ. Собрание II. Т. VII. № 5126.
20. Свод Законов Российской Империи (далеее - СЗРИ). Т.1. Ч.1 - СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1832.
21. СЗРИ. Т.1. Ч.1 - СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1857.

22. Перегудова З.И. Политический сыск в России (1880-1917 гг.). - М.: РОССПЭН, 2000. - 432 с.
23. СЗРИ. Т.1. Ч.1. - СПб.: неофициальное изд-во, 1912.

REFERENCES

1. Gradovskiy A.D. Nachala russkogo gosudarstvennogo prava: O gosudarstvennom ustroystve. V 2-kh tomakh. T. 2. [The beginnings of Russian state law: On the state system. In 2 volumes. T. 2.]. Moscow: Zercalo, 2006. 542 p. (in Russ.).
2. Elistratov A.I. Osnovnye nachala administrativnogo prava. [Basic Principles of Administrative Law]. Moscow: Leman, 1914. 332 p. (in Russ.).
3. Mulukaev R.S. Politsiya v Rossii (IX - nach. XX v.). [Politsiya v Rossii (IX - nach. XX v.).] Nizhniy Novgorod, 1993. (in Russ.).
4. Shindzhikashvilli D.I. O strukture i osnovnykh napravleniyakh deyatel'nosti Ministerstva Vnutrennikh Del Rossii v period imperalizma. [On the structure and main activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the period of imperialism.]. Questions of theory and philosophy. Omsk, 1970. Pp. 175-188. (in Russ.).
5. Shindzhikashvilli D.I. Sysknaya politsiya tsarskoy Rossii v period imperializma. [Detective police of tsarist Russia in the period of imperialism]. Omsk, 1973. 67 p. (in Russ.).
6. Shuisky P.A. Departament politsii. 1880- nachalo XX veka. [Police Department. 1880 - the beginning of the twentieth century]. Khar'kov, 1930. 150 p. (in Russ.).
7. Fedorov K.G, Yarmysh A.N. Istoriya politsii dorevolyutsionnoy Rossii. [Istoriya politsii dorevolyutsionnoy Rossii], 1976. 94 p. (in Russ.).
8. Gorozhanin A.V. Rossiyskaya politsiya na strazhe imperskoy gosudarstvennosti. [v 2 t.] T. 1: Politsiya kak stolp rossiyskoy imperskoy gosudarstvennosti (XVIII - pervaya polovina XIX veka). [Russian police guarding the imperial statehood [in 2 vol.. T. 1: Police as a pillar of the Russian imperial statehood (XVIII - first half of the XIX century)]. Samara: 2004. 259 p. (in Russ.).
9. Matienko T.L. Rossiyskiy sysk v IX - pervoy polovine XIX veka. Genezis i stanovlenie. [Russian investigation in the IX - first half of the XIX century. Genesis and formation.]. Moscow: YuNITI-DANA, 2012. 192 p. (in Russ.).
10. Reent Yu. A. Obshchaya i politicheskaya politsiya Rossii (1900-1917 gg.). [General and Political Police of Russia (1900-1917)]. Ryazan'.: Uzorech'e, 2001. 284 p. (in Russ.).
11. Yaltaev D.A. Okhranitel'naya deyatel'nost' politsii v nepodkontrol'nykh zhandarmerii uezdakh kazanskoy gubernii. [Guarding the police in the gendarmerie districts of the Kazan province]. Vestnik Samarskogo universiteta. History, pedagogy, philology. 2012. no. 2. Pp. 42-45. (in Russ.).
12. Yaltaev D.A. Pravookhranitel'naya deyatel'nost' politsii v chuvashskikh uezdakh Kazanskoy gubernii v 1862-1917 godakh. [Law enforcement activity of the police in the Chuvash counties of the Kazan province in 1862-1917]. Cheboksary. Izdatel'stvo Cheboksarskogo universiteta, 2012. 156 p. (in Russ.).
13. The complete collection of laws of the Russian Empire (PZZRI). SPb .: Type. II Departments of His Own Imperial Majesty's Chancery, Assembly I. T. XXXVII. No. 20406.
14. Mironenko S.V. Samoderzhavie i reformy. Politicheskaya bor'ba v Rossii v nachale XIX v. [Autocracy and Reform. Political struggle in in the early XIX century]. Moscow: Nauka, 1989. 240 p. (in Russ.).
15. PZRI. Collection I. T. XXXI, No. 24307. (in Russ.).
16. Chibiryaev S. A. Velikiy russkiy reformator. Zhizn', deyatel'nost', politicheskie vzglyady M.M. Speranskogo. [Great Russian reformer. Life, activity, political views of M.M. Speransky]. Moscow.: Voskresen'e, 1993. 238 p. (in Russ.).
17. PZSRI. Collection I. T.XXXI. No. 24687. (in Russ.).
18. PZSRI. Collection I. T.XXXI. No. 27964. (in Russ.).
19. PZSRI. Meeting II. T.VII. No. 5126. (in Russ.).
20. Code of Laws of the Russian Empire (SZRI). T.1.Ч.1 Spb: Typography II of the Department of the SEIVK, 1832. (in Russ.).
21. SZRI. T.1.Ч.1 Spb: Typography II of the Department of the of the SEIVK, 1857.

22. Peregudova Z.I. Politicheskiy sysk v Rossii (1880-1917 gg). [Political investigation in Russia (1880-1917)]. Moscow.: ROSSPEN, 2000. 432 p. (in Russ.).
23. SZRI. T.1.Ч.1.Spb.: unofficial publishing house. 1912. (in Russ.).

Информация об авторе:

Романова Анна Валерьевна, аспирант, кафедра истории, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова,
г. Ульяновск, Россия
wwr@bk.ru

Получена: 24.06.2017

Для цитирования: Романова А.В. Становление и развитие компетенции МВД Российской империи в начале XIX - начале XX в. (на примере исполнительной полиции). Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 1. с.56-63.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-56-63.

Information about the author:

Anna V. Romanova, Postgraduate Student, Department of History, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov,
Ulyanovsk, Russia
wwr@bk.ru

Received: 24.06.2017

For citation: Romanova A.V. Formation and development of the competence of the Ministry of Internal Affairs of the Russian empire in the early XIX And early XX centuries: on the example of the executive police. Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 1. Pp. 56-63.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-56-63. (in Russian)

УДК 94 «1945/1950» DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-64-80

СЕРЕБРЕННИКОВ Сергей Владимирович
г. Кемерово, Россия
Serebrennikov_S@list.ru

Sergey V. SEREBRENNIKOV
Kemerovo, Russia
serebrennikov_s@list.ru

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЯПОНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР (1945-1950 гг.) (СТРАНИЦЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ)

FOOD SECURITY OF JAPANESE WAR PRISONERS IN SIBERIA AND THE FAR EAST OF THE USSR (1945-1950): PAGES OF DOMESTIC HISTORIOGRAPHY

В статье впервые рассматриваются различные аспекты отечественной историографии продовольственного обеспечения японских военнопленных в лагерях, отдельных рабочих батальонах (ОРБ) и спецгоспиталях на территории Сибири и Дальнего Востока СССР. Данный вопрос является неотъемлемой составной частью темы «Японские военнопленные в СССР (1945-1956 гг.)» - сравнительно новой темы в отечественной историографии, исследование которой началось в начале 1990-х годов.

Автор обнаружил отсутствие монографических, диссертационных работ по этой актуальной теме. Выявлена лишь одна научная работа (статья С.П. Кима), специально посвященная продовольственному обеспечению японских военнопленных на территории СССР.

Констатируется также, что отсутствуют документальные сборники, посвященные продовольственному обеспечению японских военнопленных в лагерях, отдельных рабочих батальонах (ОРБ) и спецгоспиталях на территории Сибири и Дальнего Востока СССР.

Автором выявлен комплекс трудов, созданных в период с 1990 г. по настоящее время, в которых в той или иной степени затрагивается и освещается один из важнейших вопросов, связанных с пребыванием военнопленных японской армии в СССР. Определены и зафиксированы как достижения, так и недостаточно изученные аспекты проблемы. Выявлены направления изучения вопроса, выделены проблемно-тематические блоки, сформулированы перспективные направления дальнейших исследований. Заметный вклад в изучение темы внесли историки С.П. Ким, С.И. Кузнецов, С.С. Букин, А.А. Долголюк, Н.М. Маркдорф, М.Н. Спиридонов и другие.

Ключевые слова: японские военнопленные, ГУПВИ, лагеря НКВД-МВД, продовольственное обеспечение, снабжение, продукты, питание, продовольственная норма, публикации, научные труды, историография

The article for the first time examines various aspects of the domestic historiography of food security for Japanese war prisoners in the camps, individual workers' battalions (IWB) and special hospitals in the territory of Siberia and the Far East of the USSR. This issue is an integral part of the topic "Japanese war prisoners in the USSR (1945-1956)" - a relatively new topic in the domestic historiography, the study of which began in the early 1990s. The author found the absence of monographic, dissertational works on this topical topic. It was revealed only one scientific work (article of S.P. Kim), specially devoted to food provision of Japanese war prisoners on the territory of the USSR. It is also stated that there are no documentary collections dedicated to the food supply of Japanese war prisoners in the camps, individual workers' battalions (IWB) and special hospitals in the territory of Siberia and the Far East of the USSR. The author has identified a set of works created in the period from 1990 to the present, in which one or another of the most important issues related to the stay of war prisoners of the Japanese army in the USSR is being addressed to one degree or another. Defined and recorded as achievements, and insufficiently studied aspects of the problem. Areas of study of the issue are identified, problem-thematic blocks are identified, and promising directions for further research are formulated. A noteworthy contribution to the study of the subject was made by the historians S.P. Kim, S.I. Kuznetsov, S.S. Bukin, A.A. Dolgolyuk, N.M. Markdorf, M.N. Spiridonov and others.

Keywords: Japanese war prisoners, GUPVI, NKVD-MVD camps, food security, food, food standards, publications, scientific works, historiography

Воссоздание полной и достоверной картины пребывания в СССР японских военнопленных после капитуляции Японии в 1945 г. (к концу ноября 1945 г. на территории СССР находилось уже свыше 570 тыс. пленных японцев [12, с. 107]) предполагает детальное рассмотрение их продовольственного обеспечения в лагерях, отдельных рабочих батальонах (ОРБ) и спецгоспиталях. За время нахождения японцев в плену советские власти сделали многое для того, чтобы сохранить контингент японских военнопленных. Они руководствовались, прежде всего, следующими соображениями: получить максимальную

выгоду от использования их труда в народном хозяйстве и привить как можно большему числу пленных коммунистические взгляды посредством идеологической обработки. Имели место и соображения выполнения советским государством международных обязательств, согласно требованиям Женевской конвенции 1929 г. (хотя Советский Союз и не ратифицировал эту конвенцию), а после августа 1949 г. - Женевской конвенции об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г.

Хронологические рамки статьи - 1945-1950 гг., так как к маю 1950 г. подавляющее большинство японских военнопленных было репатриировано и на территории СССР (до 1956 г.) оставались лишь те, кого подозревали или уже осудили за совершение военных преступлений [28, с. 70-71].

Вопросы продовольственного обеспечения японских военнопленных на территории Сибири и Дальнего Востока СССР нашли отражение (в виде соответствующих разделов) в докторских, кандидатских диссертациях и монографиях, в которых рассматривается вопрос о японских военнопленных, а также посвященных иностранным военнопленным Второй мировой войны в сибирском и дальневосточном регионах. Опубликован целый ряд научных статей, авторы которых затрагивают интересующий нас вопрос.

Военный юрист и историк В.П. Галицкий первым привел в своих работах важные сведения о продовольственном обеспечении японских военнопленных на территории СССР. В его статьях, опубликованных в 1990 г., отмечалось, что «**по продовольственному** и медицинскому снабжению и обеспечению японские военнопленные приравнивались к военнослужащим тыловых частей Советской Армии [выделено автором. - *С.С.*]» [10, с. 117] и «содержание военнопленных в основном отвечало требованиям Женевской конвенции 1929 года, хотя Советский Союз эту конвенцию и не ратифицировал. Ее положения практически осуществлялись» [11, с. 39]. Об этом он писал и в работе, опубликованной в 1991 г. [13, с. 70-71, 73].

В начале 1990-х годов стали активно изучать вопросы продовольственного обеспечения японских военнопленных в лагерях, отдельных рабочих батальонах (ОРБ) и спецгоспиталях Сибири и Дальнего Востока СССР С.И. Кузнецов, О.Д. Базаров и Е.Ю. Бондаренко. Они первыми для изучения проблемы обратились к документам архивов конкретных регионов: Иркутской области (С.И. Кузнецов), Бурятии (О.Д. Базаров и С.И. Кузнецов), Дальнего Востока (Е.Ю. Бондаренко).

Из их публикаций первой половины 1990-х годов выделим учебное пособие иркутянина С.И. Кузнецова [31]. В данной работе автор впервые в отечественной историографии привел материал, освещающий вопросы продовольственного обеспечения японских военнопленных на территории всего Советского Союза. Значимым событием стала защита им в 1994 г. докторской диссертации, в которой также освещались и вопросы продовольственного обеспечения японских пленных на территории СССР [32].

В середине 1990-х годов стали изучать вопрос о продовольственном обеспечении военнопленных Второй мировой войны в СССР новосибирские историки С.С. Букин и А.А. Долголюк. В их статьях японские военнопленные рассматриваются вместе с другими иностранными пленными Второй мировой войны. Но ряд важных сведений, имеющих отношение к бывшим военнослужащим японской армии, в их работах второй половины 1990-х - начала 2000-х годов приведены [6-8; 15].

Во второй половине 1990-х годов С.И. Кузнецов, О.Д. Базаров, Е.Ю. Бондаренко и М.А. Кузьмина опубликовали ряд монографий [1; 5; 36-37], в которых более основательно были освещены вопросы продовольственного обеспечения японских военнопленных в лагерях, ОРБ и спецгоспиталях для японских военнопленных в Сибири и на Дальнем Востоке СССР.

Историк из Улан-Удэ О.Д. Базаров в своей монографии рассмотрел продовольственное обеспечение японских военнопленных в лагерях и спецгоспитале № 944, размещенных на территории Бурят-Монгольской АССР в 1945-1948 гг., но не в отдельной главе, а в главах о деятельности лагерей и спецгоспиталя [1, с. 12-48]. Впервые в отечественной историографии этот вопрос был рассмотрен вместе с другими вопросами жизнеобеспечения японских пленных в территориальных рамках конкретного региона страны. Моно-

графия О.Д. Базарова примечательна и резкой критикой утверждения В.П. Галицкого о том, что, «несмотря на послевоенную разруху в СССР и голод советского народа, японские военнопленные, содержащиеся на территории СССР, имели высокие нормы довольствия» [1, с. 28]. «Для выполнения всех предписаний центральных органов по продовольственному и иному обеспечению лагерей на местах не было реальных возможностей», - указал О.Д. Базаров [1, с. 28] и привел ряд фактов, свидетельствующих о неблагополучном положении с продовольственным обеспечением лагерей региона. Но отметим, что «нормы довольствия» были приведены В.П. Галицким по архивным документам без искажений, и критиковать его, на наш взгляд, можно лишь за то, что он в своей статье не проследил выполнение на местах принятых центральными органами страны положений и норм.

М.А. Кузьмина и Е.Ю. Бондаренко в своих трудах фрагментарно рассмотрели продовольственное обеспечение японских пленных в регионах Дальнего Востока. Книга хабаровского исследователя М.А. Кузьминой не содержит раздела о продовольственном обеспечении японских военнопленных в лагерях, ОРБ и спецгоспиталях региона; вопрос рассматривается в рамках раздела «Быт» [37, с. 64-70]. Представляют ценность выдержки из документов архивов Москвы, Комсомольска-на-Амуре и Хабаровска, которые она впервые опубликовала. Часть этих документов говорит о благополучном положении дел, другие же свидетельствуют о больших проблемах.

Владивостокский историк Е.Ю. Бондаренко, рассматривая вопрос о продовольственном обеспечении японских военнопленных в разделе «Быт японских военнопленных…» [5, с. 16-29], написала о «грубом нарушении фронтами Красной Армии» постановления ГКО (номер постановления и дата его принятия не приведены) об обеспечении военнопленных, направляемых в тыловые лагеря НКВД «трехмесячным запасом продовольствия». Е.Ю. Бондаренко указала, что тыловые лагеря военнопленных, исходя из постановления ГКО, в четвертом квартале 1945 г. на плановое довольствие не зачислялись. Но целый ряд эшелонов с японцами прибывал в дальневосточные лагеря не с трехмесячным, а с «15-20-дневным запасом продовольствия» [5, с. 22]. Автор также привела данные о катастрофическом положении с продовольствием для пленных в ряде регионов Дальнего Востока зимой 1945-1946 гг. [5, с. 23].

С.И. Кузнецов в монографии рассмотрел интересующий нас вопрос в разделах «Создание системы лагерей японских военнопленных в СССР» и «Жизнь и подневольный труд в лагерях военнопленных» [36, с. 40-159]. В книге содержится много фрагментов воспоминаний бывших японских военнопленных и местных жителей, свидетельствующих о просчетах и проблемах в обеспечении продовольствием пленных.

В начале 2000-х защитили кандидатские диссертации М.Н. Спиридонов и С.В. Карасев, рассмотревшие интересующий нас вопрос на материалах Красноярского края [44] и Читинской области [22]. Материалы своих диссертаций исследователи опубликовали в виде монографий [45; 23].

М.Н. Спиридонов впервые изучил вопрос продовольственного обеспечения японских пленных только в лагерях и ОРБ в территориальных рамках конкретного региона (в Красноярском крае спецгоспиталей не было). Отдельного раздела о продовольственном обеспечении в его диссертации нет, но есть относительно большой подраздел «Снабжение военнопленных продуктами питания в красноярских лагерях» в разделе «Лагерный режим содержания японских военнопленных» [44, с. 51-62].

В диссертации С.В. Карасева также нет раздела о продовольственном обеспечении японских пленных и лишь отдельными штрихами показаны трудности и проблемы в снабжении продуктами конкретных лагерей. Так, автор пишет о том, что командование лагеря № 23 не обеспечивало военнопленных свежими овощами, что «послужило причиной массового заболевания цингой» [22, с. 107].

Новые труды Е.Ю. Бондаренко (монография [3] и докторская диссертация [4]) также не содержали разделов, посвященных продовольственному обеспечению японских военнопленных в лагерях Дальнего Востока. Эти вопросы ею затрагивались в разделе о бытовых условиях жизни в лагерях. Важна информация автора об условиях, в которых оказывались прибывшие в регион японские пленные осенью 1945 г., о проблемах, связанных с

организацией лагерей в дальневосточном регионе. Так, автор приводит фрагмент письма начальника управления НКВД по Хабаровскому краю заместителю Главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке по тылу от 23 сентября 1945 г.: «В тыловые лагеря НКВД для военнопленных и интернированных, дислоцированных на территории Хабаровского края с 15 сентября по 23 сентября прибыло 28 000 военнопленных японцев. Прибывшие военнопленные продовольствием не обеспечены. <…> Впредь о прибытии эшелонов военнопленных, не обеспеченных тем, как этого требует решение ГКО № 9898, буду вынужден доносить товарищу Берия» [3, с. 133].

В начале 2000-х годов начала изучать вопросы продовольственного обеспечения иностранных военнопленных Второй мировой войны в лагерях, ОРБ и спецгоспиталях Западной Сибири новосибирский историк Н.М. Маркдорф. Вначале в центре ее внимания были немецкие пленные, размещенные в этом регионе. Хотя в отдельных ее работах факты о продовольственном обеспечении японских военнопленных встречаются [38; 40].

В 2009 г. она опубликовала статью о спецгоспитале № 1407 (располагавшемся вначале в Амурской области, затем - в Кемеровской) [41], в которой содержится небольшой материал об организации питания лечившихся там японских военнопленных.

В 2013 г. Н.М. Маркдорф опубликовала монографию, посвященную лечебному делу в лагерях и спецгоспиталях иностранных военнопленных Второй мировой войны в Западной Сибири [39]. Здесь материал о продовольственном обеспечении западносибирских спецгоспиталей и лагерных лазаретов, в которых лечились японские военнопленные в данном регионе, представлен более весомо.

С последние годы Н.М. Маркдорф вместе с А.А. Долголюком стала публиковать работы, территориальные рамки которых охватывают весь сибирский регион. В их монографиях, изданных в 2014 и 2016 гг., размещен интересующий нас материал о продовольственном обеспечении японских военнопленных на территории и Западной, и Восточной Сибири. Однако специального раздела - «Продовольственное обеспечение…» - в их монографиях нет. Сведения, интересующие нас, авторы поместили в раздел «Лагерный быт» [16, с. 25-88; 18, с. 25-97]. Кроме того, материал о продовольственном обеспечении японских военнопленных перемежается с материалом о военнопленных германской армии (в западносибирском регионе). Выводы и оценки авторов в отношении продовольственного обеспечения японских военнопленных носят фрагментарный характер.

Важной составной частью историографии темы являются исследования, в которых выявлены особенности продовольственного обеспечения японских пленных, трудившихся в суровых условиях на строительстве БАМа. Данный производственный объект являлся тогда самым значительным в восточной части СССР по целому ряду позиций. (В сообщении министра внутренних дел С.Н. Круглова на имя В.М. Молотова от 2 сентября 1946 г. отмечалось, что из 463 760 человек, содержащихся в лагерях МВД, спецгоспиталях и отдельных рабочих батальонах, на строительстве БАМа (это строительство относилось к МВД СССР) находится 121 941 человек [48 с. 231]).

Данный сектор историографии представлен фрагментами диссертаций и монографий С.И. Кузнецова и С.В. Карасева, а также фрагментами статей А.Г. Миронова, С.И. Кузнецова, А.В. Шалака [34-35; 42; 47]. Специальных работ о продовольственном обеспечении японских строителей БАМа мы не встретили.

В первой половине и середине 2000-х годов в историографии проблем японских военнопленных в СССР стало набирать силу направление, характеризующееся подготовкой обобщающих трудов, посвященных историческим и правовым аспектам пребывания японских военнопленных в СССР. В этих трудах освещается и вопрос о продовольственном обеспечении японских военнопленных Второй мировой войны в лагерях, ОРБ и спецгоспиталях на территории СССР.

Определенное внимание интересующим нас вопросам уделила Е.Л. Катасонова, опубликовавшая в первой половине 2000-х годов две монографии [24; 26], и защитившая (в 2004 г.) докторскую диссертацию [25]. Значимыми представляются сведения из ее работ, которые освещают ситуацию, сложившуюся осенью 1946 г. в лагерях военнопленных, вызванную засухой и неурожаем в стране (автор пишет об отмене приказами МВД

СССР в конце 1946 г. надбавок на картофель и овощи, хлеб и крупу. «С 1 декабря как ослабленные, так и работающие военнопленные лишались всех видов дополнительного питания» [25, с. 86]). Также важна ее информация о разработанном в июне 1946 г. сотрудниками ГУПВИ образце трудовой зачетной книжки военнопленного, анализ условий, от которых зависел размер заработка военнопленного, сведения о параметрах зарплаты пленных, занятых на тяжелых и иных работах, и указание на то, что «реально это вознаграждение на руки военнопленному, как правило, не выдавалось... [Вместо выдачи на руки. - *С.С.*] «каждые 10 дней составлялись списки военнопленных с указанием суммы вознаграждения, которые передавались в ларьки при лагерных отделениях. По этим спискам военнопленным отпускались товары первой необходимости и дополнительные продукты питания» [25, с. 103].

В 2006 г. вышла в свет новая монография С.В. Карасева, а на следующий год он защитил докторскую диссертацию [21; 20]. В этих работах фрагментарно освещается вопрос о продовольственном обеспечении японских военнопленных Второй мировой войны в лагерях, ОРБ и спецгоспиталях СССР. Обращает на себя внимание утверждение автора, что «истинную картину положения в плену» японцев можно увидеть, лишь если рассматривать ее на фоне «крайне бедственного положения» населения СССР в послевоенное время [20, с. 374].

В последние годы к исследователям данного направления присоединился С.П. Ким, защитивший в 2016 г. диссертацию, в которой нашли отражение вопросы организации продовольственного обеспечения японских военнопленных Второй мировой войны в лагерях, ОРБ и спецгоспиталях СССР [29]. В начале 2015 г. он опубликовал первую в отечественной историографии научную статью о продовольственном обеспечении японских военнопленных на территории СССР.

В данной статье С.П. Ким попытался кратко представить и историографию вопроса, но сделал это крайне неудачно. Историк выявил две противоположные позиции: В.П. Галицкого и С.И. Кузнецова. В.П. Галицкий, первым обнародовавший нормы довольствия японских военнопленных в СССР и сделавший вывод о заботе со стороны Советского государства о японских пленных, «упустил, - пишет С.П. Ким, - из виду то, что на местах они соблюдались не всегда» [27, с. 62]. С.И. Кузнецов увидел в действиях Советского государства не заботу, а репрессивный характер, основываясь главным образом на материалах местных, а не федеральных архивов [27, с. 62].

В историографической части своей статьи С.П. Ким привел несколько фамилий историков, которые изучали вопросы пребывания японских пленных на территории СССР, но сразу заявил, что тема продовольственного обеспечения японских военнопленных «нуждается в дальнейших исследованиях», никак не обосновав свой вывод [27, с. 62].

В 2016 г. Э.-Б.М. Гучинова опубликовала монографию, в одной из глав которой [14, с. 57-76] раскрываются отдельные стороны организации продовольственного обеспечения и питания японских военнопленных в лагерях и спецгоспиталях СССР. Э.-Б.М. Гучинова впервые в историографии для оценки продовольственного обеспечения японцев использовала изобразительный мета-текст, дополненный материалами опубликованных воспоминаний и устных интервью бывших пленных, собранных ею во время командировок в Японии.

Важной составляющей историографии проблемы является введение в научный оборот документов, отражающих вопросы организации продовольственного обеспечения японских военнопленных в лагерях, отдельных рабочих батальонах (ОРБ) и спецгоспиталях Сибири и Дальнего Востока СССР, публикация отдельных документов и документальных сборников.

В 1996 г. в серии «Русский архив» был опубликован сборник «Иностранные военнопленные второй мировой войны в СССР» [43], в котором собраны в основном нормативные документы Советского правительства, органов НКВД-МВД по различным вопросам, в том числе продовольственному обеспечению военнопленных. Часть материалов в сборнике относится к японским пленным.

Но авторы чаще обращались к сборнику «Военнопленные в СССР 1939-1956 гг. Документы и материалы», вышедшему в свет в 2000 г. [9]. Составители опубликовали значительный корпус документов (причем более 350 - впервые) по различным аспектам проблемы военнопленных. Есть документы, отражающие вопросы продовольственного обеспечения военнопленных, в том числе японских.

В 2013 г. вышел в свет фундаментальный сборник «Японские военнопленные в СССР: 1945-1956» [48], подготовленный В.А. Гавриловым и Е.Л. Катасоновой. Документы, вошедшие в данный труд, освещают различные вопросы, в том числе вопросы продовольственного обеспечения японских военнопленных в лагерях, ОРБ и спецгоспиталях Сибири и Дальнего Востока СССР. Это первый в отечественной историографии сборник документов, в котором широко представлены материалы по интересующей нас проблеме.

Публикация названных сборников позволила авторам существенно расширить документальную базу своих работ. Особенно это заметно по диссертации С.П. Кима, у которого была возможность использовать и сборник, подготовленный В.А. Гавриловым и Е.Л. Катасоновой.

Анализ работ показывает, что исследователи:

- изучили «Положение о военнопленных», утвержденное СНК СССР 1 июля 1941 г**.,** и соответствующие ему приказы НКВД и отметили в своих работах зафиксированный в данном «Положении» принцип политики советского государства по отношению к плененным солдатам и офицерам вражеских армий, состоящий в том, что военнопленные имеют право на обеспечение их «продовольствием и другими предметами первой необходимости… по нормам, установленным Управлением НКВД СССР по делам о военнопленных и интернированных», а одной из важнейших задач администрации лагерей для военнопленных является сохранение их здоровья; директиву наркома внутренних дел СССР начальникам управлений лагерей НКВД для военнопленных об условиях размещения и содержания военнопленных японцев от 13 ноября 1945 г., в которой предписывалось «обеспечить национальный режим питания и доведение положенных норм питания до каждого военнопленного…»; директиву наркома внутренних дел СССР народным комиссарам внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам УНКВД краев и областей, начальникам ОУВС НКВД об увеличении нормы питания ослабленным и находящимся на карантине японским военнопленным от 16 ноября 1945 г.; и целый ряд других документов, имеющих отношение к нашей теме.

- писали об установленных властями официальных нормах суточного довольствия (нормах питания) японских военнопленных, подчеркивая, что они были разработаны с учетом национальных особенностей японцев.

Ряд авторов (С.С. Букин, А.А. Долголюк, Н.М. Маркдорф) утверждали, что для японцев «были утверждены специальные нормы суточного довольствия, разрабатываемые с учетом национальных особенностей питания. Основная норма для японцев не только отличалась от основной нормы для военнопленных бывшей германской армии по составу продуктов, но она в то же время была значительно выше по калорийности» [8, с. 133; 18, с. 45].

С.П. Ким же, напротив, пишет, что «японские военнопленные не получили существенных преимуществ по сравнению с заключенными [ГУЛАГа. - *С.С.*] и военнопленными западных армий» [29, с. 133]. Составленная им таблица «Сравнение суточных норм довольствия рядового и унтер-офицерского состава иностранных военнопленных и суточных норм довольствия для заключенных» это подтверждает [29, с. 132].

В своей диссертации С.П. Ким отметил, что «продовольственные нормы, введенные в действие 29 сентября 1945 г. для военнопленных японцев, являлись недостаточными» [29, с. 133]. Его оценка расходится и с мнением В.П. Галицкого, высказанным еще в 1990-1991 гг. (см. выше), и с собственной оценкой, высказанной годом ранее: «Нормы их питания были научно обоснованными» [27, с. 68].

Но С.П. Ким, в отличие от многих авторов, не ограничился оценкой норм, введенных 29 сентября 1945 г. Он проследил, основываясь на архивных материалах, как власти меняли суточные нормы довольствия японских военнопленных, и представил в диссертации не только выдержки из приказов министра внутренних дел (№ 099 от 17 апреля 1946 г. и № 0751 от 11 декабря 1947 г.), но и подготовленную на данных материалах таблицу [29, с. 138]. Отметим и высказывание С.П. Кима, что «нормы менялись в зависимости от возможностей снабжения» [27, с. 63].

С.П. Ким, а также С.С. Букин и А.А. Долголюк писали, что для военнопленных, занятых на подземных работах в угольной, сланцевой и горнорудной промышленности, вводились специальные нормы питания, почти одинаковые с рационами кадровых рабочих. Эти нормы дважды повышались в апреле 1946 г. и в декабре 1947 г. [8, с. 133; 29, с. 135-136].

С.С. Букин, А.А. Долголюк и Н.М. Маркдорф пришли к выводу, что «причиной плохого питания военнопленных были не столько установленные для них нормы продовольственного обеспечения, сколько их невыполнение по вине Управления военного снабжения НКВД, а также из-за слабой работы снабженческих служб конкретных лагерей и разворовывания продуктов» [8, с. 139; 18, с. 46].

- указывали, что повсеместно имели место хищения продуктов питания, предназначенные для военнопленных, а также неповоротливость снабженческих структур, халатность работников снабжения НКВД СССР.

С.И. Кузнецов писал, что «бывали случаи, когда продукты в тот или иной лагерь не доставлялись по нескольку дней и военнопленные голодали, [имела место] затрудненная доставка продуктов из-за удаленности многих лаготделений, отсутствия дорог, транспорта, хищения продуктов и т.д.» [36, с. 111-112].

О.Д. Базаров, детально изучавший положение дел в конкретном регионе - Бурят-Монгольской АССР, отмечал: «…постоянно разворовывался и без того скудный запас продуктов питания» [1, с. 25].

А.А. Долголюк и Н.М. Маркдорф писали, что «в лагерях несвоевременно решались вопросы транспортировки продовольствия, очень частыми были перебои в поставках отдельных видов продуктов, их недодача довольствующими органами, замена одних продуктов другими. Особенно плохо снабжались лагеря овощами» [18, с. 45]. «Субъективные трудности, связанные с недоработками и халатностью работников Управления военного снабжения НКВД СССР, усугублялись объективными факторами. Среди них особое значение имели сибирское бездорожье и удаленность от крупных городов» [19, с. 128; 18, с. 45-46].

С.С. Букин, А.А. Долголюк и Н.М. Маркдорф указывали, что «в лагерях отсутствовал необходимый контроль над получением и закладкой продуктов», что «создавало возможности для расхищения продуктов в больших размерах» [8, с. 138; 18, с. 46]. Они привели информацию о том, что министр НКВД (МВД) дважды (в мае 1945 г. и в марте 1947 г.) издавал приказы, направленные на усиление борьбы с хищениями в лагерях [8, с. 138-139; 18, с. 46], но анализ выполнения данных приказов в отношении лагерей японских военнопленных в их работах отсутствует. Лишь в одной из работ А.А. Долголюк и Н.М. Маркдорф, отметив, что нарком внутренних дел взял под личный контроль наведение порядка в лагерях Кемеровской области (№№ 525 и 526), сообщили о наступившем улучшении в снабжении этих лагерей [19, с. 129].

Лишь в диссертации С.П. Кима мы видим неоднократное обращение к документам, в которых приводятся результаты выполнения приказов министра внутренних дел, направленных на усиление контроля за обеспечением военнопленных продовольствием и борьбе с хищениями [29, с. 141-143].

- отмечали, что определенную роль в улучшении питания военнопленных сыграли созданные при лагерях подсобные хозяйства.

А.А. Долголюк и Н.М. Маркдорф утверждают, что «вопросы деятельности подсобных хозяйств и мастерских по производству ширпотреба были возведены в ранг государственных политических и экономических задач. Роль подсобных хозяйств в деле обеспе-

чения военнопленных отдельными видами продовольствия (мясо, молоко, картофель, овощи) была значительной, когда удалось отладить механизм их работы» [18, с. 47].

Рассматривая этот вопрос в одной из статей в территориальных рамках Кемеровской области, Н.М. Маркдорф отмечала: «...вопрос сезонной заготовки овощей рассматривался на уровне не только начальников управлений лагерей, но и высшего руководства МВД по Кемеровской области. ...В результате осенью 1947 г. удалось достигнуть существенных успехов в сборе урожая, прежде всего картофеля и других овощных культур, а в 1948 г. по заготовке картофеля лагерь № 525 [в лагере содержались и японские военнопленные. - *С.С.*] занял первое место по Западно-Сибирскому округу» [40, с. 112]. В этой же статье она отметила, что в Алтайском крае в 1946-1947 гг. подсобные хозяйства обеспечивали продовольственные потребности лагерей почти на 40% [40, с. 112]. К сожалению, А.А. Долголюк и Н.М. Маркдорф в своих работах не рассматривали отдельно лагеря японских военнопленных.

В территориальных рамках Красноярского края вопрос о функционировании подсобных хозяйств в лагерях японских военнопленных кратко осветил М.Н. Спиридонов [44, с. 59-60].

- писали о том, что власти пытались стимулировать более эффективный труд и перевыполнение плановых заданий военнопленными надбавками в питании, а также подходили дифференцированно к нормам питания для пленных, занятых на тяжелых физических работах.

В.П. Галицкий первым опубликовал ранее недоступные документы, в одном из которых говорилось: «Для военнопленных, занятых на тяжелых физических работах, ...нормы по сахару и овощам увеличиваются на 25%. Дополнительные нормы хлеба и риса выдаются этим же категориям военнопленных в зависимости от выполнения ими производственных норм. Выдача увеличивается риса и хлеба в одинаковых количествах: при выработке 50% установленной нормы - на 25 граммов, при выработке от 50 до 80 % установленной нормы - на 50 граммов, при выработке от 101% и выше установленной нормы - на 100 граммов, при выработке от 80 до 100 % установленной нормы - на 75 граммов» [13, с. 74].

Исследование С.П. Кима показывает, что «введение дифференцированной выдачи продуктов... привело к фактическому снижению пайка для почти половины военнопленных японцев, не выполнявших производственные нормы на 100% в 1946-1947 гг. Начиная с марта 1947 г. доля японских военнопленных, выполнявших не более 80% производственных норм, постепенно сокращалась, а доля японцев, вырабатывающих от 80% до 150% производственных норм, увеличивалась» [29, с. 147]. Но, наряду с констатацией положительного воздействия этой стимулирующей системы на рост эффективности труда пленных, С.П. Ким подчеркнул, что в первой половине 1947 г. «ассортимент продуктов питания для бывших японских военнопленных был сокращен значительно» [29, с. 147].

- отмечали, что с 1947 г. японские военнопленные, выполнявшие и перевыполнявшие производственные нормы, имели возможность приобретать продукты питания по государственным ценам на деньги, получаемые за работу.

Почти все историки писали, что в 1947 г. в лагерях были открыты магазины коопторга, главным образом в которых военнопленные могли купить продукты питания и предметы первой необходимости.

М.Н. Спиридонов в диссертации первым привел номер директивы МВД СССР (№ 219/с/170) от 13 сентября 1947 г., отметив, что в Красноярском крае «с 20 октября в соответствии в [этой] директивой во всех лагерных отделениях были открыты магазины коопторга» [44, с. 61]. Он также привел нетипичные воспоминания советского рабочего о японцах, трудившихся на шахте г. Заозерного: «...Им давали деньги. На шахте был небольшой магазин. Со смены они заходили в него, брали продукты, водку...» [44, с. 93].

С.С. Букин и А.А. Долголюк также уделили внимание данному вопросу в своей статье [8, с. 141-142]. Но они связали открытие в лагерных отделениях ларьков и буфетов не с сентябрьской директивой МВД СССР, а с отменой в декабре 1947 г. в СССР карточной системы. Тем не менее авторы привели важные сведения о том, что и на какие деньги воен-

нопленные могли покупать в ларьках и буфетах [8, с. 141]. К сожалению, они не выделяли японских военнопленных, рассматривая их в общей массе военнопленных Второй мировой войны.

Полнее, чем другие историки, данный вопрос раскрыл в своей диссертации С.П. Ким. Он не только уточнил номер директивы МВД СССР от 13 сентября 1947 г. - № 2191с/170, но и сообщил о том, когда и кем из руководства ГУПВИ была предложена идея о свободной продаже военнопленным японцам продуктов питания по государственным ценам: с предложением выступил заместитель начальника ГУПВИ И.В. Петров еще 12 апреля 1946 г. Но тогда генерал-лейтенант М.С. Кривенко, возглавлявший ГУПВИ, а также начальники отделов ГУПВИ отметили, что в связи с тем, что «выдать заработную плату военнопленным японцам на тот момент не представляется возможным, поскольку лагеря еще не перешли на самоокупаемость, создание специализированных ларьков для военнопленных следует отложить» [29, с. 148].

С.П. Ким, из всех авторов, привел самый длинный список продуктов, которые продавали японцам в ларьках: «мясо, рыбу, овощи, соления, грибы, молочные и др. продукты» [29, с. 149]. Но водка, фигурирующая в воспоминаниях рабочего и попавшая в диссертацию и монографию М.Н. Спиридонова [44, с. 93; 45, с. 91] не упоминается.

- отмечали, что нормы суточного довольствия для общегоспитальных больных военнопленных, а также рядового, унтер-офицерского, офицерского состава и генералов бывшей японской армии отличались.

Важную лепту в освещение данного вопроса внес В.П. Галицкий, в 1991 г. опубликовавший сведения о таких нормах (нормы №№ 1-4) [13, с. 74-75].

С.И. Кузнецов одним из первых отметил то, что «пленные генералы были в более выгодном отношении. …Питание генералов первоначально было организовано по санитарной норме, позже по норме, утвержденной приказом наркома обороны и начальника тыла Красной армии. …они не привлекались к работам, а по желанию занимались огородничеством или садоводством» [36, с. 114].

Е.Ю. Бондаренко обратила внимание, что «в рационе офицеров присутствовали животные жиры, сухофрукты, папиросы, которых не было в нормах суточного довольствия рядовых и унтер-офицеров. Также офицерский паек отличался бóльшим вложением мяса, сахара и даже соли» [3, с. 138-139]. Е.Ю. Бондаренко считает, что «таким образом, НКВД с первых дней пребывания военнопленных японцев в СССР создал привилегированное положение в лагерях для офицерских чинов бывшей Квантунской армии» [3, с. 139].

Важную деталь подметила Э.-Б.М. Гучинова: «...если в первое время офицеры получали немного больше, чем рядовые, то позже, когда индоктринация набирала обороты, бывшие офицеры стали получать немного меньше рядовых» [14, с. 59].

- отмечали, что проблема продовольственного снабжения лагерей, ОРБ и спецгоспиталей японских военнопленных была наиболее острой осенью 1945 г. и зимой 1945-1946 гг.

Осенью 1945 г. «для улучшения физического состояния военнопленных требовалось в лагерях наладить оперативную медицинскую помощь и полноценное питание. Однако в решении этих проблем на начальных этапах функционирования сибирских лагерей имелись серьезные недоработки. Регулярное, качественное горячее питание прибывающих в лагеря должно было стать необходимым условием улучшения физического состояния ослабленных людей. В реальной жизни ничего подобного не было», - отметили А.А. Долголюк и Н.М. Маркдорф [18, с. 44].

Они же констатировали, что «особенно сложной была ситуация в лагерях Восточной Сибири, поскольку многие из них создавались в необжитых местах, удаленных от крупных населенных пунктов и железных дорог. …Субъективные трудности, связанные с недоработками и халатностью работников Управления военного снабжения НКВД СССР, усугублялись объективными факторами. Среди них особое значение имели сибирское бездорожье и удаленность от крупных городов» [18, с. 45-46].

Большие перебои в организации питания военнопленных в ноябре-декабре 1945 г., - считает О.Д. Базаров, - стали одной из причин «массовой гибели военнопленных» в январе-марте 1946 г. в лагере № 30, размещенном в Бурятии [1, с. 38].

Для предотвращения катастрофы в дальневосточном регионе «зимой 1945-1946 гг. продовольственные ресурсы, предназначенные войскам НКВД и Дальневосточному военному округу, из-за катастрофического положения с питанием военнопленных были отданы лагерям японцев», - сообщила Е.Ю. Бондаренко [3, с. 140].

Но С.И. Кузнецов, оценивая действия центральных органов власти, а также местных руководителей, написал: «Указания, директивы, спускаемые центральными органами власти местным структурам, чаще всего никак не соотносились с жизненной действительностью, а потому не могли быть выполнены и не выполнялись. …Тем не менее отчеты с мест (и это тоже признак советской системы) выглядели вполне благополучно» [30, с. 588].

Историки не исследовали вопрос - когда была преодолена тяжелая ситуация осени и зимы 1945-1946 гг. в масштабах Сибири и Дальнего Востока. Не названы в их публикациях и периоды в организации продовольственного снабжения лагерей, ОРБ и спецгоспиталей японских военнопленных. Лишь С.П. Ким привел материал, свидетельствующий о поэтапном улучшении снабжения лагерей продовольствием к 1948 г., пояснив, что «в 1948-1950 гг. случаев массового нарушения норм довольствия не отмечалось» [27, с. 68].

Типичными же для большинства публикаций являются фразы, которые мы видим в монографии А.А. Долголюка и Н.М. Маркдорф: «...в целом продовольственное снабжение в лагерях для военнопленных хотя и медленно, но год от года улучшалось. Повышалась и энергетическая ценность пищи. … Однако перебои со снабжением теми или иными продуктами все еще происходили, что в какой-то мере стало отражением общего трудного положения с продовольствием в СССР» [18, с. 48-49].

- лишь отчасти осветили продовольственное обеспечение спецгоспиталей и лагерных лазаретов, в которых лечились японские пленные.

С.С. Букин, А.А. Долголюк и Н.М. Маркдорф выявили, что продовольственное снабжение спецгоспиталей производилось военными округами по месту дислокации лагерей на одинаковых основаниях с военнослужащими Красной Армии. Наибольшие трудности имели место в начальный период функционировании лагерей, когда еще не были налажены связи между ними и снабжающими организациями, не была организована своевременная подача заявок [7, с. 134; 17, с. 34; 18, с. 303].

Но лишь Н.М. Маркдорф и О.Д. Базаров привели в своих работах отдельные факты о положении дел в двух спецгоспиталях японских военнопленных [1, с. 32-48; 41, с. 24, 26, 29]. Отдельные стороны вопроса о продовольственном обеспечении и питании больных и ослабленных японских военнопленных в лагерных лазаретах и оздоровительных командах Красноярского края кратко осветил М.Н. Спиридонов [44, с. 60].

С.С. Букин, А.А. Долголюк и Н.М. Маркдорф отметили, что «дифференцированное питание в зависимости от здоровья организовывалось не всегда. В лагерях Иркутской области № 7 и № 32 вплоть до декабря 1945 г. больные, в том числе и дистрофики, питались по общим нормам. С февраля следующего года, когда было развернуто несколько лаготделений для ослабленных, все переведенные в них обеспечивались улучшенными пайками и освобождались от работ» [8, с. 141; 19, с. 130-131; 18, с. 47-48].

- опубликовали лишь отдельные факты о продовольственном обеспечении японских военнопленных в отдельных рабочих батальонах (ОРБ).

Отдельные рабочие батальоны (ОРБ) использовались на строительстве и хозяйственных работах Народного комиссариата обороны (НКО) (затем - Министерства Вооруженных Сил). «Весь личный состав ОРБ … содержался за счет НКО СССР. … Физическое состояние военнопленных в ОРБ было намного хуже, чем в лагерях, смертность была выше в 5 раз», - отмечал С.В. Карасев [20, с. 378].

М.Н. Спиридонов писал, что «Министерство Вооруженных Сил …не чувствуя прямой ответственности за физическое состояние военнопленных, систематически нарушало установленные правила содержания, охраны и трудового использования военнопленных.

Приказы и директивы начальника тыла МВС в большинстве ОРБ просто не выполнялись. …рабочий день в ОРБ составлял 10-14 часов … Перерывы между приемами пищи составляли до 12 часов и более. …Впоследствии ситуация с содержанием военнопленных в ОРБ была несколько улучшена…» [44, с. 51].

С.С. Букин, А.А. Долголюк и Н.М. Маркдорф подчеркивали, что в ОРБ продовольственная проблема стояла очень остро: «Их проверка в июне 1946 г. выявила очень много нарушений.., питание на объектах работ не организовано, перерывы между приемами пищи доходили до 12 час.» [8, с. 141; 19, с. 131].

Специальных работ о продовольственном обеспечении японских военнопленных в отдельных рабочих батальонах (ОРБ) мы не встретили, а опубликованные историками сведения носят фрагментарный характер.

- отмечали, что японские военнопленные активно осуществляли сбор дикорастущей зелени, ягод, грибов, орехов и т.д. и использовали их как дополнительное питание.

Японская модель питания существенно отличалась от русской. Специфика японской кухни, а также желание японских пленных любыми доступными способами увеличить количество потребляемых продуктов, улучшить качество и витаминизированность пищи вынуждали их активно заниматься сбором дикорастущих растений, ловить змей, лягушек, кузнечиков.

Японцы стремились «добывать пищу из, казалось бы, несъедобных вещей - диких трав, насекомых, жуков-короедов, змей, различных корней и т.д.», - отмечал С.И. Кузнецов [36, с. 111]. «Во всех лагерях без исключения военнопленные занимались собирательством - выкапывали корни и луковицы растений, собирали грибы, дикий лук и черемшу, ловили змей, рыбу. Все это было хорошим подспорьем в летнем рационе питания», - писал О.Д. Базаров [1, с. 29].

С.С. Букин и А.А. Долголюк проанализировали распоряжение наркома внутренних дел СССР от 21 июля 1945 г., в котором руководителям лагерей в целях улучшения качества и витаминизации пищи военнопленных предписывалось организовать сбор дикорастущей зелени. Историки указали, что «заготовка зелени в лагерях для военнопленных японцев» проводилась более активно, чем в других лагерях. «Был организован сбор ягод, грибов, хвои, черемши, различных трав, которые употреблялись как дополнительное питание. Японцы отличались хорошим знанием полезных растений. С наступлением весны они рвали и ели листья, выкапывали съедобные корни растений. Все это помогало преодолеть авитаминоз, накапливающийся за долгую сибирскую зиму» [8, с. 140].

Но отравления несъедобными дикорастущими растениями в незнакомой японцам природно-географической зоне были неизбежны. «Отравления с летальным исходом не были редкостью, - отмечает Э.-Б. Гучинова [14, с. 71]. Историки приводят такие факты по разным регионам Сибири и Дальнего Востока.

С.П. Ким отмечал, что была даже выпущена директива о мероприятиях по предупреждению отравлений ядовитыми дикорастущими растениями, которые пленные ошибочно принимали за съедобные [27, с. 67; 29, 143].

- отмечали, что японские военнопленные заводили дружеские и деловые контакты с местными жителями, подрабатывали у них в хозяйстве с целью получить продукты, меняли свои вещи на продукты питания.

С.И. Кузнецов и О.Д. Базаров отмечали: «Из-за отдаленности "лесных зон" случались перебои с подвозом продуктов. Чтобы как-то поддержать силы, почти все японские солдаты обменивали у местных жителей личные вещи, поделки на хлеб, картошку, молоко. Хотя в трудные послевоенные годы советские люди сами бедствовали, но человеческое участие, сострадание были характерной чертой времени» [2, с. 19]. Эти же авторы привели фрагмент архивного документа, в котором говорится об оказании помощи (в том числе «снабжении продуктами питания») бежавших японских военнопленных «в период передвижения их по районам Бурят-Монгольской АССР», с информацией о побеге военнопленного Окуяма Сэйити (совершившего побег 16 мая 1946 г.

и задержанного «через восемь дней»; во время побега местные жители «снабжали его продуктами питания») [2, с. 19-20].

В монографии С.И. Кузнецова приведен фрагмент воспоминаний жителя Магадана: «Иной раз мы, русские, делились своим куском хлеба, картошкой с пленными. Но в основном шел обмен: они нам свои шерстяные вещи, мы им - еду» [36, с. 127].

А.А. Долголюк и Н.М. Маркдорф приводят воспоминания советского рабочего: «…на шахте я работал с японцами… Мне приходилось помогать им в питании. Они давали деньги, а я приносил им на работу сахар. Когда их стали отправлять в Японию, то мы уже так сильно сдружились, что было жаль расставаться» [18, с. 251].

Е.Ю. Бондаренко пишет: «В документах дальневосточных архивов, в воспоминаниях очевидцев сохранились многие факты, свидетельствующие об участии японцев за небольшую материальную помощь, чаще всего продуктами, в хозяйстве местных жителей: уборке урожая с личных огородов, ремонте жилья, выполнении различной работы по дому и т.д.» [5, с. 27].

Говоря о пробелах, недостаточно изученных вопросах и перспективах историографии, отметим:

- пока не издана ни одна монография о продовольственном обеспечении японских военнопленных в лагерях, ОРБ и спецгоспиталях на территории СССР; в монографических работах, освещающих пребывание японских пленных в Сибири и на Дальнем Востоке страны, авторы нередко ограничивались освещением вопросов продовольственного обеспечения в рамках разделов о лагерном быте;

- нуждается в основательном изучении вопрос о периодизации продовольственного обеспечения японских военнопленных в лагерях, ОРБ и спецгоспиталях в период с сентября 1945 по 1950 г. Нет серьезных исследований о том, как, какими способами и средствами преодолевалась крайне тяжелая ситуация, сложившаяся осенью 1945 и зимой 1945-1946 гг. на территории Сибири и Дальнего Востока, а также как повлияла засуха 1946 г. и голод 1946-1947 гг. на продовольственное обеспечение японских военнопленных;

- требуется анализ выполнения приказов наркома (министра) НКВД (МВД), направленных на борьбу с хищениями продовольствия в лагерях японских военнопленных. Такой анализ в работах историков отсутствует, хотя о «беспокойстве» со стороны руководства НКВД и ГУПВИ неблагополучным положением дел, об издании соответствующих приказов и даже отдельных инспекторских визитах в лагеря военнопленных они писали;

- существует потребность в основательном изучении продовольственного обеспечения спецгоспиталей и лагерных лазаретов, в которых лечились японские пленные;

- требуется глубокое изучение продовольственного обеспечения японских военнопленных, находившихся в отдельных рабочих батальонах (ОРБ);

- нуждается в более глубоком изучении организация и функционирование подсобных хозяйств, созданных при лагерях для улучшения питания военнопленных;

- пока не издан отдельный сборник документов, раскрывающих продовольственное обеспечение японских военнопленных в лагерях, ОРБ и спецгоспиталях на территории СССР. В такой сборник прежде всего следовало бы включить документы местных архивов, которые на данный момент представлены в опубликованных солидных сборниках явно недостаточно.

Российский историк военного плена Н.В. Суржикова писала: «...несмотря на экстремальные условия, в которые была поставлена страна, сталинское руководство нашло возможным одновременно с содержанием громадных масс военнослужащих и гражданского населения сохранить жизнь и содержать внушительное количество военнопленных. Их эвакуация с фронтов, оборудование лагерей в тыловых районах страны, охрана, **обеспечение регулярным питанием**, вещевым довольствием, медицинским обслуживанием, организация почтовых отправлений и трудового использования потребовали проведения колоссального объема работ и вложения значительных материальных средств, в том числе и в ущерб своим, советским, гражданам [выделено автором. - *С.С.*]» [46].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Базаров О.Д. «Сибирское интернирование»: японские военнопленные в Бурятии (1945-1948 гг.). - Улан-Удэ: ВСГАКИ, 1997. - 93 с.
2. Базаров О.Д., Кузнецов С.И. В сибирском плену (Японские военнопленные в Восточной Сибири). - Улан-Удэ: Сибирь, 1994. - 37 с.
3. Бондаренко Е.Ю. Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России (1914-1956 гг.). - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. - 228 с.
4. Бондаренко Е.Ю. Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России (1914-1956 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. - Владивосток, 2004. - 700 с.
5. Бондаренко Е.Ю. Японские военнопленные на Дальнем Востоке России в послевоенные годы. - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. - 67 с.
6. Букин С.С., Долголюк А.А. Военнопленные в Сибири: условия лагерного быта // Сибирь в XVI-XX веках: экономика, общественно-политическая жизнь и культура. - Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. - С. 220-236.
7. Букин С.С., Долголюк А.А. Медицинская помощь военнопленным в сибирских лагерях (1943-1948 гг.) // Социальные проблемы сибирских городов в ретроспективе XX ка. - Новосибирск, 2001. - С. 126-142.
8. Букин С.С., Долголюк А.А. Продовольственная проблема в сибирских лагерях для военнопленных (1943-1949 гг.) // Социокультурное развитие Сибири (XVII-XX века): Бахрушинские чтения 1996 г.: Межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В.И. Шишкина, Новосиб. гос. ун-т. - Новосибирск, 1998. - С. 131-144.
9. Военнопленные в СССР. 1939-1956. Документы и материалы / сост. М.М. Загорулько, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская; под ред. М.М. Загорулько. - М.: Логос, 2000. - 1120 с.
10. Галицкий В.П. Архивы о лагерях японских военнопленных в СССР // Проблемы Дальнего Востока. - 1990. - № 6. - С. 115-123.
11. Галицкий В.П. Цифры, которых мы не знали // Новое время. - 1990. - № 24. - С. 37-39.
12. Галицкий В.П. Японские военнопленные в советском плену - заложники чужой воли // Советский Союз и Япония во Второй мировой войне: участие и последствия. - М.: ИДВ РАН, 2016. - С. 102-114.
13. Галицкий В.П. Японские военнопленные в СССР: правда и домыслы // Военно-исторический журнал. - 1991. - № 4. - С. 66-78.
14. Гучинова Э.-Б. Рисовать лагерь. Язык травмы и памяти японских военнопленных о СССР [Электронный ресурс]. URL: http:// src-home.slav.hokudai.ac.jp/kaken/Guchinova2016 (дата обращения: 31.10.2016).
15. Долголюк А.А. Продовольственное снабжение военнопленных в СССР // Проблемы военного плена: история и современность. - Вологда, 1997. - С. 73-77.
16. Долголюк А.А., Маркдорф Н.М. Военнопленные в Сибири (1943-1950 гг.): Историческое исследование и документальные материалы. Ч.I. - Новосибирск, 2014. - 255 с.
17. Долголюк А.А., Маркдорф Н.М. Военнопленные в Сибири (1943-1950 гг.): Историческое исследование и документальные материалы. Ч.II. - Новосибирск, 2014. - 241 с.
18. Долголюк А.А., Маркдорф Н.М. Иностранные военнопленные и интернированные в Сибири (1943-1950). - М.: Кучково поле, Императорское русское историческое общество, 2016. - 544 с.
19. Долголюк А.А., Маркдорф Н.М. Как кормили пленных Второй мировой войны в сибирских лагерях? // Сибирь в Великой Отечественной войне: сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне (Новосибирск, 27-28 апреля 2015 г.). - Новосибирск: Институт истории СО РАН, Параллель, 2015. - С. 125-132.
20. Карасев С.В. История плена: советско-японская война и ее последствия (1945-1956 годы): дис. ... д-ра ист. наук. - Иркутск, 2007. - 518 с.

21. Карасев С.В. Проблемы плена в советско-японской войне и их последствия (1945-1956 годы). - Иркутск: ИрГТУ, 2006. - 354 с.
22. Карасев С.В. Японские военнопленные на территории Читинской области (1945-1949 гг.): дис. ... канд. ист. наук. - Иркутск, 2002. - 225 с.
23. Карасев С.В. Японские военнопленные на территории Читинской области (1945-1949 гг.). - Иркутск: ИрГТУ, 2003. - 153 с.
24. Катасонова Е.Л. Последние пленники Второй мировой войны: малоизвестные страницы российско-японских отношений. - М.: Ин-т востоковедения, 2005. - 253 с.
25. Катасонова Е.Л. Решение гуманитарной проблемы японских военнопленных в отношениях СССР (РФ) и Японии (1945-2003 гг.). Исторический аспект: дис. ...д-ра ист. наук. - М., 2004. - 507 с.
26. Катасонова Е.Л. Японские военнопленные в СССР: большая игра великих держав. - М.: Ин-т востоковедения РАН; Крафт+, 2003. - 432 с.
27. Ким С.П. Продовольственное обеспечение японских военнопленных в 1946-1950 гг. // Военно-исторический журнал. - 2015. - № 2. - С. 61-68.
28. Ким С.П. Репатриация японских военнопленных из СССР в 1946-1950 гг. // Военно-исторический журнал. - 2015. - № 3. - С. 69-75.
29. Ким С.П. Японские военнопленные на территории Советского Союза (1945-1956 гг.): дис. ...канд. ист. наук. - М., 2016. - 291 с.
30. Кузнецов С.И. Политика советского государства в отношении японских военнопленных советско-японской войны 1945 г. // Сибирская ссылка: сборник научных статей. - Иркутск, 2011. - С. 580-591.
31. Кузнецов С.И. Проблема военнопленных в российско-японских отношениях после второй мировой войны: Учеб. пособие. - Иркутск: Изд-во ИГУ, 1994. - 190 с.
32. Кузнецов С.И. Японские военнопленные в СССР после второй мировой войны (1945-1956 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. - Иркутск, 1994. - 39 с.
33. Кузнецов С.И. Японские военнопленные в СССР после второй мировой войны (1945-1956 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. - Иркутск, 1994. - 346 с.
34. Кузнецов С. И. Японские военнопленные в Тайшетлаге // Историко-культурные вехи развития Тайшетского района: мат-лы науч.-краевед. конф., 21 августа 2015 г. - Тайшет, 2015. - С. 119-128.
35. Кузнецов С.И. Японские военнопленные второй мировой войны в Тайшетлаге и немецкие военнопленные лагеря 199: попытка сравнения [Электронный ресурс]. URL: http://docplayer.ru/43551613-Ussr-and-western-siberia-ussr-from-eastern-europe-and-germany-end-of-repatriation-violated-by-germany-in-june-1941.html (дата обращения: 07.07.2017).
36. Кузнецов С.И. Японцы в сибирском плену (1945-1956 гг.). - Иркутск: Изд-во журнала «Сибирь», 1997. - 261 с.
37. Кузьмина М.А. Плен: Японские военнопленные в Хабаровском крае. - Комсомольск-на-Амуре: Изд-во КнАГПИ, 1996. - 156 с.
38. Маркдорф Н.М. Иностранные военнопленные, интернированные, власовцы, белоэмигранты в Западной Сибири: 1942-1956 гг. - М.: Ин-т энергии знаний, 2011. - 233 с.
39. Маркдорф Н.М. Лечебное дело в лагерях и спецгоспиталях для военнопленных в Западной Сибири (1943-1950 гг.). - Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. - 251 с.
40. Маркдорф Н.М. Материально-бытовые проблемы лагерей НКВД-МВД СССР для военнопленных в Западной Сибири и пути их разрешения // Известия Саратовского университета. Новая серия. - 2012. Т. 12. Серия: История. Международные отношения. - Вып.4. - С. 108-113.
41. Маркдорф Н.М. Спецгоспиталь № 1407: размещение, деятельность, медицинское обслуживание военнопленных и интернированных // Амурская область: история и современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции. - Благовещенск, 2009. - С. 23-30.

42. Миронов А.Г. Строительство железной дороги Тайшет - Братск // Острожному Братску - 375 лет: мат-лы город. краевед. конф. - Братск, 2006. - С. 25-31.
43. Русский архив: Великая Отечественная: в 29-ти т. - М.: ТЕРРА, 1996. Т. 24 (13). Иностранные военнопленные второй мировой войны в СССР. - 560 с.
44. Спиридонов М.Н. Японские военнопленные в Красноярском крае (1945-1948 гг.): проблемы размещения, содержания и трудового использования: дис. ...канд. ист. наук. - Красноярск, 2001. - 304 с.
45. Спиридонов М.Н. Японские военнопленные в Красноярском крае (1945-1948 гг.): проблемы размещения, содержания и трудового использования. - Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т, 2003. - 274 с.
46. Суржикова Н.В. Новейшая отечественная историография проблем военного плена Второй мировой войны [Электронный ресурс]. URL: http://be.convdocs.org/docs/index-75965.html (дата обращения: 01.07.2017).
47. Шалак А.В. Японские военнопленные на территории Иркутской области: динамика численности, условия проживания, трудовое использование (1945-1949 гг.) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2011. - Иркутск, 2011. - С. 225-237.
48. Японские военнопленные в СССР: 1945-1956: сб. документов / сост. В.А. Гаврилов, Е.Л. Катасонова. - М.: МФД, 2013. - 784 с.

REFERENCES

1. Bazarov O. D. "Siberian internment": Japanese prisoners of war in Buryatia (1945 and 1948). Ulan-Ude: Siberian state Academy of culture, 1997. 93 p.
2. Bazarov O. D., Kuznetsov S. I. In a Siberian prisoner (prisoners of the Japanese in Eastern Siberia). Ulan-Ude, Siberia, 1994. 37p.
3. Bondarenko E. Y. Foreign prisoners of war in the far East of Russia (1914 1956). Vladivostok: Izd-vo dal'nevost. University press, 2002. 228 p.
4. Bondarenko E. Y. Foreign prisoners of war in the far East of Russia (1914 1956): dis. ... d-RA ist. Sciences. Vladivostok, 2004. 700 p.
5. Bondarenko E. Y. Japanese prisoners of war in the far East of Russia in the postwar years. Vladivostok: Izd-vo dal'nevost. University press, 1997. 67 p.
6. Bukin S. S., Dolgoljuk A.A. Prisoners of war in Siberia: conditions of camp life. Siberia in the XVI XX centuries: the economy, political life and culture. Novosibirsk: Publishing house SB RAS, 1997. Pp. 220-236.
7. Bukin S. S., Dolgoljuk A.A. Medical assistance to a prisoner of war in Siberian camps (1943 and 1948). Social problems of Siberian cities in the retrospective of the twentieth century. Novosibirsk, 2001. P. 126-142.
8. Bukin S. S., Dolgoljuk A.A. Food problem in the Siberian camps for prisoners of war (1949 1943 gg.). Socio-cultural development of Siberia (XVII XX centuries): Bakhrushin read 1996: Mezhvuz. SB. nauch. Tr. . ed. by V. I. Shishkin, novosib. state University T. Novosibirsk, 1998. P. 131-144.
9. POWs in the Soviet Union. 1939 1956. Documents and materials. ed. M. M. Zagorulko, S. G. Sidorov, V. T. Tsarevskaya; edited by M. M. Zagorulko. M.: Logos, 2000. 1120 p.
10. Galickij V. P. Archives of Japanese prisoners of war camps in the USSR. Problems of the Far East. 1990. No. 6. Pp. 115-123.
11. Galickij V. P. Figures, which we were not aware of the time. 1990. No. 24. P. 37-39.
12. Galickij V. P. Japanese prisoners of war in Soviet captivity, the hostages of the will of others. the Soviet Union and Japan in world war II: involvement and consequences. Moscow: Institute of far Eastern studies RAS, 2016. P. 102-114.
13. Galickij V. P. Japanese POWs in the Soviet Union: the truth and conjectures. Military-historical magazine. 1991. No. 4. P. 66-78.
14. Guchinova E.B. To Draw the camp. The language of trauma and the memory of Japanese prisoners of war on the USSR . Available at: URL: http:// src-home.slav.hokudai.ac.jp/kaken/Guchinova2016 (date accessed: 31.10.2016).
15. Dolgoljuk, A. A. Food supply of prisoners of war in the USSR. problems of war captivity: history and modernity. Vologda, 1997. pp. 73-77.
16. Dolgoljuk, A. A., Markdorf, N. M. Prisoners of war in Siberia (1943 1950): Historical research and documentary materials. Part I. Novosibirsk, 2014. 255 p.

17. Dolgoljuk, A. A., Markdorf, N. M. Prisoners of war in Siberia (1943 1950): Historical research and documentary materials. Part II. Novosibirsk, 2014. 241 p.
18. Dolgoljuk, A. A., Markdorf , N. M. Foreign prisoners and internees in Siberia (1943 1950). Moscow: Kuchkovo pole, The Imperial Russian historical society, 2016. 544 p.
19. Dolgoljuk, A. A., Markdorf, N. M. As fed the prisoners of the Second world war in the Siberian camps? Siberia in the great Patriotic war: collection of materials of Russian scientific conference, devoted to the 70 anniversary of the Victory in the great Patriotic war (Moscow, 27-28 April 2015). Novosibirsk: Institute of history SB RAS, Parallel, 2015. S. 125-132.
20. Karasev, S. V., History of the captivity: Soviet-Japanese war and its aftermath (1945 1956): dis. ... d-RA ist. Sciences. Irkutsk, 2007. 518 p.
21. Karasev S. V. Problems of captivity in the Russo-Japanese war and their aftermath (1945 1956). Irkutsk: ISTU, 2006. 354 p.
22. Karasev, S. V., Japanese prisoners of war in the territory of the Chita region (1945 1949). Diss. kand. ist. Sciences. Irkutsk, 2002. 225 p.
23. Karasev, S. V., Japanese prisoners of war in the territory of the Chita region (1945 1949 gg.). Irkutsk: Irgtu, 2003. 153 P.
24. Katasonova, E. L., The Last prisoners of world war II: little known pages of Russian-Japanese relations. M.: In-t of Oriental studies, 2005. 253 p.
25. Katasonova, E. L. The Solution of humanitarian problems of Japanese prisoners of war in relations between the USSR (Russia) and Japan (1945-2003). Historical aspect: dis. ...d-RA ist. Sciences. M., 2004. 507 P.
26. Katasonova E. L. Japanese POWs in the Soviet Union: the great game of great powers. M.: In-t of Oriental studies, RAS; Kraft, 2003. 432 p.
27. Kim S. P. Food supply of Japanese prisoners of war in 1946 and 1950. Military-historical magazine. 2015. No. 2. pp. 61-68.
28. Kim S. P. Repatriation of Japanese prisoners of war from the USSR in 1946 and 1950. Military-historical magazine. 2015. No. 3. pp. 69-75.
29. Kim S. P. Japanese prisoners of war in the Soviet Union (1945 and 1956): dis. kand. ist. Sciences. M., 2016. 291 p
30. Kuznetsov, S. I. Soviet Policy in respect to Japanese prisoners of war, Soviet-Japanese war 1945. The Siberian is the link: collection of scientific articles. Irkutsk, 2011. P. 580-591.
31. Kuznetsov S. I. the Problem of prisoners of war in Russian-Japanese relations after world war II: Proc. allowance. Irkutsk: Publishing house of ISU, 1994. 190 p.
32. Kuznetsov, S. I. Japanese prisoners of war in the Soviet Union after the second world war (1945 and 1956): author. dis. ... d-RA ist. Sciences. Irkutsk, 1994. 39 p
33. Kuznetsov, S. I. Japanese prisoners of war in the Soviet Union after the second world war (1945 and 1956): dis. ... d-RA ist. Sciences. Irkutsk, 1994. 346 p.
34. Kuznetsov, S. I. Japanese prisoners of war in Taishetlag. Historical and cultural milestones in the development of the Tayshet district: Mat. nauch. -local historian. Conf. August 21, 2015 Taishet, 2015. P. 119-128.
35. Kuznetsov S. I. the Japanese POWs of world war II in Taishetlag and German prisoners of war camp 199: attempt to compare. Available at: URL: http://docplayer.ru/43551613-Ussr-and-western-siberia-ussr-from-eastern-europe-and-germany-end-of-repatriation-violated-by-germany-in-june-1941.html (date accessed: 07.07.2017).
36. Kuznetsov S. I. the Japanese in Siberian captivity (1945 and 1956). Irkutsk: Publishing house of the magazine "Siberia", 1997. 261 p
37. Kuzmina M. A. Captivity: Japanese prisoners of war in the Khabarovsk territory. Komsomolsk-on-Amur: publishing house of Knipe, 1996. 156 p.
38. Markdorf N. M. Foreign prisoners of war, internees, Vlasov, white Russians in Western Siberia: 1942 1956 M.: In-t energy knowledge, 2011. 233 p.
39. Markdorf N. M. Medical care in the camps and spetshospytalya for POWs in Western Siberia (1943 and 1950). Novosibirsk: Publishing house NSPU, 2013. 251 p.
40. Markdorf N. M. Logistical problems in the camps of the NKVD-MVD of the USSR for prisoners of war in Western Siberia and their possible solutions. Izvestiya of Saratov University. New series. 2012. Vol. 12. Series: History. International relations. Vol.4. pp. 108-113.
41. Markdorf N. M. Specrometer No. 1407: accommodation, activities, medical care, prisoners of war and internees. Amur oblast: history and modernity: materials of all-Russian scientific-practical conference. Blagoveshchensk, 2009. pp. 23-30.
42. Mironov A. G. Construction of the railway from Tayshet Bratsk. Careful Bratsk 375 years: Mat-ly city. local historian. Conf. Bratsk, 2006. pp. 25-31.

43. Russian archive: Great Patriotic war: in 29 T. M.: TERRA, 1996. Vol. 24 (13). Foreign prisoners of world war II in the Soviet Union. 560 p.
44. Spiridonov M. N. Japanese prisoners of war in the Krasnoyarsk territory (1945 1948): problems of accommodation, maintenance and labor utilization: dis. kand. ist. Sciences. Krasnoyarsk, 2001. 304 p.
45. Spiridonov M. N. Japanese prisoners of war in the Krasnoyarsk territory (1945 1948): problems of accommodation, maintenance and labor use. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk state pedagogical. Univ, 2003. 274 p.
46. Surzhikova N. In. The modern domestic historiography of military captivity in the Second world war. Available at: URL: http://be.convdocs.org/docs/index-75965.html (date accessed: 01.07.2017).
47. Shalak A.V. Japanese prisoners of war in the territory of the Irkutsk region: the population dynamics, living conditions, labor use (1945 1949 gg.). Irkutsk historical and economic Yearbook: 2011. Irkutsk, 2011. P. 225-237.
48. Japanese POWs in the Soviet Union: 1945 1956: a collection of documents. comp. V. A. Gavrilov, E. L. Katasonova. Moscow: MFD, 2013. 784 p.

Информация об авторе:

Серебренников Сергей Владимирович, кандидат исторических наук,
г. Кемерово, Россия,
serebrennikov_s@list.ru
ORCID iD 0000-0002-4019-2292

Получена: 01.07.2017

Для цитирования: Серебренников С.В. Продовольственное обеспечение японских военнопленных на территории Сибири и Дальнего Востока СССР (1945-1950 гг.): страницы отечественной историографии. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 1. с.64-80.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-64-80.

Information about the author:

Sergey V. Serebrennikov, Candidate of Historical Sciences,
Kemerovo, Russia
serebrennikov_s@list.ru
ORCID iD 0000-0002-4019-2292

Received: 01.07.2017

For citation: Serebrennikov S.V. Food security of japanese war prisoners in Siberia and the Far East of the USSR (1945-1950): pages of domestic historiography. Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 1. Pp. 64-80.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-64-80. (in Russian)

УДК 261.8 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-81-91

СУВОРОВ Вадим Геннадьевич
Общецерковная докторантура имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия
Коломенская духовная семинария
г. Коломна, Россия
fr.vadim.suvorov@yandex.ru

Vadim G. SUVOROV
Church Doctoral Studies Center of Saints Cyril and Methodius
Kolomna Seminary
Kolomna, Russia
fr.vadim.suvorov@yandex.ru

ИДЕЯ ПОСТОЯННОГО ВСЕПРАВОСЛАВНОГО СИНОДА В РУССКОМ ПРАВОСЛАВИИ КОНЦА XIX - НАЧАЛА XXI ВЕКА

Отсутствие в мировом православии единого организационного и координационного центра является одной из проблем, остро стоящих перед Православной Церковью, по меньшей мере, с конца XIX в. По вопросу о первенстве на универсальном уровне среди Поместных Церквей сегодня нет единого мнения, что стало причиной появления в 2013 г. официального документа Русской Православной Церкви на эту тему. Безуспешные усилия провести Всеправославный Собор в XX в. предпринимались Константинопольским Престолом. По окончании Второй мировой войны такой собор пыталась провести Москва. В 2016 г. очередная попытка провести Всеправославный Собор на Крите вновь оказалась неудачной. Прошедший в неполном составе Критский Собор фактически предложил учредить при Константинопольском патриархе в качестве регулярно действующего института Всеправославный Синод, состоящий из представителей всех Автокефальных Православных Церквей. Эта идея не является новой для русского православия и ведет свою историю, по меньшей мере, с конца XIX в. В XX столетии идея создания постоянного Всеправославного Синода высказывалась видными русскими православными деятелями различных церковно-политических и юрисдикционных ориентаций. В статье рассматривается развитие идеи постоянного Всеправославного Синода в записках графа Игнатьева, трудах канонистов Н. Суворова, Н. Заозерского, С. Троицкого, богословов А. Карташева, прот. Н. Афанасьева, И. Мейендорфа, архиеп. Василия (Кривошеина), в работе Московского Совещания Глав и представителей Автокефальных Православных Церквей 1948 г., в проектах документов, подготовленных Комиссией при Священном Синоде Русской Православной Церкви по разработке каталога тем Всеправославного Предсобора 1968 г. На основании проведенного обзора приводятся обобщающие выводы и дается оценка проблем и перспектив воплощения идеи постоянного всеправославного синода Поместными Православными Церквами.

Ключевые слова: история церкви, Русская Православная Церковь, Всеправославный Собор, Всеправославный Синод, межправославные отношения, первенство во Вселенской Церкви, православная экклезиология, русское богословие

PERMANENT PAN-ORTHODOX SYNOD IDEA IN THE RUSSIAN ORTHODOX TRADITION FROM THE LATE XIX TO EARLY XXI CENTURIES

The lack of a single administrative center in the Orthodox world is one of the acute problems at least since the late 19 century. Today on the issue of primacy at the universal level there is no consensus among the local Churches, and this was the reason for the appearance in 2013 of an official document of the Russian Orthodox Church on this subject. In the 20 century, Constantinople made unsuccessful efforts to hold a pan-Orthodox Council. After the Second World War, Moscow made such an attempt. In 2016, another attempt to hold the pan-Orthodox Council on Crete again proved unsuccessful. This Council was held in incomplete composition and actually proposed to establish under the Patriarch of Constantinople a permanent all-Orthodox synod consisting of representatives of all Autocephalous Orthodox Churches. This idea is not new to Russian Orthodoxy. The idea of creating a permanent pan-Orthodox synod was expressed by prominent Russian Orthodox figures of various political and jurisdictional orientations. The article deals with the development of the idea of a permanent all-Orthodox synod in the notes of Count Ignatiev, the works of the canonists N. Suvorov, N. Zaozersky, S. Troitsky, theologians A. Kartashev, prot. N. Afanasyev, I. Meyendorff, Archbishop Basil (Krivoshein), in the work of the Moscow Conference of the Heads and representatives of the Autocephalous Orthodox Churches of 1948, in the draft documents prepared by the Commission at the Holy Synod of the Russian Orthodox Church for the development of the catalog of themes for the Pan-Orthodox Council of 1968. Based on the review, the author summarizes the conclusions and assesses the problems and prospects for translating the idea of a permanent all-Orthodox synod in the life of the Orthodox Church.

Keywords: church history, Russian Orthodox Church, Pan-Orthodox Council, Pan-Orthodox Synod, Inter-Orthodox relations, primacy in Universal Church, Orthodox ecclesiology, Russian theology

В 2016 г. на Крите под председательством Константинопольского патриарха прошел «Святой и Великий Собор Православной Церкви». Этот Собор готовился и ожидался

как всеправославный, однако в последние недели перед его открытием четыре автокефальные Церкви - Антиохийская, Болгарская, Грузинская и Русская - отказались от участия в Соборе. Главной причиной срыва стали неразрешенный конфликт и разрыв евхаристического общения между Антиохийским и Иерусалимским Патриархатами на момент открытия Собора, а также отсутствие согласия между Поместными Церквами по проектам соборных документов, регламенту и организационной процедуре Собора.

Несколько Церквей выступили с предложением перенести Собор на более поздний срок, однако Вселенский Патриархат, возглавлявший процесс подготовки Собора и заинтересованный в его проведении, не согласился с этим предложением и провел Собор в неполном составе, что повлекло за собой непризнание со стороны ряда Церквей статуса Критского собора как «Всеправославного».

При этом Критский Собор «сформулировал предложение учредить Святой и Великий Собор в качестве регулярно действующего Института» [21, п. 1]. Фактически речь идет о воссоздании при Константинопольском патриархе «Домашнего Синода» (Σύνοδος ἐνδημοῦσα), включающего представителей всех современных Автокефальных Церквей. Данное предложение отвечает устремлениям Константинопольского Патриархата усилить свое влияние на всеправославном уровне, наделив своего первоиерарха не только титулом, но и реальными полномочиями «Вселенского патриарха». Однако данную позицию сегодня принимают не все Поместные Церкви. Главный «оппонент» Константинополя - Русская Православная Церковь - в своем официальном документе 2013 г. отметила, что признание особого вида служения - «вселенского архиерея», обладающего административной властью во всей Православной Церкви, - приведет к «умалению или даже упразднению автокефалий Поместных Церквей» [20, п. 3].

При всей обоснованности этих возражений ситуация с Собором на Крите вновь обнажила не решенную в мировом православии проблему отсутствия в структуре Православной Церкви единого центра, обладающего стабильными механизмами решения общеправославных вопросов. Без создания такого вселенского центра с реальными полномочиями многие накопившиеся в межправославных отношениях проблемы и конфликты рискуют остаться неразрешенными.

Русские канонисты, историки и богословы уже на рубеже XIX-XX вв. осознавали эту проблему. Н. Суворов в своем «Курсе церковного права» был вынужден признать, что в восточном православии высшей церковно-устройственной формой считается Вселенский Собор лишь «в идее». «В действительности же православные автокефальные церкви существуют как отдельные юридические единицы, которые могут принять или не принять участие в соборе, смотря по соображениям церковного правительства данной страны» [23, с. 6-7]. Именно это и произошло с Собором на Крите.

«Православная Грековосточная церковь <…>, - писал Н. Заозерский, - при отсутствии видимого объединяющего центра и под влиянием давления национальных и политических условий <…> представляет собой не целое или единую особую величину, а раздробленные части, живущие замкнутой в себе жизнью…» [6, с. 220].

Осознание этой проблемы наталкивало не только церковных, но и государственных деятелей в России на мысль о целесообразности учреждения в Православной Церкви постоянного всеправославного синода, по подобию устройства поместных автокефальных Церквей, имеющих во главе своего управления первоиерарха и синод. Русский посол в Константинополе граф Н. Игнатьев в своих записках о событиях на Балканах 1870-х годах высказывал предположение, что «для лучшей связи между единоверными нам народностями и Россией, может быть, пригодно было бы доставить вселенскому патриарху действительно вселенский, а не исключительно греческий характер и возвысить его во всех отношениях, придав патриарху постоянный синод, составленный не из одних местных архиереев, а из представителей всех автокефальных церквей…» [7, с. 66]. В первую очередь Игнатьев, конечно, рассуждал, как дипломат: учреждение всеправославного синода мыслилось им как инструмент для утверждения Россией своих интересов на Востоке, а в перспективе и овладения Константинополем - «этим существенно для нас важным центром политическим, духовным и торговым» [7, с. 97].

О необходимости для вселенского православия единого центра писал в своих дореволюционных публикациях и будущий знаменитый «советский канонист» [10, с. 294] С. Троицкий, выступая - уже напрямую - не за усиление роли Константинополя, а за «более энергичное вмешательство русской Церкви в дела восточных церквей» [26, с. 237]. «Распри между восточными церквами обострились до крайности», - писал Троицкий. При этом «ни одна из восточных церквей не в силах поднять голос, вполне свободный от внешних влияний и человеческих расчетов, ни одна не может послужить объединяющим и примиряющим центром для прочих» [26, с. 238]. Таким центром, по мнению Троицкого, должна была стать Русская Церковь: «Этот голос и должна подать церковь православного и независимого государства Российского. Это ее право и святая обязанность» [26, с. 238].

В будущем, однако, Троицкий стал доказывать иную точку зрения. Эмигрировав в 1920 г. за границу, он оказался в 1945 г. в Белграде на занятой советскими войсками территории, где перешел в юрисдикцию Московского Патриархата. После этого на страницах Журнала Московской Патриархии Троицкий стал доказывать догматическую невозможность существования в Православной Церкви единого вселенского административного центра, так как «существование такого центра, при существовании общего центра небесного, вносило бы дуализм в Церковь и нарушало бы ее единство» [30, с. 34; 28, с. 69].

Данные публикации в Журнале Московской Патриархии имели целью оспорить претензии Константинополя на всеправославное лидерство в условиях обострения соперничества между Константинополем и Москвой. После окончания Второй мировой войны, по планам Сталина, Москва должна была превратиться в «Православный Ватикан», через который Советский Союз мог бы осуществлять свое влияние в мире. Для этого предполагалось организовать всемирное движение против «папизма», ослабить влияние Константинопольского Патриархата, который, как и Ватикан, считался агентом США, перенести центр вселенского православия из Константинополя в Москву [34, с. 283-338]. На 1948 г. было намечено проведение в Москве Вселенского Собора «для решения вопроса о присвоении Московской Патриархии титула вселенской» [34, с. 294].

На страницах Журнала Московской Патриархии стала появляться информация «об исключительном оживлении» в лоне Вселенской Православной Церкви под фактическим водительством русского православия: «Москва - третий Рим, а четвертому не бывать» [1, с. 56]. Однако попытка провести в Москве в 1948 г. всеправославный Собор не удалась, так как встретила сопротивление со стороны греческих Церквей. В ходе подготовки Собора в греческой церковной прессе стали появляться статьи, где утверждалось, что славянские Церкви, оказавшиеся под коммунистическим режимом, «под покровительством Русской Патриархии <…> стремятся помрачить славу Вселенской Патриархии и поставить Русского Патриарха Алексия на то видное место, которое в течение веков занимает, по постановлениям Вселенских Соборов, Вселенская Патриархия» [27, с. 31]. При этом отмечалось, что осуществить «мрачные и вероломные планы» - заменить собой Константинополь - Москва пытается уже не в первый раз: и ранее, во время царского режима, Русская Церковь, «по соглашению с остальными славянскими Церквами, Болгарской, Сербской и т.д., употребляла многие методы и многие средства, чтобы парализовать и заменить Вселенскую Патриархию» [27, с. 31].

В итоге Москве удалось провести лишь совещание Глав и представителей Православных Церквей, приуроченное к празднованию 500-летия автокефалии Русской Церкви. Иерусалимская Церковь отказалась участвовать в торжествах, сославшись на «опасное положение на Востоке» [24, с. 26]. Александрийская Церковь также сочла невозможным послать в Москву своих делегатов, поручив представительство от своего имени Антиохийской делегации [31, с. 24-25]. Уклонилась от участия в торжествах и Кипрская Церковь. Прибывшие на торжества представители Константинопольской и Элладской Церквей согласились принять участие в праздничных мероприятиях, но от участия в работе Совещания отказались. В качестве официальной причины было объявлено нарушение порядка созыва общеправославных встреч. Костантинопольский Патриарх Максим заявил, что предстоятель Русской Церкви должен был вначале сообщить о своей инициативе ему, как первому епископу Православной Церкви, а он мог бы оповестить об этом глав

других поместных Церквей и в случае их согласия разослал бы официальные приглашения [32, с. 508]. Таким образом, Московское совещание 1948 г. по своему составу не стало ни Вселенским Собором, ни даже всеправославным совещанием, предвосхитив судьбу Критского Собора.

В докладах Московского совещания, направленных против «агрессии папства» и «политических козней Ватикана», делегаты от РПЦ были вынуждены признать очевидную внешнюю мощь и организованность Католической Церкви в сравнении с Православной. По мысли докладчиков, разрозненные автокефальные Церкви, не имеющие единой организации, не могут эффективно противостоять «агрессии» современного католицизма, поэтому назрела необходимость создания Поместными Церквами единого организационного центра: «Доселе у нас не было объединяющего центра, и до некоторой степени это ослабляло моральный авторитет Православных Церквей, - говорил архиеп. Гермоген (Кожин). - Но последняя попытка "американизировать" Константинопольского Вселенского Патриарха повелительно диктует необходимость координации сил всех Православных Автокефальных Церквей» [4, с. 138]. По мнению докладчика, новый межправославный орган должен быть организован на соборных началах, чтобы «решить вопрос о путях и способах координирования совместных усилий Автокефальных Церквей по борьбе с папизмом, <…> даже в его современной "американской" формации» [4, с. 138-139].

В этих предложениях, как и в характеристиках папизма, данных делегатами от РПЦ, сказалась политизированность работы Совещания, проходившего под жестким контролем советских органов. Отрицая идею наднационального церковного центра в лице «проамериканских» Ватикана и Константинополя, Русская Православная Церковь одновременно высказалась в пользу соборного объединения Поместных Православных Церквей вокруг другого вселенского центра - Москвы. На заключительном пленарном заседании Патриарх Алексий выразил надежду, что Московское Совещание есть «только начало общих собраний Православных Церквей для совместного решения постепенно назревающих общецерковных вопросов» [22, с. 36].

Еще более явно Московский Патриархат сформулировал предложение учредить постоянный Всеправославный синод в 1968 г., в проекте резолютивных документов Комиссии при Священном Синоде Русской Православной Церкви по разработке каталога тем Всеправославного Предсобора. В этом официальном документе прямо не говорилось, при каком именно первоиерархе должен быть создан всеправославный синод, но утверждалось, что в жизни всей Православной Церкви ни одна Поместная Церковь не имеет каких-либо преимуществ и права инициативы. Настаивая на принципе равноправия и полноправия всех автокефальных поместных Церквей, исключающем признание за какой-либо поместной Церковью роли вселенского центра, Комиссия одновременно пришла к выводу, что «для лучшего выражения единства и соборности Церкви в период между Вселенскими соборами надлежит действовать Всеправославному синоду, состоящему из равночестных и равноправных представителей всех поместных церквей» [14, с. 120]. Комиссия отметила, что с 1961 г., по взаимному согласию всех Православных Поместных Церквей, с целью укрепления межправославного церковного единства созываются Всеправославные совещания, «которые могут иметь еще большее значение, если будут созываться регулярно, как постоянно действующий орган» [14, с. 187].

Комиссия не признала за Константинопольским патриархом исключительных прав на созыв Вселенских или Всеправославных Соборов, указав, что таковой Собор может быть созван либо по решению всеправославного органа, либо по инициативе любой поместной автокефальной Церкви с согласия других автокефальных Церквей [14, с. 195]. Существование при Константинопольском патриархе «Домашних синодов» было названо в документе «древней и изжившей себя практикой» [14, с. 195], которая была продиктована временной нуждой, но не соответствовала канонической норме. Комиссия, однако, согласилась с тем, что «Константинопольский патриарх, как первый по диптиху, или, в случае отсутствия Константинопольского патриарха, первый по чести (в диптихе) среди отцов собора, открывает Всеправославный собор, председательствует на нем и закрывает его» [14, с. 196].

Таким образом, Московский Патриархат официально высказался в поддержку идеи учреждения всеправославного синода, попытавшись, однако, свести к минимуму роль, отводимую Константинопольскому патриарху.

Идея постоянного всеправославного синода, созываемого именно при Константинопольском патриархе с возможным расширением его полномочий, нашла горячих сторонников среди русских богословов, принадлежавших юрисдикции митр. Евлогия (Георгиевского), перешедшего в 1931 г. в подчинение Константинополю.

Проф. А. Карташев, которого Троицкий считал одним из главных «идеологов» «Парижского раскола» [25, с. 58], стал одним из первых русских богословов, кто попытался осмыслить вопросы, связанные с подготовкой Всеправославного Собора. Еще с начала 1930-х гг., одним из первых среди русских богословов XX столетия, Карташев начал высказывать идею о необходимости превращения предстоятеля Константинопольской Церкви в реального, а не только титулярного Вселенского Патриарха путем создания при его кафедре постоянного всеправославного синода. «Такой всевосточный σύνοδος ἐνδημοῦσα, состоящий из делегатов - апокрисиариев всех церквей, может периодически заседать в разных географических пунктах, около разных автокефальных примасов, ради символизации братской солидарности, но преимущественная его резиденция должна быть около своего старейшего председателя, Константинопольского патриарха» [11, с. 21], - писал Карташев. Организация такого постоянного экстерриториального межправославного синода при Константинопольском патриархе, по мнению Карташева, может сделать Поместные Церкви более свободными от давления местных светских правительств и будет способствовать лучшей координации совместной деятельности Поместных Церквей в интересах вселенского Православия.

Карташев был верен этой идее до самой своей смерти. В одной из последних работ Карташев вновь повторил мысль о необходимости «реставрационной реформы авторитета Вселенского патриарха» путем создания при нем «церковного министерства иностранных дел» - особого отдела Синода из «выборных и по очереди сменяющихся делегатов-епископов от всех автокефальных и автономных церквей» [9, с. 120-121], чтобы восточное православие «перестало быть рассыпанной храминой и явилось пред миром и пред гордым латинством как соборное, правильно организованное единство» [9, с. 120].

Троицкий, отчасти справедливо, упрекал Карташева в том, что тот неясно представляет организацию предлагаемой им инстанции и ее компетенцию. Карташев то говорит об «административном примате» Константинопольского архиепископа и называет проектируемую инстанцию «некоторым посольским министерством церковных дел», то называет ее «апелляционной инстанцией для ревизии и урегулирования возникающих споров», то надеется, что она будет «авторитетным арбитражем, как бы третейским церковным разбирательством» [29, с. 107]. Мысль Карташева о полномочиях всеправославного синода действительно не всегда отличалась четкостью; это была лишь начальная идея, развить и воплотить которую, по замыслу Карташева, предстояло соборному разуму Церкви.

Карташев крайне негативно расценивал попытки «советской церкви» и ее канонистов оспорить вселенское первенство Константинополя и утвердить «псевдопервенство» «красной Москвы» [9, с. 120]. В этой связи работы Карташева до сих пор пользуется высоким авторитетом в кругах сторонников расширенного понимания первенства Константинопольского Престола [8]. Вместе с тем организация всеправославного центра при Константинопольском патриархе рассматривалась Карташевым скорее как промежуточная задача. Карташев был вдохновлен «мечтой о Третьем Риме», которую считал «первой и единственной любовью русской души» [12, с. 275]. В ряде своих работ [13; 12; 9; 11; 10] он выражал уверенность в том, что историческая миссия Русской Церкви после ее освобождения от безбожной большевистской диктатуры заключается в «возглавлении всего православия» [13, с. 26]. «Историческое будущее Православия впредь провиденциально связано с силами, заложенными в Русской Церкви, - утверждал Карташев. - <…> Что Русская Церковь есть гегемон Православия, это знает всякий, кто хотя одним глазом мог наблюдать и сравнивать церкви Востока» [13, с. 24-25].

Защищая в 30-е годы первенство Константинопольского патриарха, Карташев тем не менее критически оценивал попытки Константинополя провести Вселенский Собор без полноценного участия в нем Русской Церкви и проводил аналогию с тем, как политический мир использует ослабление России, устраивая свои интересы без России и против нее [11, с. 30]. В контексте Собора на Крите, проведенного без участия Русской Церкви, данная мысль Карташева вновь звучит актуально.

Идеи, высказанные Карташевым в 1930-е годы, получили одобрение другого выдающегося представителя «евлогиан» - Н. Афанасьева. В рецензии на книгу «На путях к Вселенскому Собору» Афанасьев готов согласиться с идеей Карташева о предоставлении Константинопольскому патриарху особых полномочий среди православных иерархов, однако считает это предложение трудно осуществимым на практике: «Возможно, что это было бы наиболее легким выходом, но практически он как раз наименее осуществим: вряд ли на это пойдут в настоящих условиях поместные церкви. <…> Правильнее тот путь, на который вступил сам константинопольский патриарх: предварительные совещания глав отдельных поместных церквей. <…> Возможно, что созыв собора будет поручен константинопольскому патриарху, но не исключена возможность, что такое совещание облечет этим правом какое-нибудь другое лицо или изберет специальный орган» [2, с. 95].

Вслед за Карташевым идею организации при Константинопольском патриархе постоянного межправославного органа активно развивал в своих трудах другой видный представитель русских богословов-«евлогиан» - прот. Иоанн Мейендорф.

В заметке «Назревающие перемены во вселенском Православии» (1970) о. Иоанн выражает надежду на то, что готовящийся православный «Великий Собор» найдет в себе смелость - с содействием Святого Духа - отрешиться от давно устарелой системы, выработанной еще Византийской Империей, до сих пор еще номинально определяющей организацию мирового Православия, и дерзновенно поставит вопрос о необходимости создания при Константинопольском патриархе постоянного всеправославного синода или совещания. «Конечно нет и речи о том, - пишет о. Иоанн, - чтобы это обратилось в новый Ватикан и чтобы патриархат, даже в этом новом виде, приобрел власть над церквами. Но если бы ближайшие сотрудники патриарха состояли из представителей всех православных церквей, а не только греческой, как теперь, то это, конечно, дало бы ему возможность играть большую роль в действительном и активном свидетельстве обо всем православии. Православная церковь безусловно нуждается в мировом центре для соборования, но не для власти над церквами» [18, с. 3]. Мейендорф подчеркивает, что такой всеправославный центр должен быть максимально независимым от светской политики, поэтому им не может быть ни Москва, ни Вашингтон.

Мысль о необходимости реформирования канонического устройства вселенского Православия о. Иоанн повторяет в статье «На путях к Вселенскому Собору?»: «Каноническое законодательство древней Церкви, которым живет православие, предполагает существование христианской империи. Вне условий, в которых оно было составлено, оно, во многих случаях, - лишено прямого смысла и должно быть обновлено. Юрисдикционному хаосу и бесплодной полемике о "правах" и "первенствах" между церквами должен быть положен конец» [17, с. 139].

В статье «Кафоличность Церкви» о. Иоанн настаивает на «экклезиологической необходимости координирующего центра общения и совместного действия» [15, с. 140]. «Нет сомнения, - утверждает о. Иоанн, - что мы нуждаемся в таком центре. Желательно, чтобы он обладал международным руководящим органом и возможностью для всех поместных церквей иметь своих постоянных представителей на месте. Вселенский Патриарх, возглавляющий такой центр, сможет выступать как подлинный инициатор православной кафоличности, если только он окажется достаточно свободным от политических давлений извне и сам будет действовать всегда ex consensu ecclesiae» [15, с. 142]. Только в этом случае, считает отец Иоанн, никто не сможет оспаривать его полезность и авторитет [16, с. 119].

В работах «Современные проблемы православного канонического права» (1972) [19] и «Византийское наследие в Православной Церкви» (1982) [35] о. Иоанн изложил аналогичную точку зрения.

Из богословов, принадлежавших юрисдикции Московского Патриархата, в поддержку идеи всеправославного синода писал архиепископ Василий (Кривошеин): «В мире, где все организовано и координировано, одна Православная Церковь не может оставаться без организационного и координационного центра, не претерпевая от этого большие затруднения и ущерб. <…> Вселенский патриарх должен быть окружен постоянным синодом из представителей всех автокефальных церквей, дабы стать центром всеправославной координации. Как primus inter pares, он председательствует в синоде, который обсуждает вопросы всеправославного характера и принимает свои решения большинством голосов. Эти решения в дальнейшем осуществляются в жизнь автокефальными церквами» [3, с. 260-261]. По мнению владыки, такого рода общеправославный синод не будет ограничивать автономию автокефальных Церквей, так как его компетенция «строго ограничена вопросами всеправославного характера» [3, с. 261].

Из проведенного обзора можно сделать несколько выводов.

Прозвучавшая в 2016 г. на Критском Соборе идея учреждения регулярно действующего всеправославного синода, включающего представителей всех Поместных Автокефальных Церквей, не является для русского православия новой и ведет свою историю, по меньшей мере, с конца XIX столетия. С этого времени в русском православии растет осознание необходимости учреждения в Православной Церкви единого организационного и координационного центра в виде постоянного всеправославного синода, призванного служить созыву всеправославных соборов, разрешению конфликтов, координации действий Автокефальных Церквей, их совместному свидетельству перед неправославным и нехристианским миром, способствовать большей независимости Поместных Церквей от местных национальных и политических влияний.

Судьба этой церковной идеи оказалась, однако, тесно связанной с национальными и политическими факторами - интересами России на Балканах во 2-й пол. XIX - нач. XX в., сталинскими планами переустройства мира по окончании Второй мировой войны, борьбой мировых держав за сферы влияния. Существенную роль в развитии этой идеи в русском православии сыграло соперничество между Русской Православной Церковью и Константинопольским Престолом за лидерство в православном мире, а также религиозно-национальная, историософская и политическая концепция «Москва - Третий Рим».

Идея всеправославного синода в русском православии в рассмотренный период не всегда однозначно предполагала создание синода именно при первенствующем по диптиху Константинопольском патриархе. Если же имелся в виду именно Константинопольский патриарх, нередко его возвышение рассматривалось как промежуточный этап на пути к установлению гегемонии Москвы. Русские богословы полагали, что вселенским центром не обязательно должен служить Константинопольский Престол, считая, что эту функцию, по согласию Церквей, может выполнять другая кафедра, лицо или специально избранный орган.

В XX столетии идея создания постоянного всеправославного синода высказывалась видными русским православными богословами различных церковно-политических и юрисдикционных ориентаций - не только «евлогианами», которые стремились подчеркнуть вселенские полномочия Константинопольского патриарха по юрисдикционным мотивам, но и богословами Московского Патриархата, в том числе в официальных документах. Это свидетельствует не только о внешних влияниях, но и о чисто церковном - экклезиологическом и каноническом - содержании данной идеи.

В этой связи на пути дальнейшего развития и реализации идеи учреждения постоянного всеправославного синода видится несколько проблем, как теоретического, так и практического плана.

На теоретическом (экклезиологическом и каноническом) уровне главная проблема состоит в том, что современное каноническое устройство Православной Церкви предполагает существование административно не зависимых друг от друга («автокефаль-

ных» - «самовозглавляемых») Поместных Церквей. Создание надавтокефального центра, обладающего какими-либо властными полномочиями на уровне всей Православной Церкви, неизбежно повлечет за собой конфликт с принципом автокефалии, на что, в частности, указывает московский документ о первенстве 2013 г.

Русские богословы подчеркивали, что новый центр не должен обладать властью над Поместными Церквами, но, с другой стороны, говорили о нем не только как о центре координации, но и как об административном центре принятия решений. Для того чтобы стать централизующим и объединяющим органом, регулярно действующий Всеправославный Собор или Синод должен предполагать стабильно работающий механизм его подготовки и созыва, обязательность участия в нем всех Поместных Церквей и необходимость исполнения его решений всеми Поместными Церквами. Без этих условий всеправославный соборный орган либо вовсе не сможет собраться, либо окажется не способным принять какие-либо серьезные решения по дискуссионным вопросам, что ярко продемонстрировал Собор на Крите.

Однако создание нового всеправославного органа, обладающего реальными полномочиями, потребует творческого переосмысления православной экклезиологии и реформирования существующего канонического устройства Православной Церкви, на что указывали русские богословы. И первое, и второе является непростой задачей с учетом консерватизма православной традиции. Попытки современного переосмысления экклезиологических основ автокефалии сквозь призму теории суверенитета сегодня предпринимаются отдельными исследователями [33]. Однако реальная каноническая и экклезиологическая реформа вселенского православия в ближайшей перспективе представляется маловероятной: с одной стороны, такая реформа потребует большого напряжения творческих сил, которые еще нужно найти и мобилизовать, а с другой - вызовет сильный «консервативный рефлекс» и угрозу раскола.

С практической стороны, появление нового органа власти на вселенском уровне неизбежно ограничит самостоятельность автокефальных Церквей, что вызовет естественное сопротивление со стороны, по крайней мере, некоторых из них. Едва ли кто из суверенных государственных и церковных лидеров пожелает добровольно уступить часть своей власти кому бы то ни было.

Вместе с тем потребность в создании всеправославного соборного центра назрела и осознана в русском православии, по меньшей мере, с конца позапрошлого века. Собор 2016 г. на Крите, несмотря на его относительную неудачу, может восприниматься как очередной шаг на этом непростом пути. Священный Синод РПЦ, не признавший всеправославный статус критского Собора и его документов, тем не менее назвал его «важным событием в истории соборного процесса в Православной Церкви» [5].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Антоний (Марценко), архиеп. Мои впечатления по возвращении на Родину // Журнал Московской Патриархии. - 1946. - № 9. - С. 54-57.
2. Афанасьев Н. А.В. Карташев. На путях к вселенскому собору // Путь. - Париж, 1933. - № 37. - С. 93-97.
3. Василий (Кривошеин), архиеп. Кафоличность и структуры Церкви (Некоторые мысли в связи с вступительным докладом проф. С.С. Верховского) // Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. - Париж, 1972. - № 80. - С. 249-261.
4. Деяния Совещания Глав и представителей Автокефальных Православных Церквей. Т.1. - М., 1949.
5. Журнал № 48 заседания Священного Синода от 15 июля 2016 года / [Электронный ресурс] - URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/4561903.html (дата обращения: 15.07.2016).
6. Заозерский Н. О церковной власти. - Сергиев Посад, 1894.
7. Записки графа Н.П. Игнатьева // Исторический вестник. - СПб., 1914. - Январь. - С. 49-75.
8. Иова (Геча), иером. Размышления А.В. Карташева о роли Константинопольского патриарха в Православной Церкви и их отображение в трудах современных православных богословов // Православное учение о Церкви: Богословская конференция Русской Православной Церкви,

Москва, 17-20 ноября 2003 г.: Материалы. - М.: Синодальная богословская комиссия, 2004. - С. 129-146.
9. Карташев А. Воссоздание Святой Руси. - Париж: Особый комитет под председательством Сильвестра, 1956.
10. Карташев А. Вселенские Соборы. - СПб.: Библиополис, 2002.
11. Карташев А. На путях к Вселенскому Собору. - Париж. 1932.
12. Карташев А. Смысл старообрядчества // Воссоздание Святой Руси. - Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2011. - С. 268-277.
13. Карташев А. Церковь в ее историческом исполнении // Путь. - 1935. - № 47. - С. 15-27.
14. Комиссия при Священном Синоде Русской Православной Церкви по разработке каталога тем Всеправославного Предсобора. Проекты резолютивных документов. 1968 // Митрополит Никодим и Всеправославное единство. К 30-летию со дня кончины митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима (Ротова) / Сост. проф.-протоиерей В. Сорокин. - СПб.: Изд-во Князь-Владимирского собора. 2008. - С. 80-238.
15. Мейендорф И., прот. Кафоличность Церкви // Живое предание. - М.: Паломник, 2004. - С. 128-157.
16. Мейендорф И., прот. Кафоличность Церкви // Православие в современном мире. - М.: Путь, 1997. - С. 110-128.
17. Мейендорф И., прот. На путях к Вселенскому Собору? // Вестник РСХД. - 1971. - № 101/102. - С. 138-141.
18. Мейендорф И., прот. Назревающие перемены во вселенском Православии // Вестник РСХД. - 1970. - № 4(98). - С. 1-3.
19. Мейендорф И., прот. Современные проблемы православного канонического права // Живое предание. - М.: Паломник, 2004. - С. 158-204.
20. Позиция Московского Патриархата по вопросу о первенстве во Вселенской Церкви / [Электронный ресурс] - URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/3481089.html (дата обращения: 28.12.2013).
21. Послание Святого и Великого Собора Православной Церкви православным людям и каждому человеку доброй воли / [Электронный ресурс] - URL: https://www.holycouncil.org/-/message (дата обращения: 27.07.2017).
22. Речь Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия, произнесенная в Московском Воскресенском храме в Сокольниках на заключительном пленарном заседании Совещания Предстоятелей и Представителей автокефальных Православных Церквей 17 июля 1948 г. // Журнал Московской Патриархии. - 1948. - Специальный номер. - С. 35-36.
23. Суворов Н. Курс церковного права. Т. 1. -Ярославль, 1889.
24. Тимофей, Божией Милостью, Патриарх Святого града Иерусалима и всей Палестины Алексию Блаженнейшему Патриарху Московскому и всея Руси // Журнал Московской Патриархии. - 1948. - № 8. - С. 26.
25. Троицкий С. О смысле 9-го и 17-го канонов Халкидонского Собора // Журнал Московской Патриархии. - 1961. - № 2. - С. 57-65.
26. Троицкий С. Церковная жизнь у славян // Прибавления к Церковным стям. - 1908. - № 5. - С. 236-241.
27. Троицкий С. Где и в чем главная опасность? // Журнал Московской Патриархии. - 1947. - № 12. - С. 31-42.
28. Троицкий С. Единство Церкви // Журнал Московской Патриархии. - 1948. - № 8. - С. 68-70.
29. Троицкий С. О единстве Церкви // Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. - Париж, 1957. - № 26. - С. 101-110.
30. Троицкий С. О церковной автокефалии // Журнал Московской Патриархии. - 1948. - № 7. - С. 33-54.
31. Христофор, Папа и Патриарха Александрийский и всей Африки, Его Блаженству, Блаженнейшему Алексию Патриарху Московскому и всея Руси // Журнал Московской хии. - 1948. - № 8. - С. 24-25.
32. Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви. Синодальный период. Новейший период. - М., 2004.
33. Шишков А. Церковная автокефалия через призму теории суверенитета Карла Шмитта // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. - 2014. - Вып. 3 (32). - С. 197-224.
34. Шкаровский М. Русская Православная Церковь в XX веке. - М.: Вече, Лепта, 2010.
35. Meyendorff J. Byzantine legacy in the Orthodox Church. St. Vladimir's Seminary Press. - Crestwood, New York, 1982.

REFERENCES

1. Antony (Martsenko), Archbishop. My impressions upon return to the Homeland. journal of the Moscow Patriarchate (Moi vpechatleniya po vozvrashchenii na Rodinu. Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii). 1946. No. 9. Pp. 54-57.
2. Afanasiev N. A. V. Kartashev. On the way to Ecumenical Council. Path (Kartashev. Na putyakh k vselenskomu soboru . Put'). No. 37. Paris, 1933. Pp. 93-97.
3. Vasily (Krivoshein), Archbishop. Catholicity and the structures of the Church (Some thoughts in connection with the keynote address of Professor S. S. Verhovskogo) .Vestnik of the Russian West European Patriarchal Exarchate (Kafolichnost' i struktury Tserkvi (Nekotorye mysli v svyazi s vstupitel'nym dokladom prof. S.S. Verkhovskogo). Vestnik Russkogo Zapadno-Evropeyskogo Patriarshego Ekzarkhata). Paris, 1972. No. 80. Pp. 249-261.
4. Acts of the meeting of Heads and representatives of Autocephalous Orthodox Churches (Glav i predstaviteley Avtokefal'nykh Pravoslavnykh Tserkvey). Vol. 1. M., 1949.
5. Journal No. 48 of the meeting of the Holy Synod on July 15, 2016 (Zhurnal № 48 zasedaniya Svyashchennogo Sinoda ot 15 iyulya 2016 goda). Available at: URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/4561903.html (date accessed: 15.07.2016).
6. Zaozerskaya N. About ecclesiastical authority. Sergiev Posad (O tserkovnoy vlasti. Sergiev Posad), 1894.
7. Notes of count N. P. Ignatieff . Historical journal (Zapiski grafa N.P. Ignat'eva. Istoricheskiy vestnik). SPb., 1914. Jan. Pp. 49-75.
8. Job (Hecha), jer. Reflections by A. V. Kartashev of the role of the Patriarch of Constantinople in the Orthodox Church and display them in the writings of modern Orthodox theology . The Orthodox teaching about the Church: the theological conference of the Russian Orthodox Church (Kartasheva o roli Konstantinopol'skogo patriarkha v Pravoslavnoy Tserkvi i ikh otobrazhenie v trudakh sovremennykh pravoslavnykh bogoslovov. Pravoslavnoe uchenie o Tserkvi: Bogoslovskaya konferentsiya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi), Moscow, November 17-20, 2003: Proceedings. Moscow: Synodal theological Commission, 2004. Pp. 129-146.
9. Kartashev A. The Reconstruction Of Holy Russia. Paris: a Special Committee under the chairmanship of Sylvester (Vossozdanie Svyatoy Rusi. Parizh: Osobyy komitet pod predsedatel'stvom Sil'vestra), 1956.
10. Kartashev A. The Ecumenical Councils (Vselenskie Sobory). SPb.: Bibliopolis, 2002.
11. Kartashev A. On the way to Ecumenical Council (Na putyakh k Vselenskomu Soboru). Paris. 1932.
12. Kartashev A. the Meaning . THE Reconstruction of Holy Russia. Minsk: Publishing House Of The Belarusian Exarchate (Smysl staroobryadchestva . Vossozdanie Svyatoy Rusi. Minsk: Izdatel'stvo Belorusskogo Ekzarkhata), 2011. Pp. 268-277.
13. Kartashev A. the Church in its historical execution. Path (Tserkov' v ee istoricheskom ispolnenii. Put'). No. 47. 1935. Pp. 15-27.
14. The Commission of the Holy Synod of the Russian Orthodox Church on the development of the pan-Orthodox directory of Prelabor. Projects operative documents. 1968. Metropolitan Nikodim and pan-Orthodox unity. The 30th anniversary of the death of Metropolitan of Leningrad and Novgorod Nikodim (Rotov) (Komissiya pri Svyashchennom Sinode Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi po razrabotke kataloga tem Vsepravoslavnogo Predsobora. Proekty rezolyutivnykh dokumentov. 1968. Mitropolit Nikodim i Vsepravoslavnoe edinstvo. K 30-letiyu so dnya konchiny mitropolita Leningradskogo i Novgorodskogo Nikodima (Rotova)) Comp. Professor-Archpriest Vladimir Sorokin. SPb.: Publishing house of the Prince Vladimir Cathedral. 2008. Pp. 80-238.
15. Meyendorff, FR. The catholicity of the Church. a Living legend (Kafolichnost' Tserkvi. Zhivoe predanie). Moscow: Palomnik, 2004. Pp. 128-157.
16. Meyendorff, FR. The catholicity of the Church .Orthodoxy in the modern world (Kafolichnost' Tserkvi .Pravoslavie v sovremennom mire). M.: Path, 1
17. Vestnik rshd (Na putyakh k Vselenskomu Soboru?. Vestnik RSKhD). 1971. No. 101/102. Pp. 138-141.
18. Meyendorff, FR. Emerging changes within the Orthodox community.Bulletin of rshd (Nazrevayushchie peremeny vo vselenskom Pravoslavii. Vestnik RSKhD). 1970. No. 4(98). Pp. 1-3.
19. Meyendorff, FR. Contemporary problems of Orthodox Canon law. the Living tradition (Sovremennye problemy pravoslavnogo kanonicheskogo prava. Zhivoe predanie). Moscow: Palomnik, 2004. Pp. 158-204.
20. Position of the Moscow Patriarchate on primacy in the Universal Church (Pozitsiya Moskovskogo Patriarkhata po voprosu o pervenstve vo Vselenskoy Tserkvi). URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/3481089.html (accessed 28.12.2013).
21. The message of the Holy and Great Council of the Orthodox Church the Orthodox people and every man of good will (Poslanie Svyatogo i Velikogo Sobora Pravoslavnoy Tserkvi pravoslavnym

lyudyam i kazhdomu cheloveku dobroy voli) URL: https://www.holycouncil.org/-/message (date accessed: 27.07.2017).
22. Speech of his Holiness Patriarch of Moscow and all Russia Alexy spoken in Moscow the Church of the resurrection in Sokolniki at the final plenary session of the meeting of primates and Representatives of Autocephalous Orthodox Churches on July 17, 1948 . the Journal of the Moscow Patriarchate (Rech' Svyateyshego Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Aleksiya, proiznesennaya v Moskovskom Voskresenskom khrame v Sokol'nikakh na zaklyuchitel'nom plenarnom zasedanii Soveshchaniya Predstoyateley i Predstaviteley avtokefal'nykh Pravoslavnykh Tserkvey 17 iyulya 1948 g. Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii). 1948. A special number. Pp. 35-36.
23. Suvorov N. The course of ecclesiastical law (Kurs tserkovnogo prava). Vol. 1. Yaroslavl, 1889.
24. Timothy, by the Grace of God, Patriarch of the Holy city of Jerusalem and all Palestine, his Beatitude Patriarch Alexy of Moscow and all Russia. journal of the Moscow Patriarchate (Milost'yu, Patriarkh Svyatogo grada Ierusalima i vsey Palestiny Aleksiyu Blazhenneyshemu Patriarkhu Moskovskomu i vseya Rusi. Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii). 1948. No. 8. P. 26.
25. Trinity S. On the meaning of the 9th and 17th canons of Chalcedon .journal of the Moscow Patriarchate (O smysle 9-go i 17-go kanonov Khalkidonskogo Sobora. Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii). 1961. No. 2. Pp. 57-65.
26. Trinity P. Church life of the Slavs. Additions Church statements (Tserkovnaya zhizn' u slavyan. Pribavleniya k Tserkovnym Vedomostyam). 1908. No. 5. Pp. 236-241.
27. Trinity S., Professor Where and what is the main danger? The Journal Of The Moscow Patriarchate (Gde i v chem glavnaya opasnost'? Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii). 1947. No. 12. Pp. 31-42.
28. S. Troitsky, Professor Unity of the Church. the Journal of the Moscow Patriarchate (Edinstvo Tserkvi. Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii). 1948. No. 8. Pp. 68-70.
29. S. Troitsky, Professor Unity of the Church. Vestnik of the Russian West European Patriarchal Exarchate (O edinstve Tserkvi. Vestnik Russkogo Zapadno-Evropeyskogo Patriarshego Ekzarkhata). Paris, 1957. No. 26. Pp. 101-110.
30. Trinity S., Professor Of ecclesiastical autocephaly. journal of the Moscow Patriarchate (O tserkovnoy avtokefalii. Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii). 1948. No. 7. Pp. 33-54.
31. Christopher, Pope and Patriarch of Alexandria and all Africa, His Beatitude Alexis II, Patriarch of Moscow and all Russia . journal of the Moscow Patriarchate (Papa i Patriarkha Aleksandriyskiy i vsey Afriki, Ego Blazhenstvu, Blazhenneyshemu Aleksiyu Patriarkhu Moskovskomu i vseya . Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii). 1948. No. 8. Pp. 24-25.
32. Tsypin, V., FR. History Of The Russian Orthodox Church. The Synodal period. The latest period (Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. Sinodal'nyy period. Noveyshiy period). M., 2004.
33. Shishkov A. Church autocephaly through the lens of the theory of sovereignty Carl Schmitt. State, religion, Church in Russia and abroad (Tserkovnaya avtokefaliya cherez prizmu teorii suvereniteta Karla Shmitta. Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom). 2014. Vol. No. 3 (32). Pp. 197-224.
34. M. Shkarovsky, Russian Orthodox Church in the twentieth century (Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v 20 veke). Moscow: Veche, Lepta, 2010.
35. Meyendorff J. Byzantine legacy in the Orthodox Church. St. Vladimir's Seminary Press (Byzantine legacy in the Orthodox Church. St. Vladimir's Seminary Press). Crestwood, New York, 1982.

Информация об авторе:

Суворов Вадим Геннадьевич, протоиерей, магистр естественных наук, кандидат богословия, соискатель степени доктора богословия, Общецерковная докторантура имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, преподаватель, Коломенская духовная семинария,
г. Коломна, Россия
fr.vadim.suvorov@yandex.ru

Information about the author:

Vadim G. Suvorov, Archpriest, Master of Science, Candidate of Theology, Competitor of Scientific Degree of Doctor of Theology, Church Doctoral Studies Center of Saints Cyril and Methodius, Lecturer, Kolomna Seminary,
Kolomna, Russia
fr.vadim.suvorov@yandex.ru

Получена: 11.07.2017

Для цитирования: Суворов В.Г. Идея постоянного Всеправославного Синода в Русском Православии конца XIX - начала XXI века. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 1. с.81-91.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-81-91.

Received: 11.07.2017

For citation: Suvorov V.G. Permanent pan-orthodox synod idea in the Russian orthodox tradition from the late XIX to early XXI centuries. Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 1. Pp. 81-91.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-81-91. (in Russian)

УДК 94 (470.57) DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-92-96

ФАТКУЛЛИНА Гульнара Фанавиевна
Башкирский государственный университет
г. Уфа, Россия
Gulnara.fanavievna@gmail.com

Gulnara F. FATKULLINA
Bashkir State University
Ufa, Russia
Gulnara.fanavievna@gmail.com

ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА УРАЛЕ В XVIII в.

THE HISTORICAL CONDITIONS OF DEVELOPMENT OF THE MINING INDUSTRY IN THE URALS IN THE XVIII CENTURY

Данная статья посвящена определению исторических условий развития горнозаводской промышленности на Урале в XVIII в. Автор останавливается на проблеме земельного обеспечения горных заводов. Формирование горнозаводской промышленности на Урале несло много сложных проблем. Одной из существенных была задача обеспечения горных заводов землей. Характеризуя данную проблему, автор дает оценку действиям местного населения и царского правительства. Строительство горных заводов, крепостей и заселение края пришлым населением сопровождалось изъятием у башкир значительной части их земель и увеличением различных повинностей. Поэтому башкиры решительно выступали против активизации политики правительства в крае. В статье рассматривается вопрос обеспечения заводов мастеровыми и рабочими людьми. Правительство содействовало предпринимателям в обеспечении их квалифицированными кадрами, мастерами. На строящиеся и пускаемые в действие заводы Южного Урала посылались мастеровые люди со старых заводов Среднего Урала для постоянной работы или временно - для обучения местных мастеров. Основным поставщиком квалифицированных кадров для южноуральских заводов являлись Екатеринбургские казенные заводы. Автор делает выводы, что начиная с первой четверти XVIII в. горнозаводской сегмент уральской промышленности становится ведущим и стратегически значимым для всей Российской империи, модернизационные процессы в металлургии и смежных отраслях приобретают первенствующее значение в экономической модернизации Урала.

This article is devoted to defining the historical conditions for the development of the mining industry in the Urals in the 18 century. The author dwells on the problem with land of mountain plants. The formation of the mining industry in the Urals had many challenges. One of the essential task was to ensure the mining plants to the ground. Describing the problem, the author assesses the actions of the local population and the Imperial government. Construction of mining factories, fortresses and colonization of this territory migrant population was accompanied by the seizure of Bashkir large part of their lands and increase of various duties. Therefore, Bashkirs strongly opposed the intensification of the policy of the government in the province. The article discusses the issue of ensuring the plants artisans and working people. The government assisted entrepreneurs in providing them with qualified personnel, craftsmen. On the construction and start up in action factories of the southern Urals artisans were sent to people from the old factories of the Middle Urals for a permanent job or temporary - to train local craftsmen. The main supplier of qualified personnel for the South Ural factories were Ekaterinburg state-owned factories. The author concludes that since the first quarter of the 18 century the mining segment of the Ural industry is becoming a leading and strategically important for the whole Russian Empire, modernization processes in metallurgy and related industries acquire primary importance in the economic modernization of the Urals.

Ключевые слова: промышленная колонизация, казенные и партикулярные заводы, рудодобыча, металлургия, промышленный транспорт, покровительственная политика государств

Keywords: industrial colonization, the treasury and civil plants, mining, metallurgy, industrial transport, patronizing policy of the state

Урал - один из крупнейших промышленных регионов нашей страны. История многих городов Урала начинается со строительства завода и заводского поселка. Начиная с XVIII в. Урал приобретает статус ведущего металлургического центра России. Уральские домны были более мощными, более крупными по своим размерам, они достигали более 14 м высоты, в то время как новейшие шведские печи не превышали 6,5 м. Крупнейшая шведская печь в Данеморе обладала высотой 7,4 м, самая знаменитая английская печь в Суссексе - 8,5 м [1, с. 26]. К середине 30-х годов XVIII в. на Урале насчитывалось более 40 горных заводов. Бурное их строительство велось на восточных склонах Среднего Урала, в бассейне рек Нейвы, Тагила и Исети, а также в западном Приуралье по Каме. Южный Урал строительство горных заводов в этот период не захватило.

Одним из значимых аспектов данной проблемы является земельное обеспечение горных заводов Урала в XVIII в. На пути распространения горнозаводской промышленно-

сти на Южном Урале лежали вотчинные владения башкир, которые враждебно относились к строительству заводов. Под первые казенные заводы на Среднем Урале земли отбирали у башкир северных волостей явочным порядком. Верхний и Южный Юговские медеплавильные заводы были построены на землях гайнинских башкир. Главный начальник уральских казенных заводов В.И. Геннин сообщает, каким образом для строительства Полевского медеплавильного завода властям долго и упорно приходилось преодолевать сопротивление башкир Салжутской волости. Сотника салжутских башкир Чубар-батыра Балагушева несколько раз вызывали в Уфу и заставляли подписать обязательство «для искания и копания руд <…> всею волостию никакого запрещения не чинить» [2, с. 508]. Но салжеутские башкиры во главе со своим батыром продолжали сопротивляться. Тогда прибывший на Урал Геннин южнее Уктусского казенного завода построил полевой стан «Горный щит», обнес его земляным бруствером и расквартировал в нем Сибирский драгунский полк, с помощью которого последовательно и методично расширялась зона горнозаводского строительства [3, с. 255].

Примеру казны следовали партикулярные заводовладельцы. Так, Акинфий Демидов захватил под Ревдинский завод земли у башкир Катайской волости площадью «в 30 верст кругом», для чего пришлось ему при активной поддержке органов центральной и местной власти преодолеть сопротивление коренных вотчинников. А во время ревизии выяснилось, что земельный отвод составил «79 верст кругом» [4, Л. 80-84]. Таким образом, площадь реально отведенной земли почти в семь раз превышала площадь земли, оформленной в крупных документах. Обер-прокурору Сената А.И. Глебову пришлось вести многолетнюю тяжбу, чтобы подключить власти на местах и в центре для преодоления упорного сопротивления башкир Гайнинской и получить под строящийся Шермяитский медеплавильный завод 50-верстный участок [5, с. 229-239; 6, с. 171-179]. Башкиры долго и упорно боролись против отвода их вотчинных земель под горные заводы. Дальнейшему интенсивному распространению горнозаводской промышленности со Среднего на Южный Урал препятствовала неустойчивая социально-политическая обстановка в Башкирии. Царскому правительству не удавалось еще сломить сопротивление башкир, укрепить свою позицию в крае [7]. Частые башкирские восстания держали правительство и его местные органы в постоянной тревоге и напряжении [8, с. 102-126].

Новый этап колонизации Башкирии начинается с организации и деятельности Оренбургской экспедиции во главе с обер-секретарем Сената Иваном Кириловичем Кириловым (1669-1737). Для проникновения и утверждения в Средней Азии, Индии и Китае нужно было создать плацдарм, которым должны были стать Башкирия и Казахстан. Экспедицию возглавил сам Кирилов, который впервые на территории Башкирии организовал разведку и добычу полезных ископаемых. на основе чего Кирилов планировал строить казенные медеплавильные заводы и заложил Воскресенский медеплавильный завод [9, с. 98].

Строительство горных заводов, крепостей и заселение края пришлым населением сопровождалось изъятием у башкир значительной части их земель и увеличением различных повинностей. Поэтому башкиры решительно выступали против активизации политики правительства в крае. Деятельность Оренбургской экспедиции вызвала восстание башкир. К ним присоединились татары, мишари, чуваши, мордва. Восстание охватило весь край. Но царское правительство жестоко расправлялось с восставшими и усиливало колониальное влияние в крае. Сенатский указ от 11 февраля 1736 г. открыл возможность русским дворянам, офицерам и чиновникам, мишарским и татарским старшинам приобретать земли внутри Башкирии [10, с. 899-908].

При этом протоиндустриальная колонизация Урала приобрела характер промышленной колонизации: строительство первых заводов происходило в условиях продолжавшейся колонизации - военной, крестьянской, конфессиональной [11, с. 60].

По мнению историка промышленности В.Г. Железкина, характерными чертами ранней индустриализации колонизационного типа на Урале были:

«1. Организационные формы промышленности. Крупная металлургическая мануфактура с цеховым и внутрицеховым разделением труда возникает без промежуточных стадий и вытесняет мелкотоварное производство не конкурентоспособностью, а с помо-

щью запретительных мер (указ сибирского губернатора 1717 г., закон об «огнедействующих» заведениях).

2. Отраслевая структура. Единицей отрасли является не завод как таковой, а многопрофильное хозяйство, базирующееся на латифундиальной земельной собственности. Основная отрасль поэтому - не металлургия, а горнозаводское дело. Горнозаводская отрасль объединяет целый ряд производств, которые в традиционной, не колонизационной модели развития промышленности обычно функционируют как отдельные отрасли: рудодобыча, металлургия, металлообработка, промышленный транспорт, промышленное строительство, углежжение и т.д.

3. Способы мобилизации рабочей силы. Промышленная экспансия быстро исчерпала внутренние ресурсы рабочей силы. К середине XVIII в. в регионе уже действовал 71 завод. Уже в 1720-1730-е годы начинается стремительное расширение принудительной мобилизации рабочей силы путем прикрепления различных социально-сословных групп и категорий к заводам, в том числе и с переселением их из других районов. Соответственно, наряду с денежной оплатой труда, гарантированной Берг-привилегией 1719 г., вводится надельное землепользование рабочих, провиантское обеспечение их и их семей заводчиками, а производственные отношения определяют по патерналистской институциональной модели.

4. Регулятивная роль государства и рынка. Государство компенсирует недостаточное развитие внутреннего рынка, используя государственную власть и казенную собственность. При этом покровительственная политика государства, реализуемая в виде законов, непосредственно переходит в административное вмешательство в дела промышленности. Государство выступает в роли крупнейшего заводовладельца. Рынок преимущественно регулирует лишь размер денежной прибыли от продажи металла» [12, с. 61].

Государство всемерно поддерживало и развивало частную инициативу предпринимателей, предоставляло им всевозможные льготы, привилегии, бесплатно отводило им огромные территории «пустопорожних» земель и лесов, содействовало покупке и аренде земли у башкир, одновременно осуществляя на них нажим, чтобы они «излишние цены не требовали» [13, с. 20].

Характерным для горнозаводской промышленности Урала является и состав заводовладельцев. На заре мануфактурной промышленности России первыми партикулярными предпринимателями выступали иностранные купцы. На Среднем Урале иностранные предприниматели не играли какой-то роли в развитии горнозаводской промышленности. Все заводовладельцы, заложившие горнозаводскую промышленность Южного Урала в середине XVIII в., были представителями русского купечества. Правительство всячески способствовало частным заводовладельцам в обеспечении их заводов рабочими кадрами. Источниками приобретения и пополнения рабочей силы горных заводов были различные социальные группы: казенные мастеровые и работные люди государственных предприятий, переданные в частные руки; крепостные работники, переведенные из вотчины; крепостные работники, купленные к заводам на основании специальных указов; набранные из рекрутов; беглые, пришлые, ссыльные, переселенные, отданные вечно к заводам по указам люди; переведенные из числа приписных в заводские работники и мастеровые; приписные к заводам государственные и дворцовые крестьяне; вольнонаемные.

Об обеспечении предпринимателей квалифицированными кадрами, мастерами также заботилось правительство. На строящиеся и пускаемые в действие заводы Южного Урала посылались мастеровые люди со старых заводов Среднего Урала для постоянной работы или временно - для обучения местных мастеров. Основным поставщиком квалифицированных кадров для южноуральских заводов являлись Екатеринбургские казенные заводы.

Когда модернизация исторически запаздывала, проводилась как вынужденная, она могла усиливать фрагментарность общества, способствовать не нивелировке (социокультурной, региональной, хозяйственной - естественный модернизационный процесс),

но, напротив, росту асимметрии. Так, экономическая модернизация на Урале на протяжении XVII-XIX вв. привела к возникновению горнозаводского сектора промышленности, занявшего со временем ведущие позиции не только в региональной промышленности, но и в экономике страны. Горнозаводской сектор по мере своего развития превратился в важнейший фактор экономической модернизации Урала. Но при этом в ходе модернизации существенно усилилась конгломератность Урала. Дело в том, что протоиндустриальная модернизация, особенно с начала XVIII в., сопровождалась интенсивной диффузией западноевропейского опыта - технологического и организационного, даже буквальным переселением на Урал приглашавшихся для работы иноземных специалистов [14, с. 40-51]. Даже в конце XIX в. хотя уральская горная промышленность и захватывала Пермскую, Уфимскую, Оренбургскую и отчасти Вятскую и Вологодскую губернии, но в наибольшей степени она была развита в Пермской губернии (составлявшей центр «горнозаводства» на Урале), в меньшей - в Уфимской и Оренбургской [15, с. 39].

Начиная с первой четверти XVIII в. горнозаводской сегмент уральской промышленности становится ведущим и стратегически значимым для всей Российской империи, модернизационные процессы в металлургии и смежных отраслях приобретают первенствующее значение в экономической модернизации Урала. С начала XVIII в. хозяйственная специфика региона и его историческая судьба определяются промышленностью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Кулбахтин С.Н. Медеплавильные заводы Симбирских купцов Твердышевых и Мясниковых на Южном Урале в XVIII веке. - Уфа, 2008. - С. 26.
2. Геннин В.И. Описание уральских и сибирских заводов. 1735. - М.: Наука, 1937. - С. 508.
3. Кулбахтин С.Н. Проблемы земельного обеспечения горных заводов Южного Урала в XVIII в. // Вестник Башкирского университета. - 2013. - Т.18. - № 1. - С. 255.
4. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.199. Оп.1. Д.515. Л.80-84.
5. Чупин Н.К. О некоей исторической будто бы записке // Сборник статей, касающихся Пермской губернии. - Пермь, 1882. - Вып. 1. - С. 229-239.
6. Материалы по истории Башкирской АССР. Т.IV. Ч.2. - М., 1956.- С. 171-179.
7. [Электронный ресурс] - http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/17401760/Tatisev/oborona_ural_zavod_1734_1735.htm
8. Акманов И.Г. Башкирия в составе Российского государства в XVII - первой половине XVIII в. - Свердловск: Изд. УрГУ, 1991. - С. 102-126.
9. Там же. - С. 98.
10. Полное собрание законов Российской империи. Т.XIII. - С. 899-908.
11. Опыт российской модернизации. XVIII-XX века. - М., 2000. - С. 146-147.
12. Там же. - С. 147-148.
13. Сидоренко С.А. Южный Урал в составе России в период феодализма (XVII - I пол. XIX в.). -- Челябинск, 1981. - С. 20.
14. Алексеева Е.В. Наследие индустриальной цивилизации и региональные особенности урбанизации на Урале // Региональные аспекты цивилизационного развития Российского общества XX столетия: проблемы индустриализации и урбанизации: Материалы межрегиональной научной конференции 6-7 июня. - Новосибирск, 2013. - С. 40-51.
15. Курлаев Е.А., Корепанов Н.С., Побережников И.В. Технико-технологические инновации в горно-металлургическом производстве Урала в XVII-XVIII вв. - Екатеринбург, 2011. - С. 39.

REFERENCES

1. Kulbakhtin S.N. Medeplavil'nye zavody Simbirskikh kuptsov Tverdyshevykh i Myasnikovykh na Yuzhnom Urale v XVIII veke. [Smelters Simbirsk merchants Tverdyshev and myasnikovs ' works in the southern Urals in the XVIII century]. Ufa. 2008. P. 26.
2. Gennin V. I. Opisanie ural'skikh i sibirskikh zavodov. 1735. [Description of Ural and Siberian factories. 1735]. M.: Nauka, 1937. P. 508.

3. Kulbakhtin S. N. Problemy zemel'nogo obespecheniya gornykh zavodov Yuzhnogo Urala v KhVIII v. Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2013. T. 18. №1. C. 255
4. RGADA. F.199. Op.1. D.515. L.80-84.
5. Chupin N.K. O nekoey istoricheskoy budto by zapiske. [A historical note if the Collection of articles relating to Perm province]. Sbornik statey, kasayushchikhsya Permskoy gubernii. Perm', 1882. Vyp. 1. Pp. 229-239;
6. Materialy po istorii Bashkirskoy ASSR. [Materials on the history of the Bashkir ASSR]. T.IV. Ch.2. M., 1956. Pp. 171-179.
7. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/17401760/Tatisev/oborona_ural_zavod_1734_1735.htm.
8. Akmanov I.G. Bashkiriya v sostave Rossiyskogo gosudarstva v XVII - pervoy polovine XVIII vv. [Bashkiria in structure of the Russian state in XVII - first half XVIII centuries]. Sverdlovsk: Izd. UrGU, 1991. Pp. 102-126.
9. Ibid. P. 98.
10. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. [Complete collection of laws of the Russian Empire]. T.XIII. Pp. 899-908.
11. Opyt rossiyskoy modernizatsii. XVIII-XX veka. [The experience of Russian modernization. XVIII-XX century]. M., 2000. Pp. 146-147.
12. Ibid. Pp. 147-148.
13. Sidorenko S.A. Yuzhnyy Ural v sostave Rossii v period feodalizma (XVII - I pol. XIX vv.). [South Urals part of Russia in the feudal period (XVII - the first half. XIX centuries)]. Chelyabinsk, 1981. P. 20
14. Alekseeva E.V. Nasledie industrial'noy tsivilizatsii i regional'nye osobennosti urbanizatsii na Urale. [The legacy of our industrial civilization and regional features of urbanization in the Urals]. Regional'nye aspekty tsivilizatsionnogo razvitiya Rossiyskogo obshchestva XX stoletiya: problemy industrializatsii i urbanizatsii: materialy mezhregional'noy nauchnoy konferentsii 6-7 iyunya, Novosibirsk, 2013. Pp. 40-51.
15. Kurlaev E.A., Korepanov N.S., Poberezhnikov I.V. Tekhniko-tekhnologicheskie innovatsii v gorno-metallurgicheskom proizvodstve Urala v XVII-XVIII vv. [Technological innovation in the mining and metallurgical industry of the Urals in the XVII-XVIII centuries]. Ekaterinburg, 2011. P. 39.

Информация об авторе:

Фаткуллина Гульнара Фанавиевна, аспирант, кафедра всеобщей истории, Башкирский государственный университет,
г. Уфа, Россия
gulnara.fanavievna@gmail.com

Получена: 22.05.2017

Для цитирования: Фаткуллина Г.Ф. Исторические условия развития горнозаводской промышленности на Урале в XVIII в. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 1. с.92-96.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-92-96

Information about the author:

Gulnara F. Fatkullina, Postgraduate Student, Department of General History, Bashkir State University,
Ufa, Russia
gulnara.fanavievna@gmail.com

Received: 22.05.2017

For citation: Fatkullina G.F. The historical conditions of development of the mining industry in the Urals in the XVIII century. Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 1. Pp. 92-96.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-92-96. (in Russian)

Социологические и гуманитарные науки

Sociological and Humanities Sciences

УДК 316 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-99-106

АРТЮХ Анжелика Александровна
Санкт-Петербургский государственный университет (Смольный), Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения
г. Санкт-Петербург, Россия
angelartyukh@gmail.com

Anzhelika A. ARTYUKH
St. Petersburg State University (Smolny College)
St. Petersburg State Institute of Cinema and Television
St. Petersburg, Russia
angelartyukh@gmail.com

ЖЕНЩИНЫ-РЕЖИССЕРЫ В СОВРЕМЕННОМ ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Статья раскрывает стратегии того, как современные женщины-режиссеры из разных стран утверждают свой «голос» в современном глобальном мире медиа. Особое внимание уделено фестивальному движению, поскольку именно на этих публичных площадках, которые к тому же являются главным способом дистрибуции фильмов женщин-режиссеров, не только происходит знакомство с новыми именами, но и вводятся в сферу публичной дискуссии главные темы их фильмов. В центре внимания гендерная проблематика, много лет разрабатываемая западной феминистской критикой, а также такие понятия, как «скандал», одна из стратегий завоевания женщинами-режиссерами власти и признания. Статья приводит статистику занятости женщин-режиссеров в киноиндустрии разных стран и рассказывает о современных тенденциях в женском кино. Она также отвечает на вопрос: почему кино женщин-режиссеров сегодня можно считать глобальным феноменом и как женщины используют медиа для утверждения своих эстетических и политических позиций. В первую очередь анализируется ситуация в таких странах, как США, Россия, а также Скандинавские страны и Франция, где женский кинематограф представлен наиболее яркими именами и где феминистское движение имеет свою давнюю богатую историю.

Ключевые слова: мужское, женское, квир-культура, фестиваль, скандал, жанровое кино, арт-кино, Women's Cinema, медиа

WOMEN-DIRECTORS IN THE CONTEMPORARY GLOBAL WORLD

The article analyses the strategies of establishing women-directors "voices" in the contemporary global world. The author pays special attention to festival movements, because a festival is not only a "public place" and the main place for the distribution of women-directors' films, but also the place where new names are opening and new themes are explored. The gender issues developed by Western feminist criticism are at the centre of this research, as well as "scandal" as the main mode of women's achievement of power and confession. The article provides statistics of the involvement of women-directors in the film industry in various countries and analyses new tendencies in women's cinema. It also answers the questions: why women's cinema is a global phenomenon in our time and how women use media for establishing their political and aesthetic positions? The author addresses these questions primarily in the context of the United States, Russia, France and Scandinavia, which have a rich tradition of feminists' movements and world-famous film directors.

Keywords: male, female, queer-culture, festival, scandal, genre movie, art cinema, Women's cinema, media

В наше время женский кинематограф - это массовый и заметный феномен. Сегодня мы можем говорить не только об отдельных именах женщин-режиссеров из разных стран, как это было двадцать лет назад, но о своего рода глобальном феномене, который позволяет нам утверждать, что в мире появилось Women's Cinema. Женщины-режиссеры боролись за признание много лет, используя различные методы самопродвижения, используя современные медиа и институции для утверждения своего «голоса» и авторской позиции в кинематографе. Они использовали различные площадки для утверждения своих прав в мэйнстриме, арт-кино, экспериментальном кино, артхаусе, в которых традиционно доминировали мужчины. Они устраивали настоящие медиаскандалы, которые взрывали ситуацию в фестивальном мире, и меняли культурную политику фестивалей в самых разных странах. Например, памятен скандал 2012 г., который стал причиной изменения отборочной политики Каннского фестиваля - крупнейшего в мире. Британский режиссер Андреа Арнольд публично задала вопрос, который разлетелся по всем возможным изданиям: «Почему ни один фильм женщины-режиссера не был отобран в конкурсную программу Канн?» The Guardian, Independent, Le Mond и другие крупнейшие мировые издания опубликовали статьи с упреком в адрес крупнейшего фестиваля в непонимании

того, что женское кино стало мощной силой в мировом кинематографическом контексте. Медиаскандал мобилизовал женщин-режиссеров, продюсеров и представительниц других кинематографических профессий подписать петицию на Change.org, и это организованное выступление женщин смогло изменить всю политику крупнейшего кинофестиваля. После этого год за годом отборочный комитет Каннского кинофестиваля гораздо активнее стал привлекать в свои программы женщин-режиссеров, продвигая не только уже известные имена вроде Клер Денни, Софьи Копполы, Джейн Кемпион, Эммануэль Берко, Наоми Каваси, Азии Ардженто, Андреа Арнольд, Джоди Фостер, но и открывать новые имена вроде Аличе Рохвахер, Майвенн, Флоры Ло, Джессики Хауснер, Джулии Янг, Алис Винокур и т.д. Интересно, что в 2016 г. зачинательница скандала Андреа Арнольд получила приз жюри за фильм «Американский мед». Так, шаг за шагом женщины-режиссеры становились влиятельными в кинематографическом мире.

Такие фестивали, как Каннский, Берлинский или Сандэнс, - лучшая возможность для женщин-режиссеров представить свои работы на глобальных публичных площадках. Более того, как отметили Шохат и Стэм во введении к книге “Multiculturalism, Postcoloniality, and Transnational Media”, «глобальная природа колонизационного процесса и глобальная доступность современных медиа виртуально обязывают критиков культуры выходить за границы жестких рамок монокультур и индивидуальных наций-государств» [1]. В этом случае побеждают те, кто активно использует международные институции, фестивали, и демонстрирует космополитичный взгляд в своих картинах. Даже в предыдущую декаду в России, где экономическая ситуация была довольно сложной, несмотря на то, что существовал креативный класс, который культивировал частную собственность, мобильность и относительную независимость от государственных структур, женщины-режиссеры (как, например, Анна Меликян или Оксана Бычкова) представляли в своих фильмах большие российские города, вроде Москвы и Санкт-Петербурга, как большие открытые города.

Российское кино с трудом входит в транснациональный контекст. Последним серьезным успехом был «Левиафан» Андрея Звягинцева, однако он отнюдь не обладал позитивным и созидательным взглядом на мир. В этом смысле фильмы женщин-режиссеров более оптимистичны. Они не пытаются выстраивать глобальных или притчеобразных метафор как взгляд на Россию. В их фильмах больше нежности, любви, игры, надежды. Женщины-режиссеры мечтают о мультикультурных городах и об открытом мире. Например, такие фильмы, как «Про любовь» (2015) Анны Меликян или «Питер FM» (2006), «Плюс один» (2008) Оксаны Бычковой позволяют говорить о женском кино как о своего рода counter cinema (термин Клэр Джонстон) в стране, где новейшая политика с большим трудом пытается преодолеть бинарную оппозицию времен холодной войны «Россия/Запад», поскольку мир в целом очень сильно усложнился. «Смутные времена», как сказал бы Трамп устами канала НТВ. Космополитический взгляд вытесняет «имперский взгляд», который, по точному замечанию Энн Каплан, не отделим от «мужского взгляда». Особенно в картине «Про любовь» воссоздается образ мультикультурной Москвы, не только до сих пор остающейся местом для романтических свиданий россиян и иностранцев, но и предлагается современная визуальная дискретная эстетика, отсылающая к фрагментарной и динамичной эстетике глобального Интернета.

В различных странах, в том числе в США, Китае, России, в мэйнстриме до сих пор лидируют мужчины. К примеру, в Голливуде работает только 9% женщин, и единственная женщина Кэтрин Бигелоу, получившая Оскар за режиссуру фильма «Повелитель бури», смотрится скорее исключением в этом «мужском клубе». Сегодня американские женщины-режиссеры и продюсеры рассуждают в социальных сетях и на страницах прессы о том, что готовы делать блокбастеры, но доступ к большим бюджетам для них до сих пор проблематичен. Альтернативой этому становятся женские институции по поддержке и продвижению проектов, особенно в странах, где исторически осуществлялось феминистское движение. В США немало институций по поддержке кино женщин-режиссеров. Например, Film Fatales, Alliance of Women Directors, Women in Film, Women Make Movies и т.д. Они активно способствуют фестивальной судьбе фильмов, поскольку далеко не все

фильмы могут попасть в международный кинотеатральный прокат. Однако фестивали сегодня - это своего рода альтернативная система проката, формирующая своего рода «космополитическую идентичность», или «космополитическое гражданство». Фестивали - это глобальное публичное пространство, собирающее международную публику, жюри и дающее женщинам-режиссерам хорошую площадку для утверждения своего «голоса». Институциализация и участие в фестивалях дают свои результаты. Женщины-режиссеры становятся сильнее как авторы с каждым новым фильмом, утверждают свои имена в глобальном киноконтексте по мере успеха фильма в международном фестивальном прокате и порой прорываются в международный кинотеатральный прокат. Например, 2015 год стал очень важным для женского кино благодаря таким фильмам, как «Дневник девочки-подростка» Мериэль Хеллер и «План Мегги» Ребекки Миллер, которые стали не только фестивальными «хитами», но и получили широкую мировую дистрибуцию благодаря усилиям компании Sony. Мэриэль Хеллер сделала фильм о последствиях сексуальной либерализации в 60-х, оказавших необратимое воздействие на все сферы жизни 70-х годов, включая семью и жизнь представителей молодого поколения. В ее фильме жизнь девочки-подростка из 70-х стала своего рода отражением культурных и гендерных изменений после революционных американских 60-х. Ребекка Миллер представила новые аспекты кризиса семьи в современную эру постфеминистской культуры. Постфеминистская культура развивается вразрез феминистской политике и делает акцент на образовании женщин и девушек, на их профессионализации, свободе выбора с уважительным отношением к работе, домашнему и родительскому труду, а также к физическим и сексуальным правам и возможностям [2]. Постфеминизм также предполагает получать выгоду от публичности в ситуации полной экономической свободы. С иронией и многочисленными живыми деталями Миллер показывает семейные отношения между двумя яркими женщинами и одним мужчиной (отцом их детей) и доказывает, что для современной американской женщины среднего класса жизненный успех уже не определяется исключительно успехом в любви. Женщины всегда разрываются между профессиональной самореализацией и любовью и должны искать очень гибкие пути достижения профессиональных целей в публичной сфере и одновременно оставаться матерями и любимыми. Гибкость требует большого здоровья и своего рода авантюризма, и поиск счастья - это, условно говоря, вечный соревновательный процесс, который непрерывен на протяжении всей жизни. Как и многие женские фильмы, «План Мэгги» много говорит о современном мужчине, который живет в очень трудных соревновательных условиях не только с другими мужчинами, но и с женщинами и также мечтает о самореализации. От него ждут отцовства и интеллекта, денег и заботы, профессионального успеха и мужества. «План Мегги» не “chick flick” (субжанр романтического фильма, апроприированный американским женским мейнстримом). Chick flick традиционно развивается в рамках гетеросексуальной парадигмы, в системе которой делается акцент на романтических отношениях как иллюзии создания хорошей жизни и самоутверждения. Chick flick всегда показывает женский поиск гетеросексуального брака как единственного пути к счастью и интерпретируется как антифеминистское кино. Голливудской королевой chick flick является Нора Эфрон, чьи успешные фильмы повлияли на других женщин-режиссеров, работающих в этом субжанре. «План Мегги» скорее апеллирует к Вуди Аллену, показывая новые модели семьи, и убеждает, что брак и дети - это лишь один из немногих путей к самореализации в современном высококонкурентном мире, поскольку материнство дает женщине лишь часть самооценки. Современная женщина хочет быть профессиональной, равно как и современный мужчина, так что разделение семейных обязанностей становится довольно трудной задачей. В постфеминистскую эру быть Золушкой - немодно. В наше время женщина ищет влияние в профессиональном мире, и в этом состоит современная политика.

Режиссура помогает женщинам утверждать свой голос в самых разных странах. И этот голос становится все более политически осознанным в Восточной Европе. Например, румынский роуд-муви Анки Маруны Дунга «Путешествие с отцом», мировая премьера которого состоялась в программе «Время женщин» ММКФ-2016, и переосмысляет значение

«Пражской весны» 1968-го для Европы, и с позиций нового поколения отзывается на травматический опыт румын того времени. В своем фильме, основанном на рассказах родственников режиссера и глубоком исследовании, Дунга размышляет, как политика вмешивается в семейные отношения, производя трагедии и травмы, радикализируя молодежь, но в то же время пытается взглянуть на значение 1968-го для последующей судьбы Европы. Образ советской империи как угрозы также позволяет перебросить взгляд на современность, поскольку киноязык фильма отнюдь не выглядит архаичным, а скорее представляет собой немного ироничный, порой клиповый, отсылающий к современному языку кино.

Мировой женский кинематограф по-прежнему богат романтичными chick flicks, однако с каждым годом становится все более разнообразным и по части других жанров. Особенно в малобюджетном кино женщины-режиссеры пытаются быть радикальными в исследовании сексуальности, порой вторгаясь в традиционно «мужские» жанры. Например, наиболее нашумевшим малобюджетным хоррором стал снятый на фарси американский фильм «Девушка возвращается домой одна» (2014) Анны Лили Аминпур. Этот фильм не только представляет воображаемый Иран как подходящую площадку для страшной, кровавой истории, которая отсылает и к вампирским хоррорам, и к спагетти-вестернам, но и впервые предлагает образ женщины-вампира в хиджабе, который смотрится как современный костюм Дракулы. Хиджаб идеально маскирует внутренний женский протест, который взрывает ситуацию с каждым нападением вампира на жертву-мужчину. Вампир в хиджабе, с его подавленной сексуальностью, выглядит словно вигилант, помнящий о своей родовой травме быть женщиной. Черный хиджаб символически отсылает к репрессивному иранскому обществу, табуирующему свободное изъявление женской сексуальности, и он также становится угрозой для коррумпированных и развратных мужчин, выходящих на злые улицы. Мужской страх кастрации соседствует с женским протестом против мужского насилия и патриархатного доминирования, который требует от женщин своего оружия для нападения. Женщина нападает и убивает без любви, в то время как любовь - единственная возможность мирного гетеросексуального баланса. Зубы вампира - смертельное оружие, в то время как мужчины используют реальное оружие. Вагина имеет зубы в мужской фантазии, в то время как в реальности она соблазн и источник удовольствия, но зубы могут убивать, кастрировать, мстить, пугать. Через «крутой» вампирский нарратив, жестокие сцены убийства и визуальную репрезентацию города как проклятого места этот стильный фильм напоминает об эстетике Серджио Леоне, равно как и фильма «Выживут только любовники» Джима Джармуша. В нем проявляется особенная женская чувствительность, стиль и визуальный саспенс. В фильме вампир в хиджабе преследует на злых улицах и маленького мальчика, однако не убивает. Женщина дает жизнь ребенку. Нет причин ему мстить. Давать жизнь - женская сила.

С 2006 г., когда вместе с «Горбатой горой» Энга Ли, «Капоте» Беннета Миллера и «Трансамерикой» Дункана Такера квир-проблематика оказалась награждена на церемонии Оскар, квир-чувствительность окончательно завоевала мэйнстрим. Но мы до сих пор видим, что это «мужской» мэйнстрим. Женщины доныне работают с данной проблематикой в независимом кино, причем не только в США, но и в странах Европы. Они делают замечательные фильмы, особенно в малобюджетном кино. Эти фильмы напоминают о том, что отметила еще Джудит Батлер: «быть мужчиной» и «быть женщиной» - внутренне нестабильный удел [3]. Современное кино развивает эту мысль, видоизменяя жанровые конвенции и подтверждая то, что конституирующие элементы жанра, равно как и сексуальности, не могут оставаться монолитными. В 2014 г. ярким примером малобюджетного квир-фильма стала «Крепкая орешина» Битте Андерсон. Кульминационная сцена этой картины развивалась в тюрьме, куда попадали главные героини - лесбиянки и трансвеститы, мечтающие выиграть конкурс музыкального шоу. Эта сцена, как большой шоу-стоппер, одновременно напоминает пародию на сексуальную революцию. Все заключенные в музыкально-сексуальном экстазе сносили стены тюрьмы благодаря своей энергии и игривости, что напоминало о мысли Маркузе, когда-то писавшем, что Эрос способен менять цивилизацию. Но подобный момент также маркировал особенности современно-

го шведского либерального общества, в котором женский кинематограф уже давно занял свое заметное место. Благодаря осознанной культурной политике Шведского киноинститута в стране уже давно культивируется гендерный баланс в киноиндустрии (50/50), что позволяет производить самые разнообразные фильмы и поддерживает кинофеминистское движение.

Восточноевропейское кино также нащупывает квир-чувствительность как одно из доказательств либерализации общества. Но этот процесс происходит куда с большими трудностями. Новейшим примером в малобюджетном кино является «Соблазн» (2015) Агнешки Сможински - фильм, снятый в Польше, мировая премьера которого состоялась на кинофестиавле Сандэнс, а затем показанный на целом ряде крупнейших кинофестивалей, включая программу «Время женщин» ММКФ-2016. В католической стране квирность проявляется в рамках фантастического жанра (это сказка о Русалке по мотивам Ганса Христиана Андерсена) и перебрасывает мостик к жизни ночных клубов 80-х. Две сестры-русалки попадают в ночной клуб для того, чтобы развлекать посетителей песнями и танцами. Они соблазняют мужчин, но и влюбляются в одного и того же золотоволосого молодого красавца. Ностальгический рок-мюзикл все время оборачивается хоррором, поскольку русалки, как водится, могут и убивать мужчин. Но в фильме есть и феминистский подтекст - это сестринство, как базовый принцип солидарности женщин, умения быть вместе, даже несмотря на конкуренцию. Чувство сестринства мотивирует и желание мести мужчине в случае, если он превращает подругу в свою жертву. Сестринство основано на памяти о своеобразной родовой травме - быть женщиной в фаллоцентричном патриархатном мире. Но в фантастическом мире фильма хвост русалки тоже смотрится как своего рода фаллос, который напоминает о гендерной нестабильности и неспособности пениса доминировать. Эта гендерная переходность и нестабильность говорит о том, что мужское и женское скорее культурный конструкт, нежели природный. Это важнейший концепт для квир-культуры, и современное кино его активно проводит.

Центральная тема многих женских фильмов - «кризис маскулинности», и в последнюю декаду она складывает субжанр “lad flicks”. Lad flicks появился в конце 90-х как своего рода реакция на волнение о «кризисе маскулинности», и этот жанр стал проявлять себя в самых разных аспектах популярной культуры - на радио, телевидении, в глянцевых журналах. В 2010-х женщины начали работать в lad flicks, который представляет собой своего рода гибрид “buddy movies”, романтической комедии и “chick flicks” и выводит в центр молодого мужчину или мужчин в их взрослении и поиске места в жизни. Например, королем “lad flicks” в Голливудском «мужском кино» является Джад Апатоу, чьи фильмы - сплошь о «новых лэдах», смешно борющихся за сохранение своего гедонистического образа жизни в постплэйбоевскую эру и вступающих в отношения с сильными профессиональными женщинами. В женском кино «новые лэды» главным образом представлены в романтическом ключе. Они, как правило, окружены женщинами, которые ведут с ними ироническую «гендерную войну». В том же «Плане Мэгги» герой Итана Хоука находится между двумя яркими женщинами (Джулиана Мур и Грета Гервиг), где одна делает блестящую карьеру как феминистская писательница и интеллектуал, равно как и мать двоих детей, а вторая, будучи моложе, мечтает не только о материнстве, но и об успешном профессиональном будущем. С огромным юмором фильм показывает, как втянутый в отношения с женами, мужчина постепенно теряет самоуважение, поскольку жить задачами исключительно семьи для него очень мало. Современное время ставит в сложное положение и мужчин, и женщин, приводя не только к семейному, но и к личностному кризису. Как и многие женские фильмы «План Мэгги» имеет ироничный взгляд на мужчину, равно как и на женщину. Ирония вообще свойственна женскому кино. Однако эта ирония окрашена романтизмом, поскольку женщины мечтают о любви, равно как и мужчины мечтают об идеальной женщине. Мужчина в женском гетеросексуальном кино - объект для любви: он вдохновляет женщину на то, чтобы все время что-то предпринимать, участвовать в конкурентной борьбе за него с другими женщинами, быть интересной, привлекательной и сильной, но в то же время мужчина - своего рода источник женского невроза,

поскольку все время напоминает о нереализованных амбициях, нуждается в поддержке и помощи, отнимает время от личных проектов.

Во французском фильме Майвенн «Мой король» с Венсаном Касселем и Эммануэль Берко (Золотая пальмовая ветвь за лучшую женскую роль в 2015 г.) можно наблюдать сильную жизненную связь с неотразимым «лэдом», которая продолжается после окончания романтического периода, брака и развода. Маскулинность - сложная культурная категория, в том числе во французском кино. Герой Касселя - парижский «лэд», ведущий гедонистический образ жизни, состоящий из мужской одержимости выпивкой, наркотиками, деньгами, сексом. Герой даже готов быть альфонсом и жиголо в случае, если жена зарабатывает деньги своей профессией адвоката. Для связи с другой женщиной не помеха даже ребенок, - главное, чтобы у той тоже были деньги. Но его способность быть неотразимым и жить как король позволяет ему оставаться в сердце героини Берко до самого конца.

Очень интересно сравнить американский «План Мегги» и французский «Мой король». Постфеминистская культура в США показывает женщин профессиональными, автономными и независимыми, несмотря на присутствие мужа и детей. Они «материальные девочки» в эру пост-Мадонны, которые делают деньги и любят заниматься сексом, но не очень-то верят в любовь. Как показала феминистская сценаристка «Тельмы и Луизы» (1991) и постановщица «Сумасшедших денег» (2008) Кейли Хоури, американские женщины различных социальных классов часто зарабатывают деньги лучше, чем мужчины, и не боятся вступать в криминальные отношения ради того, чтобы «быть кем-то» в Америке. Американские женщины живут в стране, где психоанализ, кажется, может ответить на любые вопросы, и не верят особенно в тайну любви. Их урбанистический нарциссизм делает развод не таким травматичным, поскольку у них есть для этого свое оружие в виде рабочих позиций, образования, денег. Французская женщина также хочет состояться в профессии, но все еще романтична, потому находится в длительных отношениях с мужчиной, несмотря на профессиональный и жизненный успех. Французская женщина не может разорвать отношения до конца, поддерживая их после травмы развода, что продолжает травмировать ее, но одновременно и вдохновлять на то, чтобы оставаться сильной и красивой. Создается впечатление, что в современном мире американские мужчины имеют гораздо больше трудностей в процессе гендерных войн и соревнования, особенно в профессиональной сфере, в том случае, если у них близкие интеллектуальные интересы с женщинами. Американские «лэды» выглядят более жалкими и почти кастрированными, в то время как французские мужчины-гедонисты более игривы, авантюрны, бисексуальны, профессионально индифферентны, что в женском кинематографе позволяет им быть своего рода ироничными “homme fatale”, городскими симпатичными «дьяволами», постоянно соблазняющих женщин, но при этом не способных жить без их интеллекта и помощи. Майвенн в ироничном ключе продолжает традицию роковых мужчин на экране, которая в кино восходит еще к Рудольфо Валентино, что позволяет говорить о своего рода женской реконструкции “homme fatale” в кино. На современном киноведческом языке, возможно, было бы лучше определить это как «мужской фатализм», поскольку женское кино пытается все же преодолеть бинарную оппозицию «мужское» и «женское» и вторгнуться в своего рода гендерную переходность, перформативность, то есть в квир-чувствительность с ее плавающими гендерными ролями. Этот «мужской фатализм» может быть свойственен и женщинам, когда они используют «мужские стратегии» гендерной войны и соблазнения. Подобный экранный мужской образ дает богатые возможности для актера и одновременно реконструирует маскулинность в контексте целой традиции создания легенд и мифов. Интересно, что в современном «мужском» кино “homme fatale” очевидно представлен в таких фильмах, как французский «Идеальный мужчина» (2015) Яна Гозлана, или американо-британский «Совершенный парень» (2015) Дэвида Розеталя, но здесь характеры отсылают к жанру триллера в духе Патриции Хайсмит и к ее убийцам с обманчивой идентичностью. Женщины-режиссеры работают в урбанистической драме, поддерживая семейные ценности, но они осознают, что модели современной семьи значительно изменились, что в конечном счете заставляет менять и нарратив.

Женщины подталкивают нас к другому взгляду на мужчин и женщин, вместо мифологизации и поэтизации реальности и субъекта они скорее используют критический и даже стереоскопический взгляд. Женщины любят нюансы, детали, из которых часто и складывается стереоскопический взгляд на субъекта. Кажется, что они держат в голове, что кино - это не только энтертеймент, перфоманс, философия, политический месседж, но также и своего рода изучение человека и его слабостей, а также инструмент психологической и социальной терапии. Фильмы женщин-режиссеров, часто вторгающиеся в семейную проблематику, предлагают глубокие исследования сексуальности и, кажется, напоминают нам о гуманизме в эпоху устанавливающегося постгуманизма. Женское кино позволяет сохранить своего рода баланс в общих представлениях о человеке, обществе и мире.

Тогда как американские женщины не особенно думают о «мужском фатализме» и представляют мужчин в духе «американских психопатов» (в память об одноименном фильме Мэри Хэррон 2000 г.), режиссеры из Западной Европы заявляют об опасности «мужского фатализма» и одновременно показывают женскую завороженность им, поскольку подобные характеры дают женщинам жизненный драйв и вдохновение. Женщины любят приключения, но платят за это очень большой ценой, а порой и жизнью. Например, в австрийском «Джеке» (2015) Элизабет Шаранг подобный герой идет на убийство женщины, разрушение жизни своей любовницы, пока не попадает за решетку и не обретает желание стать писателем. Его умение воздействовать на женщин своей харизмой позволяет ему заручиться женщиной-агентом и стать знаменитым. Женщины готовы ему подчиняться, но и использовать. «Каждый тебя использует», как поет в знаменитой песне Энни Леннокс. Мужчины используют женщин для секса и славы, женщины - для материнства, денег и выживании в корпоративном, высококонкурентном и манипулятивном капиталистическом мире, что, в свою очередь, коррумпирует романтические отношения, разрушает их и придает цинизм. Правда, как показывают и «Джек», и «Мой король», мужчины, несмотря на свой фатализм, становятся своего рода марионетками профессиональных женщин. Они не могут от них оторваться окончательно и вынуждены играть с ними в совместную игру.

Последняя тема - ключевая во втором режиссерском проекте Джоди Фостер «Финансовый монстр» (2016), где герой Джорджа Клуни - шоумен и медиамарионетка не только большой финансовой корпорации, но и героини Джулии Робертс, режиссера телевизионного шоу, призывающего зрителей вкладывать деньги в акции. Только вторжение террориста на съемочную площадку в прямой эфир, на самом деле представителя бедного класса той самой целевой аудитории, которая потеряла деньги благодаря махинации главы корпорации, помогает героям Клуни и Робертс осознать степень своего участия в глобальной медиаманипуляции и вспомнить об этике журналиста в демократической стране. Интересно, что героиня Робертс прибегает ко всем возможным ресурсам, включая хаккеров, для того чтобы разгадать причину компьютерного «глюка», приведшего к падениям стоимости акций. В ходе поиска правды Фостер показывает своего рода «новое сестринство» как сотрудничество женщины-режиссера телешоу, равно как и женщины-пиар-менеджера корпорации, равно как и «новое братство», которое возникает, когда герой Клуни начинает поддерживать пострадавшего «террориста» в его поисках подлинного преступника. Как знаменитая актриса и феминистка с хорошим образованием, которая знает, что каждый фильм политичен, включая фильм современного транснационального Голливуда, Джоди Фостер отказывается исключительно пугать или развлекать аудиторию, но использует Голливуд как своего рода публичную площадку для сильного социального и политического месседжа. Но в то же время, как и в оскаровском фильме Тома Маккарти «В центре внимания» (2015), в медиа-триллере Фостер демонстрирует, как рискованное журналистское расследование, которое временно останавливает гендерную войну и соревнование для совместного поиска и сопротивления, является своего рода надеждой сохранить прозрачность в американском обществе и поддержать глобальные процессы демократизации. Впечатление такое, что режиссеры женского и мужского пола хотят нам сказать: если у нас есть настоящая цель, то мы забываем о том, кто мы - муж-

чины или женщины, мы - вместе и можем быть одинаково отчаянны, игривы, честны, сексуальны, политически мотивированны и так далее.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ella Shohat and Robert Stam. Multiculturalism, Postcoloniality, and the Media. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press. 2003. P. 1.
2. Yvonne Tasker and Diane Negra. Introduction. Feminist Politics and Postfeminism Culture. In: Interrogating Postfeminism. Gender and the Politics of Popular Culture. Duke University Press. 2007. Pp. 1-27.
3. Judith Butler. Bodies That Matter. London, NY. Routledge. 1993.

REFERENCES

1. Ella Shohat and Robert Stam. Multiculturalism, Postcoloniality, and the Media. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2003. P. 1. (in Eng.).
2. Yvonne Tasker and Diane Negra. Introduction. Feminist Politics and Postfeminism Culture. In: Interrogating Postfeminism. Gender and the Politics of Popular Culture. Duke University Press. 2007. Pp. 1-27. (in Eng.).
3. Judith Butler. Bodies That Matter. London, NY. Routledge. 1993. (in Eng.).

Информация об авторе:

Артюх Анжелика Александровна, доктор искусствоведения, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Смольный), профессор, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения,
г. Санкт-Петербург, Россия
angelartyukh@gmail.com

Information about the author:

Anzhelika A. Artyukh, Doctor of Arts, Associate Professor, St. Petersburg State University (Smolny College), Professor, St. Petersburg Institute of Cinema and Television,
St. Petersburg, Russia
angelartyukh@gmail.com

Получена: 08.07.2017

Для цитирования: Артюх А.А. Женщины-режиссеры в современном глобальном мире. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 1. с.99-106.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-99-106.

Received: 08.07.2017

For citation: Artyukh A.A. Women-directors in the contemporary global world. Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 1. Pp. 99-106.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-99-106. (in Russian)

УДК 316.4 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-107-115

ГУРБА Владимир Николаевич
Институт социологии и регионоведения
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону, Россия
desp@ufo.gov.ru

КОНОВАЛОВ Валерий Николаевич
Институт социологии и регионоведения
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону, Россия
kwn_2006@mail.ru

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И КОРПОРАЦИЙ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье анализируется развитие государственного корпоративизма в России, его предрасположенность к патерналистски ориентированной модели административной «управляемой демократии», к преобладанию корпоративно-ведомственных, узкоклановых интересов над общегосударственными. Отмечается, что корпоративизм в России имеет политэкономическую природу, позволяющую сравнивать российское государственное устройство с его «ресурсоориентированной» составляющей с моделью «государства налогоплательщиков». В статье исследуется современный этап корпоративизации, проявлением которой стало наличие формальных и неформальных механизмов согласования интересов, интенсификация обмена кадрами между властью и бизнесом. В статье анализируется качество государственного управления в России по шести параметрам, предлагаемым Международным индексом качества государственного управления (WGI) Всемирного банка. Они включают в себя: учет мнения граждан и подотчетность; политическую стабильность и отсутствие насилия; эффективность государственного управления; качество нормативной базы; верховенство закона; контроль коррупции. Исследование влияния неформальных отношений в управленческом взаимодействии государства (государства-рантье) и корпоративных структур подтверждает сопряженность активности в поисках ренты с коррупцией, с неэффективностью государственных расходов, с развитием демократии, возникновением авторитарных институтов, а также состоянием политической стабильности/нестабильности. Существует достаточно определенная корреляция влияния перечисленных факторов на состояние национальной безопасности в качестве ее угроз. Бюрократическая, «чиновническая» экономика, проблемы эффективности управленческой деятельности могут представлять собой угрозу национальной безопасности.

Ключевые слова: государственное управление, государственный корпоративизм, ресурсозависимое государство, неформальные отношения, управленческое взаимодействие, национальная безопасность, угрозы национальной безопасности

Vladimir N. GURBA
Institute of Sociology and Regional Studies
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia
desp@ufo.gov.ru

Valery N. KONOVALOV
Institute of Sociology and Regional Studies
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia
kwn_2006@mail.ru

MANAGERIAL INTERACTIONS OF THE STATE AND CORPORATIONS IN RUSSIA IN THE NATIONAL SECURITY CONTEXT

The article is devoted to the analysis of the development of state corporatism in Russia, its predisposition to a paternalistic-oriented model of administrative "managed democracy", to the predominance of corporate, departmental, and narrow-clan interests over nation-wide interests. It is noted that corporatism in Russia has the political economy essence, which makes it possible to compare the Russian state structure with its "resource-oriented" component with the model of the "state of taxpayers". The article investigates the current stage of corporatization, the manifestation of which was the availability of formal and informal mechanisms for coordinating interests, intensifying the exchange of personnel between government institutions and business-structures. The article analyzes the quality of Russian public administration according to six parameters proposed by the Worldwide Governance Indicators (WGI). They include: Voice and Accountability, Political Stability and Absence of Violence/Terrorism, Government Effectiveness, Regulatory Quality, Rule of Law, and Control of Corruption. The study of the influence of informal relations in the management interaction between the state (rentier state) and corporate structures confirms the conjugation of activity in seeking rent with corruption, inefficiency in public spending, with the development of democracy, the emergence of authoritarian institutions, political stability/instability. There is a fairly definite correlation of the influence of these factors on the state of national security as its threats. Bureaucratic economy, problems of management effectiveness may pose a threat to national security.

Keywords: public management, state corporatism, resource-dependent state, informal relations, managerial interaction, national security, threats to national security

Наряду с организациями политического представительства в систему функционального представительства включается такой структурный элемент, как корпорация.

Особенности демократических процессов в корпоративных структурах современной России в сравнительной ретроспективе уже рассматривались в статье, опубликованной в научном журнале «Космополис», под названием «Корпоративные особенности демократии в России» [1].

Демократизация, или диффузия, собственности, которая наблюдалась в развитых странах в XX в., не стала достоянием российского общества. Развитие корпоративного сектора экономической демократии показало свои специфические особенности при соблюдении некоторого общего вектора, присущего определенной группе стран, обремененной ресурсным изобилием.

Если мы обратимся к статистическим материалам Мингосимущества РФ и Минэкономики РФ, то обнаружим, что в 1994 г. доля в ВВП государственного сектора составляла 38%, а в 1996 г. - 23%. На долю приватизированных предприятий приходилось 37% и 39% соответственно и на долю изначально частных предприятий - 25% и 38% [2, с. 8]. В 2005 г. доля государства в экономике оценивалась на уровне 35%.

Процесс перераспределения собственности идет до сих пор, хотя и с некоторыми изменениями. В 2007 г. с помощью специальных законов, внесенных президентом РФ, были предоставлены особые полномочия и особые условия работы госкорпорациям, внесшим существенный вклад в перераспределение собственности, прежде всего государственных средств. В качестве таковых выступали и выступают крупные госхолдинги: «Газпром», РЖД, РАО «ЕЭС России», «Рособоронэкспорт», «Роснефть» и др.

По мнению В. Волкова, госкорпорации являются институциональным экспериментом, который представляет собой «персонифицированную государственную собственность» [3, с. 75-78]. Система взаимодействия бизнеса и власти сохраняла свою преемственность с точки зрения рентоориентированного поведения и преобладания в ней перераспределительного механизма, тем самым приобретая зрелые формы государственного корпоративизма.

По данным Федеральной антимонопольной службы России, в 2016 г. вклад государства и госкомпаний в ВВП составил уже 70%. Как цитирует доклад ФАС России, подготовленный для правительства РФ, газета «Ведомости», «со своей собственностью государство расстается неохотно. <…> Теперь государство не собирается расставаться с корпоративным контролем и хочет сохранить возможность влиять на управление» [4]. Таким образом, за последние полтора десятка лет доля частной собственности в российском ВВП сократилась почти вдвое.

Развитие корпоративизма в России имеет политэкономическую природу, которая позволяет сравнивать российское государственное устройство с его «ресурсоориентированной» составляющей с демократической моделью «государства налогоплательщиков». Здесь можно обратиться к структурообразующей идее Д. Асемоглу и Дж. Робинсона, противопоставляющих два типа государства - инклюзивное и экстрактивное [5]. Известный исследователь А.М. Эткинд называет первый тип «трудозависимым государством». Ученый считает: «Все состояние государства складывается из труда населения. У государства нет ничего другого, кроме налогов, которые люди платят ему со своего производительного продуктивного труда. Из этих средств, ресурсов, денег государство оказывает разные виды услуг, включая социальную помощь, производство публичных благ, заботу о безопасности и так далее». Второй тип государства - ресурсозависимое. Последнее «черпает, получает свои доходы из недр, которыми оно само непосредственно обладает и которые само непосредственно обрабатывает, возделывает, бурит и т.д. Это все независимая от населения область государственной деятельности. И есть население, которое стоит или лежит, или двигается, активно работает далеко от этого сырья» [6]. А.М. Эткинд приводит данные российского правительства, согласно которым в современной России только 1% населения профессионально занят в топливно-энергетическом комплексе. Соответственно, руками 1% населения создается подавляющая часть национального богат-

ства (2/3 государственного бюджета). Натуральный ресурс, таким образом, неизмеримо важнее производительного труда населения.

Ресурсозависимое государство противопоставляется трудозависимому государству. В трудозависимом государстве налоговые поступления идут от граждан, которые являются источником благосостояния и власти, на самый верх государственной пирамиды, откуда обеспечиваются общественные интересы. Частью инклюзивных институтов (в терминах Асемоглу-Робинсона) обязательно являются защищенные права частной собственности, независимая судебная система и равные возможности для участия всех граждан в экономической активности; эти институты обеспечивают вход на рынок новых игроков и расширяют круг бенефициаров рыночной экономики. В ресурсозависимом государстве главным источником средств для государства является рента от сырьевых ресурсов. Исследователи, анализирующие ресурсозависимые государства, считают, что тем самым создаются предпосылки для доминирования в них государственной собственности. Естественным образом возникают необходимые условия для появления государства-рантье. Данный термин означает, по мнению его автора - иранского экономиста Х. Махдави, следующее: государство-рантье большую часть ВВП генерирует через природную ренту в условиях ее полной подконтрольности со стороны государства.

У государства-рантье возникают проблемы с эффективностью использования природной ренты, диверсификацией экономики, защитой прав собственности, открытостью экономики, с понижением уровня коррупции. Имеются серьезные недостатки во взаимоотношениях с политическими институтами и функционированием гражданского общества.

Специалисты, исследующие влияние государства-рантье на институты или его зависимости от них, отмечают сопряженность активности в поисках ренты с коррупцией, с неэффективностью государственных расходов, с развитием демократии, возникновением авторитарных институтов, а также состоянием политической стабильности/нестабильности. Существует достаточно определенная корреляция влияния перечисленных факторов на состояние национальной безопасности в качестве ее угроз. Р. Ульман, один из первых исследователей, кто обратил внимание на необходимость переопределения понятия безопасности, считает, что «угроза национальной безопасности есть действие или следствие событий. Во-первых, оно угрожает в течение короткого промежутка времени радикально ухудшить качество жизни населения государства; во-вторых, угрожает существенно сузить политический выбор для правительства или для частных и неправительственных субъектов (личностей, групп людей, корпораций) внутри государства» [7, с. 140].

В российском политологическом словаре понятие безопасности раскрывается через понятие национальной или государственной безопасности. Концепцию национальной безопасности сущностно выражает концепция национальных интересов. В последнем варианте Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (31.12.2015 г.) национальная безопасность определяется как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации» [8]. Затем идет расшифровка важных понятий концепции национальной безопасности:

- «национальные интересы Российской Федерации - объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития;

- угроза национальной безопасности - совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам» [8].

Стратегия национальной безопасности выделяет в качестве основных угроз государственной и общественной безопасности следующие интересующие нас аспекты:

- «преступные посягательства, направленные против личности, собственности, государственной власти, общественной и экономической безопасности;
- коррупция» [8].

Поскольку конфликтогенность государственного корпоративизма создает определенные угрозы для общества, приведем в полном виде положение Стратегии о главных направлениях обеспечения государственной и общественной безопасности. К ним относятся: «усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности и прав собственности, совершенствование правового регулирования предупреждения преступности (в том числе в информационной сфере), коррупции, терроризма и экстремизма, распространения наркотиков и борьбы с такими явлениями, развитие взаимодействия органов обеспечения государственной безопасности и правопорядка с гражданским обществом, повышение доверия граждан к правоохранительной и судебной системам Российской Федерации, эффективности защиты прав и законных интересов российских граждан за рубежом, расширение международного сотрудничества в области государственной и общественной безопасности» [8].

Рассмотрим подробнее ситуации, характеризующие влияние «персонифицированной государственной собственности» на коррупцию; политические институты; политическую стабильность/нестабильность.

Коррупция

На современном этапе корпоративизации стали появляться формальные и неформальные механизмы согласования интересов, более интенсивным становится обмен кадрами между властью и бизнесом. Шло движение в сторону так называемого «капитализма для своих» (*crony capitalism*). Наблюдался рост концентрации собственности, а также коррупции, в том числе в виде откатов. Ряд специалистов отмечают, что личные связи между представителями власти и бизнеса дают возможность получать свою долю доходов членами политического руководства в курируемых ими компаниях. Присвоение ренты принимает разнообразные формы: коррупционные платежи, покупка недвижимости для политической элиты, непотизм, передача пакетов акций и других активов.

Механизмами контроля власти над бизнесом стало участие высокопоставленных ее представителей в советах директоров, советах акционеров, на экспертно-консультационных и топ-менеджерских должностях в корпоративных структурах.

Такая разновидность собственности порождает неформальные тесные связи политиков и бизнесменов. Наличие элементов тайного финансирования политических партий и подозрительно тесных связей между политикой и бизнесом квалифицируется как форма коррупции в Индексе странового риска (*Political and Risk Services*), который составляется авторитетной в научном сообществе организацией Political and Risk Services (PRS), выпускающей с 1980 г. «Международный справочник по страновым рискам» («*International Country Risk Guide*»). Согласно мнению PRS, самой распространенной формой коррупции являются незаконные специальные платежи и взятки, связанные с импортными и экспортными лицензиями, контролем над обменом валютных курсов, налогообложением, защитой полицией, распределением кредитов. Помимо этого коррупцией является чрезмерное покровительство (патронаж), семейственность, подход «услуга за услугу» и т.д. Такие виды коррупции, по мнению PRS, представляют потенциально большие риски не только для иностранного бизнеса и стимулирования развития «черного рынка», они могут привести к народному недовольству. Крупные скандалы способны спровоцировать негативную реакцию населения и привести к падению или свержению руководства страны, масштабной реорганизации или реструктуризации политических публичных институтов или, на худой конец, нарушению закона и порядка, что сделает страну неуправляе-

мой, привнесет нестабильность в политический процесс. Отметим, что по индексу восприятия коррупции Россия в 2015 г. находится на 119-м месте из 169 [9].

Оценка политической составляющей странового риска наряду с коррупцией включает в себя следующие 12 факторов: стабильность правительства (12 баллов); социально-экономических условия (12 баллов); инвестиционный профиль (риск экспроприации собственности, риск нарушения контрактов государством) (12 баллов); внутренний конфликт (12 баллов); внешний конфликт (12 баллов); коррупция (6 баллов); милитаризация политики (6 баллов); религиозная напряженность (6 баллов); закон и порядок (6 баллов); межэтническая напряженность (6 баллов); подотчетность демократических институтов (6 баллов); качество бюрократии (6 баллов). В совокупности получается 100 баллов [10].

Политические институты

Что касается политических институтов, то из их множества исследователи выделяют те, которые в наибольшей мере сопряжены с активностью государства-рантье в поисках ренты и взаимосвязаны между ресурсным изобилием и качеством институтов. Это «учет мнения граждан и подотчетность правительства», который включен в Международный индекс качества государственного управления (*WGI*) Всемирного банка. Всемирный банк с 1996 г. оценивает качество государственного управления в разных странах по шести параметрам:

1. *Учет мнения граждан и подотчетность* - понимание восприятия того, в какой степени граждане страны могут участвовать в выборе своего правительства, а также свободу выражения мнения, свободу ассоциации и свободу средств массовой информации.

2. *Политическая стабильность и отсутствие насилия* - совокупность представлений о вероятности дестабилизации или свержения правительства неконституционными или насильственными средствами, включая политически мотивированное насилие и терроризм.

3. *Эффективность государственного управления* - оценка восприятия качества государственных услуг, качества государственной службы и степени ее независимости от политического давления, качества разработки и осуществления политики и доверия к приверженности правительства к такой политике.

4. *Качество нормативной базы* - понимание восприятия способности правительства формулировать и внедрять обоснованные политики и нормативные акты, которые разрешают и стимулируют развитие частного сектора. Это предполагает уважение граждан и государства к учреждениям, которые регулируют экономические и социальные взаимодействия между ними.

5. *Верховенство закона* - понимание восприятия того, в какой степени агенты доверяют и соблюдают правила общества, в частности качество исполнения контрактов, права собственности, деятельность полиции и судов.

6. *Контроль коррупции* - фиксирует восприятие того, в какой степени государственная власть используется для получения личной выгоды, включая разные формы коррупции, а также «захват» государства элитами и частными интересами [11].

Так, по позиции «*учет мнения граждан и подотчетность*» показатели в оценке функционирования в Российской Федерации демократических институтов последовательно уменьшаются: с *-0,87 пп.* (2011 г.) до *-1,05 пп.* (2015 г.). Соответствующая оценка варьируется - от *-2,5* (слабая) до *2,5* (сильная) эффективность управления.

Минусовая зона оценки (слабая) характеризует и другие позиции Международного индекса качества государственного управления:

- политическая стабильность и отсутствие насилия - с *-0,99 пп.* (2011 г.) до *-1,05 пп.* (2015 г.);

-эффективность госуправления - с *-0,46 пп.* (2011 г.) до *-0,18 пп.* (2015 г.);

- качество нормативной базы - с *-0,36 пп.* (2011 г.) до *-0,52 пп.* (2015 г.);

- верховенство закона - с -*0,74 пп.* (2011 г.) до -*0,72 пп.* (2015 г.);
- контроль коррупции - с -*1,04 пп.* (2011 г.) до -*0,86 пп.* (2015 г.).

Специалисты стали отмечать, что складывающаяся модель корпоративистской олигархии выражает сужение демократической базы политических и экономических институтов и ведет к преобладанию корпоративно-ведомственных интересов над общегосударственными. Заметно стало влияние госкорпораций на функционирование Совета Федерации РФ и Государственной думы РФ. В политологическом дискурсе актуализировался методологический посыл: признание угроз от олигархическо-бюрократической политики. Олигархическо-бюрократическая политика обращается преимущественно к теневым методам лоббирования. Несмотря на возникающие время от времени вопросы о целесообразности дальнейшего использования такой организационно-правовой формы, как государственная корпорация, «персонифицированную государственную собственность» на уровне политического руководства отменять не собираются.

Политическая стабильность/нестабильность

Сохранению и укреплению политической стабильности способствует оптимальный баланс групп интересов, согласование их потребностей и их соответствие государственным или национальным интересам. «Олигархическая» группа интересов - узкий круг влиятельных собственников, осуществляющих свой контроль над большей частью экономических активов, продвигают свои интересы в органах власти как на федеральном, так и региональном уровнях.

Политическое взаимодействие, как отмечают исследователи, осуществляется в основном двумя видами взаимоотношений: иерархическим (господство/подчинение) и партнерским. Идея и социальная практика корпоративизма воспроизводит определенную модель взаимодействия государства и групп интересов, то есть представлены в институциональной структуре разных политических систем и режимов.

В историческом плане идея государства как органического целого берет свое начало в римском праве, где наряду с понятием «Societas», означавшим свободные договорные отношения между лицами, находящимися лицом к лицу (ассоциация, партнерство), существовало понятие «Universitas» (целостность, тотальность), означавшее объединение, созданное ради некоторой цели на основе их совместной собственности. Теория естественного права, сформировавшаяся в Новое время, переосмыслила понятие об обществе, имеющее уже иную, договорную структуру. Основой всякого образования общества является общественный договор («Genossenschaft» - *равенство, товарищество*), который постепенно вытеснил представление о правлении в форме «Herrschaft» (*господство, подчинение*). Исторически (традиционно) в России складывалась специфическая структура распределения собственности, механизма взаимодействия в обществе, соответствующего модели «Herrschaft», господства.

В результате сложившегося механизма взаимодействия представителей власти и бизнеса за рамками системы принятия политических и государственных решений остается все общество. Наиболее характерной чертой корпоративного капитализма является гибридное сочетание формального политического и неформального экономического взаимодействия. Иллюстрацией такой комбинации служит характеристика, данная венгерским исследователям Б. Мадьяром представителям политического истеблишмента в Венгрии, применимая и к российским реалиям. Автор считает, что «полигарх добывает себе нелегитимное состояние благодаря легитимной политической власти, в рамках политического бизнеса. В то время как его политическая власть публична, экономическая власть, состояние скрыты от общества. Его личное состояние, которого ранее не было, возникает благодаря занимаемому им политическому посту и принимаемым им решениям. <…> С помощью подставных лиц он создает и тайную сеть из земельных владений, недвижимости и предприятий. Иногда его частное состояние пополняется за счет миллиардов из общественных средств в форме псевдообщественных организаций и фондов

благодаря неформальным, то есть не поддающимся официальному прекращению полномочиям по принятию решений» [12, с. 71].

Как отмечает краснодарский исследователь Т.А. Халилов, «в постсоциалистической России неформальные практики составляют институциональное ядро политического порядка, а формальные процедуры являются его внешними проявлениями. Три из четырех изученных порядков содержат неформальное ядро. Система политических взаимодействий власти и бизнеса - асимметричная, но устойчивая. Система позволяет политико-административной элите контролировать поведение бизнеса, диктовать направленность, формы и механизмы взаимодействия, определять стратегию государственной политики» [13, с. 116].

В Международном индексе качества государственного управления эксперты Всемирного банка «*политическую стабильность и отсутствие насилия*» в Российской Федерации за 2015 г. оценивают отрицательным значением: *-1,05 пп.*, что ухудшает показатели по отношению к предыдущим годам [14].

В ряде отечественных исследований [15] поднимается тема роли корпоративного сектора в политическом взаимодействии с государственной властью и возросшей политической активностью корпораций в РФ. В процессе институционализации государственного корпоративизма и политизации крупного бизнеса России выявляются многочисленные изъяны в общественном развитии (бюрократизм, излишняя централизованность, коррупционность, неэффективность экономических и политических институтов и т.д.), что порождает многие ожидаемые опасности и угрозы национальной безопасности, то есть жизненно важным интересам личности, общества, государства.

Правовая среда и экономическая структура России носит специфический характер, что нередко вызывает желание сформатировать особую «российскую» модель корпоративного управления. Ее особенными характеристиками является преобладание государственной власти над бизнесом. Об этом свидетельствуют правоприменительные действия исходя из политических мотивов, проявляющиеся в виде выборочного (заказного) инфорсмента в отношении «Юкоса» и других коммерческих компаний. Применение патрон-клиентарных отношений не способствует созданию и реализации эффективного законодательства, затрудняет «фильтрацию» узкогрупповых интересов политического, популистского, мафиозного и иного характера. В российской практике наблюдается доминирование неформальных политических институтов, подзаконных преференций, преобладание бюрократического корпоративизма в политической сфере, сокращение демократического потенциала структур гражданского общества.

Таким образом, возможности государственного корпоративизма, «управляемой демократии», продолжают не только сохраняться, но и расширяться, привнося тем самым проблемность в обеспечение национальной безопасности Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Коновалов В., Любашиц В. Корпоративные особенности демократии в России // Космополис. - 2007. - № 2 (16). - С. 136-147.
2. Conference on «Corporate Governance in Russia». Moscow, May 31 - June 2, 1999. - Moscow, 1999. - P. 8.
3. Волков В. Госкорпорации: институциональный эксперимент // Pro et Contra. - 2008. - № 5-6 (43). - С. 75-88.
4. См.: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/09/29/658959-goskompanii-kontroliruyut-ekonomiki [Электронный ресурс].
5. Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. - М., 2016. - 696 с.
6. См.: http://www.forbes.ru/sobytiya/ekonomika/316685-aleksandr-etkind-vlast-chuzhda-vsem [Электронный ресурс].

7. Конышев В.Н. Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории. - СПб.: Наука, 2004. - 372 с.
8. https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html [Электронный ресурс].
9. См.: http://carnegie.ru/2017/03/28/ru-pub-68411?mkt_tok=eyJpIjoi...czdGh6MnpOZE14TzhScFkzaGhZYjhcL2UrMWM0blkifQ%3D%3D [Электронный ресурс].
10. См: https://www.prsgroup.com/wp-content/uploads/2012/11/icrgmethodology.pdf [Электронный ресурс].
11. См.: http://info.worldbank.org/governance/wgi/pdf/wgi.pdf [Электронный ресурс].
12. Мадьяр Б. Анатомия посткоммунистического мафиозного государства: на примере Венгрии. - М.: Новое литературное обозрение, 2016. - 392 с.
13. Халилов Т.А. Баланс формальных и неформальных практик политического взаимодействия власти и бизнеса в постсоциалистической России // Власть. - 2016. - № 9. - С. 113-116.
14. См.: http://info.worldbank.org/governance/wgi/pdf/wgi.pdf [Электронный ресурс].
15. Сакаева М.М. Крупный бизнес и государство при Путине (трансформация агентских отношений) // Полития. - 2013. - № 4. - С. 94-105; Медведева Л.Е. Группы интересов в формировании политики национальной безопасности Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. - СПб., 2006; Гермаш Т.А. Политическое взаимодействие государственной власти и бизнеса в России: становление корпоративистской модели: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. - Ростов н/Д, 2011; Дорина Е.А. Взаимодействие государства и бизнес-корпораций в современной России: политико-административные ресурсы и модели развития: Автореф. дис. … канд. полит. наук. - М., 2013; Капкина А.В. Политическое позиционирование крупного российского бизнеса: механизмы и цели: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. - М., 2015; Пепелов С.Т., Чернов А.И. Взаимодействие власти и бизнеса в современной России: начало формирования институциональных основ // Власть. - 2016. - № 3. - С. 87-92.

REFERENCES

1. Konovalov V., Ljubashic V. Korporativnye osobennosti demokratii v Rossii. [Corporate Features of Democracy in Russia]. Kosmopolis = Cosmopolis. 2007, No. 2 (16), pp. 136-147.
2. Conference on «Corporate Governance in Russia». Moscow, May 31 - June 2, 1999. Moscow. 1999. P. 8.
3. Volkov V. Goskorporacii: institucional'nyj jeksperiment. [State Corporation: Institutional Experiment]. Pro et Contra, No. 5-6 (43), September-December 2008, pp. 75-88.
4. Available at: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/09/29/658959-goskompanii-kontroliruyut-ekonomiki
5. Acemoglu D., Robinson J. Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. [Why Nations Fail]. Moscow. 2016. 696 p.
6. Available at: http://www.forbes.ru/sobytiya/ekonomika/316685-aleksandr-etkind-vlast-chuzhda-vsem
7. Konyshev V.N. Amerikanskij neorealizm o prirode vojny: jevoljucija politicheskoj teorii. [American Neo-Realism about the Nature of War: the Evolution of Political Theory]. Saint-Petersburg: Nauka = Science. 2004. 372 p.
8. Available at: https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html
9. Available at: http://carnegie.ru/2017/03/28/ru-pub-68411?mkt_tok=eyJpIjoi...czdGh6MnpOZE14TzhScFkzaGhZYjhcL2UrMWM0blkifQ%3D%3D
10. Available at: https://www.prsgroup.com/wp-content/uploads/2012/11/icrgmethodology.pdf
11. Available at: http://info.worldbank.org/governance/wgi/pdf/wgi.pdf
12. Magyar B. Anatomija postkommunisticheskogo mafioznogo gosudarstva: na primere Vengrii. [Anatomy of the Post-Communist Mafia State: the Example of Hungary]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie = New Literary Review. 2016. 392 p.
13. Khalilov T.A. Balans formal'nyh i neformal'nyh praktik politicheskogo vzaimodejstvija vlasti i biznesa v postsocialisticheskoj Rossii. [Balance of Formal and Informal Practices of Political Interaction between Government and Business in Post-Socialist Russia]. Vlast' = Power. 2016, No. 9. Pp. 113-116.
14. Available at: http://info.worldbank.org/governance/wgi/pdf/wgi.pdf
15. Sakaeva M.M. Krupnyj biznes i gosudarstvo pri Putine (transformacija agentskih otnoshenij). [Large Business and the State under Putin (Transformation of Agency Relations)]. Politija = Politia. 2013.

No. 4. Pp. 94-105. Medvedeva L.E. Gruppy interesov v formirovanii politiki nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii. [Groups of Interests in the Formation of the National Security Policy of the Russian Federation]. Avtoref. dis. ... kand. polit. nauk = Author's Abstract of Dis. … of Cand. of Polit. Sciences. Saint-Petersburg, 2006; Germash T.A. Politicheskoe vzaimodejstvie gosudarstvennoj vlasti i biznesa v Rossii: stanovlenie korporativistskoj modeli. [Political Interaction of State Power and Business in Russia: the Formation of a Corporate Model]. Avtoref. dis. ... kand. polit. nauk = Author's Abstract of Dis. … of Cand. of Polit. Sciences. Rostov-on-Don, 2011; Dorina E.A. Vzaimodejstvie gosudarstva i biznes-korporacij v sovremennoj Rossii: politiko-administrativnye resursy i modeli razvitija. [Interaction between the State and Business Corporations in Modern Russia: Political and Administrative Resources and Development Models]. Avtoref. dis. ... kand. polit. nauk = Author's Abstract of Dis. … of Cand. of Polit. Sciences. Moscow, 2013; Kapkina A.V. Politicheskoe pozicionirovanie krupnogo rossijskogo biznesa: mehanizmy i celi. [Political Positioning of Large Russian business: Mechanisms and Goals]. Avtoref. dis. ... kand. polit. nauk = Author's Abstract of Dis. … of Cand. of Polit. Sciences. Moscow, 2015; Pepelov S.T., Chernov A.I. Vzaimodejstvie vlasti i biznesa v sovremennoj Rossii: nachalo formirovanija institucional'nyh osnov. [Interaction of Power and Business in Modern Russia: the Beginning of the Formation of Institutional Foundations]. Vlast' = Power. 2016. No. 3. Pp. 87-92.

Информация об авторах:

Гурба Владимир Николаевич, доктор социологических наук, заведующий кафедрой конфликтологии и национальной безопасности, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия
desp@ufo.gov.ru

Коновалов Валерий Николаевич, доктор философских наук, профессор, кафедра конфликтологии и национальной безопасности,
Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия
kwn_2006@mail.ru

Получена: 23.06.2017

Для цитирования: Гурба В.Н., Коновалов В.Н. Управленческие взаимодействия государства и корпораций в России в контексте национальной безопасности. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 1. с.107-115.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-107-115.

Information about the authors:

Vladimir N. Gurba, Doctor of Sociological Sciences, Head of Department of Conflict Studies and National Security,
Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
desp@ufo.gov.ru

Valery N. Konovalov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Conflict Studies and National Security,
Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
kwn_2006@mail.ru

Received: 23.06.2017

For citation: Gurba V.N., Konovalov V.N. Managerial interactions of the state and corporations in Russia in the national security context. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 1. Pp. 107-115.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-107-115. (in Russian)

УДК 316,4 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-116-123

ДУДАКОВА Любовь Григорьевна
Южно-Российский институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
г. Ростов-на-Дону, Россия
dudakva2007@rambler.ru

ХАЛИЛОВ Тимур Александрович
научный журнал «Историческая и социально-образовательная мысль»
г. Краснодар, Россия
tkhalilov86@gmail.com

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УЧАСТНИКОВ РЫНКА ЦЕННЫХ БУМАГ ЮФО В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА: ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Научная статья посвящена политико-экономическому анализу трудностей, с которыми сталкиваются региональные профессиональные участники рынка ценных бумаг в условиях текущего экономического кризиса в постсоветской России с целью выработки комплекса мер по реформированию организационно-процессуальных норм деятельности стейкхолдеров данного процесса. На основе значимых для анализа заявленной исследовательской повестки теоретических и эмпирических источников выявляется специфика деятельности профессиональных участников многофакторного процесса политико-экономического взаимодействия. Также обозначены параметры деятельности регулятора на фондовом рынке России в условиях международных санкций (внешние факторы) и экономического кризиса (внутренние факторы). Продемонстрирована разбивка структуры профессиональных участников рынка ценных бумаг по субъектам Южного федерального округа Российской Федерации. Сделаны выводы относительно целесообразности вмешательства государства в деятельность участников рынка. Зафиксированы особенности нормативно-правового регулирования в сфере финансовых рынков. Аргументировано, что специфика деятельности профессиональных участников делает их финансово-экономическое положение зависимым от внешних факторов, а невозможность конкурировать с многочисленными столичными профессиональными участниками усугубляет текущую ситуацию. Также определены основные направления и некоторые рекомендации по повышению эффективности государственного регулирования рынка ценных бумаг для преодоления последствий экономического кризиса в постсоветской России.

Ключевые слова: политика и экономика, власть и бизнес, политико-экономическое взаимодействие, профессиональные участники, рынок ценных бумаг, экономический кризис, международные санкции, государственное регулирование

Ljubov G. DUDAKOVA
South-Russian Institute of Management - branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Rostov-on-Don, Russia
dudakva2007@rambler.ru

Timur A. KHALILOV
Academic Journal "Historical and Social-Educational Idea"
Krasnodar, Russia
tkhalilov86@gmail.com

ACTIVITIES OF PROFESSIONAL PARTICIPANTS OF THE SOUTHERN FEDERAL DISTRICT STOCK MARKET IN THE CRISIS CONDITIONS: POLITICAL-ECONOMIC ANALYSIS

The scientific article is devoted to the political-economic analysis of the difficulties, encountered by regional professional stock market participants in the current economic crisis in post-Soviet Russia, with the aim of developing a set of measures to reform the organizational and procedural norms of stakeholder activity of this process. Based on the theoretical and empirical sources that are significant for the analysis of the stated research agenda, the specific character of the activity of professional participants in the multi-factor process of political-economic interaction is revealed. Options activity control on the Russian stock market is also marked in the conditions of the international sanctions (external factors) and the economic crisis (internal factors). The authors demonstrated a breakdown of the structure of the professional stock market participants on the subjects of the Southern Federal District of the Russian Federation. Conclusions are drawn regarding the appropriateness of government intervention in the activities of market participants. Features of public law regulation in the sphere of financial markets are recorded. It is argued that the specificity of the activities of professional participants makes their financial and economic positions dependent on external factors, and the inability to compete with the numerous professional capitalists of the capital aggravates the current situation. The main directions and some recommendations on increasing the efficiency of government regulation of the stock market for overcoming the consequences of the economic crisis in post-Soviet Russia are also identified.

Keywords: politics and economy, government and business, political-economic cooperation, professional participants, stock market, economic crisis, international sanctions, government regulation

Актуальность исследуемой тематики обусловлена научным поиском эффективной, транспарентной и конкурентной модели взаимодействия политических и бизнес-акторов как формата согласования и реализации ключевых групповых интересов в условиях институциональных вызовов, экономической турбулентности и геополитической неопределенности. Современные макро- и микроэлементы функционирования политической и экономической системы постсоветской России характеризуются кризисными параметрами. Государственная власть, олицетворяемая своими формальными институтами и должностными лицами, в рамках неопатримониального режима [1] стремится перераспределять экономические ресурсы либо подавляя волю бизнес-слоев, либо договариваясь с бизнесом с позиции государственного преобладания. Вместе с тем некоторые бизнес-слои крупного калибра способны найти свою долю выгоды от такого фрагментированного политического порядка, получая на привилегированных условиях кредиты, субсидии, инсайдерскую информацию, должности в органах власти и т.д. Можно сказать, неопатримониальный режим «развращает» многих предпринимателей, приучая их использовать неформальные практики повышения своего статуса (коррупцию, кумовство, землячество и т.д.). Поэтому нельзя однозначно утверждать, что бизнес всегда и везде заинтересован только в партнерских, демократических взаимоотношениях с властью. Кроме интересов, выбор позиций бизнеса связан с его политической идентичностью и повседневными усвоенными нормами, обычаями, «рутинами». Данные сюжеты нашли свое отражение в множестве публикаций авторов статьи [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11].

Теоретической основой исследования является соответствующий корпус отечественных политологических, правовых и экономических текстов. Так, российская политологическая школа акцентирует внимание на взаимодействиях органов государственной власти с крупным, средним и малым бизнесом, которые развивались в начале XXI века по различным траекториям. Наибольшие преференции от взаимодействий с властью получил крупный общероссийский бизнес. В ряде политологических исследований отмечается повышенная политическая активность корпоративного бизнеса в энергетике, финансовом секторе, металлургии, экспорте вооружений. Вместе с тем многие отраслевые и секторальные сегменты российского бизнеса оттеснены от влияния на политическую власть [12; 13].

Представители юридической науки А.В. Габов, А.А. Герасимов, Д. Звягинцев, А. Зельвинская, Е.В. Зенькович, Е.А. Павлодский, Б.Б. Рубцов, П.Б. Салина, Э.В. Талапина в своих работах рассматривают, хотя и фрагментарно, саморегулируемые организации профессиональных участников рынка ценных бумаг. Отдельного упоминания заслуживает монография под редакцией И.В. Ершовой «Саморегулирование предпринимательской и профессиональной деятельности: единство и дифференциация» (2015 г.), в которой, помимо общих проблем саморегулирования, большое внимание уделяется вопросам саморегулирования в сфере рынка ценных бумаг, в том числе историческому аспекту и зарубежному опыту.

Российская экономическая литература о саморегулировании, в том числе о саморегулируемых организациях на рынке ценных бумаг, представлена работами таких исследователей, как В.Д. Андрианов, С.П. Бабочкина, В.В. Буев, Е.В. Ильин, А.В. Лобанова, С.В. Мигин, Д.В. Соболь, А.А. Шамрай и А.Ю. Щербинина, П.В. Крючкова, О.В. Кузнецов, С.С. Стрельников, Т.Э. Зульфугарзаде и В.Е. Федотов, А. Обыденов, Р. Энтов, А. Радыгин, И. Межераупс и П. Швецов.

Рынок ценных бумаг является важной составляющей любой рыночной экономики. Деятельность на этом рынке сопряжена с высокими рисками, следовательно, выбор способа его регулирования, главной задачей которого должно быть обеспечение финансовой безопасности всех участников рынка ценных бумаг, является фундаментальным вопросом. В настоящее время в постсоветской России регулирование рынка ценных бумаг представляет собой комбинацию государственного регулирования и саморегулирования. Последнее осуществляется через механизм и инструментарий саморегулируемых организаций, представляющих собой добровольные объединения профессиональных участников рынка, которые обладают относительной автономией, но не имеют существенных

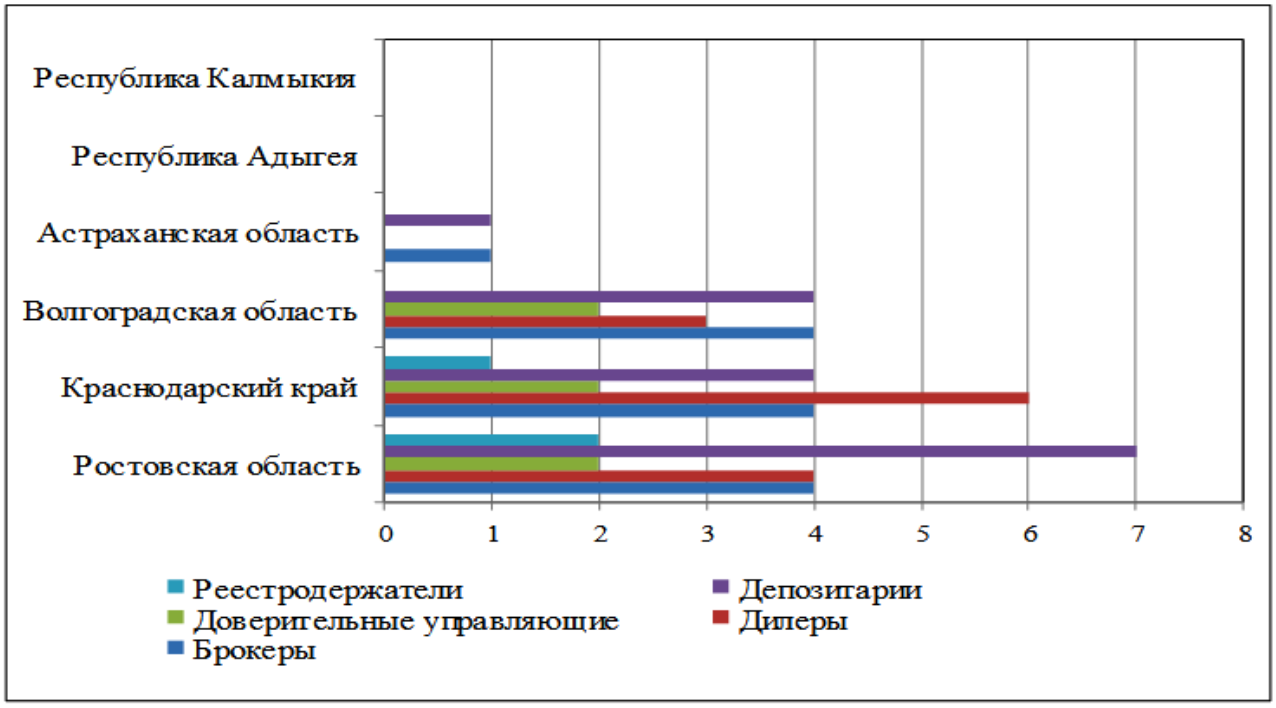
политико-властных рычагов воздействия. Тем не менее саморегулирование имеет ряд преимуществ перед государственным регулированием, таких как, например, высокий уровень профессионализма, устойчивое доверие между «*регулируемыми*» и «*регулирующими*», высокая скорость реагирования на тактические изменения на рынке и своевременная адаптация под них стандартов и правил профессиональной деятельности, оперативное привлечения нарушителей к дисциплинарной ответственности и т. д. Положительными эффектами саморегулирования являются такие характеристики, как минимизация нагрузки с государственного бюджета, повышение эффективности государственного контроля и снижение уровня коррупции за счет сокращения числа подконтрольных лиц [14].

Профессиональные участники рынка ценных бумаг представляют собой юридических лиц, созданных в соответствии с законодательством Российской Федерации и осуществляющих следующие виды деятельности: брокерская, дилерская, деятельность по управлению ценными бумагами, депозитарная деятельность и деятельность по ведению реестра ценных бумаг [15].

По данным Центрального банка Российской Федерации от 18.03.2016 г., в Южном федеральном округе оперирует 51 профессиональный участник рынка ценных бумаг, что составляет 2,31% от всероссийского и десятую часть от общего числа региональных профессиональных участников рынка ценных бумаг [16]. Подробная разбивка структуры профессиональных участников по субъектам ЮФО представлена на рис. 1.

Рис. 1. Структура профессиональных участников по субъектам Южного федерального округа Российской Федерации.

Fig. 1. Structure of the professional participants on the subjects of the Southern Federal District of Russian Federation.



Источник: составлено авторами статьи по *http://www.cbr.ru/finmarket/supervision/sv_secur/*

Source: compiled by the authors of the article on *http://www.cbr.ru/finmarket/supervision/sv_secur/*

Спецификой деятельности участников рынка ценных бумаг является особенность услуг, которые они предоставляют, и самой платы за предоставленные услуги. Профессиональные участники предоставляют главным образом посреднические услуги, такие как: учет перехода прав на ценные бумаги, хранение ценных бумаг, проведение различных операций с ценными бумагами, управление портфелем ценных бумаг и т.д. Важным является то, что профессиональные участники рынка ценных бумаг обслуживают весьма специфический сектор экономики - фондовый рынок. Специфика в данном случае проявляется в ограниченности рынка и высокими издержками «входа» на него. Кроме того, ввиду определенных особенностей самой отрасли для профессиональных участников представляется мало возможным маркетинговое продвижение своих услуг, а у подавляющего большинства игроков маркетинговые отделы отсутствуют как таковые. Такое положение дел приводит к тому, что профессиональные участники рынка ценных бумаг почти не имеют возможности влиять на свой финансовый результат. Из доступных инструментов максимизации прибыли они располагают лишь возможностью диверсифицировать свою деятельность получением других, разрешенных федеральным законом для данного профессионального участника, лицензий на осуществление деятельности на финансовом рынке.

Таким образом, дальнейшее развитие различных форм деятельности и финансовое положение профессиональных участников рынка ценных бумаг зависит от рыночной конъюнктуры. Данное институциональное состояние приводит в более бедственное положение всех профессиональных участников, в особенности региональных, поскольку во многих субъектах федерации данная отрасль недостаточно развита, а в стве - совсем не представлена.

Также усугубляют финансово-экономическую ситуацию международные санкции, которые «поэтапно наращиваются, начиная с марта 2014 г., формально - в качестве реакции на факт вхождения Крыма в состав Российской Федерации. <…> Страны Запада ввели против России секторальные санкции, лишив российские банки "длинных денег", а предприятия топливно-энергетического и военно-промышленного комплексов - импортных технологий. Секторальные санкции против российских политико-экономических структур ввели Канада, Япония, Швейцария, Австралия и другие страны. Российская Федерация ответила запретом на импорт продовольствия из стран ЕС, США, Канады, Японии и Австралии. Сейчас расширение международных санкций против Российской Федерации продолжается» [17, с. 17].

В 2015 г. экономическая обстановка в России продолжила ухудшаться: цены на энергоресурсы продолжили свое снижение, национальная валюта продолжила дешеветь, в то время как инфляция продолжила расти и по данным Банка России на декабрь 2015 г. составила 12,9%. Все эти факторы в совокупности усугубили экономическое самочувствие населения и российского бизнеса. Покупательская способность в России падает с ноября 2014 г., и, по данным Росстата, ее снижение за 2015 г. составило около 20%. С начала экономического кризиса из России ушли десятки крупных мировых компаний, также многие компании сократили свое присутствие на российском рынке [18].

Почти все экономические показатели России в 2015 г. оказались хуже аналогичных показателей 2014 г.: рост ВВП остановился и в 2015 г. составил отрицательную величину: -3,8%, в то время как в 2014 г. рост ВВП составил 0,6%, инфляция в 2015 г. достигла 12,9% против 11,4% в 2014 г., однако отток капитала в 2015 г. снизился по сравнению с 2014 г. (154,1 млрд долл. США) и составил по разным оценкам около 56,9 млрд долл. США. К концу 2015 г. рецессия в российской экономике продолжилась: темп роста ВВП стал отрицательным, чего не наблюдалось со времен экономического кризиса 2008-2009 гг. Стоит добавить, что самое разрушительное влияние на российскую экономику оказала девальвация национальной валюты, вызванная падением цен на энергоресурсы. Только за 2015 г. национальная валюта подешевела на 20,9%, а с начала девальвации (первый квартал 2014 г.) - более чем в 2 раза [19].

Все вышеперечисленные причины: ситуация на мировых рынках сырья, геополитическая напряженность, международные санкции, внутренний структурный кризис, девальвация национальной валюты - не могли не отразиться на положении финансового сектора России. Отток капитала, падение реальных доходов населения, падение цен на активы, замедление экономики, неопределенность и волатильность на российском фондовом рынке привели к снижению количества операций, проводимых клиентами профессиональных участников, а также к снижению объемов самих операций. В связи со снижением платежеспособности, как населения, так и бизнеса, растет риск невыплаты комиссионных за проведение операций. Невозможность планировать даже на ближайшую перспективу для бизнеса может приостановить процесс привлечения капитала путем эмиссии ценных бумаг. Также вполне возможно, что компании, не располагающие достаточными свободными средствами (в этом случае в зоне риска оказываются региональные компании), не смогут иметь возможность воспользоваться услугами профессиональных участников.

Помимо экономического кризиса, ужесточение государственного регулирования несет в себе определенного рода риски. Описанная выше экономическая ситуация, безусловно, может явиться катализатором дальнейшего ужесточения нормативно-правового регулирования деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг. Внесение поправок могут претерпеть законы и правовые акты, устанавливающие допустимые нормы деловых взаимоотношений, права, ответственность, обязанности профессиональных участников рынка ценных бумаг, регулирующие деятельность, включая ограничения на отдельные виды, определенные формы и методы деятельности. Помимо всего прочего, экономический кризис и дефицит бюджета повышает риск изменения налогового законодательства в сторону увеличения налоговой нагрузки на профессиональных участников рынка ценных бумаг.

Усиление государственного регулирования и изменение законодательства в сфере финансовых рынков приводит к увеличению издержек на соблюдение нормативной базы. Также существует вероятность приостановления, аннулирования и прекращения действия лицензии вследствие несоблюдения нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность в сфере финансовых рынков. Так, 2015 год ознаменовался лишением лицензий не только банковских организаций, но и профессиональных участников. В 2015 году, согласно данным Банка России, около 595 лицензий профессиональных участников были аннулированы, около 365 из них были отозваны или аннулированы за нарушения в деятельности на рынке ценных бумаг [20].

Таким образом, с наступлением экономического кризиса в России профессиональные участники рынка ценных бумаг ЮФО сталкиваются с определенного рода рисками, не все из которых, однако, связаны с рыночной конъюнктурой. Специфика деятельности профессиональных участников делает их финансовое положение зависимым от внешних условий, а невозможность конкурировать с многочисленными столичными профессиональными участниками усугубляет ситуацию.

В качестве практических рекомендаций участникам политико-экономического взаимодействия можно обозначить следующие предложения: обеспечить применение формализованных форм участия предпринимателей в органах власти и местного самоуправления; законодательно закрепить практики экспертизы политических решений со стороны бизнес-сообщества; реализовать механизмы представительства интересов предпринимателей, в том числе малого и среднего бизнеса; активизировать взаимодействия органов власти с саморегулируемыми организациями; внедрить практику общественных слушаний, коллективных петиций, процедур электронной демократии в процесс взаимодействия власти и бизнеса. Данная совокупность мер, по мнению авторов статьи, даст бизнесу возможность более эффективно влиять на финансово-экономическую политику, увеличит степень эффективности, транспарентности и конкурентности взаимодействий власти и бизнеса в России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Фисун А.А. Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации. - Харьков, 2006; Розов Н.С. Неопатримониальные режимы: разнообразие, динамика и перспективы демократизации // Полис. - М. - 2016. - № 1. - С. 139-156.
2. Дудакова Л.Г. Влияние международного движения капитала на инновационную модернизацию экономических систем: Дис. … канд. экон. наук. Южный федеральный университет. - Ростов н/Д, 2010. - 158 с.
3. Дудакова Л.Г. Стратегические ориентиры инновационной модернизации отечественной экономической системы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. - Ростов н/Д. - 2014. - № 3. - С. 124-132.
4. Халилов Т.А. Баланс формальных и неформальных практик политического взаимодействия власти и бизнеса в постсоциалистической России // Власть. - М. - 2016. - № 9. - С. 113-116.
5. Халилов Т.А. Гражданство как социально-политическая практика: актуальные модели // Теория и практика общественного развития. - Краснодар. - 2012. - № 12. - С. 398-401.
6. Халилов Т.А. Закономерности взаимодействия власти и бизнеса в России: опыт применения теоретической модели «малого» общества / V Столыпинские чтения. Материалы Всерос. науч.-практ. конф., апр. 2016 г. - Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2016. - С. 277-281.
7. Халилов Т.А. Категория «модернизация» в контексте политологических исследований // Теория и практика общественного развития. - Краснодар. 2012. - № 10. - С. 216-218.
8. Халилов Т.А. Политико-экономические источники власти в современной России: размышления над эффектом «клетки» // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. - Ростов н/Д. - 2016. - № 2. - С. 157-163.
9. Халилов Т.А. Становление гражданского общества в имперском контексте России: тренды и проблемы // Сравнительная политика. - М. - 2017. - № 8(1). - С. 164-168. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/164-168.
10. Халилов Т.А. Теоретические аспекты взаимодействия политической элиты и крупного бизнеса в России // Актуальные проблемы общественных наук в России и за рубежом: Сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф. (10 февраля 2016 г.). - Новосибирск: Инновац. центр развития образования и науки, 2016. - Вып. 3. - С. 36-38.
11. Халилов Т.А. Эффективность политического взаимодействия власти и корпоративного бизнеса в постсоветской России: сравнительный анализ // Историческая и социально-образовательная мысль. - Краснодар. - 2016. - Т. 8. - № 2-1. - С. 87-96.
12. Кислицын С.А., Лубский А.В. Элиты и контрэлиты в России: вопросы теории и политической практики. - Ростов н/Д: Изд-во Южно-Росс. ин-та управления РАНХиГС, 2016. - 304 с.
13. Кислицын С.А. Некоторые актуальные вопросы современного политического развития России // Проблемы и перспективы развития гражданской авиации России (Авиатранс - 2014): Материалы междунар. науч.-практ. конф., приур. к 45-лет. со дня основ. Рост. фил-ла Моск. гос. техн. ун-та гражд. авиации. - Ростов н/Д: МАРТ, 2014. - С. 251-258.
14. Полежаева Н.А. Правовое регулирование деятельности саморегулируемых организаций профессиональных участников рынков ценных бумаг России и США: сравнительный анализ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2015.
15. Федеральный закон от 22.04.1996 г. N 39-ФЗ (ред. от 30.12.2015 г.) «О рынке ценных бумаг» (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.02.2016 г.).
16. Сайт Центрального банка Российской Федерации / [Электронный ресурс] - http://www.cbr.ru/ (режим доступа: 18.03.2016).
17. Баранов А.В., Халилов Т.А. Новые направления политического взаимодействия власти и бизнеса России в условиях международных санкций / Власть, бизнес, гражданское общество: модели взаимодействия (отечественный и зарубежный опыт): Материалы кругл. стола с междунар. участием. 8-9 апр. 2016 г. - Ростов н/Д: Изд-во Южно-Росс. ин-та управления РАНХиГС, 2016. - С. 17-20.
18. Сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации / [Электронный ресурс] - http://www.gks.ru/ (режим доступа: 22.03.2016).
19. Сайт информационного агентства «РосБизнесКонсалтинг» / [Электронный ресурс] - http://rbc.ru/ (режим доступа: 21.03.2016).
20. Сайт Центрального банка Российской Федерации / [Электронный ресурс] - http://www.cbr.ru/finmarkets/?PrtId=sv_secur (режим доступа: 25.03.2016).

REFERENCES

1. Fisun A.A. Demokratija, neopatrimonializm i global'nye transformacii. [Democracy, Neopatrimonialism and Global Transformations]. Kharkov. 2006. (In Russ.); Rozov N.S. Neopatrimonial'nye rezhimy: raznoobrazie, dinamika i perspektivy demokratizacii. [Neopatrimonial Regimes: Diversity, Dynamics and Prospects for Democratization]. Polis = Polis. Moscow. 2016. No. 1. Pp. 139-156. (In Russ.).
2. Dudakova L.G. Vlijanie mezhdunarodnogo dvizhenija kapitala na innovacionnuju modernizaciju jekonomicheskih sistem. [Impact of International Capital Flows on Innovative Modernization of Economic Systems]. Diss. ... of Cand. of Econ. Sciences. Southern Federal University, Rostov-on-Don. 2010. 158 pp. (In Russ.).
3. Dudakova L.G. Strategicheskie orientiry innovacionnoj modernizacii otechestvennoj jekonomicheskoj sistemy. [Strategic Guidelines of Innovative Modernization of Domestic Economic System]. Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS = State and Municipal Management. Scientific Notes of SKAGS. Rostov-on-Don. 2014. No. 3. Pp. 124-132. (In Russ.).
4. Khalilov T.A. Balans formal'nyh i neformal'nyh praktik politicheskogo vzaimodejstvija vlasti i biznesa v postsocialisticheskoj Rossii [Balance of Formal and Informal Practices of Political Interaction between Government and Business in Post-Socialist Russia]. Vlast' = Power. Moscow. 2016. No. 9. Pp. 113-116. (In Russ.).
5. Khalilov T.A. Grazhdanstvo kak social'no-politicheskaja praktika: aktual'nye modeli. [Civism as Social and Political Practice: Current Models]. Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija = Theory and Practice of Social Development. Krasnodar. 2012. No. 12. Pp. 398-401. (In Russ).
6. Khalilov T.A. Zakonomernosti vzaimodejstvija vlasti i biznesa v Rossii: opyt primenenija teoreticheskoj modeli «malogo» obshhestva. [Patterns of Interaction between Business and Government in Russia: Experience of Application of "Small" Society Theoretical Model]. V Stolypinskie chtenija. Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. Apr. 2016 g. = V Stolypin Conference. Materials of All-Russian Scientific-Practical Conference. Apr. 2016. Krasnodar: Publishing House of Kuban State University. 2016. Pp. 277-281. (In Russ).
7. Khalilov T.A. Kategorija «modernizacija» v kontekste politologicheskih issledovanij. [Category of Modernization in the Context of Political Science Research]. Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija = Theory and Practice of Social Development. Krasnodar. 2012. No. 10. Pp. 216-218. (In Russ).
8. Khalilov T.A. Politiko-jekonomicheskie istochniki vlasti v sovremennoj Rossii: razmyshlenija nad jeffektom «kletki». [Political-Economic Sources of Power in Contemporary Russia: Reflections on the "Cage" Effect]. Politicheskaja konceptologija. Zhurnal metadisciplinarnyh issledovanij = Political Conceptology. Journal of Metadisciplinary Research. Rostov-on-Don. 2016. No. 2. Pp. 157-163. (In Russ).
9. Khalilov T.A. Stanovlenie grazhdanskogo obshhestva v imperskom kontekste Rossii: trendy i problemy. [Developing Civil Society in Imperial Russian Background: Trends and Problems]. Sravnitel'naja politika = Comparative Politics Russia. 2017. No. 8(1). Pp. 164-168. (In Russ.). DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/164-168.
10. Khalilov T.A. Teoreticheskie aspekty vzaimodejstvija politicheskoj jelity i krupnogo biznesa v Rossii. [Theoretical Aspects of Interaction of Political Elite and Big Business in Russia]. Aktual'nye problemy obshhestvennyh nauk v Rossii i za rubezhom. Sb. nauch. tr. po itogam mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (10 fevralja 2016 g.) = Actual Problems of Social Sciences in Russia and Abroad. Collection of Scientific Papers on the Results of International Scientific-Practical Conference (February 10, 2016). Novosibirsk: Innovation Center for Development of Education and Science. 2016. Issue 3. Pp. 36-38. (In Russ.).
11. Khalilov T.A. Jeffektivnost' politicheskogo vzaimodejstvija vlasti i korporativnogo biznesa v postsovetskoj Rossii: sravnitel'nyj analiz. [Effectiveness of Government and Corporative Business Political Cooperation in Post-Soviet Russia: Comparative Analysis]. Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl' = Historical and Social-Educational Idea. Krasnodar. 2016. Vol. 8. No. 2-1. Pp. 87-96. (In Eng.). DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-87-93.
12. Kislitsyn S.A., Lubsky A.V. Jelity i kontrjelity v Rossii: voprosy teorii i politicheskoj praktiki. [Elite and Counter-Elite in Russia: Theory and Political Practice]. Rostov-on-Don: Publishing House of the South-Russian Institute of Management - Branch of RANEPA. 2016. 304 pp. (In Russ.).
13. Kislitsyn S.A. Nekotorye aktual'nye voprosy sovremennogo politicheskogo razvitija Rossii. [Some Topical Issues of Contemporary Political Development of Russia]. Problemy i perspektivy razvitija grazhdanskoj aviacii Rossii (Aviatrans - 2014). Materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., priur. k 45-let. so dnja osnov. Rost. fil-la Mosk. gos. tehn. un-ta grazhd. aviacii = Problems and Perspectives of Civil Aviation Development in Russia (Aviatrans - 2014). Materials of International Scientific-Practical Conference, timed to the 45th Anniversary of Founding of Rostov Branch of Moscow State

Technological University of Civil Aviation. Rostov-on-Don: Publishing House "MART". 2014. Pp. 251-258. (In Russ.).
14. Polezhaeva N.A. Avtoreferat dissertacii «Pravovoe regulirovanie dejatel'nosti samoreguliruemyh organizacij professional'nyh uchastnikov rynkov cennyh bumag Rossii i SShA: sravnitel'nyj analiz». [Abstract of Thesis "Legal Regulation of Self-Regulating Organizations' Activity of Professional Participants in Stock Markets of Russia and the United States: Comparative Analysis"]. 2015.
15. Federal'nyj zakon ot 22.04.1996 g. N 39-FZ (red. ot 30.12.2015 g.) «O rynke cennyh bumag» (s izm. i dop., vstup. v silu s 09.02.2016 g.). [Federal Law No. 39-FZ of April 22, 1996 (edition of Dec. 30, 2015) "On the Stock Market" (with Amendments and Additions, Entered into Force on Feb. 9, 2016)].
16. Sajt Central'nogo banka Rossijskoj Federacii. URL: http://www.cbr.ru/ (rezhim dostupa: 18.03.2016). [Web-Site of the Russian Federation Central Bank. URL: http://www.cbr.ru/ (Access Mode: 03/18/2016)].
17. Baranov A.V., Khalilov T.A. Novye napravlenija politicheskogo vzaimodejstvija vlasti i biznesa Rossii v uslovijah mezhdunarodnyh sankcij. [New Directions of Political Interaction of Government and Business of Russia in Conditions of International Sanctions]. Vlast', biznes, grazhdanskoe obshhestvo: modeli vzaimodejstvija (otechestvennyj i zarubezhnyj opyt). Materialy krugl. stola s mezhdunar. uchastiem. 8-9 apr. 2016 g. = Government, Business, Civil Society: Models of Cooperation (Domestic and Foreign Experience). Materials of Round Table with International Participation. 8-9 Apr. 2016. Rostov-on-Don: Publishing House of the South-Russian Institute of ment - Branch of RANEPA. 2016. Pp. 17-20. (In Russ.).
18. Sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki Rossijskoj Federacii. URL: http://www.gks.ru/ (rezhim dostupa: 22.03.2016). [Web-Site of the Russian Federation Federal Service of National Statistics. URL: http://www.gks.ru/ (Access Mode: 03/22/2016)].
19. Sajt informacionnogo agentstva «RosBiznesKonsalting». URL: http://rbc.ru/ (rezhim dostupa: 21.03.2016). [Web-Site of the "RosBusinessConsulting" Information Agency. URL: http://rbc.ru/ (Access Mode: 03/21/2016)].
20. Sajt Central'nogo banka Rossijskoj Federacii. URL: http://www.cbr.ru/finmarkets/?PrtId=sv_secur (rezhim dostupa: 25.03.2016). [Web-Site of the Russian Federation Central Bank. URL: http://www.cbr.ru/finmarkets/?PrtId=sv_secur (Access Mode: 03/25/2016)].

Информация об авторах:

Дудакова Любовь Григорьевна, кандидат экономических наук, доцент, кафедра международных экономических отношений, Южно-Российский институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
г. Ростов-на-Дону, Россия
dudakva2007@rambler.ru

Халилов Тимур Александрович, научный редактор, научный журнал «Историческая и социально-образовательная мысль»,
г. Краснодар, Россия
tkhalilov86@gmail.com

Получена: 01.07.2017

Для цитирования: Дудакова Л. Г., Халилов Т.А. Деятельность профессиональных участников рынка ценных бумаг ЮФО в условиях кризиса: политико-экономический анализ. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 1. с.116-123.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-116-123.

Information about the authors:

Ljubov G. Dudakova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of International Economic Relations, South-Russian Institute of Management - branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Rostov-on-Don, Russia
dudakva2007@rambler.ru

Timur A. Khalilov, Science Editor, Academic Journal "Historical and Social-Educational Idea",
Krasnodar, Russia
tkhalilov86@gmail.com

Received: 01.07.2017

For citation: Dudakova L.G., Khalilov T.A. Activities of professional participants of the Southern Federal District stock market in the crisis conditions: political-economic analysis. Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 1. Pp. 116-123.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-116-123. (in Russian)

УДК 316 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-124-131

ЖЕРЕБКИН Михаил Васильевич
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского
г. Ялта, Россия
m.zherebkin@mail.ru

Mikhail V. ZHEREBKIN
Humanities-Education Science Academy (Branch) of V.I. Vernadsky Crimean Federal University
Yalta, Russia
m.zherebkin@mail.ru

СУВЕРЕНИТЕТ КАК ФОРМА И УСЛОВИЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ НЕЗАВИСИМОГО ГОСУДАРСТВА

SOVEREIGNTY AS A FORM AND CONDITION FOR EXISTENCE OF AN INDEPENDENT STATE

Автор в предлагаемой статье анализирует понятие суверенитет применительно к истории Российского государства и его современной политике. В своих размышлениях исследователь отталкивается от такого любопытного факта из жизни современной России. Президент страны Владимир Путин в течение короткого времени – июнь-июль 2017 года – четыре раза в своих выступлениях касался темы суверенитета, подтверждая, казалось бы, общеизвестное: Россия суверенная страна. Почему глава государства уделил столь повышенное внимание названной проблеме? В своих рассуждения автор дает ответ на поставленный вопрос через экскурс в историю Российского государства, которое дважды временно теряло суверенитет – в период татаро-монгольского ига и в годы Великой Смуты. Исторические примеры актуализируются современным обострением международной обстановки, вызванной действиями США, которые нередко нарушают суверенитет и независимость государств, практикуют смещения военным путем легитимных глав государств, неугодных супердержаве. Анализируя прошлое, автор приходит к выводу, что и в период татаро-монгольского ига, и в годы Великой Смуты имеются два сходных обстоятельства, которые предопределили результат: отсутствие единства в правящей элите страны и воздействие на страну внешних сил, нацеленных на захват русских территорий и уничтожение русского государства. В отношении к России наших современных западных партнеров мало что изменилось. Значит, наше государство, власть должны выработать и принять такие меры, которые бы предотвращали какие-либо попытки поколебать независимость страны.

From a formal point of view, sovereignty is the natural state of any state recognized by the international community. Sovereignty or independence entitles the state to make its own decisions on domestic and foreign policy. Meanwhile, in the modern world there are a lot of states that remain formally sovereign, but do not have the opportunity to conduct their own independent policies and are forced to coordinate their decisions with stronger partners, and even completely obey the external directives. In this article the author aims to examine the notion of sovereignty and its realization in the history of the Russian state. His reasoning begins with a curious fact from the life of modern Russia. President Vladimir Putin touched on the theme of sovereignty four times in his speeches in a short space of time – between June and July 2017, affirming and confirming, a well-known fact, it would seem, that Russia is a sovereign country. Why, then, does the head of the state pays so much attention to this issue? The question certainly requires clarification. The researcher builds his reasoning on the analysis of the two examples from the history of the Russian state, when it lost its sovereignty – during the Tatar-Mongol yoke and during the Great Troubles. The urgency of the topic is reconfirmed by the aggravation of the international situation caused by US actions, which are violating the sovereignty and independence of a number of states, and the practice of military displacement of the legitimate heads of states, unwanted by the superpower. For Russia, which has experienced the loss of sovereignty in the past, the topic is doubly relevant: it is necessary to take such measures that would prevent any attempts to disrupt the independence of its foreign and domestic policies.

Ключевые слова. Конституция РФ, суверенитет, независимость, суверенное государство, монголо-татарское иго, Смута, внешняя политика, западные партнеры

Keywords: Constitution of the Russian Federation, sovereignty, independence, sovereign state, Mongol-Tatar yoke, Great Troubles, foreign policy

В действующей Конституции Российской Федерации зафиксировано, что наша страна - суверенное государство. Собственно, мало кто из граждан России стал бы утверждать обратное, поскольку в нашем сознании на уровнях как обыденном, так и теоретическом прочно укрепилось понимание, что по-другому и быть не может, что суверенитет - естественная форма и непременное условие существования и развития такой великой державы, какой является Российская Федерация. Все так, однако только за два месяца - июнь и июль 2017 года - президент РФ Владимир Путин четырежды говорил о суве-

ренности российского государства. Такое повышенное внимание главы государства к этому вопросу, безусловно, требует объяснений.

В настоящей статье автор намерен осмыслить понятие суверенитета, проанализировать примеры из истории России, когда страна временно полностью или частично теряла суверенность, показать его современное значение и практическое воплощение.

Актуальность проблемы, во-первых, объясняется обострением международной обстановки, вызванной действиями США, нарушающими суверенитет и независимость государств, практикой смещения военным путем легитимных глав государств, неугодных супердержаве. Во-вторых, необходимостью выработки решений, которые бы защищали суверенность России и предотвращали попытки поколебать независимость ее внешней и внутренней политики.

Начнем с определения понятия «суверенитет». Мыслители прошлого, начиная с середины XVI в., когда французский юрист Ж. Боден впервые ввел в научный и политический оборот это слово, высказали много разных толкований понятия. Современные трактовки при некоторых отличиях в формулировках сводят определение понятия к независимости. Большая актуальная политическая энциклопедия под суверенитетом понимает «независимость государственной власти от всякой иной власти внутри страны и вне ее, исключительное право на политическую самостоятельность, необходимое и достаточное условие существования государства, его способности эффективно осуществлять свои функции» [14]. Толковый словарь С.И. Ожегова дает такое же определение понятия «суверенитет»: «Полная независимость государства в его внутренних делах и в ведении внешней политики» [9, с. 691].

Как видим, основополагающим критерием суверенности является независимость государства в ведении внутренней и внешней политики. Выступая на Санкт-Петербургском международном экономическом форуме в июне 2017 г., В.В. Путин отметил, что «в мире не так много стран, которые обладают суверенитетом. Россия очень дорожит тем, что мы этим суверенитетом обладаем» [11].

Анализ высказываний президента РФ на этот счет убеждает, что вопрос волнует главу государства, что он понимает великие смыслы понятия «суверенитет». В интервью американскому режиссеру Оливеру Стоуну Владимир Путин сказал следующее: «Основное, что есть в России, - это ее народ с его самосознанием, с его внутренним состоянием. Этот народ не может существовать вне своего суверенитета, своей государственности…» [1].

Наконец, следует привести еще одно высказывание, имеющее, на наш взгляд, принципиально важное значение. На торжественном приеме 12 июня 2017 г., посвященном национальному празднику - Дню России - Владимир Путин заявил: «Всем вместе нам удалось сохранить уникальное многообразие народа России, не допустить забвения и девальвации принципов гражданственности и патриотизма, надежно укрепить суверенитет своей страны, четко обозначить национальные интересы России. Мы научились их твердо отстаивать, опираясь в том числе на исторический опыт» [12].

Исторический опыт России свидетельствует: страна дважды временно полностью теряла свой суверенитет. О каких исторических периодах идет речь? Первый - период татаро-монгольского ига. Мнений на этот счет, причем диаметрально противоположных, существует немало в ученой среде.

Приведу высказывания самых маститых наших историков, чтобы представить дистанцию, на которую разошлись их мнения. Н.М. Карамзин в своем главном труде «История государства Российского» несколько раз возвращался к оценке монголо-татарского нашествия. Вот одно из его высказываний об иге, которое «…изнурив Государство, поглотив гражданское благосостояние оного, унизило самое человечество в наших предках и на несколько сот веков оставило глубокие и неизгладимые следы, орошенные кровью и слезами многих поколений» [4, с. 107]. Или такое: Россия - «обширный труп после нашествия Батыева…» [5, с. 200].

С.М. Соловьев отстаивал отличную от мнения Н.М. Карамзина точку зрения. Рассуждая об установлении «нового порядка вещей на севере» Руси, он делал вывод: «Мы замечаем, что влияние татар не было здесь главным и решительным. Татары остались жить вдалеке, заботились только о сборе дани, нисколько не вмешиваясь во внутренние отношения, оставляя все как было…» [13, с. 8].

О взаимоотношениях русских князей и татарских ханов, влиянии ига на Русь вполне определенно высказался и С.Ф. Платонов. Он утверждает, что татарское влияние на русскую жизнь не могло быть значительным, так как татары, завоевав Русь, не остались жить в русских областях, они переписали все население Руси, наложили на него дань, получившую название «выход», и отошли на юг, в открытые степи. Исходя из такого понимания действительности, историк делает вывод: «Поэтому мы можем далее рассматривать внутреннюю жизнь русского общества в XIII в., не обращая внимания на факт татарского ига» [10, с. 138].

В этом ряду стоят и выводы, которые сделал в своем исследовании «Древняя Русь и Великая степь» Л.Н. Гумилев, который утверждал: «Грандиозный поход Батыя в 1237-1242 гг. произвел на современников ошеломляющее впечатление. Но ведь это был всего лишь большой набег, а не планомерное завоевание, для которого у всей Монгольской империи не хватило бы людей. В самом деле, монголы ни на Руси, ни в Польше, ни в Венгрии не оставляли гарнизонов, не облагали население постоянным налогом, не заключали с князьями неравноправных договоров. Поэтому выражение "завоеванная, но непокоренная страна" полностью неверно. Завоевание не состоялось, потому что оно не замышлялось» [3, с. 532-533].

Такие суждения авторитетных историков заставляют внимательнее всматриваться в события, происходившие почти восемь столетий назад, чтобы понять их сущность и определить к ним свое личное отношение. Ведь если ориентироваться на суждения С.М. Соловьева, С.Ф. Платонова и Л.Н. Гумилева, то неправомерно вообще ставить вопрос о потере самостоятельности русскими князьями, о цивилизационном откате Руси как следствии монголо-татарского ига. Если же придерживаться точки зрения Н.М. Карамзина, то очевидно, что Русское государство столкнулось с труднейшим вызовом того времени, от ответа на который зависела сама судьба государства и перспективы развития русского народа.

К этому можно добавить мнение именитого русского историка В.О. Ключевского, который считал, что монголо-татарское нашествие не только закрепило на столетия русскую удельную раздробленность, но и разорвало складывавшуюся единую древнерусскую народность. Историк главным итогом нашествия назвал именно разрыв русской народности [6, с. 233]. Уже одно это разве не стало вызовом для народа и князей земли русской, лишив их возможности создавать и укреплять единое государство?

Итак, есть ли у нас основания считать, что иго, которое длилось почти два с половиной века, - это период полной потери суверенности, то есть независимости русских земель? Рассмотрим взаимоотношения, которые установились между русскими княжествами и монгольской державой. Вернувшись из западноевропейского похода, хан Батый обосновался в новой столице своего государства, получившего название Орда, или Золотая Орда.

После военного покорения Руси начинается политическое и административное подчинение русских княжеств. Вызов в ставку Батыя великому владимирскому князю Ярославу Всеволодовичу пришел уже в 1243 г., где он получил утверждение на великое княжение. При этом он вынужден был оставить в Сарае в качестве заложника своего сына Святослава, а младшему сыну Константину пришлось ехать в Каракорум, где он получил для отца ярлык, подтверждавший право на великое княжение.

Ярлыки на княжение пришлось получать и другим русским князьям, которые были обязаны при этом проходить определенные ритуальные монгольские обряды: пройти меж двух очищающих огней, поклониться языческим изваяниям. Михаил Всеволодович

Черниговский отказался проходить ритуал и был за это казнен. Отказывался первоначально ехать за ярлыком и гордый Даниил Романович Галицкий, укрывшись в неприступной крепости Холм, но все же и он вынужден был выказать монголам свое смирение и покорность.

Таким образом, необходимость лично приезжать в Сарай и получать ярлык была одной из форм явной зависимости русских князей от ханской власти. Если все предыдущее время в истории Киевской Руси, Суздальского и Владимирского княжеств русские князья никак не могли определить порядок наследования княжения, то теперь стало все проще простого: источником власти стал монгольский хан, и он решал, кому давать ярлык. Он же и отнимал его по своему усмотрению. А за непокорность жестоко наказывал и князя, и русские земли.

Но выдача ярлыков, фактически назначение на княжение - это лишь один из примеров зависимости Руси от Орды. На Русь были наложены разнообразные повинности, всего их насчитывается около полутора десятков. Главной среди них был «выход» (дань). Если о точном размере выхода историки спорят, то большинство исследователей согласны с тем, что повинность была очень тяжелой.

Еще были такие повинности, как сбор с торговли или тамга, ямская повинность на содержание почтовой службы, на кормление ханских послов и баскаков - сборщиков налогов. Была также повинность, которая особой тяжестью ложилась на ние, - «налог кровью», то есть отправка русских воинов в составе монгольских военных походов. Александр Невский сможет несколько уменьшить тяжесть этой повинности: он добьется, что в монгольские походы будет ходить княжеская дружина, но не будет мобилизации населения. Некоторые исследователи такой успех Невского даже считают чуть ли ни началом освобождения от татарской зависимости. На наш взгляд, это забегание вперед: у Невского еще не оформились такие цели, у него не было для этого решительно никаких сил.

В фундаментальном научном издании «Русь и монголы», посвященном анализу проблем русско-ордынских отношений, историк Ю.В. Кривошеев пишет, что экономическая зависимость Руси от монгольской державы «в конечном счете свелась к выплате дани - именно это становится основным элементом русско-монгольских отношений на многие последующие десятилетия» [7, с. 211-213].

Это верно, если рассматривать взаимоотношения русских княжеств и Орды через призму финансово-экономической зависимости. Но такой взгляд будет однобоким, поскольку нельзя от экономических, фискальных аспектов отношений хана-властелина и князя-подчиненного оторвать политические отношения и политическую зависимость одного от другого. Одно без другого не существует в принципе, а в нашем случае тем более эти две стороны отношений взаимосвязаны и взаимообусловлены. И какая сторона, экономическая или политическая, была основной - это большой вопрос.

Очевидно, что зависимость Руси от Орды была многоплановой и всесторонней. Укрупненно ее можно разделить на две составляющие: политическую и экономическую. К политической мы отнесем право хана управлять княжествами через выдачу ярлыков на княжение. Более того, хан произвольно изменял границы княжеств. Так, в 1328 г. хан Узбек великое княжество Владимирское разделил на две части, одну из которых отдал Александру Суздальскому, а вторую - московскому князю Ивану Калите.

Сюда же следует включить и правовую зависимость русских князей от хана. Этот аспект исследован меньше всего, но от этого он не становится менее значимым. Сам факт, что русского князя мог судить и судил монгольский хан, свидетельствует о значительной бесправности первого.

Таким образом, зависимость русских земель от хана была многоплановой: военной, политической, экономической, правовой и духовной, - если учесть, что и митрополит русский получал ярлык от монгольского властелина.

Второй период, когда российское государство фактически потеряло ность, - это период Великой Смуты. Это был глобальный кризис, который в разной степени охватывал все стороны жизни государства и общества, протекал в течение длительного времени, и в разные его периоды с наибольшей силой действовали разные его компоненты: борьба за трон среди бояр и предательство ими интересов государства, военные действия с иноземцами и сражения казаков с правительственными войсками, волнения крестьян и конфликты земель, наконец, отстаивание православной веры и подъем народного духа, вылившийся в освободительное движение.

У всех этих черт масштабного кризиса было одно общее явление, которое собирало эти компоненты Смуты в одной критической точке. Этой критической точкой была угроза существованию Русского государства. Собственно, были моменты, когда оно фактически уже не существовало, когда центральной власти либо не было вовсе, либо она не воспринималась как власть ни в столице, ни тем более в землях, которые создавали свои органы управления. Череда избранных боярских царей вперемешку с самозванцами, присягание на верность польскому королевичу и оккупация Кремля войсками враждебной державы, безответственная и беспринципная семибоярщина в качестве правительства, шайки казаков-разбойников и такие же польские отряды, рыскавшие по стране и разорявшие ее…

Это ли не критическое состояние страны, которая находилась в шаге от пропасти, где реальной была потеря независимости и суверенитета, исчезновение государства как такового. Одни иностранные державы, такие как Польша и Швеция, уже отрезали себе куски русских земель, другие, как, например, Англия, примеривались к лакомым территориям, чтобы отхватить лучшие.

На всем протяжении Смуты у государства были два особо критических момента. Первый - когда территория русского государства разделилась надвое: часть признавала государем Василия Шуйского, другая присягнула Лжедмитрию II. Сосуществовали рядом и две столицы, в каждой из них была своя Боярская дума. К самозванцу переходили на службу князья, молодые представители знати, всем им он раздавал титулы и звания. Реально происходило разрушение государства, которое еще сохранялось лишь потому, что установилось некое политическое и военное равновесие, когда две стороны вынуждены были терпеть соседство друг друга из-за того, что у каждого не хватало сил расправиться с противником.

Таким образом, фактически в стране, расколотой на два лагеря, уже не было единого правительства, единой системы управления. Две столицы, два царя - две страны: такая ситуация сложилась к концу 1608 г. Но в этой русской трагедии была и комическая сторона, которая получила название «тушинские перелеты». Именитые люди то переходили на службу к Лжедмитрию, то возвращались назад к царю Василию, и всякий раз тот и другой платили им «за верность государю».

Второй момент, еще более опасный, - время после свержения Василия Шуйского. Обстоятельства складывались так, что некогда было созывать Собор всех земель для избрания царя, да и в условиях гражданской войны сделать это было затруднительно. В Можайске стоял польский гетман Жолкевский, который требовал признания царем королевича Владислава, в Коломенском расположился лагерем Лжедмитрий II, претендовавший на трон и приступивший уже в начале августа к штурму Москвы. Самозванца бояре боялись больше, чем поляков. Князь Мстиславский пригласил Жолкевского быстрее идти к Москве и помочь в обороне города. Польский гетман откликнулся на призыв, помог отогнать отряды самозванца.

После такого «спасения» Москвы от самозванца оставалось призвать на московский престол польского королевича, что и было сделано временным правительством, состоявшим из семи бояр. Договор об этом был подписан 17 августа 1610 г. Через 10 дней, 27 августа, москвичи торжественно присягали Владиславу. Московские бояре настаивали на том, чтобы Владислав переменил веру и принял православие, но против этого высту-

пал Сигизмунд, у которого был совсем другой план в отношении Московского государства. Этот план состоял из двух частей. Первая заключался в том, что польский король Сигизмунд III сам хотел воцариться на московском престоле, присоединить Московию к своему государству, и потому он изначально не предполагал отпускать сына в Москву. Вторая часть - это окатоличивание Русского государства. Среди своих единоверцев он не скрывал, что цель похода на Русь - распространение истинной католической веры.

Годы Смуты раскрыли сущность самозванческих авантюр, постепенно пелена спала с глаз, и это привело к тому, что «в конце 1610 года русские люди наконец-то поняли, что главными их врагами являются поляки во главе с королем Сигизмундом, что проект избрания на престол королевича Владислава является утопией, а в реалии существует угроза окончательно потерять и свое национальное государство, и свою православную веру» [8, с. 436].

Итогом стало появление вождей сначала первого, затем второго ополчений, объединение сил протеста в освободительное народное восстание, целью которого было освобождение Москвы, спасение веры и самого российского государства.

Сделаем выводы и обратим внимание на некоторые общие обстоятельства, при которых разворачивались события, разделенные между собой почти четырьмя веками. Во-первых, и в период татаро-монгольского нашествия, и во времена оккупации поляками Москвы среди русских князей и боярской знати не было единомыслия в отстаивании интересов государства. Древнерусские князья заняли пассивную позицию и не захотели помочь соседу, эгоистично полагая, что их земли минует татарская беда. Не миновала. Князья и русские земли на долгие годы оказались в униженном положении, потеряв личную свободу и независимость государства.

Московские бояре, получив избранного стараниями патриарха Иовы царя Бориса Годунова, не поддержали его, хотя еще тогда были все основания для зарождения новой царской династии. Затем они же, руководствуясь исключительно своими корыстными соображениями, впустили в Москву вражескую военную силу, отдав, по сути, суверенитет государства в руки полякам, променяв независимость своего государства на мнимые личные выгоды.

Во-вторых, независимость раздробленных древнерусских земель была утрачена под натиском могущественных монголо-татарских сил, которые, разбив княжества поодиночке, установили над ними свою власть. Московское княжество в конце XVI - начале XVII в., находясь в ослабленном состоянии после разорительной Ливонской войны и опричнины, пребывая в состоянии растерянности от пресечения династии Рюриковичей, не зная, как и из кого избрать нового государя, переживая внутригосударственный кризис, подверглось нашествию внешних сил - Речи Посполитой и Швеции, которые, оккупировав значительные территории, лишили государство независимости.

Как видим, как в первом, так и во втором случаях очевидны два сходных обстоятельства: отсутствие единства в правящей элите страны и ее союза с народом, а также воздействие внешних сил, нацеленных на захват русских территорий и уничтожение русского государства.

Со времени изгнания польских интервентов из Москвы, избрания царем Михаила Романова и восстановления русского государства со всеми его правами суверенности минуло чуть более 400 лет. Неузнаваемо изменился мир, части которого глобально взаимозависимы в экономике. Но эти перемены не отменили и не могут отменить суверенные права государства и народа самостоятельно, руководствуясь своими национальными интересами, решать внутренние задачи и внешние проблемы сосуществования с окружающим миром. Вместе с тем мы и сегодня видим попытки внешних сил навязать нашей стране свою волю, подчинить своим интересам, другими словами, лишить нас суверенности или ограничить ее. Только этим можно объяснить, почему глава государства столь часто вынужден говорить о незыблемой суверенности России. Чтобы тем самым дать понять внешним силам нашу озабоченность их недружественными действиями на наших

границах, чтобы напомнить и отечественной элите высокие смыслы понятий «суверенитет» и «независимость».

На заседании Совета безопасности РФ в июле 2017 г. президент Владимир Путин подчеркнул со всей очевидностью, что ожидать в ближайшем будущем изменения целей наших, как принято сейчас говорить, западных партнеров не стоит. Эти цели в отношении нашего государства на протяжении веков и тысячелетий неизменны, как восход и закат солнца, - если не уничтожить или разделить, то хотя бы ослабить и притормозить развитие. Обозначил глава государства и глубинные смыслы такой политики наших геополитических противников: «Причины давления на Россию понятны: мы проводим независимую внутреннюю и внешнюю политику, не торгуем своим суверенитетом. Не всем это нравится, но по-другому быть не может» [2].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Владимир Путин: Российский народ не может существовать вне своего суверенитета [Электронный ресурс] - http://www.stoletie.ru/lenta/vladimir_putin_rossijskij_narod_ne_mozhet_sushhestvovat_vne_svojego_suvereniteta_101.htm
2. Владимир Путин: Россия не торгует своим суверенитетом [Электронный ресурс] - https://rg.ru/2015/07/03/putin-site.html
3. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. - М.: Мысль, 1989. - 764 с.
4. Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 3. История государства Российского. - М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2007. - 416 с.
5. Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 5. История государства Российского. - М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2007. - 544 с.
6. Ключевский В.О. Полный курс лекций в 2-х кн. Кн.1. - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. - 734 с.
7. Кривошеев Ю.В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII-XIV вв. 3-е изд., испр. и доп. - СПб.: Академия исследования культуры, 2015. - 452 с.
8. Морозова Л.Е. История России. Смутное время. - М.: АСТ; Астрель, 2011. - 543 с.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. - 14-е изд., стереотип. - М.: Рус. яз., 1982. - 816 с.
10. Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. - М.: АСТ; АСТ Москва, 2008. - 861 с.
11. Путин: В мире мало стран, обладающих суверенитетом, и Россия своим дорожит [Электронный ресурс] - https://ria.ru/politics/20170602/1495693004.html
12. Путин: Нам удалось укрепить суверенитет и четко обозначить интересы России [Электронный ресурс] - https://eadaily.com/ru/news/2017/06/12/putin-nam-udalos-ukrepit-suverenitet-i-chetko-oboznachit-interesy-rossii
13. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В 15 кн. и 29 т. Кн. I. Русь изначальная. - М.: АСТ, 2005.
14. Суверенитет [Электронный ресурс] - http://greater_political.academic.ru/184/суверенитет. https://ria.ru/politics/20170602/1495693004.html

REFERENCES

1. Vladimir Putin: the Russian people cannot exist outside of its sovereignty. Available at: http://www.stoletie.ru/lenta/vladimir_putin_rossijskij_narod_ne_mozhet_sushhestvovat_vne_svojego_suvereniteta_101.htm
2. Vladimir Putin: Russia is not selling its sovereignty. Available at: https://rg.ru/2015/07/03/putin-site.html
3. Gumilev L. N. Ancient Rus and the Great steppe. M.: Mys'l, 1989. 764 P.
4. Karamzin N. M. Full. Coll. CIT., 18 T. T. 3. History of the Russian state. M.: TERRA-Book club, 2007. 416 p
5. Karamzin N. M. Full. Coll. CIT., 18 T. T. 5. History of the Russian state. M. : TERRA-Book club, 2007. 544 p.
6. Klyuchevsky V. O. the Full course of lectures in 2 kN. KN.1. M.: OLMA-PRESS, 2003. 734 p.
7. Krivosheev J. V. Rus and the Mongols: a Study of the history of North-Eastern Russia XII XIV centuries, 3rd ed., Rev. and additional SPb.: Academy of the study of culture, 2015. 452 p.

8. Morozova L. E. The History Of Russia. The time of troubles. M.: AST; Astrel, 2011. 543 p.
9. Ozhegov S. I. Dictionary of Russian language: approx. 57 000 words. ed.Yu. Shvedova. 14th ed., stereotype. M.: Rus. lang., 1982. 816 p
10. Platonov, S. F. a Complete course of lectures on Russian history. M.: AST; AST, Moscow, 2008. 861 p.
11. Putin: few countries in the world, exercising sovereignty, and Russia as its values. Available at: https://ria.ru/politics/20170602/1495693004.html
12. Putin: We managed to strengthen the sovereignty and to clearly identify the interests of Russia. Available at: https://eadaily.com/ru/news/2017/06/12/putin-nam-udalos-ukrepit-suverenitet-i-chetko-oboznachit-interesy-rossii
13. S. M. Soloviev. History of Russia from ancient times. In 15 kN. and 29, T. KN. I. Rus ' iznachal'naya. Moscow: AST, 2005.
14. Sovereignty. Available at: http://greater_political.academic.ru/184/ sovereignty.; https://ria.ru/politics/20170602/1495693004.html

Информация об авторе:

Жеребкин Михаил Васильевич, доктор политических наук, профессор, кафедра истории, краеведения и методики преподавания истории, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского,
г. Ялта, Россия
m.zherebkin@mail.ru

Information about the author:

Mikhail V. Zherebkin, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of History, Local History and History Teaching Methods, Humanities-Education Science Academy (Branch) of V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Yalta, Russia
m.zherebkin@mail.ru

Получена: 19.06.2017

Для цитирования: Жеребкин М. В. Суверенитет как форма и условие существования независимого государства. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 1. с.124-131.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-124-131

Received: 19.06.2017

For citation: Zherebkin M.V. Sovereignty as a form and condition for existence of an independent state. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 1. Pp. 124-131.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-124-131. (in Russian)

УДК 316 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-132-141

ИБРАГИМОВ Радий Назибович
Институт экономики и управления
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
г. Абакан, Россия
ssv@prescopus.com

Radiy N. IBRAGIMOV
Institute of Economics and Management
N.F. Katanov Khakass State University
Abakan, Russia
ssv@prescopus.com

ИМЯ, ИМИДЖ И РЕПУТАЦИЯ: НА ДАЛЬНИХ РУБЕЖАХ СОЦИОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

NAME, IMAGE AND REPUTATION: ON THE DISTANT FRONTIERS OF THE SOCIOLOGY OF PERSONALITY

Положение дел в социологии таково, что социология культуры играет среди отраслей не самую главную роль. В свою очередь, социология личности в рамках социологии культуры также не является приоритетом, будучи стеснена в незаслуженно узких тематических рамках. И, наконец, в самой социологии личности проблематика имени актуализируется также чрезвычайно редко. Между тем теоретико-методологический арсенал современной социологии позволяет радикально перевернуть систему приоритетов и фундировать социологию личности в качестве полноценной парадигмы, а не локальной теории, а социологию имени сделать ее, парадигмы, стержнем. Наиболее перспективным в этом отношении видится конструктивистский подход, давший жизнь целому ряду самостоятельных теорий и повлиявший практически на все остальные подходы современной социологии. В статье предлагается сосредоточиться лишь на некоторых аспектах социологии имени, таких как социальная онтология имени, номинативный тоталитаризм, имя-как-репутация, конвертация имени и др.

The situation in sociology is that sociology of culture among industries plays the most important role. In turn, the sociology of identity in the sociology of culture is not a priority, being unjustly constrained in narrow thematic framework. And finally, in the sociology of identity issues name actualize also extremely rare. Meanwhile, theoretical and methodological arsenal of modern sociology allows radically upending a system of priorities and substantiating the sociology of the individual as a complete paradigm, not a local theory, and sociology name to do it, paradigm web. Most promising in this respect seems to constructivist approach, gave birth to a number of independent theories which had an influence on almost all other approaches of modern sociology. The article proposes to focus only on some aspects of sociology name, such as social ontology name, nominative totalitarianism, the name-reputation, conversion, etc.

Ключевые слова: личность, имя, имидж, репутация, identity, социокультурный капитал

Keywords: person, name, image, reputation, identity, social-cultural capital

Введение

Суровое протестантское всматривание в глубины собственной личности претерпевает в последние полвека такую же эрозию, что и сам протестантизм - как эталонный персонологический нарратив, конечно. Последствия этих метаморфоз отмечают многие современные исследователи: «индивидуализм, фундаментальная ценность современного общества, незаметно начинает переходить от гордой самостоятельности свободных людей в род замкнутого индивидуализма, для которого целью становится максимизация персональной свободы без оглядки на ответственность перед другими» [9, с. 474].

В теоретико-методологических отношениях между науками, исследующими личность, в настоящий момент сложилось устойчивое status quo: здесь точно знают, кто чем *не должен* заниматься. Психологи, даже декларируя «деятельностный» подход, обходят стороной микро- и макросоциальный синергийный эффект деятельности личностей. Философы, задав самую высокую планку нравственной, эстетической, интеллектуальной идентификации личности, в массе своей манкируют эмпирической апробацией своих умозрений.

Личность-по-умолчанию

Робость социологии в числе прочего проявляется в темпах и формах освоения проблемы дискурсивной манифестации личности. Проблема эта многогранна. Начать с того, что на уровне аксиоматических предпосылок человек для социологии предстает в каче-

стве «личности-по-умолчанию», как некая сама собой разумеющаяся монада. «Личность-по-умолчанию» проходит, как нож сквозь масло, сквозь «тела» концептуальных построений, игнорируя, казалось бы, очевидные нестыковки. Например, выстраивая типологии личности, мы присваиваем равный с обладателями высокой степени социального альтруизма статус даже особям с явным дефицитом персонологических свойств.

Но проблема продолжается далее, в методологии и методике исследований. Персонологическая презумпция гласит: всякий респондент есть личность, пока не доказано обратное. А для доказательства обратного у социологии инструментарий если и есть, то использовать его для обнаружения персонологических дефектов никто не торопится. Личность респондента должна отвечать лишь двум требованиям: 1) респондент должен понимать текст анкеты и 2) респондент не должен понимать подтекст анкеты (например, обнаруживать проверочные вопросы).

Даже положительное отклонение от этих требований вызывает методологические трудности. Например, стандартный опрос госслужащих методологически сомнителен и трудно осуществим как раз потому, что в вопросах усмотрения подтекстов и оперирования ими среднестатистический госслужащий на голову выше среднестатистического социолога - их коллективный опыт древнее (если отсчитывать от хана Батыя) и богаче. Невысокая планка для личности - болтаться в промежутке между текстом и подтекстом, между «эталонным идиотом» и «эталонным бюрократом»!

Нетрудно догадаться, что проблема только усугубится, если посмотреть на суть дела с позиций тех парадигм, где вся социальная онтология понимается в дискурсивном ключе - феноменологии, конструктивизма, драматургического подхода. Здесь человек изначально предстает не как физиологическое «мясо», помещенное в ячейку структуры, а именно и преимущественно как *дискурсивная конструкция*. Задолго до И. Гоффмана и Дж. Серля горьковский Клим Самгин дал чеканную формулировку: «Человек есть текст». Как социальное явление Д. Трамп есть совокупность его собственных слов и жестов и слов о нем. Как социальное явление соседка баба Маша есть текст сплетен ее соседок. И если сплетен нет, то бабы Маши конструктивистски не существует. Что, кстати, часто совпадает с физиологической смертью.

Я мыслимое, реальное, дискурсивное: онтология имени

Итак, перефразируя В. Пелевина, личность - это место, где встречаются Я-реальное и Я-мыслимое. О первом говорил еще Ч. Кули: эмпирическое Я - это «*я,* которое можно воспринять и верифицировать посредством *обычного наблюдения*» [4, с. 320]. Границы такого Я неопределенны и дебатируемы, но его стержнем точно является *характер*.

Я-мыслимое - это репрезентация человека в его собственном мышлении (включая, помимо образа настоящего, также образы-конструкции его прошлого и будущего). В современной терминологии такое Я почти точно совпадает с понятием идентичности (identity). Идентичность, как и характер, также доступный для эмпирического исследования объект, но уже не наблюдения, а дискурсивных методик.

Поэтому и уточнение, устрожение концепта «личность» в процедурном отношении не имеет серьезных препятствий и ограничений: личность тем ближе к идеальному типу, чем отчетливее сближение Я-реального и Я-мыслимого. Действительно, мы считаем личность состоявшейся, когда ее слова не расходятся с делом. Жизнь как стохастический поток ситуаций постоянно отбрасывает идентичность и характер по сторонам ринга, но «здоровая» личностная динамика состоит в их постоянном сближении. Обратное движение - это путь к деградации, шизофрении, аннигиляции. Поэтому деятельная самореализация личности представляет для социологии прямой интерес.

Но при этом следует помнить, что «вначале было Слово». Чтобы реализоваться, личность вначале должна задекларировать предмет реализации. Так везде: отчет о работе какой бы то ни было структуры начинается с проверки планов. А планы - это то, что имела неосторожность нафантазировать эта инстанция, о ком бы ни шла речь - о мини-

стерстве или о личности. За дошкольником, например, персонологический статус закрепляется лишь при междустрочном условии - это *будущая* личность. А не *настоящая*.

Разумность, рациональность человека в первую очередь ассоциируется с его речью, языком. Разум - также главное условие существования и развития личности. И, поскольку личность немыслима без своего мыслимого Я, она просто обречена на репрезентацию в языке.

При этом язык и мышление не тождественны. И вообще, и особенно в отношении личности. Я-мыслимое и Я-проговаривамое, артикулируемое, дискурсивное представляют собой относительно самостоятельные компоненты.

Я-мыслимое предполагает целый комплекс мыслей и сопутствующих переживаний, в которых прямо присутствует или косвенно проявляется сам субъект-носитель этих мыслей и переживаний. Специфику этой инстанции придает именно косвенное проявление «авторства». Когда человек размышляет о своей судьбе, он является выраженным субъектом и выраженным объектом этих размышлений. Но когда он стоит перед картиной битых полчаса, высматривая и осмысливая в ней что-то, субъект находится в «снятом» виде: его собственное внимание заставило его забыть о себе. При этом зритель отчетливо понимает, что и до, и во время, и после созерцания он получает именно личные, субъективные впечатления.

Я-дискурсивное занимает поле, перекрещивающееся с полем Я-мыслимого. Рациональное зерно личности предполагает выражение в виде текста. «Как мать я обязана…», «Как гражданин я имею право…» - фразам, начинающимся с подобных слов, необязательно быть произнесенными вслух. Более того, опыт внутреннего монолога просто необходим для самовоспитания личности.

Еще один показатель зрелой личности - способность вести внутренний диалог, вставать на несколько жизненных позиций, артикулировать их, сталкивать между собой. Реальным аналогом этой способности является способность высококлассного шахматиста играть в уме продолжительное время или вести сеанс одновременной игры. В какой-то степени умение личности честно и последовательно оформлять в словах жизненные миры других людей является тренировкой в построении собственного дискурсивного Я.

И здесь в очередной раз хочется обратить внимание на бесценный опыт классиков художественной литературы, в романах которых осуществляется «образцово-показательное» дискурсивное оформление вымышленных, но производящих впечатление абсолютной подлинности персонажей. В этом смысле Толстой и Бальзак сделали для демонстрации внутреннего богатства личностного мира не меньше, чем З. Фрейд или Л. Выготский. Они сделали это иными средствами, но это не повод игнорировать их в рамках персонологии.

Язык по отношению к каждому отдельному человеку - такая же внешняя, независимая (почти независимая) от воли и желания стихия, как и материальная действительность. Каждый из нас приходит в мир, где уже задолго до нас существовал наш родной язык и (как потом выясняется) еще куча неродных языков. И, как дети малые, заходя в море впервые, сначала осторожно пробуют ножкой набегающую волну, мы сначала робко, а затем все смелее и смелее окунаемся в язык, пока не начнем плавать в нем настолько совершенно, что порой кажется, что плавать - это как дышать. И каждый раз язык, как море, напоминает нам, что это стихия столь же ласковая, сколь и грозная. Иные из нас до глубокой старости умудряются попадать в языковые передряги - то брякнут что-нибудь не то, то документ с ошибками составят.

Социальные рубежи имени

К сожалению, артикулировать все аспекты проблемы дискурсивной конструкции «Личность» не позволяют рамки жанра. Дальше - переход от «рода» к «виду». С чего начинается Родина - одноименная песня не выяснила, но личность точно начинается с

имени. Тем не менее значение умолчания в сентенции «Личность по умолчанию обладает именем» выходит за рамки логической техники.

Поясняю. Имя человека в практической социологии не служит значимой величиной. Имена прямым текстом всплывают в социологическом исследовании лишь тогда, когда его тема непосредственно связана с процессом наименования, «называния» человека. Является ли установка на анонимность только методологической условностью или, хотя бы косвенно, отражает социокультурный эффект реальной тенденции обезличивания, деперсонализации человека?

Эти вопросы имеют под собой определенное основание. Ведь социология возникла одновременно и в связи с индустриализацией общества, как следствие - со стандартизацией и конвейерным производством. Научность и технологичность во второй половине XIX - первой половине XX в. безоговорочно ассоциировались с «крупнооптовым» подходом к изучаемым объектам. В политике, экономике и даже в науке выигрывал тот, кто быстрее и глубже осуществит стереотипизацию и «массовизацию» объектов предметного поля. Так, от научных открытий до массового производства сталь и электричество прошли за считанные годы. Армии из малочисленных и профессиональных превратились в «народные», формируемые всеобщей мобилизацией. Не только изучали, но даже убивали не поодиночке, а «научно» - тысячами.

Социология, в которой эхо научности (в позитивистском понимании) и технологичности звучит до сих пор, не составляла исключения. Первоначальный проект социологии предполагал работу не с персоной, а с массивами людей, оперирование не примерами, а обобщениями.

Поэтому неудивительно, что в обществоведческих дисциплинах индивид по умолчанию воспринимается как аноним. Индивид, конечно, лишен индивидуализирующих физических черт - портрета, осанки, походки. Но как нечто идеальное, смыслосодержащее индивид, прежде всего, безымянен. «Лицом к лицу лица не увидать - большое видится на расстоянии…».

Научно-индустриальные тенденции в социокультурной проблематике имени проявились в применении цифрового подхода. Имя «Андрей», фамилия «Сахаров» и тем более отчество «Дмитриевич» с точки зрения математика и бюрократа - анахронизм. В них не заложены кодификаторы и идентификаторы, позволяющие использовать имя в логически и административно непротиворечивой системе использования (управления). Для учета и контроля куда удобнее ввести последовательность цифр.

Показательно, что в этом вопросе оказались единомышленниками организаторы концлагерей и современные экономисты, придумавшие для всех ИНН. От вытеснения имени из социального обихода до устранения его носителя - расстояние невеликое. Сталинский тоталитаризм испробовал оба варианта в комбинации: уничтожая пронумерованных людей в ГУЛАГе, режим строжайше воспрещал публичное упоминание имен жертв.

Определение феномена тоталитаризма - до сих пор дискуссионная тема, но по крайней мере уточняющая его характеристика в плоскости отношения к имени человека возможна и необходима. *Тоталитаризм - это политический режим, основанный на принципе массового принудительного манипулирования именами*.

Пояснение. Имя, как уже неоднократно говорилось, один из самых интимных атрибутов личности, символ ее самоидентификации (identity). Политическая власть, оставляющая без внимания порядок присвоения или изменения имен, не вторгается глубоко в сферу приватности личности. По сравнению с ней та система власти, которая пытается контролировать «оборот» имен, гораздо более деспотична, невзирая на цели, ставящиеся перед таким контролем. Мера тоталитарности общества измеряется не «вширь», масштабом формального охвата полномочиями, а «вглубь», содержанием и качеством воплощения самих этих полномочий. Назовем этот феномен «номинативным тоталитаризмом».

Приведем не вполне научное, но идеологически безошибочное сравнение. Какой режим тоталитарнее: персидская империя Дария III или современные Соединенные Штаты? Идеологические штампы обязывают указать на врага афинской демократии, персидскую империю. А теперь вдумаемся: обладала ли администрация персидского царя царей даже ничтожной долей возможности контролировать, кого каким именем называют в империи - при всех масштабах формального охвата властью территории империи? США с их практикой учета, контроля, оцифровки и манипуляции персональными ми - настоящий концлагерь по сравнению с персидской империей 2,5-тысячелетней давности. Сравнивать столь далеко отстоящие в истории феномены, конечно, ненаучно - так же как восхвалять афинскую демократию и проклинать тоталитаризм без учета технологических возможностей этих систем власти.

Степень монополизации права на регистрацию имени - это также отчетливый показатель цивилизованности общества. На первых стадиях общественного развития так называемое подлинное имя - предмет инициации - было безусловной собственностью (помимо носителя) богов или Бога. Имя отвечало сакральному предназначению. Поэтому, кстати, и открывалось не всякому встречному-поперечному, а лишь «значимому близкому», доказавшему право на социальную близость человеку. Наша современная манера легко и непринужденно знакомиться первобытному человеку была бы непонятна и вызвала бы понятное отторжение.

Переход на стадию цивилизации означал, что функции «иллюзорного повелителя» переходят к государству. По мере возможности государство старалось зарегистрировать каждого подданного/гражданина. Главная причина, естественно - деньги, налог. Первоначально налогами были простейшие «белка с дыма» или «солевой» налог, не отражавшие реальной демографической ситуации. И, кстати, ее подстегивавшие: чем больше народу в «дыму» (то есть в жилище), тем меньше налоговая обуза на каждого.

Переход к подушевому налогу в условиях прогресса был лишь вопросом техники, времени и догадливости чиновников. А претворившись в жизнь, он становился критерием цивилизованности общества. И жадности государства. Что опять-таки, кстати, приводит к обратному демографическому эффекту: какой смысл «плодиться и размножаться», если всех все равно поставят на карандаш фискалы и мытари?

Таким образом, поименная регистрация народонаселения находится в прямой связи с экономическим и демографическим состоянием общества. Имя в реестре - это, по крайней мере с точки зрения государства, деньги в казне.

Правда, к содержанию имени, к его семантике и прагматике это не имеет прямого отношения, только формальное. Помимо цифрового тоталитаризма, государственный формализм выражается также в «*паспортно-визовом фетишизме*». Имеется в виду тот факт, что по мере развития государственных институтов количество и значимость документов, обеспечивающих статус индивида, возрастает. Еще 30 лет назад у человека не было карточки пенсионного страхования, а 70 лет назад у большинства советских людей вообще не было паспортов.

Вообще, абстрактно, без паспорта плохо. Это если считаешь, что паспорт для тебя, а не ты для паспорта. Но для государственной «машины» ты физическое приложение к паспорту, этакий костно-мясной «вкладыш». Паспорт для компетентного ка - данность абсолютная и безусловная, а человек - относительная и условная. Ничего личного - просто так удобнее. И если в паспорте по безграмотности паспортистки написана фамилия «Ефипанцев», то мнение обладателя паспорта, что он, дескать, «Епифанцев», юридически ничтожно, пока не доказано обратное. Подсчет того, сколько сил и средств затрачивается такими «Епифанцевыми» на доказательство обратного - еще одна интересная тематика социологии имени. Для примера: проблема с одной только буквой «ё», которая встречается в именах 3% россиян, была урегулирована правительством только в 2007 г. 3% - это более 4 млн человек. Хороша генсовокупность!

До сих пор речь шла об имени в чисто номинативном смысле - как языковом обозначении человека. В этом смысле именами обладают не только люди, но и домашние животные, корабли или планеты. Однако даже в этом случае применительно к человеку мало понимания имени как простого буквенного сочетания, отражающего его уникальность или принадлежность к роду или фамилии. Совсем недавно по поводу произвольности поименования младенцев лоб в лоб столкнулись две социальные инстанции - социально безответственные родители и Государственная Дума (поправка в ст.16 закона от 15.11.1997 г. №143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»). Инстанции эти диалектически (!) соотносительны: социально безответственные родители - это не только живые люди, но в первую очередь конструкт в коллективном разуме Госдумы, а Госдума - символический адресат, назло которому социально безответственные родители «отмораживают уши», называя детей Люциферами и ЧО. Социальный эксперимент, верифицирующий данную корреляцию, проходит буквально на наших глазах: нарастание усилий одной стороны вызывает пропорциональное усиление активности другой.

Капитал? Имидж? Репутация?

Продолжим. Имя - это концепт, смысловой массив, который, как в матрешке, скрыто содержится в слове, выражающем имя. Например, в денотате «Александр Данилович Меньшиков» всего три слова, но для любого грамотного человека вслед за ними в сознании проносится что-нибудь вроде «а-а, это тот мошенник и авантюрист, смельчак и умница, сподвижник Петра Великого и первый губернатор СПб…» и еще три тома всякой всячины.

Имя-концепт обладает сложным строением. В нем можно выделить как минимум два элемента - семантический и онтологический коннотаты. *Семантический коннотат имени - это гипертекст, относящийся к самому имени, его значению или этимологии*. Например, имя «Варвара» у многих вызывает ассоциацию «А-а, это у которой на базаре нос оторвали!..» безотносительно к носительнице и ее носу.

Прямого интереса для социологии семантический коннотат имени не представляет, хотя осведомленность носителей имен об их значении, смысле и происхождении может служить довольно важным социокультурным показателем. Не случайно после революции 1917 г. в России на фоне утраты значения религии вообще и «Святцев» в частности началась революция в именах: в изобилии появились Тракторины, Мэлсы и Даздрапермы. К сожалению, исследований жизненных траекторий носителей экзотических имен обнаружить не удалось.

Онтологический коннотат имени - это гипертекст, относящийся к носителю имени, подразумеваемая характеристика личности. «А-а, это та Варвара Сергеевна, что в прошлом году пластическую операцию сделала!..» Этот элемент имени-концепта представляет для социологии не частный и случайный, а фундаментальный и непреходящий интерес.

В разных концепциях и направлениях этот феномен выражался разными терминологическими средствами. Чаще всего для обозначения меры значимости звучит, начиная с П. Бурдье, «социальный» или «культурный капитал». Например, В.В. Радаев обращает внимание на принципиальную важность поименной сигнификации: «В институциализированном состоянии символический капитал воплощается в структуре авторитетов, которые обладают правами номинации.» [6, с. 25]

П. Бергер и Т. Лукман процедуру обнаружения онтологического коннотата личности называли «легитимацией»: «Легитимация поддерживает реальность социально сконструированного универсума: аннигиляция отрицает реальность любого феномена и его интерпретации, которые не подходят этому универсуму.» [1, с. 323]. Д.А. Давыдов привлекает в этом контексте понятие статуса: «Социальным капиталом также может являться *статус* того или иного агента. Статус - это инструмент влияния, основывающийся на социальных представлениях об *авторитетности*» [3, с. 108].

Микросоциальные взаимодействия в обществе осуществляются не между физическими или биологическими объектами и не между именами в филологическом смысле слова, а между ролями и статусами, имиджами и характеристиками, ожидаемыми и подтверждаемыми репутациями. Если за именем А стоит коннотат «Грубиян» или «Жадина», частота обращений и контактов с этим А будет ожидаемо низкой по сравнению с Б, про которого все знают, что «очень приветливый человек».

Онтологический коннотат имени, взятый в социально-практическом ключе, образует феномен *репутации*. Это объектная локализация общественного мнения, содержащая *меру социальной значимости* репутанта. Обычно слово «репутация» по умолчанию понимается как «хорошая репутация»; в этом, обиходном смысле оно тождественно столь же распространенному концепту «доброе имя». Социально-практический аспект репутации состоит в том, что, помимо собственно информации, скрытой в имени, репутация также скрыто содержит набор запретов, рекомендаций и предписаний применительно к личности как носителю репутации. Это выражается деонтическими коннотациями, например, «Не вздумай с ним связываться!..», «С ней можно иметь дело…». Фактически *репутация - это инструкция по обращению с носителем*.

Репутация, как правило, отражает целый набор социально значимых качеств личности - коммуникативных, профессиональных, мировоззренческих. «Он, конечно, хороший спец, но уж больно вздорен характером!..». Поэтому и источник репутации, социальное окружение носителя, также отличается неоднородностью. Оно может складываться из нескольких целевых аудиторий, то есть групп и категорий, объединенных по ряду существенных показателей и на этом основании выражающих относительно единообразное мнение о соискателе репутации. У адвоката может быть доброе имя среди клиентов, но *недобрая слава* в прокурорской среде.

При этом следует помнить, что репутация едина в своей комплексности. Нельзя при анализе репутации сосредоточиться на мнении одной целевой группы, полностью игнорируя остальные. К сожалению, в практике имиджмейкерства и имиджелогии часто наблюдается обратное. Крупнейшие агентства, такие как Global Most Admired Companies или World's Most Respected Companies, при расчете репутационного рейтинга компаний вообще обходились без учета мнения потребителей. Этому есть несколько причин.

Первая причина перекоса в отражении репутаций - предметно-тематические рамки понимания. Репутация есть у всех, но готовы платить за ее подробное исследование лишь те, для кого она является экономическим или политическим ресурсом, капиталом. Поэтому и само исследование осуществляется не социологией-вообще и не абстрактным социологом, а специалистом в области экономической социологии или PR-технологом. Например, целый ряд отечественных исследований, говоря о репутации, используют произвольно толкуемое понятие капитала. Таков подход упоминавшегося выше В.В. Радаева. Еще одна подобная позиция: «Во-первых, капитал есть ресурс, основанный на родственных отношениях и отношениях в группе членства. Во-вторых, капитал - сумма ресурсов, фактических или виртуальных, которые накапливаются у индивидуума или у группы благодаря наличию устойчивой сети более или менее институционализированных отношений взаимного признания и узнавания» [8, с. 35].

Вторая причина скрывается в позиции самого заказчика репутационного исследования, которому важна, как правило, оценка лишь его деловых качеств. Руководитель фармацевтической компании не будет судиться с тем, кто назовет его плохим велосипедистом, зато тому, кто плохо отзовется о его «деловой репутации», он и без суда может «пасть порвать, моргалы выколоть».

И можно было бы закрыть глаза на «безобидное» смещение смысловых акцентов в понятии репутации, признать право пиар-социологии на внесение изменений в его содержание, если бы пиар-технологии при конструировании репутаций не эксплуатировали бы свойства личности, которые к деловой активности соискателя имели бы лишь кос-

венное отношение. Более половины рецептов такого конструирования используют образ «доброго семьянина», далее следуют «верный товарищ», «заботливый наставник» и т.п.

Приведенный пример показывает, как часто происходит подмена понятий «репутация» и «имидж». В социологии *имидж - это образ социального субъекта* (в нашем случае - личности), *возникающий в общественном сознании либо навязываемый ему, и служащий основанием для определенного отношения к носителю со стороны окружающих*. До недавнего времени в PR-менеджменте и обеспечивающих его отраслях социологии использовалось преимущественно понятие имиджа. Однако с начала 2000-х годов сперва на Западе, а потом и в отечественной литературе стали появляться заявки на «конструирование репутации», «управление репутацией» как на нечто более стратегическое и долгосрочное по сравнению с «банальным» имиджмейкерством.

Концептуальной основой для PR-менеджмента в этом вопросе служит теория репутационной относительности. Она видна даже в предлагаемых определениях: репутация - это коллективное мнение об объекте, формирующееся с течением времени в сознании целевых групп на основе экспертной оценки экономического, социального и экологического аспектов ее деятельности. Что ни слово, то песня!

Во-первых, обращает на себя внимание понятие «экспертная оценка». Оно самим фактом своего существования отсеивает из источников репутации «всяких там прочих» не-экспертов, оставляя лишь профессионально родственных специалистов во главе с «конструкторами репутаций». Во-вторых, «с течением времени» означает более долгосрочную и более дорогостоящую программу, чем при формировании банального имиджа. Иными словами, отличие «деловой» репутации от профессионального имиджа носит лишь количественный характер, выраженный в месяцах и долларах. Конечно, не исключены случаи, когда соискатель репутации интериоризирует рекомендации конструктора и совершенно искренне превращается из «деляги-на-понтах» в образцового скромника, из офисного развратника в идеального семьянина, из эгоиста в альтруиста. Но, скорее всего, это лишь исключения, которыми можно пренебречь, потому что быть - тяжелее, чем казаться.

У понятий имени и имиджа, кроме поэтических аллитераций, нет практически ничего общего. Совмещение имени и имиджа в рекламе носит не естественный, а принудительный характер. Так, имидж огромного количества марок («имен») товаров усилиями рекламы ассоциируется с сексуально привлекательной женской плотью, хотя прямых связей между автомобилем, шампунем или банком, с одной стороны, и игривой полуголой девицей из рекламы этих товаров, с другой стороны, нет. Кстати, прямую связь продемонстрировали два посетителя автосалона «Брюссель-2011», выдворенные оттуда полицией за непристойное занятие, вызванное сексуальным возбуждением. С 2012 г. брюссельский автосалон ввел запрет на рекламное использование «обнаженки».

В современных условиях, когда экономико-правовое понятие «репутация» всегда сопровождается «смайликом» в уме, говорить о ее конструировании или защите как об онтологически укорененных процедурах несерьезно. *Имидж - это иллюзия репутации*. Самый лучший способ «создать» репутацию честного человека - это просто *быть* им. То есть, выражаясь народным языком, наилучшая феноменология - это онтология.

Другая сторона вопроса, что мы имеем дело не с онтологией-вообще, а с социальной онтологией. Быть честным человеком для общества - это восприниматься в качестве такового, вызывать соответствующую социальную реакцию.

Отличие есть и в этом аспекте. *Реакцией на имидж является популярность, а на репутацию - уважение.* Можно согласиться, что источниками уважения должны быть «целевые группы» бизнес-сообщества и эксперты. Так сказать, «широкая известность в узких кругах». Дело в другом: и уважение, и популярность есть иррациональные реакции, они не связаны с механической осведомленностью или способностью вычислять. В уважении всегда присутствует элемент сакральности, тогда как популярность - это проявление

профанности. Отсюда тяга новых русских к строительству церквей с непременным мраморным указателем.

Таким образом, репутационная характеристика отдельного индивида - это еще и характеристика «экспертной среды». Уважение к реальному или потенциальному конкуренту - важнейший показатель цивилизованности сообщества в целом. Скажи мне, кто твой эксперт - и я скажу, кто ты. Определить устойчивые показатели репутации в социальной среде, где нет способности воздать должное конкуренту, подчиненному, начальнику, коллеге, «оказателю» услуг, где есть только зависть, ревность, пренебрежение, месть, - почти невозможно.

Не случайно исследование и расчет репутации на Западе доверяют только крупнейшим агентствам с долгой и положительной бизнес-историей, которые сами обладают безупречной репутацией непредвзятых экономических аналитиков. Таким образом, и с этой стороны мы находим подтверждение, что репутация личности - дискурсивно-аксиологическая репрезентация ее габитуса.

Заключение

В заключение хочется напомнить слова классика: «В слове и имени - встреча всех возможных и мыслимых пластов бытия… В имени - средоточие всяких физиологических, психических, феноменологических, логических, диалектических, онтологических сфер» [5, с. 269]. За этими словами - не просто предельная философская абстракция, а вполне конкретная методологическая программа исследования того, что еще не освоено, не апробировано и не использовано в социологии имени.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. - М.: Academia-Центр; МЕДИУМ, 1995. - 323 с.
2. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. - М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. - 233 с.
3. Давыдов Д.А. Теория социального капитала: от социологии к экономике и обратно // Журнал социологии и социальной антропологии. - 2015. - Том XVIII. - № 1 (78). - С. 100-109.
4. Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. - М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000. - 320 с.
5. Лосев А.Ф. Философия имени. - М.: Изд-во Московского ун-та, 1990. - 269 с.
6. Радаев В.В. Понятие капиталов, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. - 2002. - Т.3. - № 4. - С. 20-32.
7. С чего начинается личность. - М.: Политиздат, 1984. - 360 с.
8. Стрельникова Л.В. Социальный капитал: типология зарубежных подходов // Общественные науки и современность. - 2003. - № 2. - С. 33-41.
9. Фукуяма Ф. Великий разрыв. - М.: АСТ; Ермак, 2004. - 474 с.
10. Шестопал Е.Б. Личность и политика: критический очерк современных западных концепций политической социализации. - М.: Мысль, 1988. - 203 с.

REFERENCES

1. Berger P., Luckmann T. Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya. [The Social construction of reality. A treatise in the sociology of knowledge], Moscow, Academia Centre, MEDIUM, 1995, 323 p.
2. Hoffman E. Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoj zhizni. [Presentation of ourselves to others in everyday life], Moscow, Canon-Press-C, 2000, 233 p.
3. Davydov D.A. Teoriya social'nogo kapitala: ot sociologii k ehkonomike i obratno. [The Theory of social capital: from sociology to Economics and back again], ZHurnal sociologii i social'noj antropologii. [Journal of sociology and social anthropology], 2015, Volume XVIII, No. 1 (78), Pp. 100-109.

4. Cooley C.H. Chelovecheskaya priroda i social'nyj poryadok. [Human nature and the social order], Moscow, Idea-Press, Dom intellektual'noj knigi. 2000, 320 p.
5. Losev A.F. Filosofiya imeni. [Philosophy of name], Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. [Publishing house of Moscow University], 1990, 269 p.
6. Radaev V.V. Ponyatie kapitalov, formy kapitalov i ih konvertaciya, EHkonomicheskaya sociologiya. [The Concept of capital, forms of capitals and their conversion, Economic sociology], 2002, vol. 3, No. 4, Pp. 20-32.
7. S chego nachinaetsya lichnost'. [How to start a personality], Moscow, Politizdat, 1984, 360 p.
8. Strel'nikova L.V. Social'nyj kapital: tipologiya zarubezhnyh podhodov, Obshchestvennye nauki i sovremennost'. [Social capital: a typology of foreign approaches, Social science and modernity], 2003, No. 2, Pp. 33-41.
9. Fukuyama F. Velikij razryv. [Great disruption], M., AST, Ermak, 2004, 474 p.
10. Shestopal E.B. Lichnost' i politika: kriticheskij ocherk sovremennyh zapadnyh koncepcij politicheskoj socializacii. [The Person and a policy: the critical sketch of modern Western concepts of political socialization.], M., Mysl, 1988, 203 p.

Информация об авторе:

Ибрагимов Радий Назибович, доктор философских наук, профессор, кафедра менеджмента, Институт экономики и управления, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Россия
ssv@prescopus.com

Получена:11.06.2017

Для цитирования: Ибрагимов Р.Н. Имя, имидж и репутация: на дальних рубежах социологии личности. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 1. с.132-141.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-132-141.

Information about the author:

Radiy N. Ibragimov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Management, Institute of Economics and Management, N.F. Katanov Khakass State University,
Abakan, Russia
ssv@prescopus.com

Received: 11.06.2017

For citation: Ibragimov R.N. Name, image and reputation: on the distant frontiers of the sociology of personality. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 1. Pp. 132-141.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-132-141. (in Russian)

УДК 316 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-142-147

КАРЧАА Лиана Ренатовна
Институт государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
г. Москва, Россия
liana_eng@mail.ru

Liana R. KARCHAA
Institute of Public Administration and Management Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Moscow, Russia
liana_eng@mail.ru

РЕКЛАМА ЭПОХИ АРТ-ДЕКО: СТИЛЕВЫЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Эстетика арт-деко базировалась на идее формирования вещной среды, соответствующей «духу времени», привлекательной и комфортной для повседневной жизни людей - носителей этого «духа времени». Новое время, новый дух, новый стиль жизни - базовые составляющие идеологии арт-деко. Этот новый стиль жизни «в век техники и индустрии» начал формироваться после Первой мировой войны. Арт-деко отличали «энергетические зигзаги», «линии ветра», вспышки света и цвета. Технологические прорывы заявили о себе через алюминий. Идею роскоши воплощали: золото и серебро, слоновая кость, черное и красное дерево, кожа экзотических зверей и рыб, восточный шёлк. Рекламный плакат арт-деко соединил в себе новую эстетику с новым стилем жизни. Ведущим дизайнером рекламы, работавшим в стиле арт-деко, был французский художник Адольф Мурон Кассандр. Резкие ракурсы, ломаные линии, четкие цвета, использование простых геометрических форм - это приметы изобразительной манеры Кассандра и многих рекламных художников той эпохи (Ж. Лепапа, О. Баумбергера, Э.М. Коффера, Л. Марфурта, П. Эдварда, Ж. Барбье и др.). Конец миру арт-деко положила Вторая мировая война, когда «современный, элегантный и комфортный» стиль жизни перестал соответствовать историческому времени, комфорт исчез, а элегантность стала неуместной.

Ключевые слова: арт-деко, новое время, новый стиль жизни, комфортная среда, роскошь, технологические прорывы, простые геометрические формы

ADVERTISEMENT OF THE ART-DECO AGE: STYLE AND SOCIAL-CULTURAL FEATURES

Art-deco aesthetics was based on the idea of creating a material environment corresponding to the "spirit of the times", attractive and convenient for everyday life of people who are carriers of this "spirit of the times". New time, new spirit, new lifestyle are the basic components of the art-deco ideology. This new style of life "in the age of technology and industry" began to form after the First World War. Art-deco featured "energy zigzags", "wind lines", flashes of light and color. Technological breakthroughs have manifested themselves through aluminum. The idea of luxury embodied: gold and silver, ivory, black and mahogany, the skin of exotic animals and fish, oriental silk. The art deco poster combined a new aesthetic with a new lifestyle. The leading designer of advertising, working in the style of art-deco, was the French artist Adolf Muron Cassander. Sharp camera angles, broken lines, clear colors, and the use of simple geometric shapes are signs of Cassandra's graphic manner and of many advertising artists of that era (J. Lepapa, O. Baumberger, E.M. Koffer, L. Marfurth, P. Edward, J. Barbier and others). The Second World War put the end to the art-deco, when "modern, elegant and convenient" style of life stopped to correspond to the historic period of time. Comfort disappeared, and elegance became inappropriate.

Keywords: art-deco, new time, new style of life, comfortable environment, luxury, technological breakthroughs, simple geometric shapes

Один из самых популярных сериалов на российском телевидении - «Пуаро» по романам Агаты Кристи. Его повторяют из года в год, но аудитория, собираемая блистательным Дэвидом Суше и прочими, по-прежнему велика. Большинству зрителей уже хорошо известны все повороты сюжета, они не сомневаются, что «убил дворецкий», но тем не менее смотрят очередную серию по пятому, а то и десятому разу. Безусловно, аудиторию привлекает не столько сюжет, сколько сама атмосфера, эстетика времени и места действия, тщательно и даже любовно восстановленная в фильме. Этот хронотоп в культурологии, в искусствознании получил название «эпоха арт-деко».

Стиль арт-деко сформировался как оппозиция уже переставшему быть социально актуальным арт-нуво. Арт-нуво вошел в моду в 80-х годах XIX в., когда стал очевидным социальный (и платежеспособный) спрос на эстетизацию повседневности, привнесение утонченности и красоты в обыденную жизнь состоятельных средних слоев населения, не принадлежащих к аристократии. Вторая половина XIX в. - время быстрой индустриализа-

ции Европы и, как следствие, углубления разрыва между человеком и природой, строгими викторианскими правилами жизни и необходимостью в проявлении человеческой чувственности. Осознанная и неосознанная тоска людей по красоте текущей воды, луговых трав, небрежно распущенных женских волос способствовала небывалой популярности художественного стиля, который за основу взял природные краски, линии и образы. Один из исследователей пишет так: «Живя в грязных и дымных городах эпохи промышленного переворота, человек был включен в ритм монотонной, нетворческой работы. Глаз искал чего-то, отличного от скучных поверхностей однообразно двигающихся машин. Одновременно значимым потребителем художественной продукции становился разбогатевший средний класс, промышленники и торговцы, люди, не обладавшие столь изощренным вкусом, эстетическим чутьем, художественным образованием, как прежняя аристократия. Приходя домой из Сити, возвращаясь со своих заводов в Манчестере, Лионе или Руре, "новым" англичанам, немцам, французам хотелось быть окруженными красивыми вещами. Искусство на протяжении второй половины XIX в. пыталось дать свое "предложение" на спрос финансово состоятельного потребителя» [1, с. 26]. Изысканный дизайн арт-нуво с самого начала был рассчитан на успех не только у высших слоев, но, прежде всего, у состоятельных горожан из среднего класса. И успеха у этой аудитории стиль добился в полной мере.

Но Первая мировая война изменила и человека, и социум. Все стало восприниматься более жестко и линейно, возросли скорости в прямом и переносном смысле, другим стал ритм жизни, изменились приоритеты. В повседневную практику вошли новые источники тепла и света, новые способы передвижения, конструкции зданий, новые бытовые предметы. Другой стала роль женщины в социуме, изменилось значение разных социальных слоев в обществе, социально востребованными стали иные, чем до войны, человеческие качества, знания, навыки, стал иным внешний вид мужчин и женщин. Эти культурные, социальные и технологические изменения получили эстетическое оформление в стиле арт-деко.

Новое время, новый стиль жизни настойчиво заявляли о себе в произведениях арт-деко - от ювелирных украшений до архитектуры небоскребов. Именно стиль жизни мы считаем ключевым словом для понимания специфики арт-деко. Это мнение высказывалось и ранее. Так, по мнению Т.Г. Малининой, «творцы Арт Деко были зависимы от интеллектуального контекста эпохи, ее культурной, социальной, творческой проблематики, разделяя всеобщее стремление к современности и новизне… Новой заботой стало, как выражались французы, "найти искусство жизни", выработать новый стиль поведения в век техники и индустрии» [2, с. 177, 181]. Этот новый стиль жизни «в век техники и индустрии», уложившийся примерно в 20 лет между Первой и Второй мировыми войнами, в числе прочих артефактов арт-деко отражал и рекламный плакат.

Стиль жизни - сложный концепт, не нашедший еще адекватного отражения в культурологической теории. Впрочем, и в социологии концепт «стиль жизни» не имеет однозначного толкования и единого определения. Стиль жизни чаще всего является предметом маркетинговых исследований, так как именно стиль жизни индивида определяет специфику его потребления, причины выбора тех или иных товарных групп и брендов. Как справедливо, на наш взгляд, отмечает А.Ю. Глухих, концепция стиля жизни в отечественных социально-культурных исследованиях остается маргинальной. «Несмотря на достаточно продолжительную историю существования, стиль жизни … остается скорее речевым оборотом, нежели категорией, подразумевающей вполне конкретный набор смыслов. Его статус маргинален, содержание метафорично, подвержено изменениям в зависимости от контекста и проблематизации исследования. Причина отсутствия теоретической завершенности концепта «стиль жизни», возможно, заключена в том, что кате-

гория всегда играла периферийные, второстепенные роли в «больших теориях», - пишет этот автор [3, с. 6].

Причину такого положения дел нужно искать в том, что в отечественной гуманитарной науке и обществознании любая дифференциация индивидов рассматривалась и рассматривается как, прежде всего, проблема социальная. Под социальной же дифференциацией имелась в виду расстановка больших групп людей на вертикальной лестнице статусов. Критериями принадлежности к той или иной статусной группе М. Вебер считал экономическое положение индивида, его престиж в глазах окружающих и общества в целом, объем власти, которым этот человек располагает. И только на «периферии» своей теории о социальной дифференциации он сделал важнейшее замечание, что люди, обладающие определенным социальным статусом, ведут особый, отличный от других групп образ жизни. Это проявляется в их манере поведения, речи, в особенностях одежды, досуга, в литературных и художественных предпочтениях и т.д. По сути, человек, желающий войти в определенную статусную группу, должен освоить субкультуру, разделяемую членами группы [4, с. 8]. Специфику субкультуры высшего социального слоя в эпоху окончания индустриального переворота, особенно в части потребительского поведения, рассмотрел в своей знаменитой книге, написанной в 1899 г., американский социолог Т. Веблен [5, с. 5].

Но, по мере ослабления социальной детерминации жизни человека в XX в., социокультурное пространство становится все более многомерным, положение человека в нем определяется все большим числом критериев. Традиционные социальные слои и соответствующие им субкультуры начинают фрагментироваться. В частности, веберовские основания социальной дифференциации дополняются таким критерием, как «вкус», понимаемый как некоторая выразительная интенция в повседневных практиках агента социального пространства. Именно так рассматривал эту проблему П. Бурдье, сформировавший концепцию капиталов такого агента и полей социального пространства, в которых этот агент действует.

Основной сферой приложения «вкуса» в XX в. становится потребительская практика индивида. Именно потребление является той сферой жизнедеятельности, в рамках которой проще всего заявить свою индивидуальность. Впрочем, эта заявка не должна значительно выходить за рамки общих параметров жизни того социального слоя и той субкультуры, к которым данный человек принадлежит или желает принадлежать, иначе человек может утратить свою идентичность как агент данного участка социального пространства. Единое некогда для всего социального слоя потребительское поведение фрагментируется, формируются разнообразные модели такого поведения в соответствии не только с социальным положением и культурой индивида, но и с его «вкусом». Вместе с тем число этих моделей ограничено, так как социальные детерминанты человеческого поведения, выделенные еще Вебером, продолжают действовать. Соответственно, остается актуальным и общий для всего социального слоя «образ жизни».

С нашей точки зрения, на стыке образа жизни, присущего большой социальной группе в целом, и индивидуальных вкусовых предпочтений формируется стиль жизни - социокультурный паттерн, в рамках которого осуществляются повседневные практики индивида, управляемые единой интенцией. Впрочем, интенция в очень редких случаях формируется абсолютно индивидуально, как правило, она обусловливается в значимой степени социокультурными особенностями того хронотопа, в котором живет и действует индивид. Кто-то остроумно сказал, человек в демократическом обществе волен делать что хочет, но он не волен что хотеть.

Какой же стиль жизни был характерен для агентов социокультурного пространства «эпохи арт-деко»? Для этого проанализируем рекламные плакаты, сделанные в то время, с эстетической и содержательной стороны. Эстетика арт-деко базировалась на двух по-

сылах: необходимо сформировать вещную среду, внешне соответствующую «духу времени»; необходимо сделать эту среду привлекательной и комфортной для повседневной жизни людей, позиционирующих себя как носителей этого «духа времени».

Как следствие, на смену изящным «природным» линиям и сдержанным краскам арт-нуво пришли «энергетические зигзаги», «линии ветра», вспышки света и цвета, передающие новую социокультурную динамику эпохи. Технологические прорывы заявили о себе через алюминий, используемый в качестве ювелирного металла, через стальные трубки, ставшие мебельным каркасом. Идею роскоши как важного принципа жизни «людей арт-деко» воплощали любимые материалы этого стиля: золото и серебро, слоновая кость, черное и красное дерево, кожа экзотических зверей и рыб, восточный шелк. Изменение социальных ролей в обществе заявляло о себе через женские портреты американской художницы Тамары Лемпицки: сильная (в прямом и переносном смысле) женщина, сама определяющая свою судьбу, свои привязанности и приоритеты.

Одной из постоянных тем арт-деко стало искусство экзотических дальних стран - от Африки до Японии. Другим сквозным мотивом стиля были технические достижения, позволяющие быстро достичь этих неведомых земель: автомобили, скоростные поезда, аэропланы. Тут можно вспомнить чудесные заставки фильмов о Пуаро: возникающие «из воздуха» железнодорожный экспресс, самолет, океанский лайнер. Эти впечатляющие образы - вольная фантазия на тему одного из шедевров арт-деко: рекламных плакатов художника А. Кассандра, сделанных им в 20-х и 30-х годах для туристических компаний.

Рекламный плакат арт-деко - особая глава в истории искусства рекламы, связанная не только с новой эстетикой, но и с тем новым стилем жизни, который он репрезентировал. Ведущим дизайнером рекламы, работавшим в стиле арт-деко, был уже упоминавшийся выше французский художник украинского происхождения (он родился в 1901 г. в Харькове) Адольф Мурон Кассандр. Его работы получили высокую оценку Пикассо. Один из первых его рекламных плакатов - «Лесоруб», сделанный для мебельной фирмы - получил первую премию на международной выставке Exposition Internationale des Arts Décoratifs et Industriels Modernes (Международная выставка современных декоративных и индустриальных искусств) в 1925 г., той самой, что дала имя новому художественному стилю. Работы для винной компании Dubonnet, трансатлантической пароходной линии, туристического агентства Cook, реклама «пульмановских» вагонов и круизов на лайнере «Normandie» стали не просто информационными материалами, способствующими продаже товаров, а визуальными приметами времени. Одна из последних работ Кассандра, получивших всемирную известность, - логотип «Yves Saint-Laurent» (1963 г.).

Резкие ракурсы, ломаные линии, четкие цвета, использование простых геометрических форм - это приметы изобразительной манеры Кассандра и многих рекламных художников той эпохи (Ж. Лепапа, О. Баумбергера, Э.М. Коффера, Л. Марфурта, П. Эдварда, Ж. Барбье и др.). Рекламные художники арт-деко изобрели особый прием, передающий движение, скорость - параллельные земле линии, обрамляющие автомобиль («силовые линии»). В их работах постоянно видишь сходящиеся у горизонта рельсы или телеграфные провода, отлетающие от паровоза клубы дыма. И действительно, зритель «видит», как вокруг новой модели Peugeot буквально свистит ветер, как мощно и неумолимо вращаются стальные колеса паровоза, как играючи рассекает волны океанский лайнер.

Но вещная среда, представленная на рекламных плакатах арт-деко, заявлена как атрибут не только современного, но и элегантного стиля жизни. Визуальные константы такого стиля жизни были заданы, прежде всего, модельером Полем Пуаре и искусством французского художника русского происхождения Эрте (Роман Тыртов). Идеализированные, «плоскостные» образы богатых, стильных женщин, образы бесконечно разнообразные, но в то же время лишенные всякой индивидуальности видим мы на их работах. Современная, элегантная и комфортная городская жизнь - вот основная мифологема арт-

деко. И как соединение двух начал - скорости и изысканности - в артефактах арт-деко появляется борзая собака. Она гуляет по городскому парку со стильной женщиной (обложка журнала Vanity Fair - работа художника Владимира Бобрицкого), белых и черных борзых держат за поводки изысканные дамы на работах Эрте. Образ стал настолько «знаковым» и распространенным, что в 1925 г. борзая стала товарным знаком автобусной американской компании Greyhound. Владельцы фирмы хотели подчеркнуть тем самым скорость и комфорт, который предоставляет потребителям этот отнюдь не аристократический способ передвижения. Целостную картину такого стиля жизни мы можем увидеть в уже упоминавшемся ранее телесериале про Эркюля Пуаро.

Кризис начала тридцатых годов не смог разрушить мифологизированный мир арт-деко. Конец ему положила Вторая мировая война, когда «современный, элегантный и комфортный» стиль жизни перестал соответствовать историческому времени, комфорт исчез, а элегантность стала неуместной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Савельева О.О. Коммерция в стиле «модерн» // Человек. - М.: Наука. - 2002. - № 5.
2. Малинина Т.Г. Стилевой проект века. Об истоках и природе Арт деко. Художественные модели мироздания. Книга вторая. XX век. Взаимодействие искусств в поисках нового образа мира. - М.: Наука. - 1999. - № 5.
3. Глухих А.Ю. Концепт стиля жизни в современной теоретической социологии. - Пермь: ПГТУ, 2006.
4. Вебер М. Основные понятия стратификации. Социс. - М., 1994.
5. Веблен Т. Теория праздного класса. - М.: Либроком, 2011.
6. Карпова С.В. Рекламное дело. - М.: Юрайт, 2013.
7. Савельева О.О. «Бывают странные сближенzя…», или Арт-деко и конструктивизм в рекламе // Человек. - М.: Наука. - 2003. - № 4.
8. Литвинцева Г.Ю. Реклама как направление массовой культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота. - 2015. - № 5. - Ч. 1. - С. 110-113.
9. Толмачева С.В. Влияние рекламы на молодежную аудиторию // Вестник Челябинского государственного университета. - 2015. - № 9.
10. Шарков Ф.И. Константы гудвилла. Стиль, паблисити, репутация, имидж и бренд фирмы. - М.: Дашков и Ко, 2013.

REFERENCES

1. Savel'eva O.O. Kommertsiya v stile «modern». [Commerce in “modern” style]. Chelovek. No. 5. Moscow. Nauka, 2002 (in Russian).
2. Malinina T.G. Stilevoy proekt veka. Ob istokakh i prirode Art deko. Khudozhestvennye modeli mirozdaniya. Kniga vtoraya. XX vek. Vzaimodeystvie iskusstv v poiskakh novogo obraza mira. [About the sources and nature of Art Deco. The artistic models of the Universe. Volume 2. XX century. Interaction of arts in search of a new image of the world]. Moscow. Nauka, 1999. No. 5 (in Russian).
3. Glukhikh A.Yu. Kontsept stilya zhizni v sovremennoy teoreticheskoy sotsiologii [Concept of a lifestyle in modern theoretical sociology]. Perm', 2006 (in Russian).
4. Veber M. Osnovnye ponyatiya stratifikatsii. [Basic concepts of stratification]. Sotsis. Moscow, 1994 (in Russian).
5. Veblen T. Teoriya prazdnogo klassa. [The theory of an inactive class]. Moscow. Librokom, 2011 (in Russian).
6. Karpova S.V. Reklamnoe delo. [Advertising]. Moscow. Yurayt, 2013 (in Russian).
7. Savel'eva O.O. «Byvayut strannye sblizheniya…» ili art-deko i konstruktivizm v reklame. [“There are some unusual drawings together…” or Art Deco and constructivism in advertising]. Chelovek. Moscow. Nauka, 2003. No. 4 (in Russian).

8. Litvintseva G.Yu. Reklama kak napravlenie massovoy kul'tury. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. [Advertising as a current in mass culture. Historical, philosophical, political and juridical sciences, Culturology and Art history]. Tambov: Gramota, 2015. No. 5. P. 1. Pp. 110-113 (in Russian).
9. Tolmacheva S.V. Vliyanie reklamy na molodezhnuyu auditoriyu, [The influence of advertising on young people]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. No. 9 (in Russian).
10. Sharkov F..I. Konstanty gudvilla. Stil', pablisiti, reputatsiya, imidzh i brend firmy. [Goodwill's constants. Style, publicity, reputation, image and brand of a company]. Moscow. Dashkov i Ko, 2013 (in Russian).

Информация об авторе:

Карчаа Лиана Ренатовна, старший преподаватель, Институт государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Москва, Россия
liana_eng@mail.ru

Получена: 17.06.2017

Для цитирования: Карчаа Л.Р. Реклама эпохи арт-деко: стилевые и социокультурные особенности. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 1. с.142-147.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-142-147.

Information about the author:

Liana R. Karchaa, Senior Lecturer, Institute of Public Administration and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia
liana_eng@mail.ru

Received: 17.06.2017

For citation: Karchaa L.R. Advertisement of the art-deco age: style and social-cultural features. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 1. Pp. 142-147.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-142-147. (in Russian)

УДК 31 (316.3) DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-148-153

КОСТРОВА Наталья Анатольевна
Адыгейский государственный университет
г. Майкоп, Россия
nataly1200@mail.ru

Nataliy A. KOSTROVA
Adyghe State University
Maykop, Russia
nataly1200@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕНСИФИКАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ, СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ И АКТУАЛИЗАЦИИ ПРОТИВОРЕЧИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

TO A QUESTION OF INTENSIFICATION OF INTERACTION, SOCIAL INTEGRATION, AND COMPLICATION OF CONTRADICTIONS IN CONTEMPORARY SOCIETY

Традиционным подходом в современной социологии является рассмотрение интеграционных процессов в современном обществе. Основанием данного подхода является рост числа социальных связей, усложнение структуры общества и повышение динамики взаимодействия. Все это в совокупности представляет собой один из признаков интеграции, однако факт его наличия еще не свидетельствует о реальном развитии интеграционных процессов. Анализ ситуации свидетельствует о том, что в настоящее время говорить об интеграции можно лишь в узком смысле. Фактически, обратной стороной повышения интенсивности социально-коммуникационных процессов является активизация деструктивного потенциала, заложенного в противоречиях интересов и иных различиях участников взаимодействия. Повышение интенсивности взаимодействия, не сопряженное с формированием соответствия между участниками социальной коммуникации, приводит к повышению интенсивности всего спектра последствий формирующихся социальных отношений. В результате помимо запланированных результатов имеет место рост конфликтности, проявляющийся в различных формах реализации деструктивного потенциала, связанного с внутренними противоречиями общественной структуры. Этот принцип справедлив как при анализе внутренних процессов в локальных социальных системах, так и при рассмотрении глобальных тенденций взаимодействия. В статье рассматривается проблема опосредованного воздействия участников социального взаимодействия друг на друга, производится постановка вопроса о негативных последствиях социального взаимодействия, проводится различение интенсификации взаимодействия и социальной интеграции.

Ключевые слова: интеграция, общество, взаимодействие, система, социальные противоречия, глобализация

Traditional approach in actual sociology is consideration of integration processes in contemporary society. The basis of this approach is growth of number of social communications, complication of structure of society and increase in dynamics of interaction. All this in total represents one of signs of integration; however the fact of his existence doesn't demonstrate real development of integration processes. The analysis of a situation demonstrates that now it is possible to speak about integration only in narrow sense. Actually, a reverse side of increase in intensity of social-communicative processes is activization of the destructive potential put in contradictions of interests and other distinctions of participants of interaction. The increase in intensity of interaction which isn't interfaced to formation of compliance between participants of social communication leads to increase in intensity of all range of consequences of the formed social relations. As a result besides the planned results growth of conflictness which is shown in various forms of realization of the destructive potential connected with internal contradictions of public structure takes place. This principle is fair as in the analysis of internal processes in local social systems, and by consideration of global tendencies of interaction. In article the problem of the mediated influence of participants of social interaction at each other is considered, formulation of the question about negative consequences of social interaction is made, distinction of an intensification of interaction and social integration is carried out.

Keywords: integration, society, interaction, system, social contradictions, globalization

Одним из популярных направлений в современной социологии является рассмотрение всеобщей взаимосвязи социальных явлений [1]. Общество рассматривается как система, в которой все элементы взаимосвязаны и опосредованно влияют друг на друга [7]. Эта идея содержит в себе глубокую перспективу раскрытия закономерностей общественного развития, поскольку, помимо прямого рассмотрения отдельных социальных явлений, позволяет рассмотреть их общую включенность в социальный контекст. Вместе с тем постановка вопроса о взаимосвязи явлений предполагает классификацию возмож-

ных типов взаимодействия элементов социального устройства. И здесь обнаруживается важная закономерность: социальные связи могут иметь как конструктивный, так и деструктивный характер. Иными словами, отдельные социальные явления могут как поддерживать существование друг друга, так и, напротив, противоречить друг другу, что находит отражение в таких процессах, как конкуренция, развитие социальных конфликтов, снижение эффективности отдельных социальных сфер и т.д. Рост уровня взаимосвязи общественных явлений далеко не всегда оказывает на них благоприятное воздействие, доказательством чему может служить наличие деструктивных факторов, определяющих нарушение тех или иных социальных механизмов. На общем уровне можно выделить два ведущих принципа, характеризующих общественное развитие - интеграцию социальных элементов и конфликт между ними. В той или иной степени данные принципы находят реализацию в любой социальной системе.

Современное общество характеризуется высокими темпами развития, что находит отражение в таких процессах, как дифференциация социальных функций, рост числа носителей общественной структуры, усложнение системы взаимодействия членов общества, рост масштаба социально-государственных образований и усложнение культуры. Отдельного внимания заслуживает изменение масштабов социальных процессов. Современный уровень развития информационных и транспортных технологий определяет возникновение широких возможностей по установлению взаимодействия между социальными акторами, удаленными друг от друга географически, что знаменует выход общественных отношений на новый уровень. Растет их интенсивность, повышается эффективность отдельных функциональных сфер жизни общества, возникают принципиально новые формы отношений, выходящие за рамки территориальной определенности отдельных государств. Все это в совокупности может быть обобщено, как глобальная интенсификация социального взаимодействия. В прямом соответствии с этим в современной социальной теории развертывается идея глобальной интеграции, как общей тенденции развития современного мира [4]. Однако, как было уже показано выше, взаимодействие далеко не всегда носит конструктивный характер, и потому стихийное увеличение интенсивности взаимодействия грозит возникновением другой глобальной тенденции - выхода конфликтных (и деструктивных в целом) процессов на принципиально новый уровень. В соответствии с этим приобретает актуальность постановка вопроса о соотношении категорий взаимодействия, интеграции и социальных противоречий в развитии современного общества в контексте системной теории. Поясняя данный пункт рассуждения, отметим, что любое устойчивое взаимодействие порождает структуру взаимодействия, обладающую определенными характеристиками и способную к самовоспроизводству. Исследование таких устойчивых структур представляет собой объект системной теории, при этом от способа понимания категории «система» во многом зависит содержание данной теории и ее эвристический потенциал [10].

Понятие системы имеет длительную историю рассмотрения, при этом существует множество различных его трактовок, что, с одной стороны, осложняет его применение, с другой - способствует рассмотрению различных аспектов взаимодействия в русле системной теории. Ключевым аспектом системной теории является положение о взаимосвязи различных объектов (будь то смысловые конструкции или детали механизма), в результате которой они в совокупности приводят к возникновению составного объекта, обладающего собственными свойствами. Само понятие «система» содержит в себе отсылку к идее целостности, что предполагает отсутствие разнородности частей, участвующих во взаимодействии, их подчиненность некоему общему организующему принципу [9]. Взятая в таком понимании, система рассматривается как органическое целое, в котором различные элементы устроены в соответствии с характеристиками друг друга и общей направленностью результирующей системы. Ближе всего к подобной трактовке системы

адекватно функционирующие биологические объекты, части которых имеют собственные функции, подчиненные общей направленности живых организмов на поддержание собственного существования и самовоспроизводство. Именно в русле подобной системной теории трактуется понятие интеграции. Так, например, в одном из классических определений интеграция трактуется как «сторона процесса развития, связанная с объединением в целое ранее разнородных частей и элементов» [2]. При этом предполагается, что процессы интеграции могут иметь место как в рамках уже сложившейся системы - в этом случае они ведут к повышению уровня ее целостности и организованности, так и при возникновении новой системы из ранее не связанных элементов. Фактически, взятая в данном ключе, интеграция рассматривается как объединение элементов в систему либо как включение в уже существующий системный объект нового элемента. Отсюда можно прийти к выводу, что любое формирование системы есть интеграция, однако это справедливо только при условии узкого рассмотрения системы, включающего в себя критерий оценки ее внутренней целостности и согласованности элементов между собой.

Вместе с тем существует еще одна, значительно более широкая, трактовка понятия системы, в рамках которой в качестве системы рассматривается не столько органическая целостность структуры взаимодействия, сколько сам факт его наличия. Так, например, согласно одному из определений, данных Берталанфи, система представляет собой «комплекс элементов, находящихся во взаимодействии» [8]. При таком подходе вопрос о том, каковы характеристики данной взаимосвязи, отходит на второй план, оставляя возможность для допущения внутренних противоречий в рамках рассматриваемой системы. Именно такой подход к рассмотрению системных объектов, а, точнее, его различие с органическим рассмотрением систем, позволяет поставить вопрос о глубоком различии между формированием взаимодействия (которое может быть каким угодно, например конфликтным или смешанным) и интеграцией.

Рассматривая вопрос аналитически, следует отметить, что понятие взаимодействия охватывает значительно более широкий спектр явлений, нежели понятие интеграции. Вместе с тем взаимодействие без интеграции предполагает наличие скрытых или явных противоречий между участниками взаимодействия, связанных с их разнородностью, которая может проявляться как на уровне индивидуальных характеристик элементов взаимодействия, так и на уровне расхождения в их целеполагании. Таким образом, применительно к социальной сфере можно судить о том, что существует различие между интеграционными процессами и установлением взаимосвязи между элементами общественной структуры: последнее предполагает возможность скрытых или явных противоречий, реализация которых представляет собой возникновение социального конфликта (вплоть до деструкции системы взаимодействия).

Большой вклад в раскрытие социального аспекта системного взаимодействия был сделан в рамках теории структурного функционализма. В ней рядом выдающихся социологов (Т. Парсонс, Р. Мертон и др.) был поставлен вопрос о функции социальных подсистем, как выражающем их целеполагание системообразующем принципе [5; 6]. В русле структурного функционализма были рассмотрены различные измерения взаимодействия с точки зрения классификации социальных функций. Результатом этого стало рассмотрение функциональных подсистем общества, что стало идейным основанием рассмотрения интеграционных процессов в обществе с институциональной точки зрения. Одна из основных проблем, связанных с осуществлением подобного подхода, состоит в том, что социальное взаимодействие зачастую полифункционально, в результате чего можно судить об органичности взаимодействия в одних вопросах и одновременно нарастании противоречий в других. Примером подобного явления может быть эффективная трудовая деятельность, детерминированная высоким уровнем профессиональных качеств работников, и одновременно - развитие межличностного конфликта, базирующего-

ся на основании индивидуальных противоречий, не имеющих прямого отношения к трудовой деятельности. Рассматриваемые как носители трудовых функций работники эффективно (органично) взаимодействуют друг с другом, в то время как на уровне межличностной коммуникации речь идет о нарастании конфликта. Именно в русле данной идеи, а именно конфликтогенного потенциала полифункциональности социального взаимодействия, нами будут рассмотрены актуальные тенденции интенсификации социальных отношений.

На современном этапе развития общества происходит активное повышение условий для формирования социальных взаимосвязей (что связано с усложнением общественной структуры, расширением спектра функциональных отношений, повышением общей социальной динамики и т.д.). Что немаловажно, некоторые из развертывающихся процессов носят глобальный характер и охватывают социальную жизнь целых стран, изменяя ее в ту или иную сторону [11]. Проблема заключается в том, что интенсификация социальных связей, получившая в теоретической традиции наименование глобальной интеграции, на деле содержит в себе оборотную сторону - интенсификацию конфликтных тенденций. В этой связи тенденции глобализации можно рассматривать в русле постановки вопроса о глобальной конфликтизации, что связано с повышением интенсивности конфликтов интересов участников глобального взаимодействия и актуализацией противоречий между ними. Для иллюстрации данного явления достаточно привести в пример активное развитие таких деструктивных явлений, как экстремизм [3], организованная преступность, социальный дисбаланс политических систем, ориентированных на внешнее взаимодействие, возникновение политических и экономических конфликтов интересов.

Одним из аспектов развертывающихся деструктивных тенденций становится то, что возникновение социального взаимодействия, основанное на определенных прагматических целях, в конечном итоге влечет за собой формирование комплексного воздействия социальных акторов друг на друга, при котором наряду с исходным, прагматически оправданным результатом (повышение экономической эффективности общества, обогащение культуры и т.д.) имеет место сближение участников взаимодействия в ряде других отношений, что влечет за собой актуализацию различий и, соответственно, противоречий между ними. Еще одним вариантом является навязывание социальных моделей, связанных с реализацией определенной сформированной на их основании системы отношений, в результате чего имеет место возникновение социального дисбаланса в локальных обществах.

Все это в совокупности позволяет судить о необходимости различения интеграционных процессов и процессов интенсификации социальных взаимосвязей. Как становится видно из проведенного обзора, последнее реализуется в результате стихийного объединения различных по своим социальным характеристикам участников общественных отношений в функциональные системы взаимодействия. Поскольку под интеграцией понимается органичное соединение элементов системы, интегративные процессы предполагают приведение элементов взаимодействия в соответствие друг другу, что предполагает ограничение спектра коммуникационных процессов функционально определенными, а также осуществление социальной регуляции с учетом опосредованной взаимосвязи функциональных элементов общественной структуры. Как уже было показано выше, стихийные процессы налаживания социальных отношений основаны в первую очередь на исходной прагматике функционального целеполагания. Это определяет важность формирования внешних регулятивных структур, определяющих структуру и характер интеграционных процессов, а также их интенсивность.

Следует отметить, что осуществление социальных отношений с учетом их системных последствий - значительно более сложная задача и, в частности, ее реализация пред-

полагает некоторое снижение чистой эффективности отдельных регулируемых сфер. Примером тому является государственное регулирование экологичности производства (и связанные с ним материальные издержки экономических предприятий), а также осуществление особой таможенной политики, ориентированной на развитие внутреннего производственного сектора. Вместе с тем современное общество нуждается в интеграционных процессах, свободных от деструктивных последствий, что имеет высокую значимость на уровне общей перспективы социального развития. С учетом того, что речь идет о воздействии на международные процессы, задача развития интеграционных тенденций и минимизации деструктивных последствий функционального взаимодействия не может быть разрешена силами какого-либо одного государства. Это свидетельствует о том, что постановка данного вопроса должна быть адекватно осуществлена на международном уровне, с формированием эффективного международного института регуляции институциональных и культурных процессов. Данная задача имеет стратегическое значение и на настоящем этапе требует развития теоретического аппарата для оценки и прогнозирования последствий интенсификации взаимодействия в различных сферах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Золин А.В. Понятие глобализации // Вестник ВолГУ. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. - 2007. - № 6. - С. 55-57.
2. Кубасов О.П. Интеграция в образовании: сущностная характеристика // КПЖ. - 2008. - № 10. - С. 70-77.
3. Кубякин Е.О. Основания социологического обоснования феномена экстремизма. Экстремпарантность / Е.О. Кубякин. - Краснодар, 2014. - 155 с.
4. Макогон Б.В. Современное государство в условиях глобализации // Пробелы в российском законодательстве. - 2012. - № 2. - С. 29-31.
5. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Роберт Мертон. - М.: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. - 873 с.
6. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. - М.: Аспект Пресс, 1998. - 270 с.
7. Пензина Е.В. Феномен глобализации: глобализация и вестернизация // Вестник ГАУ. - 2012. - № 8. - С. 228-233.
8. Садовский В.Н. О принципах исследования систем. (В соавт. с В.А. Лекторским) // Вопросы философии, - 1960. - № 8.
9. Системный анализ и научное знание. - М.: Наука, 1978. - 247 с.
10. Токарев В.В., Дулина Н.В. Общая теория систем и ее отношение к социологии // Известия ВолгГТУ. - 2006. - № 6. - С. 34-39.
11. Цибриенко Р.Я. Адаптационные процессы в условиях общества глобальных трансформаций // Вестник Томск. гос. ун-та. - 2008. - № 315. - С. 59-66.

REFERENCES

1. Zolin A.V. Concept of globalization. Bulletin of the VolSU. Series 7: Philosophy. Sociology and social technologies. 2007. No. 6. Pp. 55-57.
2. Kubasov O.P. Integration in education: characteristic of an entity. KPZh. 2008. No. 10. Pp. 70-77.
3. Kubyakin E.O. Bases of sociological justification of a phenomenon of extremism. Ekstremparantnost [Text]. E.O. Kubyakin. Krasnodar, 2014. 155 p.
4. Makogon B.V. The modern state in the conditions of globalization. Gaps in the Russian legislation. 2012. No. 2. Pp. 29-31.
5. Merton R. Social theory and social structure. Robert Merton. M.: AST: AST MOSCOW: HRANITEL, 2006. 873 p.
6. Parsons T. The system of modern societies. Translate from English L.A. Sedov and A.D. Kovalyov. Under the editorship of M.S. Kovalyova. M.: Aspect Press, 1998. 270 p.
7. Penzina E.V. Globalization phenomenon: globalization and westernization. Messenger of KrasSAU. 2012. No. 8. Pp. 228-233.

8. Sadovsky V.N. About principles of a research of systems. (in co-authorship with V.A. Lektorsky). Questions of philosophy, 1960. No. 8.
9. Systems analysis and scientific knowledge. Moscow: Science, 1978. 247 p.
10. Tokarev V.V., Dulina N.V. General systems theory and its relation to sociology. Izvestiya VolgSTU. 2006. No. 6. Pp. 34-39.
11. Tsibriyenko R.Ya. Adaptive processes in the conditions of society of global transformations. Bulletin of Tomsk State University. 2008. No. 315. Pp. 59-66.

Информация об авторе:

Кострова Наталья Анатольевна, аспирант, кафедра философии и социологии, Адыгейский государственный университет,
г. Майкоп, Россия
nataly1200@mail.ru

Получена: 05.07 2017

Для цитирования: Кострова Н.А. К вопросу об интенсификации взаимодействия, социальной интеграции и актуализации противоречий в современном обществе. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 1. с.148-153.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-148-153.

Information about the author:

Nataliy A. Kostrova, Postgraduate Student, Department of Philosophy and Sociology, Adyghe State University,
Maykop, Russia
nataly1200@mail.ru

Received: 05.07 2017

For citation: Kostrova N.A. To a question of intensification of interaction, social integration, and complication of contradictions in contemporary society. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 1. Pp. 148-153.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-148-153. (in Russian)

УДК 364.2 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-154-159

ЧИРВА Николай Игоревич
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
nikoshasto@mail.ru

Nikolay I. CHIRVA
Kuban state University
Krasnodar, Russia
nikoshasto@mail.ru

МЕДИЙНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК СФЕРА РЕЦЕПЦИИ СПОРНЫХ КИНОФЕНОМЕНОВ

Статья посвящена медийной рецепции спорных феноменов кинематографа на примере кинофильма «Лермонтов» Николая Бурляева. Методологически опорной служит оценочная соотнесенность. Для выявления сути положительных или отрицательных свойств определяют понятие ценности, объективной характеристики явления, социально порожденные качества объектов, не зависящих от внешних факторов. Медиа как основа массовой дистанционной коммуникации с аудиторией, включая кинозрителей, универсальны и многомерны. Обилие выразительных средств и приемов воздействия на восприятие кинозрителя является одним из столпов при подготовке материала к представлению публике. Принципиально, что для аналитических медиатекстов характерно оценивание, комментирование происходящих событий, изучение аргументационной базы по дискуссионной точке зрения. СМИ, ориентируя читателя и кинозрителя, сообщают ему оценку событий и в дальнейшем становятся средством формирования мыслей, чувств и на их основе норм поведения. Дискурсивное поле аналитических медиажанров исследуется и оценивается журналистом с целью определения степени ценности обнаруженного в общественной жизни. Это сказывается на сути рецепции кинофеноменов. Рассматриваемый материал поэтапно демонстрирует ряд методов и приемов отражения действительного восприятия непосредственно самих зрителей.

Ключевые слова: кинематограф, медиа, аудитория, рецепция, зритель, кинофеномен, спорный, оценка, дистанционная коммуникация, восприятие, аналитический текст, аналитический медиажанр, представление, аргументационная база, культурный базис

MEDIA SPACE AS THE SPHERE OF RECEPTION OF DISPUTABLE CINEMA PHENOMENA

The article is devoted to the media reception of cinema-phenomena on example of film "Lermontov" by N. Burlyaev. The value correlation is essential base. The concepts of value, objective characteristic, social generated independent qualities are defined for revealing of essence of positive and negative features. Media as the basis of mass remote communication with the audience is universal and multidimensional. The abundance of expressive means and techniques impact on the perception of viewers is one of the pillars in the preparation of the material to the public presentation. Valuing, comments, argumentative base of discuss point of view are principally for analytic mediatext. Mass-media orient reader and spectator, inform values of events and then become the device of forming of minds, emotions and behavior norms. Discourse field of analytic mediagenres is investigated and valued by journalist for to define the grade of social axiology. This result influences on the essence of cinema-phenomena reception. Viewed material gradually exhibits a number of methods and techniques reflect the actual perception of the audience directly themselves.

Keywords: cinematography, media remote auditory, reception, spectator, cinema-phenomenon, disputable, value, distant communication, perception, analytic text, analytic mediagenre, representation, argument base, cultural base

Задача предлагаемой работы - отметить рецепцию спорных кинофеноменов как признак медиапространства. В качестве примера привлечены медийные отклики на фильм Н. Бурляева «Лермонтов», который в течение десятилетий вызывает разноречивые оценки.

Решение задачи предполагает два аспекта характеристики. Во-первых, отмечаются медиаведческие и общенаучные категории, значимые для исследуемого объекта. Во-вторых, систематизируются те признаки, которые составляют в данном случае суть рецепции.

Обратимся к первому аспекту. В центре сетки координат, понятийного аппарата, как выявил анализ, оказалась категория оценки. Это может объясняться чертой, отмечаемой в последние десятилетия и медиаведами, и киноведами, - оценка обретает, помимо субъективного наполнения, интегральную суть, объективный статус, поскольку она может опереться на тенденцию экспертирования, все более значимую в современных ме-

диа. Можно также доказательно полагать, что в рецепции кино оценка, в свою очередь, нацелена на столь важную категорию, как идентичность [8; 7. Ср.: 3; 4].

Как известно, оценка любых явлений окружающего мира отдельным человеком напрямую связана с субъективным восприятием, зависящим от знаний и кругозора, учитываются сложившиеся языковые нормы. Для определения сути положительных или отрицательных характеристик определяют понятие ценности, объективной характеристики явления, социально порожденные качества объектов, не зависящих от внешних факторов. Главное для такой формы мысли - квалификативно отражать общее и в то же время существенное, отличительное в предмете. Общими признаками выступают те, которые присущи нескольким предметам, явлениям, процессам. В логике оценка рассматривается как тип предиката, отражающего наличие или отсутствие некоторого признака у предмета. Уничтожение или изменение этого признака влечет за собой качественное изменение самого предмета, а значит, и его уничтожение в той форме, которая была описана первоначально - фактически, без этого признака это уже другой предмет. Существенность признаков предмета определяется самим человеком на основании сложившегося порядка вещей. Субъективность в употреблении оценочных слов отзывается неустойчивостью их дескриптивного значения.

В этой связи свежей актуальностью обладает старинное представление о делении понятий на следующие виды: единичные и общие, конкретные и абстрактные, положительные и отрицательные, безотносительные и соотносительные. Как полагаем, для нашего материала значима традиция, согласно которой положительными и отрицательными свойствами понятие характеризуется в зависимости от того, составляют ли их содержание свойства, присущие предмету, или свойства, отсутствующие у него. Положительное понятие - понятие, заключающее в себе признаки, имеющиеся у предметов определенного класса.

Понятия, содержание которых составляют свойства, отсутствующие у предмета, называются отрицательными. Для научных исследований важно не смешивать логическую характеристику понятий положительных и отрицательных с политической, нравственной, юридической оценкой тех явлений, которые они отражают.

Для аналитических медиатекстов характерно оценивание, комментирование происходящих событий, изучение аргументационной базы по дискуссионной точке зрения. По сути, СМИ, ориентируя читателя в хронологической действительности, сообщают ему **оценку** событий, происходящих или ожидаемых в обществе, наблюдаемых в настоящий момент, и в дальнейшем становятся средством формирования мыслей, чувств и на их основе норм поведения, вплоть до становления их в культурный базис.

Для характеристики, для рецепции кинофеноменов важно, что дискурсивное поле аналитических медиажанров исследуется и оценивается журналистом с целью определения степени ценности обнаруженного в общественной жизни. Цель конкретного анализа - разобраться и понять, что принесет пользу, а что - вред для сложившейся общественной системы, что способствует социальному прогрессу, а что ему вредит, что этично, а что неэтично - для решения этого формируется категория оценки. Напомним, что отсутствие комментариев - своеобразный способ объективировать содержание. Кроме того, такая подача контента определяет его особые связи с другими подсистемами этого номера СМИ, выпуска или передачи. Характер связей - двусторонний: с одной стороны, подобный контент выгодно выделяет соответствующий информационный сюжет на фоне явно оценочных, субъективных. Эти подсистемы становятся еще более взаимонеобходимы в составе общего целого. Но не менее важна другая линия связей, не всегда явная: аудитория большей частью ориентируется на определенную оценку. Если последняя отсутствует в данном материале, то оживляются его системные связи с другими: читатель переносит на этот бескомментарийный контент те оценки, которые присутствуют в иных тематически близких материалах данного выпуска.

В исследуемом пространстве подтверждается тенденция, согласно которой субъектом оценки выступает журналист, выразитель интересов той или иной социальной группы, поэтому основанием оценки становятся интересы этой группы. Тем самым ее пози-

ция и интересы органически включаются в оценочную базу и в известной степени предопределяют направленность оценивания идей, действий и явлений.

Для рассматриваемого киноконтента показательна опасность того, что журналист может стать как субъектом социального ориентирования, так и субъектом манипуляции, а, следовательно, жанровые модели могут использоваться не только для достижения социально ответственных целей в журналистике, но и в манипулятивных целях, поскольку оценка является сильнейшим средством воздействия на ценностную картину социума, средством манипуляции общественным мнением. Положительная или отрицательная оценка чаще всего заложена в сообщении, но ее присутствие в тексте незаметно, как правило, она исподволь внушается адресату. Адресат воспринимает заданную автором оценку на подсознательном, эмоциональном уровне. Ему может казаться, что он самостоятельно пришел к данному оценочному выводу. Так формирование нужной оценки у адресата нередко играет огромную роль в идеологической ориентации последнего. В соответствии с тем, как именно (положительно или отрицательно) читатель станет относиться к описываемому событию, он и будет действовать в современном мире. В медиатексте оценка может быть выражена имплицитно, то есть она закладывается в сему слова, и эксплицитно, когда она присуща не конкретному слову, а его употреблению.

Имплицитные оценки в публицистике - это прежде всего оценочные метафоры, эвфемизмы, эллипсы, приемы контраста при сравнении противоположных понятий. Наряду с ними существуют и такие языковые механизмы оценочности, как контекст, цитата, где оценка выражена эксплицитно, что разносторонне проявляется в медийной рецепции кинофеноменов.

Такая познавательная ситуация побуждает оговорить системный подход к соответствующим объектам, а также его принципиальную интеграцию с иными, о которой напоминает М. Месарович [5]. Согласно этому принципу, система определяется как «совокупность элементов, организованных таким образом, что изменение, исключение или введение нового элемента закономерно отражаются на остальных элементах, взаимосвязь самых различных элементов», «все, состоящее из связанных друг с другом частей, отображение входов и состояний объекта в выходах объекта» и т.д. Если рассмотреть историю разработки определений понятия «система», можно увидеть, что каждое из них вскрывает все новую сторону из его богатого содержания. Так, системой называют упорядоченное определенным образом множество элементов, взаимосвязанных между собой и образующих некоторое целостное единство.

Причем часть определений основывается на практическом использовании системной методологии и тяготеет к выработке общенаучного понятия системы. Она широко представлена в зарубежном системном движении (У.Р. Эшби, Дж. Клир и др.). При описании реальности в Древней Греции и фактически до XIX в. в науке не было четкого разделения между самой реальностью и ее идеальным, мысленным, рациональным представлением. Онтологический аспект реальности и гносеологический аспект знания об этой реальности отождествлялись в смысле абсолютного соответствия. Поэтому весьма длительное применение термина «система» имело ярко выраженный онтологический смысл. Такое осмысление сопрягается с функциональным, прагматическим и иными планами. Важно то, что формирование понятия «система» идет через осознание целостности и расчлененности как естественных, так и искусственных объектов. Это и получило выражение в толковании системы как целого, составленного из частей. Оно конкретизируется в представлениях онтологии, гносеологии и методологии этих теорий о связи активности и пассивности, изменчивости и неподвижности, движения и покоя объектов различной природы, об их развитии, обусловленности, детерминации и др.

Отметив первый аспект, связанный с теоретизацией объекта, перейдем ко второму - к характеристике рецепции на конкретном вышеоговоренном примере, медийном резонансе фильма «Лермонтов». Полагаем, что именно интегративно-системный подход адекватен решаемой задаче, а конкретно - ее второму аспекту, рассматриваемому в данном случае. Учитываем важную для сути рецепции фильма «Лермонтов» особенность, определяемую для исходного состояния системы. Это мощный общенаучный импульс,

данный киноведению замечательным мыслителем Ю.И. Селезневым, который в разные годы упоминался как неповторимое и необходимое условие многомерного познания кинематографа. В предлагаемой работе эту познавательную возможность мы попытаемся осуществить на примере медийного освещения показательного феномена - замечательного бурляевского фильма «Лермонтов».

Уточним предпосылки анализа. Для медиаведения примечательны три из них. Первая гносеологическая предпосылка - это изначальная обращенность кино к миру медиа, к публицистическому познанию; она не стоит преувеличения, но и не требует преуменьшения. При этом дополняется взаимностью, для медиапублицистики также органично внимание кино. Как говорил творец «Лермонтова» Николай Бурляев о Юрии Селезневе, «…он, будто предчувствуя, что, возможно, будет мой фильм, передавал мне все свои наработки…» [2, с. 14]. Такое взаимопритяжение публициста и Мастера кино не может быть обойдено при характеристике «медийной судьбы» фильмов. С первым указанным условием связано иное, которое также уместно предпослать анализу. Это духовная взаимосвязь творцов кино и медиа. Как верно отметила в связи с анализируемым фильмом современная исследовательница, «режиссер "полностью впустил в свое сердце" публициста» [6, с. 309. См. о данной тенденции в обобщающем плане - 1, с. 129]. Полагаем, что у этого суждения, касающегося конкретно отношений между режиссером Н. Бурляевым и Ю. Селезневым, есть обобщающая перспектива. Истинный властитель медийных дум, мыслитель, носитель публицистического познания может обрести сердечное признание у достойного деятеля кино. Третья гносеологическая предпосылка анализа - принципиальная неединственность характеристик определенных объектов. Эта черта специально отмечается, например, философом-киноведом и кинокритиком в связи с категорией идентичности [3]. Вполне закономерно такая черта может проявиться в медиа. На наш взгляд, она соотносима с органичной амбивалентностью, когда цельное представление объекта с позитивной сутью включает в себя и явленческие контрасты.

Опираясь на приведенное ранее понимание оценки, а также на три предпосылки анализа, обратимся к медийным оценкам фильма «Лермонтов». При этом пользуемся данными сайта, на котором систематизирован соответствующий материал: https: // www.kinopoisk.ru/film/45073/ (даты обращения: 1-15.08.2016). Неединственность, выявленная ранее, ярко раскрывается в медийном представлении. В ней особенно показательно многоуровневое взаимодействие оценочных полюсов. Так, предвзято-негативное отношение отдельных зрителей, критиков к фильму в целом неизменно сочетается с высокой оценкой и игры Бурляева - исполнителя главной роли, и его определенных режиссерских решений. Таков один из самых резких контекстов, где при доминантах неприятия, иронии автор хвалит фильм «за самоотдачу Бурляева и за шикарные пейзажи "Лермонтова"».

Не менее показательны объективно-светлые медийные оценки фильма. Они неизменно относятся к игре Бурляева, причем вводят эту роль в ряд с другими, в систему великих актерских открытий русского кино вообще и Николая Петровича (таковы главный герой в экранизации повести «Иван» В.О. Богомолова в фильме А.А. Тарковского «Иваново детство», лейтенант Нетужилин из «Военно-полевого романа» П. Тодоровского и другие).

Позитивные медийные оценки точны в отношении актерской манеры: «Николай Бурляев буквально слился с образом поэта. Нужная интонация, движения, взгляды. Он прочувствовал характер Лермонтова. И смог его передать, что немаловажно».

В парадоксально единую систему складываются характеристики, принадлежащие совершенно различным авторам и касающиеся разных сторон. В органично сложившемся, живом медийном целом достойны специального внимания три стороны, подсистемы. Это достоверность, целостность и эмоциональность с обращением к глубинным слоям познания, к органике потаенного (см. ниже соответственно /а/, /б/, /в/):

/а/ «В фильме использованы и записи самого поэта, и воспоминания современников. Ключевые диалоги приведены дословно. Линия Лермонтов - Печорин показана по-

трясающе. И загнанная лошадь в погоне за Варенькой Лопухиной (Верой в "Герое..."), и многочисленные монологи из "Дневника Печорина"...

Каждая цитата из произведения находит свое место в жизни Михаила Юрьевича и в фильме.

Наличие консультантов по фехтовальным, боевым сценам, консультантов по эпохе и работников Лермонтовского музея благотворно сказывается на картине. Нет халтуры, в отличие от многих современных фильмов. Есть большое желание соответствовать действительности. Во всех мелочах»;

/б/ «Проделана грандиозная работа по соединению отрывков о жизни Мишеля в единое целое. Художественно, но и правдиво. Это именно то, что я хотела увидеть»;

/в/ «Биография Лермонтова - вещь безумно интересная, многогранная и загадочная. Большинство из нас, изучая творчество поэта в школе, не догадывается о всех тонких хитросплетениях его судьбы. Для того чтобы проникнуться Лермонтовым, нужно потратить немало часов на изучение очерков о нем, воспоминаний современников и писем.

Фильм Николая Бурляева превзошел все мои ожидания. Не только актеры сыграли превосходно, но сюжетная линия фильма была весьма биографична. Музыка, кадры нескончаемой матушки-России, гений Лермонтова - все это запало в душу. Некоторые кадры заставили даже всплакнуть...

Как мне кажется, этот фильм - прекрасный способ узнать поэта, не только известными фактами, но также и разведать тайные закоулки его жизни. Хорошая картина, заставляющая думать».

Характеристики достаточно значимы как своей поэтичностью, так и весомыми аргументами, которые могут влиять непосредственно на интерес потенциального зрителя. Зритель стоит перед выбором траты своего времени: не впустую ли?.. Искушенный киноман с большей вероятностью ознакомится с фильмом как минимум как с предметом анализа и «спортивного интереса». Обыватель, однако, может обратить внимание преимущественно на негативные отзывы.

Рассмотренные примеры могут служить основой для процессов моделирования статей положительного содержания, побуждающих зрителя к просмотру кино. Причем амбивалентность, углубляемая контрастными ассоциациями, позволяет наметить вероятностную картину киномира с учетом относительной верифицируемости многих референтных областей медийного текста, взаимопереходов потенциального и актуального. Противоречие самой себе выступает как способ непротиворечиво передать единство полюсов.

Выполненный анализ дает основания для системы обобщений. Наиболее примечательна взаимосвязь между векторами познания: кинематографическим и публицистическим. Лучшие проявления кино адекватно открывают единство внутреннего и внешнего, устойчивости и динамики мира духовного, воображаемого, окружающего. Этим объяснима современная значимость высоких образцов кинематографа. Этим же обусловлено и его взаимопритяжение с другим типом познания, публицистическим, который изначально нацелен именно на глубинное раскрытие внешних условий, доступное движениям. Медиа способно представить кино со стороны, но притом с особой сообразностью: типовой, в отличие от художественного осмысления; динамичной, на фоне научного киноведения; во всеобщности, в отличие от религиозного познания - и при этом строго, не в пример познанию обыденному, «повседневному здравому смыслу».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИ ССЫЛКИ

1. Архангельская И.Б. Освещение российской тематики в онлайн-версиях USA Today и The New York Times в контексте глобальных изменений в медиапространстве // Вестник Челябинского государственного университета. - 2015. - № 5. - С. 129-135.
2. Бурляев Н.П. «Помянут будешь ты любовью...» // Наследие Ю.И. Селезнева и актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории. Краснодар, 9-10 окт. 2014 г. - Краснодар: КубГУ, 2015. - С. 14-16.

3. Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. - Пермь: Изд-во Пермского университета. 2004. - 274 с.
4. Мартемьянова С.С. Категория оценочности в аналитических медиажанрах. // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. - 2012. - № 5. - С. 217-221.
5. Месарович М. Основание общей теории систем. - М.: Мир, 2016. - 188 с.
6. Петрова А.В. Фильм Николая Бурляева «Лермонтов» - не воплотившаяся книга Юрия Селезнева // Наследие Ю.И. Селезнева и актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории. - Краснодар: КубГУ, 2015. - С. 308-312.
7. Разлогов К.Э. Метаморфозы идентичности // Вопросы философии. - 2015. - № 7. - С. 28-40.
8. Тяжлов Я.И. Медиапросветительский потенциал кинокритики в современных российских средствах массовой коммуникации: Автореф. дис. … канд. филол. наук. - Воронеж, 2017. - 22 с.

REFERENCES

1. Arhangel'skaya I.B. Osveschenie rossiyskoy tematiki v onlain-versiyah USA Today и The New York Times v kontekste global'nyh izmeneniy v mediaprostranstve в контексте глобальных изменений в медиапространстве. [Elucidation of Russian themes in online-versions of USA Today and The New York Times in the context of global media changes]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta=Herald of Chelyabinsk State University. 2015. No 5. Pp.129-135 (in Russ.)
2. Burlyaev N.P. "Pomyanut budesh ty lyubovyu. [«You will be remembered with love…"]. The legacy of Y.I. Seleznyov and topical problems of journalism, criticism, literary criticism, history. Krasnodar, 2015. Pp. 14-16.(in Russ.)
3. Duskaeva L.R. Dialogicheskaya priroda gazetnyh rechevyh zhanrov. [Dialogic essence of newspaper speech genres]. Perm'. 2004. 274 p. (in Russ.)
4. Martemyanova S.S. Kategoryia otcenochnosti v analiticheskih mediazhanrayh. [The category of value in analytic mediagenres]. Uchyonye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serya: Gumanitarnye i sotcial'nye nauki =Herald of Orlov State University. Humanitarian and Social Sciences. 2012. No 5. Pp.217-221 (in Russ.)
5. Mesarovich M. Osnovanie obschei teorii system. [The foundation of general system theory]. Moscow, 2016. 188 p. (in Russ.)
6. Petrova A.V. Fil'm Nikolaya Burrlyaeva "Lermontov" - nevoplotivshayasya kniga Yuriya Seleznyova. [Film of Nikolay Burlyaev «Lermontov» - Yuri Seleznev's non-incarnate book]. The legacy of Y.I. Seleznyov and topical problems of journalism, criticism, literary criticism, history. Krasnodar, 2015. Pp. 308-312. (in Russ.)
7. Razlogov K.E. Metamorphosis of identity. Voprosy filosofii=Issues of Philosophy. 2015.№ 7. Pp. 28-40. (in Russ.)
8. Tyazhlov Ya.I. Mediaprosvetitel'skyi potentcial kinokritiki v sovremennyh rossiyskyh sredstvah massovoi kommunikacii. [Mediaeducational potential of cinema critics in the modern Russian media: Autoref. …cand.philol.sc.]. Voronezh, 2017. 22 p. (in Russ.)

Информация об авторе:

Чирва Николай Игоревич, аспирант Кубанского государственного университета, факультет журналистики
г. Краснодар, Россия
nikoshasto@mail.ru

Information about the author:

Chirva Nikolay Igorevich, Graduate student of the Kuban State University, Faculty of Journalism.
Krasnodar, Russia
nikoshasto@mail.ru

Получена: 20.06.2017

Для цитирования: Чирва Н.И. Медийное пространство как сфера рецепции спорны кинофеноменов. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 1. с.154-159.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-154-159.

Received: 20.06.2017.

For citation: Chirva N.I. Media space as the sphere of reception of disputable cinema phenomena. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 1. Pp. 154-159.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-154-159. (in Russian)

Образование и педагогические науки

Education and Pedagogical Sciences

УДК 37 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-163-174

ГРЕБЕННИКОВА Вероника Михайловна
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
vmgrebennikova@mail.ru

КАИНОВА Мария Михайловна
Московский государственный университет им М.В. Ломоносова
г. Москва, Россия
masmik@mail.ru

Veronica M. GREBENNIKOVA
Kuban State University
Krasnodar, Russia
vmgrebennikova@mail.ru

Maria M. KAINOVA
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
masmik@mail.ru

РОЛЬ АККРЕДИТАЦИОННЫХ АГЕНТСТВ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ АССОЦИАЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ В ВУЗАХ США НА ПРИМЕРЕ КОММУНИКАТИВНОГО КОМПОНЕНТА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ БИЗНЕС-ШКОЛ

TEACHING COMMUNICATION SKILLS IN BUSINESS PROGRAMS: THE ROLE OF ACCREDITING AGENCIES AND PROFESSIONAL ORGANIZATIONS IN SHAPING ACADEMIC STANDARDS IN THE US COLLEGES AND UNIVERSITIES

Статья обращается к проблеме стандартизации образовательных программ в условиях децентрализованного управления высшим образованием в США. Автор рассматривает роль аккредитационных агентств и профессиональных ассоциаций в определении объема и содержания образовательных программ, в продвижении исследовательской деятельности и внедрении инноваций в учебный процесс на примере коммуникативного компонента в программах бизнес-школ. Существование единых государственных, а на сегодняшний день и международных стандартов позволяет обеспечивать стабильно высокое качество образования, а сопоставимость образовательных программ предоставляет большие возможности для мобильности студентов и выпускников вузов. С другой стороны, большая свобода и автономия вузов в формировании структуры и содержания образовательных программ позволяет вузам более динамично отвечать на меняющиеся запросы рынка труда, внедрять инновации, как в вопросе содержания программ, так и в методике преподавания, и в результате быть более конкурентоспособными. Учитывая, что в конечном итоге именно преподавательский состав вуза во главе с заведующими кафедр и деканами формирует образовательные программы, действующие в рамках данного учебного заведения, очевидно, что единство требований к содержанию, условиям реализации и результатам освоения этих программ в масштабах страны может быть достигнуто исключительно объединенными усилиями профессуры университетов и колледжей. Именно такая роль отводится профессиональным организациям.

The article addresses the issue of academic program standards in the context of a decentralized system of higher education in the USA. The author considers the input of accrediting agencies and professional organizations in defining the scope and content of the programs, in promoting research and implementing innovations in the process of study. The article focuses specifically on the communicative component in the business programs of US universities and colleges. The existence of unified national, and to date the international standards, allows to ensure a consistently education high quality, and the comparability of educational programs provides great opportunities for mobility of students and university graduates. On the other hand, the greater freedom and autonomy of universities in shaping the structure and content of educational programs allows to universities to respond more dynamically changing labor market demands, innovate both in the content of programs and in teaching methods, and as a result, be more competitive. Considering that ultimately it is the teaching staff of the university headed by the heads of the departments and deans that forms the educational programs operating within the framework of this institution, it is obvious that the unity of the requirements for the content, conditions of implementation and the results of the development of these programs on a national scale can be achieved exclusively by joint efforts of professors of universities and colleges. This role is assigned to the professional organizations.

Ключевые слова: бизнес-образование США, аккредитационные агентства, профессиональные организации, коммуникативные навыки

Keywords: business programs, education in USA, accrediting agencies, professional organizations, communication skills

Одним из основных факторов, играющих определяющую роль при выборе абитуриентом высшего учебного заведения, является образовательная программа, которую этот вуз предлагает в качестве основного инструмента освоения знаний и компетенций, необходимых для овладения определенной профессией. В мировой практике не редки случаи,

когда тщательно и талантливо разработанные программы менее престижных вузов выше котируются и привлекают большее количество студентов в рамках определенной специальности, чем ведущие университеты страны. Более того, значение образовательной программы так высоко, что в некоторых языках сложилась традиция отождествлять ее с вузом, который ее предлагает, и использовать термин «программа» как синоним к термину «вуз», «колледж» или «школа». Так, в бытовом американском английском принято говорить о поступлении на определенную «бизнес-программу», а не в «бизнес-вуз», а в научной периодике США чаще встречаются исследования, посвященные «программам по менеджменту», чем «школам менеджмента».

Подобная ситуация особо характерна именно для вузов США, так как образовательным программам американских вузов свойственна большая вариативность даже в рамках одной специальности в связи с тем, что, «в отличие от континентальных систем, система высшего образования США выстроена на фундаменте свободной и подвижной координации образовательных сообществ, а не на директивной и централизованной модели управления» [3, с. 82]. В условиях, когда европейское образование в рамках Болонского процесса также переходит на менее жестко скоординированную систему управления, нередко возникает вопрос о достоинствах и недостатках той или иной модели. Очевидно, что каждая из них имеет свои неоспоримые плюсы и минусы. Существование единых государственных, а на сегодняшний день и международных стандартов позволяет обеспечивать стабильно высокое качество образования, а сопоставимость образовательных программ предоставляет большие возможности для мобильности студентов и выпускников вузов. С другой стороны, большая свобода и автономия вузов в формировании структуры и содержания образовательных программ позволяет вузам более динамично отвечать на меняющиеся запросы рынка труда, внедрять инновации, как в вопросе содержания программ, так и в методике преподавания, и в результате быть более конкурентоспособными. Таким образом, оптимальным решением является разумное сочетание единых стандартов и централизованного управления, с одной стороны, и достаточно высокой степени свободы - с другой. В свете этого было бы целесообразно пересмотреть опыт высшего образования Соединенных Штатов, так как, несмотря на большую долю автономии, в некоторых аспектах образовательные программы американских вузов отличаются высоким уровнем скоординированности и единообразия.

В отечественной научной периодике в последние годы немало внимания уделялось такому важному инструменту управления высшим образованием в целом и в системе высшей школы США в частности, как аккредитационные агентства. Авторы исследований не раз отмечали роль института аккредитации в обеспечении качества высшего образования США: «аккредитация является наиболее действенным рычагом, влияющим на качественное изменение высшего образования США» [2, с. 927]. Уделялось внимание и тому факту, что именно аккредитационные агентства США обеспечивают высокий уровень стандартизации образовательных программ высшей школы страны. Так, в работе, посвященной сфере технического образования в США Л. Гребнев и В. Попов отмечают, что «важнейшую роль в формировании объема и содержания отдельных инженерных образовательных программ и квалификационных требований к выпускникам этих программ как в пределах одного учебного заведения, так и в национальных масштабах играют различные профессиональные общества, объединения и ассоциации […] и созданные на их основе общественные органы» [1, с. 150-151]. Одним из основных выводов авторов является то, что «деятельность общественно-профессиональных обществ и органов, объединяющих, казалось бы, независимо функционирующие учебные заведения в единую образовательную систему, и является основной особенностью образовательной системы США», которая в значительной мере «способствует повышению качества образования и повышает динамизм и конкурентоспособность американской системы образования» [1, с. 151].

Следует отдельно отметить, что, указывая на роль аккредитационных агентств, которые они обозначают термином «общественные органы», Л. Гребнев и В. Попов обращают внимание также и на влияние «профессиональных обществ, объединений и ассоци-

аций». Речь идет о профессиональных организациях, объединяющих специалистов в данной области, чей статус отличается от аккредитационных агентств. В мировой практике к общественным организациям первого типа применяют термин «регулирующие институты» (regulatory bodies) и характеризуют их как «организации, устанавливающие профессиональные стандарты для работающих и вступающих в эту профессию лиц и наделенные правом аккредитовать, подтверждать или признавать программы, подготавливающие специалистов с соответствующей профессиональной квалификацией» [5]. Второй тип организаций обозначается термином «профессиональные институты» (professional bodies) и, согласно одной из дефиниций, это «организации, которые курируют деятельность в рамках данной профессии и представляют интересы ее членов», кроме того, отмечается, что в некоторых странах в сферу интересов этих организаций входит также и профессиональная подготовка по данному профилю [5]. В высшем образовании США профессиональные организации играют очень важную роль, именно благодаря этим общественным институтам ведется активная исследовательская деятельность, внедряются инновации во всех аспектах высшего образования и достигается высокий уровень стандартов в профессиональной подготовке выпускников вузов США. Российские исследования до сих пор уделяли мало внимания этому явлению. Данная статья рассматривает вклад аккредитационных агентств и профессиональных организаций в формирование образовательных программ бизнес-школ США применительно к коммуникативному компоненту, в частности к письменной коммуникации. Так как академическое (Academic writing) и деловое письмо (Business Writing) являются достаточно молодыми и динамично развивающимися дисциплинами, то на их примере наиболее очевидна роль аккредитационных агентств и профессиональных организаций как с точки зрения стандартизации программ в этом аспекте, так и с позиции исследований, инноваций и постоянного обновления данного компонента.

Как уже было сказано, коммуникативные навыки и, в частности, навыки деловой письменной коммуникации являются одним из обязательных компонентов программы подготовки менеджеров в бизнес-школах США. Формирование данной компетенции обеспечивается непосредственно специальными курсами делового письма (Business Writing), которые уделяют внимание таким профессиональным формам письменной речи, как деловая переписка, составление отчетов, брифов и т.д. Обязательным требованием (prerequisite) для допуска к подобным профессиональным курсам является предварительное прохождение курса композиции первого года обучения (FYC - First Year Composition course), который, в свою очередь, нацелен на формирование базовой компетенции культуры письменной речи, включающей как умение грамотно изъясняться на письме, так и владение законами логики и риторики. Дополнительно к этим курсам существуют также многочисленные специальные курсы - Письменные интенсивы (Writing Intensive), Сдвоенные курсы (Paired courses) и другие, предлагаемые вузами в рамках программ WAC (Writing across the curriculum / Письмо как междисциплинарный инструмент), и WID (Writing in Disciplines / Письмо как инструмент профессиональных дисциплин). В совокупности же именно сочетание этих трех компонентов, а именно курса композиции первого года обучения, профессиональных курсов делового письма и специальных курсов в рамках междисциплинарных программ WAC и WID, позволяет обеспечивать высокое качество формирования письменного коммуникативного навыка у будущих менеджеров. При этом высокий уровень подготовки специалистов по стране обеспечивается именно тем, что данные компоненты присутствуют в образовательных программах менеджмента большинства вузов США. Так, курс композиции первого года обучения входит в обязательную образовательную программу для всех первокурсников в абсолютном большинстве американских вузов, варьируясь от 76% до 93,2% в разные годы [10, с. 19]. Базовый курс письменной речи (Remedial writing course), предназначенный для студентов с низкими показателями по письменному английскому, в некоторых категориях вузов доходит до 99% по США [14, с. 3]. Что касается профессиональных курсов, исследование, проведенное Шарп (Sharp) и Брумбергер (Brumberger) в 2013 г. в лучших бизнес-школах США, показало, что 42 из 50 опрошенных вузов, то есть 84%, включают курсы делового письма

в свои образовательные программы [16, с. 9]. Относительно программ WAC/WID, в исследовании Тайсс и Портер 2010 г., проведенном в 1126 вузах, указывалось, что на вопрос о реализации в рамках данных вузов программы «Письмо как междисциплинарный инструмент» 568 (51%) ответили утвердительно и дополнительно 152 (27%) выразили намерение запустить эту программу в скором будущем [18, с. 540]. Таким образом, принимая во внимание, что каждый из этих компонентов образовательной программы присутствует более чем в половине, а в некоторых случаях и в абсолютном большинстве вузов США, возникает вопрос, каким образом система высшего образования США добивается такого высокого уровня стандартизации образовательных программ.

Как уже говорилось выше, наиболее авторитетными органами управления, наделенными полномочиями со стороны Департамента образования США (US Department of Education) и Советом по аккредитации высших учебных заведений (The Council for Higher Education Accreditation, или CHEA), являются именно аккредитационные агентства. В США существует три вида аккредитационных агентств: национальные, региональные и профессиональные. Наибольшим влиянием пользуются региональные агентства в количестве шести, которые аккредитуют университеты и колледжи, расположенные в конкретном регионе США, а также профессиональные агентства, которые аккредитуют преимущественно образовательные программы по соответствующим специальностям. Так, бизнес программы в США аккредитуются двумя профессиональными агентствами - Ассоциацией по развитию университетских бизнес школ (AACSB - The Association to Advance Collegiate Schools of Business), курирующей программы бизнес-администрирования и программы бухгалтерского учета и аудита на уровне бакалавриата и магистратуры и докторантуры. Именно это агентство аккредитует бизнес-школы с самым высоким рейтингом в США. Второе профессиональное агентство, аккредитующее бизнес-программы, а именно Совет по аккредитации университетских бизнес-школ и программ (ACBSP - The Accreditation Council for Collegiate Business Schools and Programs), охватывает небольшие частные и государственные школы на уровне бакалавриата, магистратуры и докторантуры. Чаще всего школы имеют как минимум двойную аккредитацию: от регионального агентства для всего университета и от профессиональных агентств для конкретных программ. Так, Гарвардский университет аккредитован Ассоциацией школ и колледжей Новой Англии (NEASC - New England Association of Schools and Colleges), в то время как Гарвардская школа бизнеса аккредитована AACSB. Аналогично, Стэнфордский университет аккредитован по региональному признаку Западной ассоциацией школ и колледжей (WASC, Western Association of Schools and Colleges), тогда как Стэнфордская школа бизнеса, также как и Гарвардская, аккредитована AACSB.

Аккредитационные агентства вырабатывают стандарты качества, распространяющиеся на все основные сферы деятельности вуза, включая и его образовательные программы. Это относится как к региональным, так и к профессиональным агентствам. В частности, учитывая важность формирования коммуникативных навыков, стандарты практически всех аккредитационных агентств касаются этого компонента в параграфах, посвященных содержанию образовательных программ. Так, в «Стандартах аккредитации Комиссии по высшим учебным заведениям Ассоциации школ и колледжей Новой Англии (NEASC)» в Параграфе 4.19, затрагивающем общеобразовательную часть программы, говорится о необходимости формировать коммуникативные навыки: «По итогам успешного завершения бакалаврской программы выпускники должны демонстрировать компетенцию в области письменной и устной коммуникации на английском языке» [17, с. 9]. В «Стандартах Комиссии по колледжам и университетам Западной ассоциации школ и колледжей (WASC)» в Стандарте № 2, пункте 2.2A, прописано, что бакалаврские программы «обеспечивают развитие основных навыков, включающих <...> письменную и устную коммуникацию» [20, с. 14].

В том, что касается профессиональных аккредитационных агентств, в требованиях AACSB, в Стандарте № 9, посвященном содержанию образовательных программ, в разделе общих навыков на уровне бакалаврской программы и выше (Bachelor's Degree Programs and Higher/General skills area), указывается, что выпускник должен владеть «навыками

письменной и устной коммуникации» [12, с. 31]. Кроме того, в разделе общих знаний в области бизнеса и менеджмента отмечается умение «представлять данные в виде отчета» (Reporting data) [12, с. 32]. В том, что касается второго агентства, аккредитующего бизнес-программы, ACBSP, в «Стандартах и критериях качества для бакалаврских и постбакалаврских программ», Критерий 6.1.4.b., касающийся требований к программам общеобразовательного цикла, просто указывает, что «программа должна уделять внимание коммуникативным навыкам и навыкам критического мышления» [4, с. 50].

Таким образом, с одной стороны, аккредитационные агентства, будучи утвержденными Департаментом образования США и Советом по аккредитации высших учебных заведений, являются посредником между органами государственной власти и высшими учебными заведениями США и, как и в странах с более централизованной системой управления, гарантируют высокое качество образования и определенное единообразие образовательных программ посредством выработанных единых образовательных стандартов. С другой стороны, очевидно, что относительно конкретной структуры и содержания данных программ допускается большая доля свободы, как это видно применительно к коммуникативному компоненту. Большинство стандартов указывают лишь на его наличие, не уточняя ни количество отведенных под него кредитных единиц, ни его место в расписании, ни обязательный к изучению материал, ни методики и формы преподавания. Детальное же формирование образовательных программ проходит на уровне преподавательского состава вуза. Это право закреплено за вузами и прописано в стандартах аккредитации всех уполномоченных агентств: «Учебное заведение возлагает основную ответственность за содержание, качество и эффективность программ на преподавателей вуза» [19, с. 29]; «Учебное заведение разрабатывает, утверждает, внедряет и на регулярной основе пересматривает свои образовательные программы. Преподаватели вуза имеют решающий голос в этих вопросах» [17, с. 7].

Учитывая, что в конечном итоге именно преподавательский состав вуза во главе с заведующими кафедр и деканами формирует образовательные программы, действующие в рамках данного учебного заведения, очевидно, что единство требований к содержанию, условиям реализации и результатам освоения этих программ в масштабах страны может быть достигнуто исключительно объединенными усилиями профессуры университетов и колледжей. Именно такая роль отводится профессиональным организациям. Как отмечалось выше, подобные ассоциации формируются в США представителями профессии, экспертами и преподавателями, участвующими в подготовке новых кадров по данному профилю; так, существуют профессиональные ассоциации преподавателей и специалистов в области технических наук, географии, математики, физики, изобразительных искусств и т.д. Новые ассоциации возникают по мере того, как новые направления в науке оформляются в самостоятельные отрасли, иными словами, само «создание образовательной ассоциации является свидетельством того, что ее основатели видят себя частью [самостоятельной] академической дисциплины» [13, с.16]. Наивысшим признанием самостоятельности и значимости академической дисциплины и ее востребованности на рынке труда становится формирование образовательных программ, целью которых является подготовка профессионалов в данной области. Таким образом, как оформление нового научного направления в самостоятельную дисциплину, так и формирование образовательных программ подготовки дипломированных специалистов в США в большой степени является результатом деятельности профессиональных ассоциаций преподавателей вузов.

Есть два основных направления деятельности профессиональных ассоциаций, которые способствуют решению этих задач. Во-первых, профессиональные ассоциации поощряют и продвигают научные исследования в своих областях. Это достигается посредством выдачи грантов, стипендий и премий за наиболее существенный вклад в науку. Кроме того, наличие большого количества научных журналов, сборников и бюллетеней в данной области решает вопрос публикации материалов, а соответственно, создает благоприятные условия для исследовательской деятельности. Во-вторых, регулярные конференции, конвенции и семинары предоставляют не только трибуну для наиболее передо-

вых идей, но и создают условия для обмена опытом между преподавателями в ходе живого общения. Некоторые ассоциации в тех же целях создают онлайн платформы, чтобы информировать коллег о новых проектах и совместных мероприятиях, делиться идеями, учебными материалами, целыми планами курсов и опытом междисциплинарных инициатив. Отдельно стоит упомянуть усилия, прилагаемые к тому, чтобы повышать квалификацию преподавателей данной дисциплины путем продвижения магистерских и докторских программ в данной области. Это особенно актуально для сравнительно молодых дисциплин, таких, в частности, как теория и методика композиции и деловая письменная коммуникация.

В сфере такой научной дисциплины, как теория и методика композиции, наиболее известными и влиятельными профессиональными организациями на сегодняшний день являются NCTE (National Council of Teachers of English/ Национальный Совет Учителей Английского языка) и ее дочерняя организация CCCC (Conference on College Composition and Communication / Конференция по композиции и коммуникации в вузе), WPA (Writing Program Administrators /Ассоциация администраторов письменных программ) и INWAC (International Network of Writing Across the Curriculum programs / Международная сеть программ письма как междисциплинарного инструмента). В более узкой сфере деловой коммуникации ведущей профессиональной организацией является ABC (Association for Business Communication / Ассоциация бизнес-коммуникации).

Одна из старейших организаций в этой области, NCTE (Национальный Совет Учителей Английского языка), была основана в 1911 г. как «представительный орган, который позволит различным местным [образовательным] ассоциациям и отдельным учителям выражать и более эффективно претворять в жизнь свои решения, а также, обеспечивая слаженность действий, значительно продвигать дело обучения английскому языку» на уровне среднего и высшего образования [15]. В 1930 г. NTCE создал Комиссию по образовательным программам (Curriculum Commission), которая поставила себе целью выработать единую «траекторию обучения английскому языку от детского сада до окончания университета» [11, с. 180].

Под эгидой NCTE было создано несколько дочерних профессиональных организаций, которые в рамках обучения английском языку решают более частные задачи. Так, Конференция по Композиции и Коммуникации в вузе (CCCC) уделяет внимание исключительно письменным программам в вузах, Конференция по образованию в области английского языка (Conference on English Education / CEE) курирует профессиональную подготовку преподавателей в области английского языка и письменности, Конференция руководителей программ английского языка (Conference on English Leadership / CEL) объединяет образовательные и научные усилия директоров и кураторов английских программ в школах и вузах, заведующих кафедрами английского языка, координаторов, консультантов, иными словами, руководителей любых программ, связанных с преподаванием письменного и устного английского в школах и вузах, Ассоциация преподавателей английского языка двухгодичных колледжей (Two-Year College association / TYCA) способствует продвижению программ письменного и устного английского в двухгодичных колледжах. Многочисленные ассамблеи NCTE объединяют преподавателей в рамках более узких сфер интереса. Как NTCE, так и ее дочерние организации оказывают всяческое содействие научно-исследовательской деятельности в области преподавания письменного и устного английского языка путем публикации периодических изданий, финансирования исследовательских проектов, вручения премий, а также ежегодного созыва Конвенции NCTE.

Наиболее значительной дочерней организацией NCTE и одновременно крупнейшим профессиональным объединением университетских преподавателей композиции на текущий момент не только в США, но и в мире является Конференция по композиции и коммуникации в вузе (CCCC), созданная в 1949 г. Конференция уделяет внимание вопросам теории и практики письменной коммуникации в рамках исследовательской и образовательной деятельности. В миссии CCCC отмечается, что она видит свою цель в том, чтобы продвигать обучение письменной композиции и коммуникации посредством, во-

первых, «спонсорской поддержки научных конференций и издательской деятельности» специалистов в этой области, во-вторых, путем «поддержки широкого круга исследований в сфере письменной композиции, коммуникации и риторики», в третьих, «посредством улучшения условий преподавания и изучения» этих предметов и содействия профессиональному росту преподавателей письменной композиции и коммуникации и, наконец, выступая за дело борьбы за грамотность на национальном и международном уровне [9].

Поддержку исследовательской деятельности и содействие обмену знаниями и опытом между преподавателями вузов СССС осуществляет несколькими путями. Во-первых, СССС ежегодно проводит Конвенцию, которая регулярно собирает до 3000 участников и на программных сессиях которой обсуждаются такие вопросы как теория и практика композиции, методики преподавания композиции, комплексный процесс, а также этапы и стадии составления письменной работы, формы «контроля и оценки», использование современных технологий в преподавании риторики и т.д. [9]. Во-вторых, СССС выпускает научный журнал «Композиция и коммуникация в вузе» (College Composition and Communication), в котором публикуются результаты исследований специалистов и преподавателей вузов по вопросам теории и практики композиции. В-третьих, СССС поощряет исследовательскую работу путем вручения наград, грантов и стипендий различным экспертам, преподавателям и студентам, специализирующимся в этой сфере. На данный момент на сайте СССС представлено 20 наград и грантов на сумму от 315 до 1250 долларов [9]. В перечень указанных наград и грантов входят, например, награды *За выдающуюся диссертационную работу* (James Berlin Memorial Outstanding Dissertation Award), *Сертификат отличия за лучшую образовательную программу* (Writing Program Certificate of Excellence), награды *За выдающуюся публикацию* (Outstanding book) и *За выдающееся исследование* (Research Impact Award) и т.д. В дополнение к этому СССС финансирует крупные исследовательские проекты в размерах до 10 000 долларов.

К основным достижениям СССС следует отнести, в первую очередь, огромный исследовательский багаж в области письменной композиции и коммуникации, который накопился за 65 лет деятельности этой организации. Именно благодаря ему на сегодняшний день существуют тщательно разработанные программы как отдельных курсов, так и целых модулей, посвященных письменной композиции, с материалами по теории и практике преподавания этого предмета. Во-вторых, СССС способствовала тому, что теория и практика композиции оформилась в отдельную научную отрасль со своей терминологией, понятийным аппаратом, базовыми принципами и т.д. Это стало возможно не только благодаря большим масштабам исследовательской деятельности членов СССС, но и продвижению профессионального образования в этой сфере. Так, в 1993 г. СССС создало Консорциум докторских программ в области риторики и композиции, заявленной целью которого был обмен знаниями и опытом, а также помощь аспирантам и профессуре в их образовательной и научно-исследовательской деятельности. Первые докторские программы, предлагающие специализацию в области письменной композиции и риторики, появились еще в конце 70-х годов, в 2008 их уже насчитывалось 78 по всей Северной Америке. В промежуток между 1993 и 1999 гг. было защищено 707 докторских диссертаций, а за те же семь лет между 2000 и 2007 г. их уже насчитывалось 1025 [7, с. 331].

Совет Администраторов Программ Письменной композиции (Council of Writing Program Adminostrators / CWPA) является, как это заявлено в названии, объединением директоров, курирующих программы письменной композиции в вузах США, преимущественно на первом году обучения и в основном в рамках общеобразовательного цикла. Помимо этого, в состав Совета входят руководители любых письменных программ общеобразовательных циклов, а также руководители Междисциплинарных программ письменной композиции WID/WAC. CWPA был создан в декабре 1976 г.. В основные цели, сформулированные создателями Совета, входит «продвижение сотрудничества между различными программами письменной композиции в вузах страны посредством обмена информацией и выявлением общих интересов и потребностей», а также «служение интересам программ письменной композиции путем просвещения университетского сообще-

ства и общества в целом относительно условий реализации успешных программ композиции» [8, с. 61]. CWPA проводит ежегодную конференцию, а также выпускает научный журнал "*WPA: Writing Program Administration*", публикуя в нем работы, содержащие эмпирические и теоретические исследования, посвященные вопросам администрирования программ композиции. Помимо этого, CWPA поощряет исследовательскую работу в области администрирования программ письменной композиции путем вручения грантов на проведение исследований, а также награждая наиболее выдающиеся исследования Премией за лучшую статью и Премией за лучший научный труд в этой области.

К особым достижениям CWPA следует отнести, во-первых, разработку единого для всех вузов США *Положения о результатах обучения по окончании курса композиции первого года обучения*, в последней, третьей, версии принятого 17 июля 2014 г. В Положении приводится общий перечень «знаний, практических навыков и подходов, которые должны сформироваться у студента бакалавриата по окончании курса композиции первого года обучения, который в большинстве вузов является обязательным курсом или циклом курсов в общеобразовательной части программы» [21]. Положение касается знаний и навыков в области риторики, навыков критического мышления, чтения и композиции, навыков поэтапного процесса написания исследовательской работы, а также знания орфографических, грамматических, стилистических, жанровых, издательских и других требований к составлению и оформлению письменного текста.

Вторым крайне важным достижением CWPA является *Служба консультирования и оценки*, созданная на базе CWPA. Служба направляет в университеты и колледжи экспертов, чаще всего профессиональных администраторов письменных программ с большим стажем из других вузов, для того чтобы они дали оценку действующим программам письменной композиции с точки зрения их организации и администрирования. Процедура оценки во многом напоминает процедуру аккредитации образовательных программ профессиональными организациями и проходит те же этапы, что и аккредитация региональными и профессиональными агентствами.

Международная сеть программ «Письмо как междисциплинарный инструмент» (The International Network of Writing-across-the Curriculum Programs - INWAC), созданная в 1981 г., является неформальным объединением исследователей, преподавателей и администраторов Письменных программ, заинтересованных в распространении программ WAC и WID. Несмотря на то, что INWAC не является официальной организацией со своей миссией, уставом и постоянным членством, она играет важную роль в формировании единых образовательных программ в вузах США. Важным шагом в истории этого объединения стало создание *Справочно-информационного центра по научным исследованиям и разработкам* WAC (WAC Clearinghouse), который выпускает три научных журнала по своей тематике, публикует научные труды, а также выкладывает в открытый доступ книги, журналы и научные сборники, посвященные теме междисциплинарного подхода в обучении письменным навыкам, письменным программам и письменной коммуникации в целом. Помимо этого, справочно-информационный центр является эффективным онлайн ресурсом для обмена идеями и передовым опытом между участниками проекта, базой данных по мероприятиям, проектам и программам WAC по всему миру, а также консультационным центром, представляющим список контактов экспертов и консультантов по внедрению программ WAC/WID.

Ассоциация деловой коммуникации, первая профессиональная организация преподавателей деловой коммуникации, была создана еще в 1936 г. Как отмечается в миссии ABC (Association for Business Communication), на сегодняшний момент она представляет собой «международную, междисциплинарную организацию, нацеленную на продвижение исследовательской, образовательной и практической деятельности в области деловой коммуникации» [6]. ABC объединяет специалистов из самых различных сфер: менеджмента, маркетинга, информационных систем, лингвистики, устной и письменной коммуникации, английского языка и других областей. Помощь в обмене опытом и поддержка исследовательской деятельности осуществляется путем проведения ежегодных международных и региональных конференций, публикации научных статей в двух периодиче-

ских изданиях - *Ежеквартальном журнале деловой и профессиональной коммуникации* (Business and Professional Communication Quarterly/BPCQ) и в *Международном журнале деловой коммуникации* (International Journal of Business Communication /IJBC), а также посредством вручения *Премии за выдающуюся публикацию по деловой коммуникации* (Award for distinguished publication in business communication), *Премии за выдающееся исследование* (Award for outstanding research) и многочисленных грантов.

В исследовании, посвященном деятельности ABC за 60 лет ее существования, Китти Локер, бывшая президентом ABC в 1995 г., проводит оценку достижений этой организации и отмечает: «Ассоциация бизнес-коммуникации сформировала деловую коммуникацию как научную дисциплину, в действительности, без Ассоциации само существование деловой коммуникации как самостоятельной области образовательной деятельности (academic enterprise) было бы под вопросом» [13, с. 40]. К. Локер выделяет несколько направлений, по которым организация добилась особых успехов, и среди этих направлений особое место занимает формирование образовательных программ. Локер указывает на то, что одной из основных задач, ради решения которых организация изначально создавалась, было «улучшение базового курса деловой коммуникации в рамках бакалаврской программы» [13, с. 18]. По словам С.Р. Энди Эндерсона (C.R. Andy Anderson), первого исполнительного директора ABC, самые ранние печатные бюллетени Ассоциации обращались, в первую очередь, к вопросам составления планов и программ курсов деловой коммуникации, а на конвенциях распространялись методические разработки и материалы для работы в классе [13, с. 19]. С тех пор объем материала, охватываемого в рамках базового курса деловой коммуникации, вырос «в геометрической прогрессии» [13, с. 20], причем на протяжении многих лет в него включались все новые и новые аспекты, связанные с коммуникацией. Так, в начале становления курса внимание уделялось в основном переписке с клиентами, в послевоенные годы в него начали включать материалы по устной коммуникации, в частности навыки проведения собеседований и презентаций, в 50-60-х годах появился интерес к теории коммуникации и семантике, в 70-х в рамках курса стали рассматриваться вопросы решения управленческих проблем (solving management problems), а также формы невербальной коммуникации и использование визуального ряда в презентациях, к 80-м и 90-м годам в фокус внимания курса попали такие темы как оформление документации, корпоративная культура, коммуникация в кризисной ситуации, международная и межкультурная коммуникация и этика. Локер особо отмечает роль, которую Ассоциация сыграла во внедрении инноваций в образовательные программы бизнес-школ США (curricular innovations) [13, с. 20-21] и то, что именно благодаря ABC формирование и постоянное обновление образовательных программ имело такой масштабный характер в высшем бизнес-образовании США.

Таким образом, в отсутствие жестких образовательных стандартов в США достаточно высокий уровень стандартизации образовательных программ по содержанию, по структуре и по результатам обучения достигается благодаря совместным усилиям аккредитационных агентств и профессиональных организаций преподавателей вузов. Однако, учитывая достаточно расплывчатые и неточные требования агентств, аккредитующих бизнес-школы, к формированию коммуникативных навыков, лишь целенаправленная деятельность таких ассоциаций, как NCTE, CCCC, CWPA, INWAC и ABC, по формированию программ академического и делового письма объясняет масштабы исследовательской деятельности в этой сфере, высокую степень разработанности этих программ, их широкое распространение и единство предъявляемых требований к результатам обучения. В условиях перехода всей системы образования России в 2009 г. на федеральные государственные образовательные стандарты, предоставляющие значительно большую степень автономии высшим учебным заведениям, опыт США становится особо актуальным. Это, в первую очередь, касается «федеральных университетов», «национальных исследовательских институтов», а также МГУ им. М.В. Ломоносова и СПГУ, которым в соответствии с Федеральным законом от 10.11.2009 № 259-ФЗ «О Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова и Санкт-Петербургском государственном университете» и Федеральным законом от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Россий-

ской Федерации» предоставляется право разрабатывать и утверждать самостоятельно образовательные стандарты по всем уровням высшего образования. Так как на данном этапе значительно возрастает роль преподавательского состава вузов в принятии решений об образовательных стандартах, многолетний опыт американских коллег в этой области становится неоценимым.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гребнев Л., Попов В. Об организации высшего технического образования в США. Высшее образование в России. 2004. no. 11. С. 150-165.
2. Павлова Н.А. Институт аккредитации в процессе реформирования системы высшего образования в США в 80-90-е годы XX века. Известия ПГУ им. В.Г. Белинского . 2012. no. 28. С. 927-929.
3. Щербак Е.Н. Зарубежные образцы системы управления высшим образованием (на примере образовательных стандартов Франции и США). Образование и право. 2012. Т. 37. no. 9. С. 79-87.
4. ACBSP Standards and Criteria For Demonstrating Excellence In Baccalaureate/Graduate Degree Business Programs. Original 2010, revised 2015 / [Электронный ресурс] - https://www.acbsp.org/resource/collection/EB5F486D-441E-4156-9991-00D6C3A44ED1/ACBSP_Standards_and_Criteria_-_Bacc-Grad.pdf
5. Analytic Quality Glossary / [Электронный ресурс] - http://www.qualityresearchinternational.com/glossary/professionalbody.htm
6. Association for Business Communication [Электронный ресурс] - http://www.businesscommunication.org/page/about
7. Brown S.C., Enos Th., Reamer D., Thompson J. Portrait of the Profession: The 2007 Survey of Doctoral Programs in Rhetoric and Composition. Rhetoric Review. 2008. Vol. 27. no. 4. Pp. 331-340.
8. Council of Writing Program Administrators. Bylaws. WPA: Writing Program Administration. 1981. no. 4. Pp. 61-62.
9. Conference on College Composition and Communication. [Электронный ресурс] - http://www.ncte.org/cccc
10. Connors R. The New Abolitionism: Toward a Historical Background. Reconceiving Writing, Rethinking Writing Instruction. Ed. J. Petraglia. N.J. Mahwah: Lawrence Erlbaum, 1995. Pp. 3-26.
11. Cruikshank K. Integrated Curriculum and the Academic Disciplines: The NCTE Correlated Curriculum of 1936. Curriculum and Consequence. Herbert Kliebard and the Promise of Schooling. Ed. B. Franklin. - New York: Teachers College Press, 2000. Pp. 178-196.
12. Eligibility Procedures and Accreditation Standards for Business Accreditation. Adopted 2013, updated 2015 / [Электронный ресурс] - http://www.aacsb.edu/~/media/AACSB/Docs/Accreditation/Standards/2013-bus-standards-update-jan2015.ashx
13. Locker K. The Role of the Association for Business Communication in shaping business communication as an academic discipline. Journal of Business Communication. 1998. Vol. 35. no. 1. Pp. 14-49.
14. McCleary B. Survey of Remedial Education in Higher Education More Relevant to Politics Than to Teaching and Curriculum. Composition Chronicle: Newsletter for Writing Teachers. 1997. Vol. 10. no. 4. Pp. 1-3.
15. National Council of Teachers of English / [Электронный ресурс] - http://www.ncte.org/history
16. Sharp M. R., Brumberger E. R. Business Communication Curricula Today: Revisiting the Top 50 Undergraduate Business Schools. Business Communication Quarterly. 2013. Vol. 76. no. 1. Pp. 5-27.
17. Standards for accreditation Commission on institutions of higher education New England Association of schools and colleges. Adopted 2005, revised 2011 / [Электронный ресурс] - https://cihe.neasc.org/downloads/Standards/Standards_for_Accreditation.pdf
18. Thaiss Ch., Porter T. The State of WAC/WID in 2010: Methods and Results of the U.S. Survey of the International WAC/WID Mapping Project. College Composition and Communication. 2010. Vol. 61. no. 3. Pp. 524-570.
19. The Principles of Accreditation: Foundations for Quality Enhancement. Southern Association of Colleges and Schools Commission on Colleges. Adopted 2011 / [Электронный ресурс] - http://www.sacscoc.org/pdf/2012 PrinciplesOfAcreditation.pdf
20. The 2013 Handbook of accreditation revised. Adopted 2013, revised 2015 / [Электронный ресурс] - http://www.wascsenior.org/resources/handbook-accreditation-2013
21. WPA Outcomes Statement for First-Year Composition (3.0). Approved July 17, 2014 / [Электронный ресурс] - http://wpacouncil.org/positions/outcomes.html

22. Nikitina N.I., Romanova E.Yu., Komarova E.V., Tolstikova S.N., Grebennikova V.M. Qualimetric methods in the evaluation of the quality of professional training of specialists in social work. Review of European Studies. 2015. T. 7. no. 3. Pp. 66-79.
23. Galkina T.E., Nikitina N.I., Sizikova V.V., Chemodanova D.I., Grebennikova V.M. Deontological approach to the development of professionally-communicative culture. T. 6. no. 4. S.1. Pp. 290-298.
24. Nikitina N.I., Galkina T.E., Agronina N.I., Tolstikova S.N., Grebennikova V.M. Personalized approach to professional development of "helping" professions specialists. Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. T. 6. no. 5. S.4. Pp. 437-445.

REFERENCES

1. Grebnev L., Popov V. On the organization of higher technical education in the United States. Higher education in Russia. 2004. no. 11. P. 150-165.
2. Pavlova N.A. The accreditation Institute is in the process of reforming the system of higher education in the United States in the 80-90-years of the twentieth century. News of PSU. V. G. Belinsky . 2012. no. 28. P. 927-929.
3. Scherbak E. N. Foreign samples management system in higher education (on the example of educational standards for France and the United States). Education and the law. 2012. Vol. 37. no. 9. C. 79-87.
4. ACBSP Standards and Criteria For Demonstrating Excellence In Baccalaureate/Graduate Degree Business Programs. Original 2010, revised 2015. Available at: https://www.acbsp.org/resource/collection/EB5F486D-441E-4156-9991-00D6C3A44ED1/ACBSP_Standards_and_Criteria_-_Bacc-Grad.pdf
5. Analytic Quality Glossary. Available at: http://www.qualityresearchinternational.com/glossary/professionalbody.htm
6. Association for Business Communication. Available at: http://www.businesscommunication.org/page/about
7. Brown S.C., Enos Th., Reamer D., Thompson J. Portrait of the Profession: The 2007 Survey of Doctoral Programs in Rhetoric and Composition. Rhetoric Review. 2008. Vol. 27. no. 4. Pp. 331-340.
8. Council of Writing Program Administrators. Bylaws. WPA: Writing Program Administration. 1981. no. 4. Pp. 61-62.
9. Conference on College Composition and Communication. Available at: http://www.ncte.org/cccc
10. Connors R. The New Abolitionism: Toward a Historical Background. Reconceiving Writing, Rethinking Writing Instruction. Ed. J. Petraglia. N.J. Mahwah: Lawrence Erlbaum, 1995. Pp. 3-26.
11. Cruikshank K. Integrated Curriculum and the Academic Disciplines: The NCTE Correlated Curriculum of 1936. Curriculum and Consequence. Herbert Kliebard and the Promise of Schooling. Ed. B. Franklin. - New York: Teachers College Press, 2000. Pp. 178-196.
12. Eligibility Procedures and Accreditation Standards for Business Accreditation. Adopted 2013, updated 2015. Available at: http://www.aacsb.edu/~/media/AACSB/Docs/Accreditation/Standards/2013-bus-standards-update-jan2015.ashx
13. Locker K. The Role of the Association for Business Communication in shaping business communication as an academic discipline. Journal of Business Communication. 1998. Vol. 35. no. 1. Pp. 14-49.
14. McCleary B. Survey of Remedial Education in Higher Education More Relevant to Politics Than to Teaching and Curriculum. Composition Chronicle: Newsletter for Writing Teachers. 1997. Vol. 10. no. 4. Pp. 1-3.
15. National Council of Teachers of English. Available at: http://www.ncte.org/history
16. Sharp M. R., Brumberger E. R. Business Communication Curricula Today: Revisiting the Top 50 Undergraduate Business Schools. Business Communication Quarterly. 2013. Vol. 76. no. 1. Pp. 5-27.
17. Standards for accreditation Commission on institutions of higher education New England Association of schools and colleges. Adopted 2005, revised 2011. Available at: https://cihe.neasc.org/downloads/Standards/Standards_for_Accreditation.pdf
18. Thaiss Ch., Porter T. The State of WAC/WID in 2010: Methods and Results of the U.S. Survey of the International WAC/WID Mapping Project. College Composition and Communication. 2010. Vol. 61. no. 3. Pp. 524-570.
19. The Principles of Accreditation: Foundations for Quality Enhancement. Southern Association of Colleges and Schools Commission on Colleges. Adopted 2011. Available at: http://www.sacscoc.org/pdf/2012 PrinciplesOfAcreditation.pdf
20. The 2013 Handbook of accreditation revised. Adopted 2013, revised 2015. Available at: http://www.wascsenior.org/resources/handbook-accreditation-2013
21. WPA Outcomes Statement for First-Year Composition (3.0). Approved July 17, 2014. Available at: http://wpacouncil.org/positions/outcomes.html

22. Nikitina N.I., Romanova E.Yu., Komarova E.V., Tolstikova S.N., Grebennikova V.M. Qualimetric methods in the evaluation of the quality of professional training of specialists in social work. Review of European Studies. 2015. T. 7. no. 3. Pp. 66-79.
23. Galkina T.E., Nikitina N.I., Sizikova V.V., Chemodanova D.I., Grebennikova V.M. Deontological approach to the development of professionally-communicative culture. T. 6. no. 4. S.1. Pp. 290-298.
24. Nikitina N.I., Galkina T.E., Agronina N.I., Tolstikova S.N., Grebennikova V.M. Personalized approach to professional development of "helping" professions specialists. Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. T. 6. no. 5. S.4. Pp. 437-445.

Информация об авторах:

Гребенникова Вероника Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, декан факультета психологии, педагогики и коммуникативистики, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
vmgrebennikova@mail.ru

Каинова Мария Михайловна, старший преподаватель, кафедра английского языка, Высшая школа бизнеса, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия
masmik@mail.ru

Получена: 21.06.2017

Для цитирования: Гребенникова В.М., Каинова М.М. Роль аккредитационных агентств и профессиональных ассоциаций в формировании образовательных стандартов в вузах США на примере коммуникативного компонента образовательных программ бизнес-школ. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 1. с.163-174.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-163-174.

Information about the authors:

Veronica M. Grebennikova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Dean of Faculty of Psychology, Pedagogy and Communication Studies, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
vmgrebennikova@mail.ru

Maria M. Kainova, Senior Lecturer, Department of English Language, Business School, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia
masmik@mail.ru

Received: 21.06.2017

For citation: Grebennikova V.M., Kainova M.M. Teaching communication skills in business programs: the role of accrediting agencies and professional organizations in shaping academic standards in the US colleges and universities. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 1. Pp. 163-174.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-163-174. (in Russian)

УДК 82.091 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-175-179

КАЛИЖАНОВ Уалихан Калижанович
Институт литературы и искусства им. М.О.Ауэзова
г. Алматы, Казахстан
litart@bk.ru

Ualikhan K. KALIZHANOV
M.O. Auezov Institute of Literature and Art
Almaty, Kazakhstan
litart@bk.ru

ОЛЖАС СУЛЕЙМЕНОВ: ТЮРКОСЛАВИСТИКА И КУЛЬТУРНЫЙ КОД

OLZHAS SULEYMENOV: TYURKOSLAVISTIKA AND CULTURAL CODE

В статье анализируется уникальный творческий опыт поэта, дипломата, общественного деятеля О. Сулейменова. Ключевая фигура мирового литературного процесса, он наиболее ярко представляет в глобальной литературе казахское двуязычие как литературное течение со сложившейся историей и поэтикой. Феномен творчества О. Сулейменова – это феномен двойной литературной принадлежности, «двойного литературного гражданства» (А. Дравич). Стихотворения и поэмы современного казахского поэта, созданные на русском языке, переведены на многие иностранные языки и изданы отдельными книгами и поэтическими сборниками. Их отличительная черта – национальная образность и колорит, традиционная казахская мифология, знание мировой культуры. Новая и разносторонняя оценка творчества О. Сулейменова зарубежными критиками, издателями, литературоведами представлена в сборнике «Мир Олжаса Сулейменова», продолжающем серию «Международные связи казахской литературы».
Как пример новой науки – тюркославистики в статье рассматривается лингвистическое исследование О. Сулейменова «Код слова», своеобразное введение в Универсальный этимологический словарь «1001 слово». Начиная от книги «Аз и Я» и завершая «Кодом слова», поэт, лингвист, тюрколог прослеживает культурно-историческую роль тюркских этносов в мировой истории, эволюцию слова-знака и слова-символа, выдвигает убедительные гипотезы о праязыке.

The article analyzes the unique creative works of Olzhas Suleimenov – poet, diplomat, public figure. The key figure of the world literary process, he most vividly represents the process of Kazakh bilingualism in the world that is a literary trend with a developed history and poetics. The phenomenon of Suleimenov's creativity is a phenomenon of double literary affiliation, «double literary citizenship» (A. Dravić). The poetry and poems of the modern Kazakh poet, created in Russian, have been translated into many foreign languages and published by separate books and poetic collections. Their distinctive feature is national imagery and color, traditional Kazakh mythology and knowledge of world culture. A new and diverse evaluation of Suleimenov's work by foreign critics, publishers, and literary critics is presented in the collection «World of Olzhas Suleimenov», which continues the series «International Relations of Kazakh Literature». As an example of a new science – Turkic and Slavic studies – Suleimenov's linguistic study «The Code of the Word», a kind of introduction to the Universal Etymological Dictionary «1001 word», is analyzed in this article. Starting from the book «Az and I» and finishing with the «Code of the word», the poet, the linguist, and the turkologist traces the cultural and historical role of the Turkic ethnoses in world history, the evolution of the word-sign and the symbol-word, puts forward convincing hypotheses about the protolanguage.

Ключевые слова: этимология, знак, символ, геном слова, кочевник, код слова, этничность, лингвистика, миропонимание

Keywords: etymology, sign, symbol, word genome, nomad, word code, ethnicity, linguistics, world outlook

Введение

Разнообразное и многогранное творчество известного казахского поэта, тюрколога, лингвиста О. Сулейменова вызывает глубокий научный интерес исследователей многих стран мира. Своеобразие его творчества в том, что, «создавая свои произведения на русском языке, он остается казахским поэтом, размышляющим о судьбе родного народа» [1, с. 4].

Основной целью статьи является раскрытие новаторства поэта О. Сулейменова и оценка зарубежными исследователями его вклада в современную поэзию. Как закономерный итог лингво-компаративистских разысканий и гипотез рассматривается создание им новой научной дисциплины – тюркославистики, ибо поэт уверен в том, что «явление тюрко-славянского двуязычия есть фактор исторического культурного сближения…» [2, с. 343].

Материалом исследования являются поэтические произведения О. Сулейменова и новая книга «Код слова». Источниками служат статьи зарубежных исследователей о

сборниках стихотворений О. Сулейменова, переведенных на многие мировые языки. Методами исследования избраны объективно-аналитический и сравнительно-типологический.

Обсуждение

Русскоязычные писатели и поэты – широкое литературное течение, возникшее на границе и стыке двух культур и литератур, что, безусловно, обогащает их стиль, поэтику, индивидуальное мастерство. Верно замечание литературного критика В. Бадикова по поводу того, что «казахские писатели являются собственно казахскими по своему художественному мироощущению, хотя за счет русского языка творчества в их произведениях ощущается и влияние русского менталитета» [2, с. 320].

Лейтмотивом поэзии О. Сулейменова стал мотив пути. Поэт путешествует по миру, а пейзаж штата Небраска напоминает ему родную степь. Архетип кочевника как мировоззренческая категория и ведущий поэтический образ продиктован влиянием кочевого казахского мира. Если роман-эпопея М.О. Ауэзова «Путь Абая» – литературный памятник конно-кочевой цивилизации, то О. Сулейменов возвеличивает образ лирического героя – кочевника, знакомя с ним литературные круги разных стран мира. Образ героя – кочевника работает на обогащение философского и художественного замысла его поэм и стихотворений, углубляя смысл художественного текста и расширяя поле философско-художественных интерпретаций. Поэт воссоздает в художественных образах историю народа, раскрывая его культурный код.

О. Сулейменов – автор первой и единственной поэмы в мировой литературе о первом космонавте планеты Земля Юрии Гагарине. Символична история появления поэмы: текст был создан за одну ночь. Накануне полета Ю. Гагарина будущего автора поэмы вызвал к себе главный редактор республиканской газеты «Казахстанская правда» Ф. Боярский: «Завтра человек полетит в космос». Утром сестры принесли молодому автору ворох листовок с текстом новой поэмы, собранных на улицах Алматы. Их сбрасывали с самолета, приветствуя первый полет человека в космос. Поэма была напечатана на первой странице «Казахстанской правды». Читал ее О. Сулейменов в аудиториях Сорбонны в Париже и Колумбийского университета в Нью-Йорке, перед студенческой молодежью вузов СССР.

Автор поэмы «Земля, поклонись Человеку!», включая в поэтическую ткань образ кочевника, поднимает его до космических высот. Современный американский исследователь Н. Каффи, сопоставляя советскую и казахстанскую идентичность, рассматривает поэму как «слияние множественных, одновременных аспектов: один из них – это философские размышления молодого поэта о природе человеческого прогресса, реакция на историческое событие, а с другой стороны – вклад в развитие официальной советской литературы. Сосуществование этих аспектов в одном произведении укрепляет идентичность поэта, как «гибрид», заключающий в себе влияние многих культур и выходящий за рамки понятия Я / Другие» [3, с. 85].

Исследовательская и читательские аудитории произведений О. Сулейменова раскинулись от Франции до Индии и от США до Республики Корея. Особой любовью он окружен во Франции, где в 2008 году презентован поэтический сборник «Ветер степей», в который вошли стихотворения О. Сулейменова, Н. Оразалина и Ш. Сариева, с большим успехом выступивших на Всемирном фестивале поэзии в Париже.

О серьезном увлечении О. Сулейменовым лингвистикой, славистикой, тюркологией пишет Л. Робель [4, с.100]. Разнообразное по тематике и проблематике поэтическое и публицистическое творчество казахского поэта французский исследователь сравнивает с целым материком, поэтическим и вдохновляющим, изящно и высокопрофессионально обобщая вклад казахского поэта в мировую поэзию. Поэт уважительно и трепетно отно-

сится к Слову, прослеживая этимологию слов в самых разных языках народов планеты. Он на протяжении десятилетий размышляет над тем, как возникает Слово, считая код слова – своеобразной таблицей умножения. Его миропонимание формировало «Слово о полку Игореве», ввело его «в историю и позволило увидеть другими глазами многие стороны современности» [5, с.6].

От «Аз и Я» идет его увлечение компаративным анализом текста, лингвистическими параллелями и обобщениями. Осмысление книг О. Сулейменова «Язык письма», «Пересекающиеся параллели», «Тюрки в доистории», «Код слова» – занятие увлекательное, требующее определенной лингвистической подготовки, гуманитарных знаний, умения разгадывать сложные анаграммы, читать древние тексты и, порой, самостоятельно делать выводы, вступая в полемику с их автором. Писатель-интеллектуал великолепно знает мировую культуру, и этим он интересен многим исследователям его творчества за рубежом.

Гуманитарная составляющая знания, язык культуры и науки как метаязык, национальная тема и этнонациональная идентичность – широкий круг проблем, которым посвящены книги, публицистические выступления О. Сулейменова. Феномен его личности и творчества, метафоры и мотивы его поэзии, лейтмотивы и образы, поистине космическое видение поэтом культурных процессов убедительно доказывают ученые многих стран мира.

Владение двумя языками как доминанту его творчества раскрывает Л. Кошут (г. Берлин, Германия): «Сулейменов обращается ко всем жителям Земли и художественно воссоздает исторические традиции кочевников и оседлых народов. Поэт испытывает гордость от принадлежности к казахскому народу» [6, с.12]. Автор анализируемой статьи строг и последователен при анализе художественных поэтических текстов, выделяя композиционно подразделы: «О начале “Второго великого века”», «Слово – отражение поступков», «Высокая измена», «Мир и тебе!», «Кружись, Айналайын», «От края в центр», «Узнавая себя в других». Немецкий исследователь ощущает поток времени, чувствует временную связь между стихотворениями О. Сулейменова «Опаздывают поезда…» и «Равновесие», пишет о радости познания при чтении Сулейменова.

Американское восприятие книг О. Сулейменова в статьях Р. Абазова, Х. Рам, Н. Каффи, Дж. Уайтелла характеризуется новизной и неординарностью, соединением литературоведческого и культурологического подходов. Они пишут об участии казахского поэта в антиядерном движении, проводя параллели глобального характера. «Сулейменов выступил против ядерных испытаний в родном Казахстане, превратив вопрос местного значения в дело всесоюзного и даже глобального масштаба» [6, с.80].

В своей новой книге «Код слова» [7] О. Сулейменов уделяет особое внимание расшифровке генома слова, словам-знакам и словам-символам, чтобы узнать происхождение первых слов человечества. Пишет об ограниченности метода фонетических соответствий, оперируя которым можно исследовать лишь верхние пласты истории слов. Хорошо освоив правила создания знаков обозначения слов и их названий, жрецы следующих поколений передавали эти правила вместе с доставшимися им по наследству гербами-оберегами. Использовали тот же набор знаков, обогащенных новыми функциями и нюансами значений. Самым первым активным периодом процесса образования слов можно считать время появления первоиероглифов. Многозначимость графических знаков дала возможность жрецам в тысячелетнем развитии Homo sapiens создавать миллионы слов из простых обозначений – знаков. Поэт открыт для дискуссий, научных споров, ставя под сомнение схему распространения алфавита в Средиземноморье: финикийский – греческий – этрусский – латинский.

В книге «Код слова» намечены О. Сулейменовым перспективы дальнейших научных исследований – «Тюрки в Шумере», «Тюрки в Древнем Египте», «Тюрки в Этрурии»,

«Тюрки в Древней Индии», «Тюрки в Древнем Китае». Поэт убежден, что Слово следует читать вдумчиво и придавать ему особое значение как основному свидетельству доисторического прошлого. Таким образом, поиски связей между мировыми языками, алфавитами будут продолжены.

Заключение и выводы

Знать себя и свое прошлое призывает О. Сулейменов, стремясь проникнуть в тайны веков, выстраивая с учетом современных достижений лингвистики, палеографии, археологии, истории, герменевтики, философии, сравнительного языкознания и литературоведения, теории дискурса, доказательно и убедительно гипотезы о праязыке и находя подтверждение тому, что шумерская письменность имела в своей основе тюркские знаки. О. Сулейменов – поэт, глубоко национальный. Его принадлежность к родной казахской литературе подтверждают, по мнению С. Ананьевой, «ментальность, национальные образы, мир кочевья и современность» [8, с.446].

Безусловно, новые лингвистические открытия О. Сулейменова вызовут устойчивый интерес к его творчеству в разных странах мира. Диалог цивилизаций в XXI веке направлен на сохранение языков и культур.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Калижанов У. Жизнь в стихии слова // Казахстанская правда. 13 мая 2016 года. – С.4.
2. Бадиков В.В. Русскоязычные писатели Казахстана // Литература народа Казахстана. Изд. второе, дополненное. – Алматы: Казакпарат, 2014. – С.318-365.
3. Каффи Н. Идентичность и гибридность в поэме Олжаса Сулейменова «Земля, поклонись человеку!» // Мир Олжаса Сулейменова. – Караганда, 2015. – С.84-91.
4. Робель Л. Минута молчания на краю света // Мир Олжаса Сулейменова. – Караганда, 2015. – С.100.
5. Олжас Сулейменов. Аз и Я. – Алматы, 2011. – 364 с.
6. Кошут Л. Возвысить степь, не унижая горы // Мир Олжаса Сулейменова. – Караганда, 2015. – С.6-16.
7. Сулейменов О. Код Слова. Введение в Универсальный этимологический словарь «1001 слово». – Алматы, 2013. – 88 с.
8. Ананьева С.В. Казахская русскоязычная литература // Современная литература народа Казахстана. – Алматы: Evo Press, 2014. – С.445-482.

REFERENCES

1. Kalizhanov U. Zhizn v stihii slova. [Life in the world of words]. Kazakhstanskaya pravda. 13 maya 2016 goda. P. 4.
2. Badikov V.V. Russkoyazichnie pisateli Kazakhstana. [Russian-speaking writers of Kazakhstan]. In: Literatura naroda Kazakhstana. Izd. vtoroe, dopolnennoe. Almaty: Kazakparat, 2014. P. 318-365.
3. Caffee N. Identichnoct i gibridnost v poeme Olzhasa Suleimenova «Zemlya, poklonis cheloveky!». [Identity and Hybridity in Olzhas Suleimenov's Earth, Hail Man]. In: Mir Olzhasa Suleimenova. Karaganda, 2015. P. 84-91.
4. Robel L. Minuta molchania na krayu sveta. [Minute of silence on the edge of the world]. In: Mir Olzhasa Suleimenova. Karaganda, 2015. P. 100.
5. Olzhas Suleimenov. Az i Ya. Almaty, 2011. 364 p.
6. Kossuth L. Vozvisit' step', ne unizhaya gori. [To exalt the steppe without degrading the mountains]. In: Mir Olzhasa Suleimenova. Karaganda, 2015. P. 6-16.
7. Suleimenov O. Kod Slova. Vvedenie v Universalniy etimologitcheskiy slovar «1001 slovo». [Word Code. Introduction to the Universal Etymological Dictionary «1001 word»]. Almaty, 2013. 88 p.
8. Ananyeva S.V. Kazakhskaya russkoyazichnaya literature. [Kazakh Russian Literature]. In: Sovremennaya literatura naroda Kazakhstana. Almaty: Evo Press, 2014. P.445-482.

Информация об авторе:

Калижанов Уалихан Калижанович, доктор филологических наук, академик Национальной академии наук Республики Казахстан, директор Института литературы и искусства им. М.О. Ауэзова,
г. Алматы, Казахстан
litart@bk.ru

Information about the author:

Kalizhanov Ualikhan K., Doctor of Philological Sciences, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Director of M.O. Auezov Institute of Literature and Art,
Almaty, Kazakhstan
litart@bk.ru

Получена: 21.06.2017

Для цитирования: Калижанов У. К. Олжас Сулейменов: тюркославистика и культурный код. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 1. с.175-179.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-175-179.

Received: 21.06.2017

For citation: Kalizhanov U.K. Olzhas Suleymenov: tyurkoslavistika and cultural code. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 1. Pp. 175-179.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-175-179. (in Russian)

УДК37 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-180-187

КОЖЕВНИКОВ Виктор Владиславович
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия

ЛАЗАРЕВ Виктор Андреевич
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
victor_lazarev@mail.ru

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И РАЗВИТИЕ В МАТЕМАТИЧЕСКИХ НАУКАХ: НА ПРИМЕРЕ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И.П. МИТЮКА

Кафедра теории функций Кубанского государственного университета 70-80-х годов прошлого столетия по праву могла называться центром научного направления в области применения симметризационных методов в теории функций. Создатель кафедры профессор Игорь Петрович Митюк был одним из немногих советских математиков, угадавших мощный потенциал метода симметризации в задачах теории функций. К настоящему времени это единственная кафедра факультета математики и компьютерных наук КубГУ, сохранившая свое исконное название, первоначальное направление и свои научные традиции. Одним из проектов И.П. Митюка была организация школ-конференций. В разное время в работе школы-конференции приняли участие сотни отечественных математиков, аспирантов и студентов. Состав участников был представлен крупнейшими советскими школами по теории функций: ленинградской, московской, новосибирской, казанской, томской, краснодарской, донецкой, киевской. С лекциями выступали крупнейшие в стране и известные далеко за ее пределами математики. Школы давали возможность для непосредственного живого общения, способствовали быстрому распространению новых результатов и идей, постановке новых задач, поиску их решений. Они стимулировали рост молодых, начинающих ученых.

Ключевые слова: кафедра теории функций, симметризационные методы, школы-конференции, творческий поиск и научный обмен, развитие отечественной математики

Viktor V. KOZHEVNIKOV
Kuban State University
Krasnodar, Russia

Victor A. LAZAREV
Kuban State University
Krasnodar, Russia
victor_lazarev@mail.ru

CONTINUITY AND DEVELOPMENT IN MATHEMATICAL SCIENCES: ON THE EXAMPLE OF LIFE AND ACTIVITY OF I.P. MITYUK

The theory of functions department of the Kuban State University of the 70-80s of the last century could rightfully be called the center of the scientific direction in the field of application of symmetrization methods in theory of function. The founder of the department, professor Igor P. Mityuk, was one of the few Soviet mathematicians who guessed the powerful potential of the symmetrization method in problems of theory of function. By now it is the only department of the faculty of Mathematics and Computer Science of Kuban State University, which has preserved its original name, original direction and its own scientific traditions. One of the I.P. Mityuk's project was organizing school-conferences. At different times hundreds of Russian mathematicians, postgraduate students and students took part in the work of the school-conference. The participants were represented by the largest Soviet schools in the theory of functions: Leningrad, Moscow, Novosibirsk, Kazan, Tomsk, Krasnodar, Donetsk, Kiev. The lectures were delivered by the largest mathematicians in the country and known far beyond its borders. Schools provided an opportunity for direct live communication, facilitated the rapid dissemination of the new results and ideas, the formulation of new tasks, the search for their solutions. They stimulated the growth of young, beginning scientists.

Keywords: theory of function department, symmetrization methods, schools-conferences, creative search and scientific exchange, development of domestic mathematics

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 декабря 2013 г. N 2506-р была утверждена Концепция развития математического образования в Российской Федерации. Цель Концепции - вывести российское математическое образование на лидирующее положение в мире. Важными задачами развития математического образования в Российской Федерации определяются, в частности: поддержка лидеров математического образования (организаций и отдельных педагогов и ученых, а также структур, формирующихся вокруг лидеров), выявление новых активных лидеров, популяризация математических знаний, организаторов математического образования, научных биографий известных российских математиков.

В современном мире социальная роль фундаментальной науки возрастает, и в этом процессе математике принадлежит центральное место. Занятия математикой воспиты-

вают навыки строгого мышления, уважение и привычку к умственному труду, умение отличать истинное от ложного, развивают абстрактное мышление, способствуют освобождению от предрассудков и мифов и т.п.

В Европе вопрос о социальной роли математики возник в XVII в., при переходе к Новому времени, когда потребовалось массовое школьное образование для достижения более высокого качества населения, чем это было в средневековой Европе.

В России значение математики в развитии страны было осознано Петром I, о чем свидетельствуют принятые им решения, начиная с создания в 1701 г. Школы математических и навигацких наук до учреждения в 1724 г. Петербургской академии наук, университета и гимназии. Благодаря усилиям Петра в Академии были собраны ученые из лучших университетов Европы, в том числе математики Николай и Даниил Бернулли, Якоб Герман, а с 1727 г. - Леонард Эйлер.

О важной роли науки в развитии страны и общества и связанной с этим необходимости популяризации научных достижений высказывались многие выдающиеся деятели российской науки и культуры. Так, Н.Г. Чернышевский, считавший науку основной силой прогресса, утверждал, что ее открытия приносят действительную пользу только тогда, когда разливаются в массе публики. О необходимости популяризации научных знаний писал А.И. Герцен: «...по несчастию, великие истины, великие открытия... не переходят в общий поток кругообращающихся истин». К.А. Тимирязев, который был не только блестящим популяризатором, но также историком и теоретиком популяризации науки, писал о том, что процветание науки находится в прямой зависимости от уровня образованности и просвещенности населения: «Безнадежно состояние науки, когда она находится в положении искусственно насажденного оазиса среди безграничной пустыни всеобщего равнодушия. Безнадежно положение ученого, сознающего, что окружающая среда его терпит и только. Популяризация науки, являясь верным орудием народного просвещения, явится и залогом свободы самой науки» [1].

«У каждого свой исходный постулат, на котором построена его геометрия жизни. Нужно только пристальнее приглядеться к человеку, определить этот исходный постулат и тогда все станет ясно, все поступки окажутся логически обоснованными. Можно даже наперед предсказать, как поступит тот или иной человек» (Н.И. Лобачевский). Какова же геометрия жизни И.П. Митюка?

Жизнь и деятельность Игоря Петровича Митюка (06.01.1928-25.09.1995) принадлежит советскому времени, а сам он и как человек, и как ученый-математик служил ярким представителем советской эпохи. Человек, руководствовавшийся в жизни убеждением о равенстве всех людей, он, будучи известным в своей области специалистом, профессионалом высокого уровня, не был заносчивым снобом, себялюбивым честолюбцем; никогда он не смотрел на коллег, аспирантов или студентов сверху вниз. Он мог увлечься беседой с пришедшим к нему на консультацию аспирантом или заиграться с ним в шахматы до глубокой ночи. Бывало, он вел гостя на кухню и жарил с ним картошку часа в два ночи, продолжая обсуждать будущую защиту или только что сыгранную партию. Можно теоретически представить, что подобные обстоятельства приносили известное неудобство домашним Игоря Петровича, но все обходилось... Говоря об этом, нельзя не помянуть добрым словом жену Игоря Петровича, обаятельную Ирину Георгиевну, принимающую Игоря Петровича таким, каким он и был (для нее) всегда, - большим ребенком. Она была опорой Игорю Петровичу в жизни, беззаветно его любила, заботилась о нем и прожила после его смерти совсем недолго...

Человек предельной честности в отношении научного авторства, он щедро делился своими мыслями и давал своим аспирантам полную свободу творчества, определяя лишь начальное направление. Например, он мог сказать: «Найди работу Берманта 1944

года (о модулярной функции). Там есть интересные моменты. Подумай, как их можно использовать». Или:

« - Пойди и напиши план научной работы аспиранта (первого года обучения). Принесешь мне, я посмотрю.

- Игорь Петрович, а вы мне доверяете?

- Доверяю, доверяю… Иди, пиши!».

Сам он говорил: «Я вот этого не люблю, чтобы возиться...». С организацией защиты диссертаций Игорь Петрович помогал всегда. Ему с его авторитетом и связями это было нетрудно. Помогал он и по части научных контактов, выступлений на конференциях, требовал публикаций. Такой подход приносил свои плоды. Ученики Игоря Петровича своевременно защищались, рано приобретали научную самостоятельность и, что самое главное, учились сами ставить задачи и находить их решения. Работа аспирантов и молодых членов кафедры осуществлялась в атмосфере взаимной заинтересованности и доброжелательности. Научные результаты аспирантов и членов кафедры в то время систематически докладывались на кафедральном семинаре и в процессе обсуждения проходили достаточно серьезную проверку как с точки зрения строгости, так и с точки зрения качества результата. В этом проявлялось доверие руководителя к мнению своих коллег и право человека, создавшего научный коллектив, разделить ответственность за отзыв о работе между всеми членами кафедры. Именно на этом кафедральном семинаре впервые была доложена работа В.Н. Дубинина, в то время аспиранта кафедры теории функций, посвященная решению одной гипотезы У. Хеймана. Кафедра теории функций 70-80-х годов по праву могла называться центром научного направления в области применения симметризационных методов в теории функций.

Сейчас, по прошествии немногим менее пятидесяти лет (большое видится на расстоянии), можно сказать, что И.П. Митюк был креативным человеком. Поразительно, насколько его начинания оказывались перспективными, а результаты его незаметной работы - жизнестойкими. В 1969 г. ректор открывшегося в Краснодаре университета К.А. Новиков, хорошо знавший И.П. Митюка по совместной работе в Майкопском пединституте, предложил ему должность проректора по научной работе. И.П. Митюк согласился. Благодаря его усилиям в новом университете была заложена научная база, определился научный профиль, университет начал подготовку собственных научных кадров. На математическом факультете им с нуля была создана кафедра «Теории функций», которой он и руководил до самой своей смерти в 1995 г. Ныне, спустя почти пятьдесят лет с момента создания, кафедра теории функций по-прежнему существует. Это единственная кафедра математического факультета, сохранившая свое исконное название, первоначальное направление и свои научные традиции. Игорь Петрович был одним из немногих советских математиков, угадавших мощный потенциал метода симметризации в задачах теории функций. Метод был заложен в работах Д. Пойа и Г. Сегё. Основываясь на их результатах, И.П. Митюк развил симметризационный метод применительно к многолистным функциям и квазиконформным отображениям. Им впервые установлен общий принцип симметризации для многосвязных областей. Вместе со своими учениками Митюк стал систематически культивировать методы симметризации в задачах теории функций. Со временем симметризация получила всеобщее признание и стала одним из основных инструментов отечественных (и зарубежных) школ теории функций. Позднее этот инструмент был замечательно развит в работах аспиранта матфака Кубанского университета В.Н. Дубинина.

Теорией функций В.Н. Дубинин, будучи студентом, начал заниматься во Владивостоке под руководством Г.К. Антонюка, который тогда был доцентом Владивостокского университета и руководителем местной программы поддержки математически одаренных школьников. Георгий Константинович приехал на Кубань в 1970-м г. и привез с со-

бой двух своих учеников - В. Дубинина и В. Щлыка - для подготовки в аспирантуру к И.П. Митюку. Оба аспиранта занялись симметризацией, вовремя защитили кандидатские, а через несколько лет и докторские диссертации. Один из них, Владимир Николаевич Дубинин, - ныне член-корреспондент РАН, другой, Владимир Алексеевич Шлык, - профессор Дальневосточного федерального университета. Так в конкретных переплетениях человеческих отношений зарождалось значение Кубанской школы теории функций и шире - будущее отечественной математики в одной частной ее области. И это доказательство того, как можно при большом желании сопровождать в науку математически одаренных молодых людей. Математические дарования, подобно музыкальным, нередко врожденны, проявляются рано и органически определяют склад ума данного человека (Вавилов). Их следует выявлять, им следует помогать. Что двигало Г.К. Антонюком? Конечно же, прежде всего, желание оказать помощь молодым людям в развитии их математических дарований.

Но кафедра - это не только научно-образовательная деятельность. На кафедре теории функций существовал культ шахмат и вообще спортивных состязаний. Все члены кафедры должны были играть и играли в шахматы, в основном блицы. Г.К. Антонюк был сильным игроком и почти всегда выигрывал. Игорь Петрович очень расстраивался… Другой страстью Г.К. Антонюка служил бадминтон. Ею он заразил и И.П. Митюка. Что касается математики, то Георгий Константинович всегда отличался высокой требовательностью в отношении результата, предпочитал конкретные суждения «рассуждениям вообще» и был строгим профессионалом в своей области. Расцвет кафедры теории функций Кубанского университета приходится на 70-80-е годы. В то время на кафедре помимо И.П. Митюка и Г.К. Антонюка работали В.А. Лазарев, Б.Е. Левицкий, В.Г. Шеретов, Е.А. Щербаков. Они составили костяк кафедры теории функций.

Если задаться вопросом, почему идеи И.П. Митюка оказались перспективными, а результаты работы по предложенным им направлениям плодотворными, то после непродолжительного размышления станет ясно, что за всем стоит компетентность этого человека, его способность отобрать для работы талантливых людей и способствовать их достижениям.

С 1971 г. на базе кафедры под патронажем И.П. Митюка начали действовать школы-семинары по теории функций. Это был еще один удачный проект Игоря Петровича. Школы-семинары проводились на относительно постоянной основе, раз в два года, в период с 1971 по 1991 г. Первые школы-семинары проходили в Анапе. Имя Игоря Петровича и побережье Черного моря привлекали математиков, работавших в области теории функций, со всех концов Советского Союза. В остроумной и глубокой затее по организации школы-семинара сказались изобретательность И.П. Митюка и широта его мышления. Наш край не богат научными школами и математическими традициями, как Москва, Воронеж, Новосибирск или Санкт-Петербург (тогда Ленинград). Но он богат водными ресурсами, солнцем, сельским хозяйством и великолепной природой. Для многих математиков бескрайнего Советского Союза существовал непреодолимый соблазн приехать по приглашению организационного комитета школы-семинара и пообщаться на излюбленные темы с коллегами на берегу Черного моря. И математики ехали со всех концов нашей страны. Так, природные ресурсы Краснодарского края послужили делу развития отечественной математики. К сожалению, пользуемся мы этими ресурсами в последние годы недостаточно эффективно.

Конечно, в своей затее Игорь Петрович не был одинок. Будучи проректором по науке, он сумел мобилизовать способных и деятельных людей, таких как Е.А. Щербаков, В.А. Лазарев, Б.Е. Левицкий, в качестве исполнителей и вдохновителей проекта уже на уровне его практического осуществления. Работы было много. Много было тяжелых проблем, прежде всего финансовых. В целях уменьшения расходов было решено организо-

вать школу-семинар на основе пионерских лагерей. В сентябре пионерские лагеря пустели и опустевшие корпуса могли принять ученых «пионеров» со всего Союза. Для получения финансирования пришлось обратиться в Крайком партии за поддержкой и Крайисполком, чтобы убедить чиновников в важности мероприятия для отечественной науки и отечественного образования. Тогда (как, впрочем, и теперь) это была тяжелая задача, но деньги выделили. С местом проведения школы тоже определились: Анапа. Проблемы, однако, на этом не кончились. Пионерские лагеря были не слишком приспособлены для проведения научных семинаров, но давали крышу над головой. Конечно, надо было по возможности оборудовать жилые помещения, сделать их более комфортными. Не везде в помещениях работали электрические выключатели, далеко не в каждой комнате был платяной шкаф. Холодильников не было и в помине. В телевизорах, слава Богу, никто не нуждался, поскольку все и так знали, что и кого по телевизору показывают, - советское время имело свою специфику.

Из пяти корпусов под проживание гостей отвели два, и в них надо было перетащить платяные шкафы из других корпусов. Для этого в качестве рабочей силы были привлечены наиболее успешные студенты и аспиранты, специализирующиеся на кафедрах теории функций, математического анализа и дифференциальных уравнений. Этим убивали двух зайцев: во-первых, решался вопрос о привлечении бесплатной рабочей силы, а во-вторых, ребята могли послушать лекции известных математиков, познакомиться со свежими результатами в области теории функций, наконец, приобщиться к научному сообществу - дело не малое! Студенты были отобраны и, возглавляемые заместителем декана математического факультета Е.А. Щербаковым, отбыли в лагерь на «каторжные работы»... Надо сказать, что заместитель декана (он же по совместительству заместитель оргкомитета школы-семинара) не уклонялся от общественно-полезных работ и работал со студентами на равных.

Советские ученые в реальной жизни были идеалистами и энтузиастами в своей научной деятельности. В какой-то мере это сохранилось в ученой среде до сих пор, - но только в какой-то мере... А тогда под конференц-зал не моргнув глазом оборудовали столовую пионерского лагеря. Привезенные школьные доски были поставлены прямо на столы. Достали хороший мел, расставили столы и стулья, как и положено в конференц-зале. Народ был доволен.

Рабочий день делился надвое. С утра выступали с большими часовыми докладами, а после обеда наступал черед кратких сообщений. Завтрак, обед и ужин были организованы в столовой базы отдыха «Шахтер». Борщ ели, закусывая чесноком. Там же, в этой столовой, был организован и прощальный банкет. Вино привезли откуда-то из близлежащего колхоза в огромной кастрюле: такие кастрюли используются в столовых общественного питания для приготовления пищи в больших объемах. Может статься, вино было и не такое уж хорошее, условия проживания не такие уж комфортные, а конференц-зал напоминал сарай из-за горы сваленных позади столов и стульев, но атмосфера общения, интересные доклады, занятия любимым делом и море окупили многое. Позднее, в 80-е годы, Кубанские школы по теории функций проводились в других местах и в более комфортных условиях. Одна из них проходила в Майкопе. Гостей разместили в пансионате, расположенном в зеленой зоне, на краю города. Была организована замечательная экскурсия по живописному ущелью вдоль ручья Руфабго с его прекрасными водопадами. Наверное, эти водопады до сих пор низвергаются и шумят в памяти участников той школы.

В разное время в работе школы-конференции приняли участие сотни отечественных математиков, аспирантов и студентов. Состав участников был представлен крупнейшими советскими школами по теории функций: ленинградской, московской, новосибирской, казанской, томской, краснодарской, донецкой, киевской. С лекциями выступали

крупнейшие в Союзе и известные далеко за его пределами математики: Н.А. Лебедев, П.П. Белинский, В.И. Белый, В.Н. Монахов, Ю.Г. Решетняк, Н.В. Говоров, И.В. Островский, Л.А. Аксентьев, Г.Д. Суворов, И.И. Данилюк, А.Д. Мышкис, И.П. Митюк, П.М. Тамразов. Школы давали возможность для непосредственного живого общения, способствовали быстрому распространение новых результатов и идей, постановке новых задач, поиску их решений. Они стимулировали рост молодых, начинающих ученых. В частности, школа ощутимо повлияла на становление учеников Игоря Петровича, из которых В.Н. Дубинин, А.Ю. Солынин, В.А. Шлык со временем стали известными специалистами в теории функций.

Но эпоха «развитого социализма» подошла к концу. За ней последовали перестройка и трудные 90-е годы. Кафедра вместе со всей отечественной наукой пережила нелегкие времена. В 1995 г. не стало И.П. Митюка. Кафедру возглавил его ученик Б.Е. Левицкий, некоторые преподаватели перешли на другие кафедры, в другие вузы и города, снизилась интенсивность научной работы. Однако в 2008 г. кафедре удалось провести Международную научную конференцию по геометрической теории функций, и есть намерения кафедры продолжить проект И.П. Митюка по интенсификации научных связей.

Интенсивные связи между научными работниками имеют самое непосредственное значение для их творчества, так как обеспечивают необходимой информацией и одновременно служат стимулом к работе [3]. Многообразие средств связи достаточно широкое: от научных журналов, лекций и конференций до рассылаемых информационных сообщений, личных контактов, совместных стажировок и т.д. Эффективность средств связи бывает очень различной. Конференция может действительно оживить обмен идеями, но может оказаться и исключительно удобным местом для дополнительных проблем, связанных с выяснением престижа результатов или доказательством превосходства какого-то исследовательского подхода. Труды конференции могут редактироваться и издаваться таким образом, что действительно будут содействовать исследованиям, но могут также представлять собой повторяемую, как правило, редко кем читаемую информацию достаточно известных результатов. В зависимости от степени взаимной симпатии и доверия личные контакты между научными работниками могут ограничиваться чисто формальным представлением результатов, как можно «больше выхолощенных, но могут также представлять собой звенья живого потока информации», расширяющей интеллект людей, участвующих в этом мероприятии.

Очевидно, что неформальные контакты, имеющие место на конференциях, приобретают все большее значение, несмотря на широкое развитие электронной связи и печатной сети распространения научной информации. Заметим, что чем объемнее эти сети, тем больше приходится сидеть перед компьютером, просматривать печатные журналы, знакомиться с чужими опубликованными работами или присылаемыми на рецензирование и т.д. В результате количество времени, которое расходуется на участие в восприятии информации, существенно возрастает. В свою очередь, неформальные контакты, устанавливаемые на конференциях, являются «своего рода фильтром, так как они помогают уже заранее отобрать самое важное, обнаружить самые существенные источники информации, узнать искренние мнения о коллегах и научных результатах, которые по соображениям такта и приличия не могут найти места в печатных потоках информации». Отсюда обоснованное стремление организаторов создать атмосферу непосредственности и искренности, которая соответствовала бы общей увлеченности творческими поисками и научными обменами на конференциях.

Это в свое время отмечал один из создателей польской математической школы З. Янишевский: «Общение с математиками, математические разговоры, вся научная атмосфера, свойственная лучшим университетам, - это самое важное для тех, кто учится, важнее лекций, книг и семинаров... Речь идет об атмосфере, где всюду и постоянно - в кори-

доре и на улице, во время обеда и прогулки - разговаривают и слышат разговоры о математике, видят людей и предметы, напоминающие о ней, чувствуют, что вокруг кипит напряженная научная деятельность, рождаются новые идеи. Это побуждает к работе, укрепляет упорство в учении, подсказывает новые мысли, не позволяет замкнуться в одной проблеме, заставляет знакомиться с изменениями, происходящими в математике» [3].

Тот же автор писал по поводу математиков, что товарищеское общение - наиболее важный фактор их развития. Формирование как можно более крупных сборов лиц, изучающих математику, имеет первостепенное значение как для обмена информацией, так и для воспитания молодежи. «Исследователю нужно сотрудничество не только из-за его стимулирующего влияния - тот, кто работает обособленно, гораздо меньше знает. До него доходят лишь результаты исследований, идеи, уже созревшие, и только тогда, когда они появляются в печати, то есть нередко через несколько лет после их возникновения. Он не знает, как и почему они возникли, он не "сопереживал" этому процессу» [3].

Организация творчества за круглым столом. Очень существенную роль играет четкая и рационально построенная сеть связей между отдельными участниками творческих бесед по «узким темам». Именно в творческих беседах особенно важно создать климат, который благоприятствовал бы хорошему взаимопониманию, взаимному доверию, общности стремлений. Поскольку творчество - это работа над чем-то новым, то здесь «особенно трудно найти общий язык, понять, в чем заключается своеобразие чьего-то подхода, попасть в русло чужой мысли, даже если она и из той же области, которой вы занимаетесь» [2].

Важно, чтобы каналов связи было как можно больше, чтобы потоки стимулирующей информации в дискуссиях двигались в разных направлениях: «при их однонаправленности резко тормозится инициатива и активность тех, кто постоянно выполняет лишь роль приемников». Сам характер поступающей информации должен содействовать творчеству, что достигается чаще постановкой проблем, чем констатацией результатов. А функционирование системы связи в целом необходимо регулировать так, чтобы оно способствовало творческому процессу, что достигается ведущими круглых столов.

Умелое развертывание дискуссии на пленарных и секционных заседаниях, круглых столах имеет для эффективного функционирования конференции первостепенное значение. Ведь именно в процессе дискуссии рождаются идеи, именно она помогает интеллектуальному росту и она, наконец, позволяет сопоставлять различные, иной раз противоречивые точки зрения отдельных ученых или научных школ.

Здесь интересно привести исследования по дискуссионным группам известного американского ученого Бейлса [3], который выделил отдельные этапы процесса выработки неформальных заключений, отличающиеся некоторым своеобразием.

Отмечается, что «вначале преобладает взаимный обмен информацией, значение которого по мере развертывания дискуссии постепенно ослабевает.

На следующем этапе главным образом высказываются суждения. В это время особенно сильно проявляется тенденция участников дискуссии к упрочению своих позиций, которая приводит к характерной для данного состава участников иерархии престижа. На этой стадии возможны споры между ними.

После успешного завершения этого второго критического этапа дискуссии все активнее начинают поступать предложения и рекомендации, на основе которых группа приходит затем к решениям, т.е. соблюдается известное правило формальной логики (понятие - суждение - умозаключение). Чем ближе момент принятия обязывающих решений, тем отчетливее проявляется удовлетворенность одних и неудовлетворенность других участников дискуссии.

После принятия решений положительные реакции обычно сразу берут верх над отрицательными и внимание дискутирующей группы переключается, по крайней мере частично, с деловой сферы на сферу общественно-эмоциональную».

В значительной степени этапы дискуссии на круглых столах выдерживаются и на наших математических форумах, за исключением, может быть, этапа выработки решения, которое в нашем случае не всегда требуется. Представляет отдельный интерес специфика развертывания дискуссии на секционных заседаниях в зависимости от характера научной дисциплины, ведущего, состава коллектива, его организации и т.д. Когда мы устремляемся мыслью в будущее, переживая при этом прошлое, тогда нашему напряженному мысленному взору открывается священный смысл слов «*ничто не проходит*». Они оживают в нашем сознании и отсылаются нашим воображением к своему мифическому истоку: получается вечное кольцо смысла, живая связь с прошлым - в ней залог нашего будущего.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Развитие мотивации к изучению математики в современном мире. - М.: Изд-во РУДН, 2015. - 285 с.
2. Лазарев В.А., Лазарева В.М. Как разработать и реализовать предпринимательский проект: Учеб.-метод. пособие. - М.: Изд-во ЦСО, 2011. - 356 с.
3. Матейко А. Условия творческого труда. - М.: Мир, 1970. - 301 с.

REFERENCES

1. The development of motivation to study mathematics in the modern world. M.: Izd-vo RUDN, 2015. 285 p.
2. Lazarev V. A., Lazarev V. M. How to develop and implement an entrepreneurial project: Ucheb.method. allowance. M.: Publishing house of CSO, 2011. 356 p.
3. Matejko, A. the Conditions of creative labor. M.: Mir, 1970. 301P.

Информация об авторах:

Кожевников Виктор Владиславович, старший преподаватель, факультет математики и компьютерных наук, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия

Лазарев Виктор Андреевич, доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой теории функций, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
victor_lazarev@mail.ru

Получена: 15.06.2017

Для цитирования: Кожевников В.В., Лазарев В.А. Преемственность и развитие в математических науках: на примере жизни и деятельности И.П. Митюка. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 1. с.180-187.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-180-187.

Information about the authors:

Viktor V. Kozhevnikov, Senior Lecturer, Faculty of Mathematics and Computer Science, Kuban State University,
Krasnodar, Russia

Victor A. Lazarev, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of Theory of Functions Department, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
victor_lazarev@mail.ru

Received: 15.06.2017

For citation: Kozhevnikov V. V., Lazarev V.A. Continuity and development in mathematical sciences: on the example of life and activity of I.P. Mityuk. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 1. Pp. 180-187.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-180-187. (in Russian)

УДК 37 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-188-193

КРУЧИНА Ольга
Керченский государственный морской технологический университет
г. Керчь, Россия
scorpion19.11@yandex.ru

Olga N. KRUCHINA
Kerch State Maritime Technological University
Kerch, Russia
scorpion19.11@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ К КОММУНИКАЦИИ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ БУДУЩИХ СУДОВОДИТЕЛЕЙ

FORMATION OF READINESS FOR COMMUNICATION IN A FOREIGN LANGUAGE OF FUTURE NAVIGATORS

Актуальность данного исследования определяется тем, что законодательство подчеркивает особую важность владения английским языком в отношении безопасности на море. Проведен анализ Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 26.05.05 «Судовождение» (уровень специалитета), который показал, что среди необходимых умений не последнее место занимает готовность к коммуникации в устной и письменной формах на иностранном языке для решения задач профессиональной деятельности и владение английским языком в объеме, необходимом для выполнения своих функциональных обязанностей. Поэтому цель данной статьи - исследование основных аспектов формирования готовности к коммуникации в устной и письменной формах на иностранном языке будущих судоводителей в вузе. Предложены активные методы межкультурного обучения для формирования готовности к коммуникации навыков на иностранном языке для решения задач профессиональной деятельности. Сделан вывод, что предложенные формы обучения необходимы для повышения уровня сформированности коммуникативных умений у будущих судоводителей.

The relevance of this study is determined by the fact that the legislation emphasizes the importance of English proficiency in relation to safety at sea. The analysis of Federal state educational standard of higher education in the specialty 26.05.05 «Navigation» (specialty) showed that among the necessary skills is a readiness to communicate in oral and written forms in foreign languages for solving tasks of professional activity and English language mastering to perform the certain duties. Therefore, the purpose of this article is study the main aspects of formation of readiness to communicate in foreign language in future navigators at the university. The active methods of intercultural communication for developing skills of communication in oral and written form in a foreign language for the decision of tasks of professional activity were proposed. It is concluded that the proposed forms of training are necessary to improve the level of formation of communicative skills of future navigators.

Ключевые слова: готовность к коммуникации, иностранный язык, судоводитель, Международная конвенция, коммуникативный подход

Keywords: readiness to communicate, foreign language, navigator, International Convention, communicative approach

Постановка проблемы. Принципы коммуникативного подхода в настоящее время широко приняты в качестве основы для преподавания как основных закономерностей иностранного языка, так и для специализированных целей. Обучение иноязычному общению представляет собой набор принципов о преподавании, в том числе рекомендации о методике и программе, где акцент делается на содержательные связи, но не структуру и использование. При таком подходе студентам дается задание выполнить задачу с помощью языка, а не изучение иностранного языка [7].

Известно, что английский язык был принят ИМО, официально, как язык моря [5]. И STCW-95 (Международная конвенция о стандартах подготовки, сертификации и несения вахты для моряков) требует, чтобы каждый моряк имел достаточные знания о нем [6]. В настоящее время законодательно подчеркивается важность владения английским языком в отношении безопасности на море.

Анализ Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 26.05.05 «Судовождение» (уровень специалитета) показал, что среди необходимых умений выделяются следующие:

- способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия (ОК-6) [4];

- готовность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач профессиональной деятельности (ОПК-2) [4];
- владение английским языком в объеме, необходимом для выполнения своих функциональных обязанностей (ПК-18) [4].

Анализ последних публикаций и исследований и выделение нерешенной части проблемы. Вопросами формирования готовности к межкультурной коммуникации студентов университета занимались Н.В. Янкина, Л.В. Николаева. Формирование иноязычной коммуникативной компетенции изучали О.А. Лискина, А.В. Протченко, В.Ф. Аитов, А.П. Васильев и др. Однако современные формы обучения для формирования коммуникативных умений у будущих судоводителей не были предметом специального рассмотрения.

Поэтому целью данной статьи является исследование основных аспектов формирования готовности к коммуникации в устной и письменной формах на иностранном языке будущих судоводителей в вузе. Объект исследования - образовательный процесс вуза. Предмет исследования - основные аспекты формирования готовности к коммуникации на иностранном языке будущих судоводителей.

Изложение основного материала исследования. Подготовку будущих судоводителей к межкультурной коммуникации необходимо начинать с повышения социальной компетенции, которая подразумевает готовность и желание взаимодействовать, способность справиться с профессиональными проблемами, а также с проблемами, сложившимися в обществе. Для формирования готовности будущих судоводителей к межкультурной коммуникации необходима соответствующая языковая подготовка, что предполагает сформированность коммуникативных умений в процессе изучения иностранного языка.

Сформированность готовности к коммуникации на иностранном языке будущих судоводителей достигается в результате взаимодействия основных компонентов готовности: желания и способности взаимодействовать. Готовность к межкультурной коммуникации - это интегративное личностное новообразование, предполагающее наличие определенного уровня знания иностранного языка и коммуникативных умений.

Основные пути совершенствования формирования готовности будущих судоводителей к межкультурной коммуникации следующие:

- применение современных принципов преподавания иностранного языка (принципы коммуникативного обучения);
- введение дополнительного материала в содержание обучения иностранному языку (например, практикумов для совершенствования навыков устной и письменной речи в сфере профессионального морского английского языка);
- использование методов активного социального обучения студентов межкультурной коммуникации с целью формирования у них основных компонентов готовности.

Принципы коммуникативного обучения языку следующие: 1) коммуникативный принцип - деятельность, которая предполагает реальное общение, способствующее обучению; 2) целевой принцип - деятельность, в которой язык используется для передачи основных задач; 3) принцип осмысленности - язык, который имеет смысл для обучающего, поддерживает процесс обучения [7].

В контексте вышеуказанных требований в рамках коммуникативной направленности изучения иностранного языка, которая является системообразующим фактором, в неязыковом вузе выделяются четыре аспекта обучения: 1) учебный практический аспект (формирование у студента способности и готовности к межкультурной коммуникации); 2) воспитательный аспект (формирование у обучающихся системы нравственно-моральных ценностей, оценочно-эмоционального отношения к миру, положительного отношения к культуре народа, говорящего на изучаемом иностранном языке); 3) образовательный аспект (понимание особенностей мышления; приобретение знаний о культуре, реалиях и традициях стран изучаемого языка); 4) развивающий аспект (формирова-

ние механизма языковой догадки и умения переноса знаний и навыков в новую ситуацию посредством проблемно-поисковой деятельности).

Основной целью дисциплины «Иностранный язык» является повышение исходного уровня владения иностранным языком, достигнутого на предыдущей ступени образования, и овладение студентами необходимым и достаточным уровнем коммуникативной компетенции для решения социально-коммуникативных задач в различных областях бытовой, культурной, профессиональной и научной деятельности при общении с зарубежными партнерами, а также для дальнейшего самообразования. Изучение иностранного языка призвано также обеспечить: развитие информационной культуры; расширение кругозора и повышение общей культуры будущих судомехаников.

Итоговая цель обучения дисциплины «Иностранный язык» - формирование способности и готовности к межкультурному общению - обусловливает коммуникативную направленность курса, что предполагает достижение определенного уровня коммуникативной компетенции, под которой понимается умение соотносить языковые средства с конкретными целями, ситуациями и задачами речевого общения.

Конечный результат освоения дисциплины «Иностранный язык» предполагает: наличие языковой и коммуникативной компетенции, достаточной для дальнейшей учебной деятельности, для последующего изучения зарубежного опыта в определенной области, а также для осуществления деловых контактов на элементарном уровне; умение вести на иностранном языке беседу - диалог общего характера, соблюдать правила речевого этикета, читать литературу по специальности без словаря с целью поиска информации, переводить тексты по специальности со словарем, составлять аннотации, рефераты и деловые письма.

Однако для совершенствования навыков устной и письменной речи в сфере профессионального морского английского языка целесообразно расширить содержание обучения иностранному языку за счет дополнительного материала - практикумов к практическим занятиям и самостоятельной работы для курсантов. Также практикумы предназначены для развития навыков чтения литературы по специальности и формирования навыков профессиональной устной речи у курсантов специальности 26.05.05 «Судовождение» очной и заочной формы обучения и содержат сведения, необходимые для делового общения на английском языке для судоводителей с иностранцами по вопросам, связанным с документацией, применяющейся при грузовых перевозках на морских судах, с погрузочно-разгрузочными работами в портах.

Темами для изучения иностранного языка будущими судоводителями могут быть: «Main Technical Characteristics of Ships», «Deck Cargo Handling Equipment», «Fishing Operations», «Types of Cargo» [1], Essentials of the Maritime Conventions, STCW-78/95, Safety on Board, MARPOL Convention, ISPS Code, Search and Rescue, Watchkeeping and Navigation, Preparing for Sea, Watchkeeping in Coastal Waters, Watchkeeping during Ocean Passages, Collision Regulations [2; 3].

В практикумах приводятся текстовые аутентичные материалы на английском языке, отобранные из оригинальных источников, а именно: конвенций ИМО, публикаций Британского гидрографического общества (Адмиралтейских описаний радиосигналов), навигационных альманахов, научно-популярной литературы. Также включены оригинальные документы и неадаптированная литература, что помогает студентам усвоить необходимую современную терминологию, грамматические аспекты ведения документации и в конечном итоге повысить свою профессиональную компетенцию. Каждый раздел включает в себя тексты с наглядными иллюстрациями, глоссарий и различные виды коммуникативных упражнений. Рассматриваемый практикум поможет курсантам, которые готовятся исполнять функции вахтенного помощника капитана, ознакомиться с ежедневными операциями, чрезвычайными ситуациями и поведению при их возникновении.

Одним из современных методов активного социального обучения студентов межкультурной коммуникации с целью формирования у них основных компонентов готовности являются методы активного вовлечения в ситуации межкультурного общения: дис-

куссии, игры, анализ ситуаций, тренинги, позволяющие полностью погрузиться в активное контролируемое общение [8]. Именно активные методы межкультурного обучения - имитационные и деловые игры - позволяют познакомиться с проблемами в динамике. Примером заданий на начальном этапе обучения могут быть следующие:

Work with a study partner. Ask questions and complete the form. Introduce your partner.

A new engineer arrives on your vessel. Imagine you are talking to him. Complete the dialogue.

You: *Hi. How are you? Welcome on board.*
My name is..... .What..... name?
Engineer: *Hi..... Alan Lewis. Pleased to meet you.*
You: *Where..... ...you..... ?*
Engineer: ..... *Australia. What about you?*
You: *I'm from.....*
Engineer: *Right. Good to meet you. .....job?*
You: *I'm..... .What.....you.....?*
Engineer: *Oh, I'm an engineer. This is my first vessel.*
You: *I see. OK. Alan, let me show you where everything is. Come this way* [2].

Анализ коммуникативных ситуаций поможет обучающимся овладеть коммуникативными навыками:

Read and explain the situations at the Airport.

1. Would all passengers on flight LH2732 to Munich please go to gate 14 where your plane is now ready for boarding. Thank you.
2. Will passenger Andy Taylor, arriving from Miami, please go to the meeting point in the Arrivals Hall?
3. Ah look. We're travelling from Portugal so we can go through the blue customs channel over there.
4. I'm sorry, sir, you can't use your cell phone in this area. You must switch it off.
5. Welcome to Florida. Our Inter Sun representative is waiting for you in the bus station, and she will take you to your hotel. Just follow the blue sign.
6. Good morning everyone. We are sorry for the delay but we are now ready to board flight OS 1418 to Vienna. Please go to gate 10, and have your passport and boarding pass ready [3].

Для формирования готовности будущих судоводителей к межкультурной коммуникации необходимы образовательные технологии, лежащие в основе обучения курсу «Иностранный язык»:

- *технология интерактивного обучения* - обеспечивает формирование и развитие коммуникативных умений (работа в парах, мозговой штурм, тренинги, работа в малых группах на занятиях и самостоятельно через Интернет);
- *личностно-ориентированные технологии* (дифференцированные задания, разноуровневые тесты с различной степенью сложности текстов, разработка индивидуальных маршрутов);
- *интегральные технологии* (проблемный метод, моделирование ситуаций, разнообразные задания, ориентированные на профессию, работа в парах и мини-группах);
- *проектные технологии* (индивидуальные, групповые, презентации, выступления на конференциях на иностранном языке);
- *метод анализа реальных ситуаций (кейс-стадии)* (кейс - текст с вопросами для обсуждения; приложения с подборкой различной информации, передающей общий контекст кейса, заключение по кейсу);
- *языковой портфель, или портфолио* - служит для оценки уровня компетенции в области иностранных языков, может выполнять функции стартовой оценки уровня достижений.

Выводы. Таким образом, в заключение отметим, что рассмотренные нами аспекты формирования готовности к коммуникации в устной и письменной формах на иностранном языке будущих судоводителей в вузе способствуют достижению определенного уровня коммуникативной компетенции. Основные пути совершенствования формирования готовности будущих судоводителей к межкультурной коммуникации следующие: применение современных принципов коммуникативного обучения и использование специальных методов активного социального обучения студентов межкультурной коммуникации с целью формирования основных компонентов готовности. Анализ коммуникативных ситуаций поможет обучающимся овладеть коммуникативными навыками.

Для формирования готовности будущих судоводителей к межкультурной коммуникации необходимы инновационные образовательные технологии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Кручина О.Н. Практикум к практическим занятиям и самостоятельной работы для курсантов 2 курса специальности 26.05.05 «Судовождение» очной и заочной формы ния. - Керчь: КГМТУ, 2016. - 100 с.
2. Осипова М.А. Иностранный язык (английский). Практикум по проведению и подготовке к практическим занятиям и самостоятельной работе для курсантов 1 курса специальности 26.05.05 «Судовождение» очной и заочной формы обучения. Ч.2. - Керчь: КГМТУ, 2017. - 78 с.
3. Осипова М.А. Иностранный язык (английский язык). Практикум для подготовки к практическим занятиям и самостоятельной работы курсантов 4 курса специальности 26.05.05 «Судовождение» очной и заочной формы обучения. - Керчь: КГМТУ, 2016. - 88 с.
4. Проект Приказа Минобрнауки России "Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 26.05.05 Судовождение (уровень специалитета)" (по состоянию на 25.07.2016) / [Электронный ресурс] - URL:http://fgosvo.ru/uploadfiles/ProjectsFGOSVO/SPEC/260505_C.pdf
5. International Convention on Standards of Training, Certification and Watchkeeping for Seafarers (STCW Convention, as amended IMO Sales No. IB938E)
6. Model Course 3.17 MARITIME ENGLISH 2009 Electronic Edition
7. Kruchina O.N. The principles of Communicative Approach in Teaching Maritime English / Recent Achievements and Prospects of Innovations and Technologies: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Севастополь, 12 апреля 2017 г.) / Под ред. Т.Г. Клепиковой, А.Г. Михайловой / [Электронный сурс]. - Электрон.дан. - Севастополь: Изд-во Севастопольского государственного университета, 2017. - 1 электрон.опт. диск (CD-ROM). - Севастополь. - 469 с. - С. 352-355.
8. Nunan D. Language Teaching Methodology: Textbook for Teachers Prentice Hall, 1991. 284 p.

REFERENCES

1. Kruchina O.N. The workshop for practical classes and independent work for 2nd year students of the specialty 26.05.05 "Navigation" internal and correspondence forms of training. Kerch: KGMTU, 2016. P 100 (in Eng.).
2. Osipova M.A. Foreign language (English). Workshop on conducting and preparing for practical classes and independent work for students of 1 course of specialty 26.05.05 "Navigation" internal and correspondence forms of training. Part 2 Kerch: KGMTU, 2017.P.78. (in Eng.).
3. Osipova M.A. Foreign language (English). A workshop to prepare for practical classes and independent work of cadets 4-year degree 26.05.05 "Navigation" internal and correspondence forms of training Kerch: Kerch: KGMTU, 2016. P.88 (in Eng.).
4. The draft order of the Ministry of education and science "On approval of Federal state educational standard of higher education in the specialty 26.05.05 Navigation (specialty)"

(25.07.2016).Available at: http://fgosvo.ru/uploadfiles/ProjectsFGOSVO/SPEC/260505_C.pdf. (accessed 20 May 2017) (in Russ.).
5. International Convention on Standards of Training, Certification and Watchkeeping for Seafarers (STCW Convention, as amended (IMO Sales No. IB938E) (in Eng.).
6. Model Course 3.17 MARITIME ENGLISH 2009 Electronic Edition (in Eng.).
7. Kruchina O.N. The principles of Communicative Approach in Teaching Maritime English. Recent Achievements and Prospects of Innovations and Technologies: Materials of the VI All-Russian Scientific-Practical Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists (Sevastopol', 12 april 2017). T.G. Klepikova, A.G. Mihaylova. Sevastopol 2017. Pp. 352-355 (in Eng.).
8. Nunan D. Language Teaching Methodology: Textbook for Teachers Prentice Hall, 1991. 284 p.(in Eng.).

Информация об авторе:

Кручина Ольга Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Керченский государственный морской технологический университет,
г. Керчь, Россия
scorpion19.11@yandex.ru

Получена: 08.06.2017

Для цитирования: Кручина О.Н. Формирование готовности к коммуникации на иностранном языке будущих судоводителей. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 1. с.188-193.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-188-193.

Information about the author:

Olga N. Kruchina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Kerch State Maritime Technological University,
Kerch, Russia
scorpion19.11@yandex.ru

Received: 08.06.2017

For citation: Kruchina O. N. Formation of readiness for communication in a foreign language of future navigators. Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 1. Pp. 188-193.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-188-193. (in Russian)

УДК 811.161.1(0.054.6) DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-194-200

МАКЕЕНКОВА Татьяна Викторовна
Смоленский государственный медицинский университет Минздрава России
г. Смоленск, Россия
tatamak@list.ru

Tatyana V. MAKEENKOVA
Smolensk State Medical University
Smolensk, Russia
tatamak@list.ru

МАЛИНКИНА Наталья Анатольевна
Смоленский государственный медицинский университет Минздрава России
г. Смоленск, Россия

Natalya A. MALINKINA
Smolensk State Medical University
Smolensk, Russia

РУССКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ ИНОСТРАНЦЕВ: ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ

В статье рассматривается органичная связь теории и методики обучения русскому языку как иностранному с принципами общей дидактики, выполнение требований которых призвано облегчить работу преподавателя по обучению иностранцев русскому языку. Подробно описываются пути и способы практической реализации таких общедидактических принципов, как принципы научности, доступности, системности и последовательности, наглядности, сознательности и активности, прочности усвоения знаний. Каждый из этих принципов базируется на объективных законах дидактики, отражающих необходимые связи между составными элементами внутри процесса обучения. В связи с этим осознание необходимости руководствоваться не только принципами, учитывающими закономерности усвоения русского языка как иностранного, но и принципами общей дидактики делает процесс преподавания русского языка в иностранной аудитории более эффективным.

Практическая реализация общедидактических принципов осуществляется за счет соблюдения ряда важных правил, которые ориентируют преподавателя на выполнение определенных действий, что показано на примере конкретных упражнений и ситуационных задач. Лексическое и грамматическое наполнение заданий и упражнений может видоизменяться и варьироваться в зависимости от индивидуальных способностей обучающихся, а также от конкретного этапа изучения русского языка как иностранного. Приведенные примеры заданий и упражнений из опыта преподавания показывают, что практическая реализация общедидактических принципов способствует не только достижению основных целей обучения, но и формированию коммуникативной компетенции обучающихся, основанной на компетенции лингвистической, как конкретной цели обучения иностранцев русскому языку.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, коммуникативная компетенция, общая дидактика, принцип научности, принцип доступности, принцип системности и последовательности, принцип наглядности, принцип сознательности и активности, принцип прочности усвоения знаний, практическая реализация, задание

THE RUSSIAN LANGUAGE FOR FOREIGNERS: FROM THE TEACHING EXPERIENCE

In the article we consider an organic connection between theory and methods of learning of the Russian language as a foreign one with the principles of general didactics, meeting the requirements of which is appealed to simplify work of a teacher while training foreigners Russian. The ways and methods of practical realization of such general didactic principles as scientific character, intelligibility, system, consistency, and use of visual methods, awareness and activeness, the strength of learning are particularly described. Each of these principles is based on objective laws of didactics, which reflect necessary connections between components inside the process of learning. In this regard, the consciousness of necessity to act in accordance with not only principles, which take into account law-governed nature of understanding of the Russian language as the foreign one , but also in accordance with principles of general didactics makes the process of teaching of Russian to foreign audience more effective. The practical realization of general didactic principles is carried out due to keeping to a number of important rules which orientate a teacher towards meeting definite activities and it is shown as examples in certain exercises and situational tasks. Lexical and grammatical filling of tasks and exercises can be changed and vary depending on individual abilities of students and also on a certain step of learning of the Russian language as the foreign one. The presented examples of tasks and exercises from the teaching experience show that the practical realization of general didactic principles promotes not only the basic teaching goals, but also forming of communicative competence of students, based on linguistic competence as a concrete goal of teaching foreigners the Russian language.

Keywords: Russian language as foreign, communicative competence, general didactics, principle of scientific character, principle of awareness, principle of system and consistency, principle of use of visual methods, principle of intelligibility and activeness, principle of strength of learning, practical realization, task

Основной целью обучения русскому языку как иностранному (РКИ) является подготовка к успешной коммуникации на русском языке как в устной, так и в письменной форме с учетом сфер, тем и ситуаций общения. Достижению поставленной цели способствует решение следующих задач:

1) формирование лингвистической компетенции как прочной базы для коммуникативной компетенции обучающихся в повседневной, социально-культурной и учебно-профессиональной сферах общения;

2) развитие умения реализовывать не только необходимые простые интенции, но и блоки интенций в зависимости от речевого контекста;

3) расширение лексического запаса и отработка коммуникативных навыков в результате практического использования языка;

4) развитие общеучебных умений на основе коммуникативно-деятельностного подхода [1];

5) обеспечение мотивации информационно-поисковой деятельности учащихся с использованием современных информационных технологий.

Таким образом, методика преподавания РКИ имеет свою специфику. Облегчить работу по обучению иностранцев русскому языку может осознание того, что в основе и этой дисциплины лежат принципы общей дидактики. «Под принципами в педагогике понимают основные положения, требования которых необходимо выполнять для обеспечения эффективности обучения и воспитания, то есть это те требования, которыми нужно руководствоваться при выборе и использовании средств, методов и форм обучения и воспитания» [2, с. 75]. Впервые общедидактические принципы были выделены и разработаны еще в XVII в. Яном Амосом Коменским [3, с. 81-86]. Педагогические принципы имеют свою историю, их создал один педагог, а сформировались они в результате теоретических обобщений и опыта. Педагогические принципы рассматривают в системе, состоящей из двух взаимосвязанных блоков: дидактических принципов и принципов воспитания, что связано с концепцией целостности педагогического процесса. В свою очередь, принципы дидактики - это исходные теоретические положения, лежащие в основе организации учебного процесса, то есть требования, предъявляемые к организации обучения. На протяжении долгого времени к основным принципам общей дидактики относят следующие: 1) принцип научности; 2) принцип доступности; 3) принцип системности и последовательности; 4) принцип наглядности; 5) принцип сознательности и активности; 6) принцип прочности усвоения знаний [4, с. 32-33].

Принцип научности обусловлен тем общим дидактическим требованием, согласно которому преподаватель обязан обеспечить научность учебной работы. Для решения этой задачи ему необходимо:

1) использовать язык науки;

2) глубоко и доказательно раскрывать каждое научное положение изучаемого материала, не допускать неточностей и механического заучивания теоретических выводов и обобщений, а также рассматривать объекты в развитии, формируя у студентов диалектический склад мышления;

3) обеспечивать правильное восприятие изучаемых объектов на основе выделения их существенных сторон;

4) использовать в обучении научные методы [4, с. 33].

При изучении русского языка как иностранного принцип научности реализуется при использовании терминов: названий частей речи и их морфологических категорий *(имя существительное, имя прилагательное, глагол, настоящее время, несовершенный вид и т.д.)*, при использовании научных методов обучения (*теоретического, теоретико-практического)*, а также при изучении существенных признаков языковых единиц.

Так, при выполнении трансформационных упражнений, предполагающих нахождение лексико-грамматических соответствий, обучающиеся должны составить словосочетания, используя слова разных частей речи в соответствии с семантикой и грамматической парадигмой.

Задание: Составьте возможные словосочетания по моделям «какой + что» и «как + что делать».

яблочный	слово	внимательно	говорить
иностранный	улицы	громко	слушать
новый	туристы	понятно	писать
зелёный	цвет	правильно	объяснять
узкий	сок	красиво	отвечать

Чтобы правильно выполнить задание, учащимся необходимо знать лексическое значение изученных слов, морфологические, формообразовательные и словообразовательные признаки разных частей речи. Такие упражнения позволяют автоматизировать навыки правильного грамматического оформления словосочетаний и являются подготовительным этапом, предшествующим работе по самостоятельному созданию основной синтаксической единицы - предложения. Цель подобных заданий - развитие способности выражать коммуникативные намерения, то есть свободно вступать в коммуникацию в соответствии с темами и ситуациями общения.

Принцип доступности отражает необходимость учета возрастных и индивидуальных особенностей учащихся в процессе обучения. Сделать изучение материала доступным - значит определить его содержание, общий объем знаний, практических умений и навыков с учетом познавательных возможностей обучающихся, а также распределить количество учебного времени в зависимости от важности и сложности усвоения материала. Практическая реализация этой закономерности во многом зависит от преподавателя, от его умения использовать яркий фактический материал, так как принцип доступности тесно связан с учетом индивидуальных особенностей мыслительной деятельности и памяти учеников, а также с уровнем их подготовки и развития [4, с. 33]. Ян Амос Коменский сформулировал четыре правила реализации требований доступности в обучении: идти от легкого к трудному, от неизвестного к известному, от простого к сложному, от близкого к далекому [5, с. 47-70].

При изучении русского языка как иностранного принцип доступности предполагает соответствие содержания и методов обучения индивидуальным (возрастным и личностным) возможностям учащихся и следование от известного к неизвестному, от простого к сложному. Реализация данного принципа наиболее четко прослеживается на примере формирования навыков правильного произношения гласных и согласных звуков и их сочетаний с последовательным и поэтапным повышением уровня сложности. Развитие данных навыков возможно как при активной совместной работе преподавателя и учащихся, так и при использовании технических средств обучения, позволяющих выполнить имитирующие упражнения на основе аудиозаписей. Например, сначала обучающимся необходимо внимательно прослушать, а затем произнести слоги и фразы.

Задание: Повторите медленно и четко следующие слоги и фразы.

1. [Шэ], [ша], [шо], [шу], [шы].
[Шэ-сэ], [ша-са], [шо-со], [шу-су], [шы-сы].
Шни, шне, шня, шнё, шню, шни.
Шти, ште, штя, штё, штю, шти.

Шли сорок мышей, нашли сорок грошей.
2. [Жэ], [жа], [жо], [жу], [жы].
[Жэ-зэ], [жа-за], [жо-зо], [жу-зу], [жы-зы].
Жни, жнэ, жна, жно, жну, жны, жне, жня, жнё, жню.
Жди, жде, ждя, ждё, ждю, жди.
У ежа - ежата, у ужа - ужата.
3. [Чи], [чэ], [ча], [чо], [чу].
Чищи, чеще, чаща, чёщё, чущу.
У четырёх черепашек по четыре черепашонка.

Подобные упражнения необходимо использовать в качестве фонетической зарядки не менее пяти минут в начале каждого занятия для автоматизации навыков правильного и четкого произношения гласных и согласных звуков, а также их сочетаний [6, с. 97]. При этом обучающиеся усваивают нормы и правила русского литературного произношения, осознают такие фонетические процессы, как аканье, иканье, озвончение и оглушение согласных.

Принцип системности и последовательности обучения требует глубокого осмысления учащимися логики и системы в содержании приобретаемых ими знаний, а также постоянной работы по повторению и обобщению изученного материала. В осуществлении этой дидактической закономерности большая роль принадлежит проверке и оценке знаний учащихся, что способствует выявлению и устранению пробелов в изучении материала [4, с. 33-34].

В настоящее время в обучении русскому языку как иностранному широкое распространение получили тестовые задания, которые призваны обобщить и систематизировать знания студентов. Тестирование как вид контроля помогает наиболее объективно и в короткий промежуток времени выявить степень сформированности языковой (лингвистической) и/или речевой (коммуникативной) компетенции на каждом этапе изучения определенного лексико-грамматического материала [7, с. 309-312].

Задание: Выберите правильный вариант ответа.

1. Я не знаю, где ... тетрадь.	1) твоё 2) твоя 3) твой
2. Ты не знаешь, как ... room?	1) русский 2) по-русски 3) русская
3. Уже вечер, я очень ... есть.	1) могу 2) хочу 3) должен
4. - Вы не скажете, где банк? -	1) С 8 до 20 часов. 2) Простите, я не знаю. Я иностранец. 3) На трамвае № 2.
5. - Что купить на ужин? -	1) Я думаю, нужно купить сувениры и цветы! 2) Я могу купить рис, а ты купи овощи! 3) Я хочу приготовить салат!

Принцип наглядности обусловлен прежде всего тем, что обучение выступает как средство познания окружающего мира, предметов, явлений, событий. Особую значимость здесь приобретает включение в познавательный процесс органов восприятия. Наглядное обучение повышает внимание, способствует более глубокому усвоению знаний и развитию нескольких видов памяти. Оно основано на особенностях мышления учащихся, которое развивается от конкретного к абстрактному, способствует развитию интереса к изучению нового материала [5, с. 35].

Принцип наглядности при изучении русского языка как иностранного может реализовываться за счет использования таких средств обучения, как *доска, сигнальные карточки, раздаточный материал* (например, карточки с текстом и заданиями), *схемы, таблицы* и, наконец, *картины и картинки,* демонстрация которых может сопровождаться заданиями. Например, при изучении темы «Что мы едим?», или «Национальная кухня», для проверки знания учащимися семантики изученных лексических единиц возможно использование графического диктанта. Преподавателю необходимо подготовить картинки (слайды) с изображением фруктов, овощей, блюд и напитков, которые в дальнейшем он продемонстрирует учащимся. Обучающиеся, в свою очередь, должны не только написать диктант, графически правильно оформляя слова, но и распределить их в таблице, каждый из четырех столбцов которой соответствует названиям следующих кластеров: «Фрукты», «Овощи», «Блюда», «Напитки». Подобные упражнения с использованием средств наглядности помогают преподавателю оценить степень сформированности навыков употребления слов определенной лексико-тематической группы.

От умения реализовать дидактический *принцип сознательности и активности* в решающей мере зависит качество учебного процесса. Большое значение при этом имеет использование приемов, способствующих развитию мотивации к овладению знаниями, придание учебному процессу проблемного характера. Например, решение ситуационных задач, моделирующих реальные ситуации общения. Активность и сознательность обучающихся поддерживаются за счет организации наблюдения за изучаемыми языковыми явлениями, в результате которого учащиеся должны сравнить известное с неизвестным и самостоятельно сформулировать вывод. Существенную помощь в достижении цели может оказать использование наглядных пособий и технических средств обучения. Очень важен при этом выбор методов обучения, которые призваны активизировать познавательную деятельность. Например, использование игровых элементов, методов конструирования и реконструирования, творческих диктантов. Так, при изучении лексики и грамматики в качестве тренировочного упражнения можно предложить учащимся игру «Четвертый - лишний», которая представляет собой графический (цифровой) диктант.

Задание: Запишите номер «лишнего» слова в каждой из представленных групп.

I 1) дворец	II 1) брюки	III 1) яблочный
2) памятник	2) шорты	2) апельсиновый
3) автобус	3) очки	3) фруктовый
4) собор	4) джинсы	4) оранжевый
IV 1) тетрадь	V 1) в университет	VI 1) нарисовать
2) кровать	2) в столовой	2) покупать
3) календарь	3) домой	3) прочитать
4) площадь	4) в общежитие	4) сказать

Использование элементов занимательности обеспечивает высокую эффективность усвоения информации в результате повышенного внимания и интереса учащихся к содержанию работы. Прием графического (цифрового) диктанта способствует экономии времени и формированию умения быстро находить слова определенной тематической группы или грамматической категории.

Обязательно должна быть целевая установка, которая способствует развитию самоорганизации и самомотивации обучающихся. Например, зачем мы изучаем и запоминаем состав слова, типы основ и варианты окончаний - чтобы образовывать грамматические формы в соответствии с нормами русского языка; для чего нам это нужно - чтобы правильно согласовывать слова в пределах словосочетаний и предложений в зависимости от выбранной грамматической модели; для какой цели нам это нужно - чтобы реали-

зовывать необходимые интенции в зависимости от речевого контекста, следовательно, грамматически правильно строить собственные диалогические и монологические высказывания на основе изученного лексико-грамматического материала с целью реализации определенного коммуникативного намерения. Например, *Словарь. → Большой словарь. → Большой словарь стоит на полке. → Дай мне, пожалуйста, большой словарь. → Дай мне, пожалуйста, большой словарь, который стоит на полке*. Таким образом выстраивается мотивационная цепочка (цепочка мотивации) действий, за счет которой формируется сознательность и активность при изучении русского языка как иностранного.

Принцип прочности и цикличности обучения отражает ту особенность обучения, в соответствии с которой овладение знаниями, умениями, навыками и мировоззренческими идеями достигается только тогда, когда они, с одной стороны, обстоятельно осмыслены, а с другой - продолжительно сохраняются в памяти. Решение этой важной дидактической закономерности требует, чтобы студенты совершали в процессе обучения полный цикл учебно-познавательных действий: первичное восприятие и осмысление изучаемого материала, его последующее осознание, работа по его запоминанию, повторению и применению на практике. Эта цикличность является необходимой предпосылкой прочного усвоения изучаемого материала [5, с. 35].

Принцип прочности и цикличности при изучении русского языка как иностранного реализуется за счет использования наглядных пособий, смены видов деятельности, систематического повторения и закрепления полученных знаний в реальных ситуациях общения и, конечно же, за счет контроля (как итогового, так и текущего). Например, методом текущего контроля знаний и умений обучающихся может стать создание собственного монологического высказывания на заданную тему с использованием лексических единиц определенных тематических групп и грамматических конструкций, соответствующих изученным грамматическим категориям. Например, создание монологических высказываний на тему «Мой день» после изучения видов сказуемых в русском языке, в частности составного глагольного сказуемого, и использование моделей с конструкциями *хотеть, мочь, должен* + *инфинитив* основного глагола.

Таким образом, основная цель обучения русскому языку как иностранному - подготовка к успешной коммуникации на русском языке в повседневной, социально-культурной и учебно-профессиональной сферах общения, а также развитие способности свободно выражать коммуникативные намерения (вступать в коммуникацию) в соответствии с темой и ситуацией общения. Однако, несмотря на специфику преподавания русского языка как иностранного, при выборе методов изучения грамматических тем, при отборе дидактического материала для тренировочных упражнений, при формулировке заданий и вопросов необходимо руководствоваться не только принципами, учитывающими закономерности усвоения иностранного языка, но и принципами общей дидактики. Рассмотренные нами примеры заданий и упражнений показывают, что руководство общедидактическими принципами способствует не только достижению основных целей обучения, но и формированию коммуникативной компетенции обучающихся, основанной на компетенции лингвистической, как конкретной цели обучения РКИ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Китайгородская Г.А. Методические основы интенсивного обучения иностранным кам. - М.: Изд-во Московского университета, 1986. - 175 с.
2. Селиванов В.С. Педагогика: Учеб. пособие. - Смоленск, 2001. - 151 с.
3. Равкин З.Н. Великие реформаторы школы // Педагогика: науч.-теорет. журн. - 1992. - № 5-6. - С. 81-86.
4. Малинкина Н.А. Реализация основных принципов общей дидактики при изучении морфемики и словообразования в школе // Вестник Костромского государственного университета

им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. - 2009. - Т.15. - № 2. - С. 31-36.
5. Коменский Я.А., Локк Д., Руссо Ж.-Ж., Песталоцци И.Г. Педагогическое наследие / Сост. В.М. Кларин, А.Н. Джуринский. - М.: Педагогика, 1989. - 416 с.
6. Крючкова Л.С., Мощинская Н.В. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному: Учеб. пособие. - М: Флинта: Наука, 2013. - 480 с.
7. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). - М.: Икар, 2009. - 448 с.
8. Харламов И.Ф. Педагогика. - М.: Гардарики, 1999. - 520 с.

REFERENCES

1. Kitaigorodskaia G.A. Methodological principles of intensive teaching of foreign languages. Moscow: Publishing house of Moscow University, 1986. 175 p. (in Russ.).
2. Selivanov V.S. Pedagogics: tutorial. Smolensk, 2001. 151 p. (in Russ.).
3. Ravkin Z.N. Velikie reformatory shkoly. [The great school reformers]. Pedagogics: scientific theoretical journal. 1992. №5–6. P. 81–86. (in Russ.).
4. Malinkina N.A. Realizatsiya osnovnykh printsipov obshchey didaktiki pri izuchenii morfemiki i slovoobrazovaniya v shkole. [Realization of the main principles of general didactics in the process of studying of morphemic and derivation at school]. The Kostromskoi State University Herald by N.A. Nekrasov. Series: Pedagogics. Psychology. Social work. Juvenology. Socio-kinetics. 2009. Volume 15. № 2. P.31-36. (in Russ.).
5. Komenskii IA.A., Lokk D., Rousseau J.J., Pestalotstsi I.G. Pedagogical legacy. Compilers V.M. Klarin, A.N. Dzhurinskii. Moscow: Pedagogics, 1989. 416 p. (in Russ.).
6. Kriuchkova L.S., Moshchinskaia N.V. Practical methods of teaching of Russian as foreign: tutorial. Moscow: FLINTA: Science. 2013. 480 p. (in Russ.).
7. Azimov E.G., Shchuukin A. N. New dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of language teaching). Moscow: Publishing house IKAR, 2009. 448 p. (in Russ.).
8. Kharlamov I.F. Pedagogics. Moscow: Gardariki, 1999. 520 p. (in Russ.).

Информация об авторах:

Макеенкова Татьяна Викторовна, преподаватель, кафедра русского языка, Смоленский государственный медицинский университет,
г. Смоленск, Россия
tatamak@list.ru

Малинкина Наталья Анатольевна, преподаватель, кафедра русского языка, Смоленский государственный медицинский университет,
г. Смоленск, Россия

Information about the authors:

Tatyana V. Makeenkova, Lecturer, Department of Russian language, Smolensk State Medical University,
Smolensk, Russia
tatamak@list.ru

Natalya A. Malinkina, Lecturer, Department of Russian language, Smolensk State Medical University,
Smolensk, Russia

Получена: 03.07.2017

Для цитирования: Макеенкова Т.В., Малинкина Н.А. Русский язык для иностранцев: из опыта преподавания. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 1. с.194-200.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-194-200.

Received: 03.07.2017

For citation: Makeenkova T.V., Malinkina N.A. The russian language for foreigners: from the teaching experience. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 1. Pp. 194-200.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-194-200. (in Russian)

УДК 81` 42

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-201-206

НЕМЫКА Анна Анатольевна
Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия
annemyka@yandex.ru

ШЛАИТОВА Мария Николаевна
Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия

Anna A. NEMYKA
Kuban State University
Krasnodar, Russia
annemyka@yandex.ru

Maria N. SHLAYTOVA
Kuban State University
Krasnodar, Russia

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СПОСОБНОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СЛОВЕСНИКА В ТЕКСТАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С. ДОВЛАТОВА

COMMUNICATIVE-PRAGMATIC ABILITIES OF THE LANGUAGE INDICATOR IN THE S.D. DOVLATOV'S TEXTS

Статья посвящена изучению способностей языковой личности словесника в аспекте коммуникативной прагматики и их реализации в текстах произведений Сергея Довлатова. Актуальность темы обусловлена недостаточной разработанностью в современном языкознании вопросов системного исследования особенностей реализации аксиологических аспектов языковой личности в художественном тексте, в особенности языковой личности словесника. Проблема состоит и в том, что в современных научных исследованиях термин «словесник» толкуется неоднозначно, бытует как широкое, так и узкое понимание данного метаязыкового лингвистического понятия. И если по отношению ко многим терминам в этом плане уже создаются научные исследования, то по отношению к термину «словесник» таких исследований существует еще недостаточное количество для того, чтобы проблема считалась разрешенной, аргументированной и доказанной. В статье приводятся мнения лингвистов, опирающихся на положения когнитивной науки, и представления о роли способностей языковой личности словесника и их коммуникативно-прагматических свойствах, способах и специфике их реализации в текстах различных произведений Сергея Довлатова. На основании такого изучения материала текстов писателя делаются выводы об исследуемых аксиологических параметрах его художественного дискурса.

Ключевые слова: языковая личность, аксиология, коммуникативная прагматика, метаязык, термин, художественный текст

The article is devoted to the study of abilities of the linguistic personality of the language teacher in the aspect of communicative pragmatics and their implementation in the texts of the works of Sergei Dovlatov. The relevance of the topic is due to the lack of elaboration in the modern linguistics of the issues of systemic study of the features of the realization of the axiological aspects of the linguistic personality in the literary text, especially the linguistic personality of the language teacher. The problem also lies in the fact that in modern scientific studies the term "language teacher" is interpreted ambiguously, there is both a broad and a narrow understanding of this metalinguistic linguistic concept. And if scientific research is already being done with respect to many terms in this plan, then there is still insufficient quantity in relation to the term "language teacher" of such studies in order for the problem to be considered resolved, reasoned and proved. The article cites the views of linguists based on the provisions of cognitive science, and the concept of the role of language skills of the language teacher and their communicative and pragmatic properties, ways and specifics of their implementation in the texts of various works by Sergei Dovlatov. Based on such a study of the material of the writer's texts, conclusions are drawn about the axiological parameters of his artistic discourse being studied.

Keywords: linguistic personality, axiology, communicative pragmatics, meta-language, term "literary text"

Особенности метаязыка лингвистики возможно выявить в процессе изучения коммуникативно-прагматических способностей языковой личности словесника.

Так, например, в исследовании И.С. Куликовой и Д.В. Салминой, посвященном метаязыку лингвистики, «решается ряд задач, нацеленных на описание системного, лексикографического и коммуникативно-прагматических аспектов лингвистической терминологии» [1, с. 352]. Кроме того, дается детальное описание таких металингвистических коммуникативных ситуаций по отношению к термину, как использование, введение, выбор, поиск создание термина, введение его в парадигму, разграничение, дефиниция термина.

С опорой на эту работу М.А. Парижева характеризует особенности функционирования лингвистических терминов в профессиональной речи - в учебных и научных текстах. Исследователь доказывает, что при лексикографировании лингвистических терминов соединение двух подходов - тезаурусного и алфавитного - с построением соответственно двух типов словарных статей. Своим исследованием автор стремится решить ряд проблем культуры профессиональной речи лингвистов по причине того, что «проблемы профессионального общения нефилологов поднимались в научных исследованиях и решались в процессе нормализаторской деятельности: изучались специальные языки химиков, биологов, медиков, доменщиков, специалистов в области судовождения, охотоведения, рыболовства, навигации и др. Однако профессиональная речь лингвистов остается за пределами этих исследований» [2, с. 3]. Между тем вопросы профессионального общения филологов - как друг с другом, так и с нефилологами - чрезвычайно актуальны, в частности, в силу того, что словесник, лингвист обязан выказать себя сильной, элитарной языковой личностью, в число обязательных достоинств которой входит владение профессиональной терминологией и умение сделать ее базовые понятия доступными в процессе речевой коммуникации с нелингвистами.

Коммуникативно-прагматические способности языковой личности словесника представлены, в первую очередь, в создаваемых им, словесником, устных и письменных текстах.

Уточняя круг вопросов прагматики для художественной речи, Ю.С. Степанов определяет их как «отношение писателя к действительности и к тому, что и как он изображает: его приятие или неприятие, восхищение, ирония, отвращение; отношение читателя к тексту и в конечном счете к художественному произведению в целом - его истолкование как объективного, искреннего, или, напротив, как мистифицирующего, иронического, пародийного и т.д.» [3, с. 29]. Так или иначе, автор в любом тексте проявляет себя как языковую личность.

В зависимости от степени владения словом, в том числе в коммуникативно-прагматическом аспекте, языковые личности могут быть подразделены на такие типы, как сильная, слабая и усредненная. Сильная языковая личность, в свою очередь, также может быть нескольких разновидностей. Одна из них - элитарная.

Виртуозное владение словом, создание многочисленных и разнообразных вариантов языковой игры, высочайшие коммуникативные способности, наблюдательность, умение ярко и образно передать увиденное и прочувствованное, многие другие параметры свидетельствуют об отнесенности известных писателей к типу элитарной языковой личности.

В их число входит и писатель С.Д. Довлатов. Почти все произведения Довлатова автобиографичны, во всех четко проявляется голос автора.

Возможности повествовательной перспективы художественного произведения весьма многообразны и многогранны. Автор способен дистанцироваться, отдаляться от повествования, в автобиографическом произведении автор, рассказчик и главный герой совпадают. Кроме того, повествовательная перспектива может меняться в процессе повествования, так что читателю не всегда сразу понятно, чьими глазами он видит общую картину повествования и чей голос слышит в данный момент. Подобная многоплановость чрезвычайно типична для современной литературы.

При всем стремлении к монологу коммуникативная направленность произведений Сергея Довлатова очевидна (критике, во многом, он подвергался и за это «нововведение»). Произведения, насыщенные юмором, иронией, различными видами языковой игры, безусловно, рассчитаны на читательский отклик (хотя сам Довлатов скромно говорил, что он пишет для своих детей). Поэтому в его текстах так сильны маркеры диалогичности между автором и читателем, стремление выстроить форму бытовой беседы.

Блестящий стилист, Довлатов замечает: «Ведь герои моих рассказов - зеки, фарцовщики, спившаяся богема. Все они разговаривают на диком жаргоне. Большую часть всего этого даже моя жена не понимает» (С. Довлатов. Записные книжки. Эл. ресурс). Но все его творения читаются легко и вызывают удовольствие отнюдь не от низменности и пошлости персонажей и их общения, а от того, как это умело, тонко обработано и передано великолепным писателем. «...Он [Довлатов] создал собственный жанр, в пределах которого анекдот, забавный случай, нелепость в конце концов прочитываются как лирический текст и остаются в памяти как стихотворение - дословно. Перед нами не что иное, как жанр возвышающего, романтического анекдота. Жанр парадоксальный, не могущий существовать - но существующий» [4, с. 364]. Наиболее остро коммуникативно-прагматический эффект «проявляется в ироническом слове, которое не выполняет номинативной функции и не может быть использовано для идентификации объектов. Его функция - эмоциональное выражение говорящего к объекту оценки» [5, с. 23].

Сергей Довлатов и вне своих произведений (что среди литераторов встречается не так часто) обладал незаурядным чувством юмора и редким талантом рассказчика, что также характеризует сильную языковую личность. Его «реплики стояли на точных местах, были доведены до афоризма, гротеска, пародии» [6, с. 125]:

*«- Давайте **познакомимся.***

- Аврора, - сказала она, протягивая липкую руку.

- А я, - говорю, - танкер Дербент.

Девушка не обиделась» (С. Довлатов. Заповедник. С. 201).

Он не щадит и самого себя. Таков он в автономинациях, автоописаниях, например, когда договаривается о встрече с незнакомой переводчицей:

«Энн предупредила:

- У меня в руках будет коричневая сумочка.

- А меня часто путают с небоскребом "Утюг"» (С. Довлатов. Записные книжки. Эл. ресурс).

Самокритика Довлатова, его речи, манеры общения часто встречается на страницах его произведений, где он является и главным героем. Свое предложение переводчице делить пополам гонорары от его книг Довлатов комментирует так: «Предложение было нахальное. Какие уж там гонорары! Если даже Набоков был вынужден преподавать».

*«Кроме того, **дерзил** я продуманно и ловко. Один мой знакомый называл этот **стиль** - "почтительной фамильярностью"» (С. Довлатов. Компромисс. С. 406).*

Правда, резкость и недоброжелательность речи Довлатова как героя его произведений может быть понятна и частично оправдана в тех случаях, когда ситуация общения трудная, само общение фальшиво, собеседники неприятны (в частности, редакторов и чиновников от литературы Довлатов не жалует, называет их идиотами, тупицами, серостью и т.п.), требуют вести речь по установленному шаблону, не предполагающему высказывания собственных мыслей и свежих идей, словом, все то, что у него вызывает ощущение, *«что все это происходит с другими людьми… Что это не ты… И не я… Что это какой-то идиотский спектакль… А ты просто зритель…» (С. Довлатов. Компромисс. С.363).* Например:

*«Вы, собственно, уже нагрубили, - помрачнел Туронок, - вы **беспрерывно грубите**, Довлатов. Вы **грубите** даже на общих собраниях. Вы не **грубите** только когда подолгу отсутствуете…» (С. Довлатов. Компромисс. С. 280).*

Коммуникативно-прагматические способности, как известно, включают в себя умение не только создавать текст (письменный, устный), но и умение слушать, умение рефлексировать и отслеживать реакцию собеседника. В художественном произведении рефлексивы разъясняют значения непонятных читателю слов, снимают напряжение и способствуют коммуникативному взаимодействию автора и читателя, отражают эстетиче-

ское своеобразие художественного мира писателя, способны выполнять коммуникативную, семантизирующую, фатическую, аффективную, номинативно-оценочную, характеризующую функции [7].

Практически все произведения Довлатова насыщены рефлексией. Размышления автора «о времени и о себе» максимально приближают читателя к описываемому действию, помогают лучше постичь языковую личность писателя. «Если за кем-нибудь Сергей Довлатов и подглядывает, за кем-нибудь шпионит, то единственно за самим собой. Лишь прислушиваясь к себе, он научился слушать собеседников. А научившись, все-таки настоял на том, что за повествователем всегда грехов больше, чем за всеми остальными действующими лицами» [8, с. 6].

Коммуникативно-прагматическую специфику литературного произведения Довлатов представляет в полном соответствии с принципами лингвистической прагматики:

«Всякая литературная материя делится на три сферы:

*1. То, что автор хотел **выразить**.*

*2. То, что он сумел **выразить**.*

*3. То, что он **выразил,** сам того не желая.*

Третья сфера - наиболее интересная. У Генри Миллера, например, самое захватывающее - драматический, выстраданный оптимизм» (С. Довлатов. Записные книжки. Эл. ресурс).

В понимании Довлатова рассказчик, прозаик и писатель - не одно и то же, не одна языковая личность, а разные; он разделяет выполняемые ими коммуникативные и прагматические функции:

«Рассказчик действует на уровне голоса и слуха. Прозаик - на уровне сердца, ума и души. Писатель - на космическом уровне.

*Рассказчик **говорит** о том, как живут люди. Прозаик - о том, как должны жить люди. Писатель - о том, ради чего живут люди» (С. Довлатов. Записные книжки. Эл. ресурс).*

Любовь к слову, к процессу речи выделяет словесника. Правда, при несоблюдении чувства меры эта черта может выглядеть негативно, начать раздражать собеседника как говорение ради говорения, когда «слова» приравниваются адресатом к «словоблудию»:

*«Я, **как обычно, пустился в рассуждения**:*

- Единственная честная дорога - это путь ошибок, разочарований и надежд. Жизнь - есть выявление собственным опытом границ добра и зла… Других путей не существует… Я к чему-то пришел… Думаю, что еще не поздно…

*- **Это слова**.*

- Слова - моя профессия.

*- **И это - слова**» (С. Довлатов. Заповедник. С. 282.)*

Довлатов размышляет о коммуникативных способностях, об особенностях речевой коммуникации, ее последствиях, которые нередко оказываются непредсказуемыми:

*«Часто бывает - заговоришь о некоторых вещах и с этой минуты лишишься покоя. Все мы знаем, что такое боль невысказанных слов. Однако **слово высказанное, произнесенное** - может не только ранить. Оно может повлиять на твою судьбу. У меня бывало - **скажешь** человеку правду о нем и тотчас же возненавидишь его за это» (С. Довлатов. Филиал. С. 5).*

Нельзя не согласиться с тем, что коммуникативные способности личности, легкость в общении, точность выражения мыслей и проявление чувства юмора зависят от родного языка, от языкового чутья, от степени владения иностранным языком:

Бродский:

*«Долго я не верил, что по-английски можно **сказать** глупость» (С. Довлатов. Записные книжки. Эл. ресурс).*

«- Что тебя удерживает? Эрмитаж, Нева, березы?

- Березы меня совершенно не волнуют.

- Так что же?

*- **Язык**. На чужом языке мы теряем восемьдесят процентов своей личности. Мы утрачиваем **способность шутить, иронизировать**. Одно это меня в ужас приводит» (С. Довлатов. Заповедник. С. 276).*

Художественный дискурс Довлатова отражает представления о коммуникации специалистов-филологов, в среде которых модно было оригинальничать, путать или нарочито искривлять оценки, выдумывать себе различные роли.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Куликова И.С., Салмина Д.В. Введение в металингвистику (системный, лексикографический и коммуникативно-прагматический аспекты лингвистической терминологии). - СПб., 2002.
2. Парижева М.А. Особенности функционирования лингвистических терминов в профессиональной речи: Дис. ... канд. филол. наук. 10.02.01. - Магас, 2005. - 254 с.
3. Степанов Ю.С. В мире семиотики // Семиотика: антология. - М.; Екатеринбург, 2001.
4. Лосев Л. Русский писатель Сергей Довлатов // Довлатов С.Д. Собрание прозы в 3-х томах. Т. 3. Изд. 2-е. - СПб., 1995.
5. Чуич Н.Г. Соотношение семантики и прагматики в ироническом речевом акте // Семантика и прагматика текста и его составляющих. - Челябинск, 1991. - С. 20-21.
6. Рейн Е.Б. Несколько слов вдогонку // Звезда. - 1994. - № 3.
7. Андрусенко Е.А. Метаязыковая рефлексия в художественных текстах В.П. Астафьева: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. - Кемерово, 2012.
8. Арьев А.Ю. Наша маленькая жизнь. Вступительная статья // Довлатов С.Д. Собрание прозы в 3-х томах. Изд. 2-е. - СПб., 1995.

REFERENCES

1. Kulikova I.S, Salmina D.V. Vvedenie v metalingvistiku (sistemnyj, leksikograficheskij i kommunikativno-pragmaticheskij aspekty lingvisticheskoj terminologii). [Introduction to metalinguistics (systemic, lexicographical and communicative-pragmatic aspects of linguistic terminology)]. St. Petersburg, 2002.
2. Parizheva M.A. Osobennosti funkcionirovaniya lingvisticheskih terminov v professional'noj rechi. [Features of the functioning of linguistic terms in professional speech: dis. ... cand. Philol. Sciences].10.02.01. Magas, 2005. 254 p.
3. Stepanov Yu.S. V mire semiotiki. [In the world of semiotics]. Semiotics: anthology. M.; Ekaterinburg, 2001.
4. Losev L. Russkij pisatel' Sergej Dovlatov. [Russian writer Sergei Dovlatov]. Dovlatov S.D. Collection of prose in 3 volumes. T. 3. Izd. The 2 nd. St. Petersburg, 1995.
5. Chuich N.G. Sootnoshenie semantiki i pragmatiki v ironicheskom rechevom akt. [The relation of semantics and pragmatics in the ironic speech act]. Semantika i pragmatika teksta i ego sostavlyayushchih - Semantics and pragmatics of the text and its components. Chelyabinsk, 1991. P. 20-21.
6. Raine E. B. Neskol'ko slov vdogonku. [A few words in pursuit of]. Zvezda. 1994. № 3.
7. Andrusenko E.A. Metayazykovaya refleksiya v hudozhestvennyh tekstah V.P. Astaf'eva. [Metalanguage reflexion in artistic texts of V.P. Astaf'ev: author's abstract. Dis. ... cand. Philol. Sciences]: 10.02.01. Kemerovo, 2012.
8. Aryev A.Yu. Nasha malen'kaya zhizn'. Vstupitel'naya stat'ya. [Our little life. Introductory article]. Dovlatov SD Collection of prose in 3 volumes. Ed. the 2nd. St. Petersburg, 1995.

Информация об авторах:

Немыка Анна Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка как иностранного, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
annemyka@yandex.ru

Шлаитова Мария Николаевна, магистрант, кафедра русского языка как иностранного, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия

Получена: 24.06.2017

Для цитирования: Немыка А.А., Шлаитова М.Н. Коммуникативно-прагматические способности языковой личности словесника в текстах произведений С.Д. Довлатова. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 1. с.201-206.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-201-206.

Information about the authors:

Anna A. Nemyka, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian as Foreign Language, Kuban State University,

Krasnodar, Russia
annemyka@yandex.ru

Maria N. Shlaytova, Graduate Student, Department of Russian as Foreign Language, Kuban State University,
Krasnodar, Russia

Received: 24.06.2017

For citation: Nemyka A.A., Shlaytova M.N. Communicative-pragmatic abilities of the language indicator in the S.D. Dovlatov's texts. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 1. Pp. 201-206.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-201-206. (in Russian)

УДК 378

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-207-214

ОЛЕЙНИКОВ Владимир Стефанович
Санкт-Петербургский университет МВД России
г. Санкт-Петербург, Россия
ivanenko.ta@mail.ru

Vladimir S. OLEYNIKOV
St. Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs
St. Petersburg, Russia
ivanenko.ta@mail.ru

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ВОСПИТАНИЯ ГОТОВНОСТИ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ К ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ГЕРОИЗАЦИИ НАЦИСТСКИХ ПРЕСТУПНИКОВ

Нацизм - это мировоззрение, ставящее во главу мира определенную нацию (расу или народ) и ратующее за использование репрессивных мер по отношению к остальной части человечества. Нацизм, во всех формах его проявления, есть преступление, посягающее на жизнь и свободу, честь и достоинство личности, мир и безопасность человечества. Осуждение нацизма основывается на этих репрессивных мерах и на том, что нет возможности выйти из группы угнетаемых людей, принадлежность к которой обычно определяется при рождении (изначально по расовым или национальным признакам). В настоящее время деятельность Российской Федерации направлена на борьбу с деятельностью сторонников нацизма, реабилитацией нацизма, нацистских преступников и их пособников, а равно пресечение попыток распространения нацизма в любой форме. В данной статье рассматриваются вопросы противодействия тенденции к героизации нацистских преступников. Рассмотрена история возникновения нацистского течения. Предложены психолого-педагогические условия формирования готовности противодействия к героизации нацистских преступников у курсантов вузов МВД России. По нашему мнению, необходимо разработать психолого-педагогический инструментарий для достижения поставленной цели формирования готовности к противодействию героизации нацистских преступников. Как видно из материалов, представленных выше, основным контингентом, подверженным влиянию нацисткой идеологии, является студенческая молодежь. Поэтому, прежде всего, нам видится необходимым выявить психолого-педагогические условия воспитания нетерпимости к героизации нацистских преступников для дальнейшего внедрения этих условий в образовательный процесс вуза.

Ключевые слова: воспитание нетерпимости, нацистские преступники, противодействие героизации нацистских преступников

PSYCHOLOGICAL-PEDAGOGICAL CONDITIONS OF FORMATION OF READINESS OF STUDENTS OF HIGH SCHOOLS OF THE RUSSIA MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS TO COUNTER THE NAZI CRIMINALS GLORIFICATION

Nazism is a world view built on top of the world some nation (race or people) and standing up for the use of repressive measures in relation to the rest of humanity. Nazism, in all its forms, is a crime against life and freedom, honor and dignity, the peace and security of mankind. The condemnation of Nazism is based on these repressive measures and on the fact that there is no way to get out of the group of oppressed people, belonging to which is usually determined at birth (initially, at racial or ethnic characteristics). Currently, the Russian Federation's activities aimed at combating the activities of supporters of Nazism, the rehabilitation of Nazism, Nazi criminals and their accomplices, as well as preventing the spread of Nazism in any form. The article deals with the issues of combating the tendency to glorification of Nazi criminals. The history of the emergence of the Nazi tide. Offered psychological-pedagogical conditions of formation of readiness to counter the Nazi war criminals glorification at the Ministry of Internal Affairs of cadets of high schools. In our opinion, it is necessary to develop psychological and pedagogical tools for achieving the goal of readiness to counter the glorification of Nazi criminals. As it gets evident from the materials listed above, the main contingent, exposed to the Nazi ideology is student's youth. So, first of all, we see it necessary to reveal psycho-pedagogical conditions of upbringing of intolerance to glorify Nazi criminals to further their introduction into the educational process.

Keywords: education of intolerance, Nazi criminals, counteracting of Nazi criminals glorification

Учитывая угнетенное психоэмоциональное состояние немецкой нации после обидного проигрыша в Первой мировой войне, характеризующееся чувством уязвленного национального самолюбия, оскорбленной чести, разочарования, стыда, «упоением» собственными бедами, нацисты приступили к созданию мифологем и тотальной фальсификации. Для мобилизации и внутреннего единения немецкой нации, по мнению нацистов,

требовалась символическая репрезентация прошлого, которая в действительности носила ярко выраженный спекулятивный характер [11].

Нацизм в вопросе его отношения к нации принято считать радикальной формой национализма, когда к любви по отношению к собственному народу, тяге к национальному самосознанию и чувству общности с его представителями добавляется чувство крайней уверенности в превосходстве своей нации над другими и ненависти к ним. Помимо этого нацизм также включает в себя расизм и антисемитизм [26]. В специальных памятках для солдат и офицеров вермахта утверждалось следующее: «У тебя нет сердца и нервов - на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание - убивай всякого русского советского. Не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик, убивай» [14].

С 1933 г., то есть с момента прихода к власти Гитлера, началась массовая эмиграция немецких ученых. Она продолжалась до 1940 г. и привела к выезду из страны огромного числа выдающихся ученых. Только нобелевских лауреатов уехало 29 из 32 имевшихся, то есть 90%! Также уехало множество выдающихся ученых - не лауреатов. Назовем фамилии некоторых ученых, навсегда покинувших в эти годы Германию: физики А. Эйнштейн, Г. Бете, М. Борн, Л. Мейтнер, О. Штерн, Э. Теллер, математики Дж. фон Нейман, Р. Курант, механик Т. фон Карман, химики Ф. Габер, О. Майергоф, Р. Вильштеттер, психолог Э. Фромм, психиатр З. Фрейд [6]. В результате произошло разрушение крупнейших, всемирно известных немецких научных школ, и Германия утратила способность выполнять крупномасштабные научно-технические проекты. Значительное число крупных немецких ученых, «чистых арийцев», которым в стране ничто физически не угрожало, также предпочли эмиграцию, поскольку не могли принять нацизм [1]. При этом подавляющее большинство эмигрантов после падения нацизма в 1945 г. не вернулись на родину, так как не могли простить немцам массовой поддержки гитлеровского режима. В результате всех описанных событий немецкая наука потеряла статус ведущей науки в мире, уступив его США. И подобно тому, как в конце XIX - начале XX в. молодые люди со всех концов света приезжали для повышения своей научной квалификации в Берлин, Геттинген, Гейдельберг, теперь они стали с этой целью приезжать в Нью-Йорк, Массачусетс, Гарвард [6].

Из-за запрета Гитлера на любые контакты граждан рейха с Нобелевскими комитетами немецкие ученые, получившие Нобелевские премии во времена нацизма в Германии, были вынуждены, под давлением гестапо, отказаться от наград и получили их лишь после окончания Второй мировой войны и краха нацистского режима [6, с. 202].

Нацистский режим нанес Германии огромный экономический, политический и психологический ущерб, ввергнув страну в мировую бойню и причинив ее народу неисчислимые страдания. Немецкий народ сделал правильные выводы из постигшей его катастрофы и после Второй мировой войны решительно отказался от своего нацистского прошлого, отвергнув любые возможные проявления политического радикализма. Это позволило возродить в стране демократическое общество и построить мощную экономику. Однако наука в послевоенной Германии оказалась на несравненно более низком уровне, чем в донацистские времена [6, с. 203].

Зарубежные и отечественные исследователи нацизма отмечают очевидные тенденции усиления его влияния не только на общественно-политическую жизнь стран Западной Европы, но и России. При этом, по их мнению, рост и укрепление субкультуры нацизма в России наблюдается с начала 90-х годов XX столетия [13].

Относительное улучшение в разные годы материального положения людей в странах Запада, да и теперь в России, не решает проблемы, так как отсутствие стабильного роста производства, опасности кризиса, периодический спад в экономике, постоянная безработица, возможность военных авантюр ставят под угрозу достигнутые экономические и социальные завоевания. В такие периоды подавляющая часть населения отстраняется от достижения культуры, ей навязываются подделки, рассчитанные на духовное закабаление масс [5].

Основной причиной роста приверженцев нацизма, героизации их ярких представителей, по мнению большинства исследователей, конечно же, является пропаганда в СМИ, социальных сетях [15]. «Манипулирование общественным сознанием при помощи средств массовой информации является одним из способов построения национальной идентичности. <…> Следствием формирования национальной идентичности во многих случаях выступает национализм, который обсуждается в СМИ гораздо чаще, нежели идентичность» [2]. Внушение имеет особый успех в том случае, когда оно накладывается на сознание индивида, обладающего неразвитым сознанием, а таковое предполагает, в свою очередь, человека, мало читающего и мало думающего [5]. Здесь очень важно объединение усилий самых разных направлений, напрямую занимающихся формированием личности, ее мировоззрения. Личности творческой, способной самостоятельно принимать правильное, взвешенное решение в определенных обстоятельствах, свободной от тлетворных влияний западной массовой культуры [5]. Нравственно-правовая культура личности как основа ее профессиональной деятельности, вне зависимости от выбранной специализации, играет важную роль, раскрывая нравственные начала правоотношений, складывающихся в различных сферах жизни, оказывает положительное воздействие как на законодательство, так и на борьбу против экстремизма [7].

Чем дальше уходит в прошлое драматический 1941 год и события Великой Отечественной войны, тем более значительными становятся ее социально-политические итоги, экзистенциально-онтологические смыслы, морально-этические цели и величайшие достижения - это мир во всем мире [16].

Вызывает педагогическое потрясение тот факт, когда выясняется что для студентов и курсантов город с названием Освенцим не отождествляется с ужасами войны и страданиями людей. Названия фашистских концлагерей (Бухенвальд, Аушвиц и т.д.) не вызывают у получающей высшее образование публики ни капли интереса и печали [9].

Еще большие опасения вызывают факты героизации нацистских преступников, очень распространенные в настоящее время на Украине и ряде других бывших союзных республиках.

Эволюция человека характеризуется огромным набором задатков и способностей, необходимых для восприятия окружающего. Они присущи каждому рождающемуся на свет, но далеко не в одинаковой мере. Учет их чрезвычайно важен для воспитания, формирования, своевременного корректирования складывающегося характера. Резюмируя сказанное, следует подчеркнуть, что создавшаяся сегодня в науках о человеке для многих неожиданная, в высшей степени серьезная, сложная и внутренне противоречивая ситуация требует ясных и принципиальных, а не временных и прагматических решений. Нельзя переделывать сознание личности, не апеллируя к индивидуальности, не делая сознание активным участником собственного самосовершенствования. Всякая иная позиция, всякая попытка перестройки сознания в обход личности означает превращение человека из активного субъекта в пассивный объект, лишенный важнейших признаков и атрибутов: его верности своему эмоциональному и интеллектуальному прошлому и настоящему. Отсюда - и страх войти в мир, где ты сам - знающий - в ответе за свои решения, в мир, где мерой вещей является именно ценность личности. Обыденное сознание, будучи в определенной мере ограниченным, не критичным, консервативным, содержащее в себе противоречивые воззрения, может оказаться благодатной почвой для воздействия со стороны массовой культуры, которая, применяя достижения современной науки и техники, располагает в настоящее время широким и разнообразным арсеналом средств и методов, используя их в полную силу для антигуманных целей [5].

Для насаждения идеалов и ценностей западного образца используются негативные стороны обыденного сознания, которые уводят людей в призрачный мир иллюзий, далекий от реальных проблем действительности, формируя тем самым вульгарные, низкопробные вкусы, потребительское отношение к жизни. Западная пропаганда порой весьма успешно спекулирует на этом, извращая, фальсифицируя реальные события, подтасовы-

вая факты. Подобные тенденции служат питательной средой для проникновения и усвоения обыденным сознанием различного рода националистических, расистских и шовинистических идей [5].

Нацизм и фашизм являются одной из самых трагических страниц мировой, европейской и российской истории, поэтому их негативная политико-правовая оценка вполне логична и оправданна. Но при этом практическая реализация замысла воспитания нетерпимости к героизации нацистских преступников требует компетентности и профессионализма [12]. Прежде всего, по нашему мнению, необходимо разработать психолого-педагогический инструментарий для достижения поставленной цели формирования готовности к противодействию героизации нацистских преступников. Как видно из материалов, представленных выше, основным контингентом, подверженным влиянию нацисткой идеологии является студенческая молодежь. Поэтому, прежде всего, нам видится необходимым выявить психолого-педагогические условия воспитания нетерпимости к героизации нацистских преступников для дальнейшего внедрения этих условий в образовательный процесс вуза.

Наиболее благодатной почвой для достижения целей нашего исследования нам представляются курсанты вузов МВД и войск национальной гвардии, как образец дисциплинированности и правильного восприятия политики государства, в то же время обладающие всеми свойствами студенческой молодежи нашего государства.

Педагогические условия направлены на решение проблем, возникающих при осуществлении целостного педагогического процесса. При характеристике педагогической системы выделяют различные группы условий. В частности, по сфере воздействия выделяют две группы условий функционирования педагогической системы: внешние (природно-географические, общественные, производственные, культурные, среды микрорайона) и внутренние (учебно-материальные, школьно-гигиенические, морально-психологические, эстетические) [10].

Под педагогическими условиями понимается совокупность необходимых мер, которые способствуют эффективному развитию в образовательном процессе. Комплекс педагогических условий ученые рассматривают как совокупность взаимосвязанных компонентов, реализация которых будет способствовать повышению уровня определенного критерия развития образовательного процесса [8; 19; 23; 24].

Анализируя научную литературу, мы согласимся с мнением М.Г. Корепановой, которая среди различных видов педагогических условий, обеспечивающих функционирование и эффективное развитие педагогической системы, выделяет наиболее часто встречающиеся организационно-педагогические, психолого-педагогические, дидактические условия [4].

В соответствии с проанализированным материалом и имеющейся эмпирической базой проведения смежных исследований [3; 17; 18-21; 24; 25], мы выделяем следующие психолого-педагогические условия формирования готовности к противодействию героизации нацистских преступников:

- обеспечение психолого-педагогического сопровождения учебно-воспитательного процесса в вузе МВД России;
- информационная поддержка курсантов;
- разработанная модель формирования готовности к противодействию героизации нацистских преступников;
- привлечение курсантов к самостоятельному совершенствованию личностных качеств.

Разработка педагогического инструментария под выявленные условия и внедрение их в образовательно-воспитательный процесс вуза МВД России, согласно аналитическому материалу, должно способствовать формированию готовности курсантов вузов МВД к противодействию героизации нацистских преступников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Беркович Е. Парадокс Радзиховского / Е. Беркович // Еврейское слово. - 2008. - № 25(395). - С. 6-7.
2. Гришин О.Е., Пронина О.С. Роль негосударственных телеканалов в процессе формирования национальной идентичности в России // Проблемы постсоветского ства. - 2016. - № 1(7).
3. Дьячков А.А. Проверка эффективности психолого-педагогических условий развития психологического феномена экспериментальным путем / А.А. Дьячков, А.Г. Шабанов // Инновации в жизнь. - 2015. - № 4(15). - С. 83-89.
4. Корепанова М.Г. Педагогические условия как предмет изучения в контексте исследования проблемы повышения социальной активности подростков / М.Г. Корепанова // Педагогика и современность. - - 2016. - № 3-4(23-24). - С. 10-14.
5. Костриков К.Н. Личность: проблемы становления / К.Н. Костриков // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. - 2015. - № 1(48). - С. 135-142.
6. Левин В.И. Наука в Германии при нацистах / В.И. Левин // Вестник Тамбовского государственного технического университета. - 2010. - Т. 16. - № 1. - С. 199-204.
7. Ляшенко В.В. Государственно-правовое противодействие России нацизму, как крайнему проявлению экстремизма / В.В. Ляшенко // Nauka-Rastudent.ru. - 2016. - № 4. - С. 27.
8. Марчук Е.Г. Педагогические условия формирования интеллектуальной компетентности у школьников в образовательном процессе // Вектор науки ТГУ. - 2011. - № 4(7). - С. 174-177.
9. Несмелова О.О. Война, фашизм, тоталитаризм - средствами nonfiction / О.О. Несмелова // Филология и культура. - 2012. - № 4(30). - С. 26-29.
10. Педагогика / Под ред. Ю.К. Бабанского. - М.: Педагогика, 1988. - 432 с.
11. Пуховская Н.Е. От модернизма к античности: формирование нацистских мифологем в сфере культуры / Н.Е. Пуховская // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - 2015. - № 5-2(55). - С. 145-148.
12. Суслонов П.Е. Политико-правовые проблемы понимания реабилитации нацизма как вида экстремистского правонарушения / П.Е. Суслонов // Научные исследования: от теории к практике. - 2016. - № 1(7). - С. 36-37.
13. Урсул В.И. К вопросу о нацизме в современной России / В.И. Урсул // Научно-информационный журнал Армия и общество. - 2008. - № 3. - С. 63-69.
14. Уткин А.И. Вторая мировая война [текст]. - М.: Эксмо, 2003. - С. 103.
15. Федорова Л.В. К вопросу о современном нацизме / Л.В. Федорова // Этносоциум и межнациональная культура. - 2015. - № 2(80). - С. 125-130.
16. Хусаинова А.Х. Концепция «русского вопроса» нацизма и экзистенция «противления злу» в начале событий великой отечественной войны / А.Х. Хусаинова // Аспирантский вестник Поволжья. - 2015. - № 3-4. - С. 179-186.
17. Шабанов А.Г. Педагогические условия процесса формирования эмоционально-волевых качеств курсантов военных институтов / А.Г. Шабанов, А.М. Марков // Проблемы современного педагогического образования. - 2016. - № 52-4. - С. 103-109.
18. Стародубцев М.П. Педагогические условия формирования военно-профессиональных компетенций курсантов военных образовательных организаций высшего образования на занятиях по средствам связи и автоматизации / Стародубцев М.П., Бабич И.И. // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. - 2016. - № 10(140). - С. 172-175.
19. Стародубцев М.П. Воспитательные аспекты принципов обеспечения общественной безопасности в деятельности сотрудников полиции / Стародубцев М.П., Соколов М.И. // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. - 2016. - № 4(134). - С. 263-268.
20. Стародубцев М.П. Сущность и содержание военно-профессиональных компетенций офицеров войск национальной гвардии России и пути их формирования / Стародубцев М.П., Бабич И.И. // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. - 2016. - № 12(142). - С. 120-123.

21. Стародубцев М.П. Воспитательные технологии обеспечения общественной безопасности в деятельности сотрудников полиции / Стародубцев М.П., Соколов М.И. // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. - 2015. - № 8(126). - С. 156-163.
22. Стародубцев М.П. Развитие общекультурных компетенций сотрудников полиции как педагогическое условие решения задач обеспечения общественной безопасности / Стародубцев М.П., Соколов М.И. // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. - 2015. - № 8(126). - С. 163-168.
23. Грачев Ю.А Проблемы формирования профессиональных компетенций в образовательных организациях МВД России / Грачев Ю.А., Стародубцев М.П. // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. - 2015. - № 3(121). - С. 22-27.
24. Стародубцев М.П. Интеграция междисциплинарных знаний как основа развития компетенций курсантов военных вузов внутренних войск МВД России / Стародубцев М.П., Варенцов М.А. // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. - 2014. - № 5(111). - С. 175-179.
25. Стародубцев М.П. Педагогические условия, необходимые для эффективного формирования профессиональной готовности у сотрудников органов внутренних дел к выполнению служебных обязанностей / Стародубцев М.П., Плаксин А.А. // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. - 2012. - № 4(86). - С. 153-156.
26. Шумилина Д.В. Национализм: понятие, школы, виды / Д.В. Шумилина // Youth World Politic. - 2016. - № 1. - С. 82-87.

REFERENCES

1. Berkovich E. Paradoks Radzihovskogo. E. Berkovich. [Paradox Radzihovsky. E. Berkowitz]. Evrejskoe slovo. 2008. no.25 (395). Pp. 6-7.
2. Grishin O.E., Pronin O.S. Rol' negosudarstvennyh telekanalov v processe formirovaniya nacional'noj identichnosti v Rossii.[The Role of non-state TV channels in the process of formation of national identity in Russia]. Problemy postsovetskogo prostranstva. no.1(7). 2016.
3. D'yachkov A.A. Proverka ehffektivnosti psihologo - pedagogicheskih uslovij razvitiya psihologicheskogo fenomena ehksperimental'nym putem. A.A. D'yachkov, A.G. SHabanov. [Verification of the effectiveness of psycho - pedagogical conditions of development of psychological phenomenon experimentally. A. Dyachkov, A. G. Shabanov]. Innovacii v zhizn'. 2015. No. 4 (15). Pp. 83-89.
4. Korepanova M.G. Pedagogicheskie usloviya kak predmet izucheniya v kontekste issledovaniya problemy povysheniya social'noj aktivnosti podrostkov. M.G. Korepanova. [Pedagogical conditions as a subject of study in the context of research of problems of increase of social activity of . M. G. Korepanova]. Pedagogika i sovremennost'. 2016. No.3-4 (23-24). Pp. 10-14.
5. Kostrikov K.N. Lichnost': problemy stanovleniya. K.N. Kostrikov. [Personality: problems of formation. K. N. Kostrikov]. POISK: Politika. Obshchestvovedenie. Iskusstvo. Sociologiya. Kul'tura. 2015. № 1 (48). Pp. 135-142.
6. Levin V.I. Nauka v Germanii pri nacistah. V.I. Levin. [Science in Germany under the Nazis. V. I. Levin]. Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2010. T. 16. No. 1. Pp. 199-204.
7. Lyashenko V.V. Gosudarstvenno-pravovoe protivodejstvie Rossii nacizmu, kak krajnemu proyavleniyu ehkstremizma . V.V. Lyashenko. [State and legal opposition to Russian Nazism, as an extreme manifestation of extremism. V.V. Lyashenko]. Nauka-Rastudent.ru. 2016. No. 4. P. 27.
8. Marchuk E.G. Pedagogicheskie usloviya formirovaniya intellektual'noj kompetentnosti u shkol'nikov v obrazovatel'nom processe. [Pedagogical conditions of formation of the intellectual competence of schoolboys in educational process].Vektor nauki TGU. No. 4(7). 2011. Pp. 174-177.
9. Nesmelova O.O. Vojna, fashizm, totalitarizm - sredstvami nonfiction. O.O. Nesmelova. [War, fascism, totalitarianism, media nonfiction. O. Nesmelova]. Filologiya i kul'tura. 2012. No. 4 (30). Pp. 26-29.
10. Pedagogika. Pod red. YU.K. Babanskogo. [Pedagogics. edited by Y. K. Babanskiy]. M.: Education, 1988. 432 p.
11. Puchovsky N.E. Ot modernizma k antichnosti: formirovanie nacistskih mifologem v sfere. N.E. Puhovskaya. [From modernism to ancient times: the formation of the Nazi myths in culture. N. E. Puhovskaja]. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki). 2015. No. 5-2 (55). Pp. 145-148.
12. Suslonov P.E. Politiko-pravovye problemy ponimaniya reabilitacii nacizma kak vida ehkstremistskogo pravonarusheniya. P.E. Suslonov. [Political and legal issues of understanding the rehabilitation of Nazism as a form of extremist offences. P.E. Suslonov]. Nauchnye issledovaniya: ot teorii k praktike. No.1 (7). Pp. 36-37.

13. Ursul V.I. K voprosu o nacizme v sovremennoj Rossii. V.I. Ursul. [To the question about Nazism in modern Russia. V.I. Ursul]. Nauchno-informacionnyj zhurnal Armiya i obshchestvo. 2008. No. 3. Pp. 63-69.
14. Utkin A.I. Vtoraya mirovaya vojna. [The Second world war]. M.: Publishing house Eksmo, 2003. P. 103.
15. Fedorov L.V. K voprosu o sovremennom nacizme. L.V. Fedorova. [The problem of modern Nazism. L.V. Fedorova]. Ethnosocium i mezhnacional'naya kul'tura. 2015. № 2 (80). Pp. 125-130.
16. Khusainov A.H. Koncepciya «russkogo voprosa» nacizma i ehkzistenciya «protivleniya zlu» v nachale sobytij velikoj otechestvennoj vojny. A.H. Husainova. [The Concept of the "Russian question" of Nazism and the existence of "resistance to evil" at the beginning of the events of the great Patriotic war. A.H. Khusainov]. Aspirantskij vestnik Povolzh'ya. 2015. No. 3-4. Pp. 179-186.
17. Shabanov A.G. Pedagogicheskie usloviya processa formirovaniya ehmocional'no-volevyh kachestv kursantov voennyh institutov. A.G. SHabanov, A.M. Markov. [Pedagogical conditions of process of formation of the emotional-volitional qualities of cadets of military educational institutions. A.G. Shabanov, A.M. Markov.]. Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2016. No. 52-4. Pp. 103-109.
18. Starodubtsev M.P. Pedagogicheskie usloviya formirovaniya voenno-professional'nyh kompetencij kursantov voennyh obrazovatel'nyh organizacij vysshego obrazovaniya na zanyatiyah po sredstvam svyazi i avtomatizacii. Starodubcev M.P., Babich I.I. [Pedagogical conditions of formation of military-professional competence of cadets of military educational institutions of higher education in the classroom for communication and automation. Starodubtsev M.P., Babich I.I.]. Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta. 2016. No. 10 (140). Pp. 172-175.
19. Starodubtsev M.P. Vospitatel'nye aspekty principov obespecheniya obshchestvennoj bezopasnosti v deyatel'nosti sotrudnikov policii. Starodubcev M.P., Sokolov M.I.[Educational aspects of the principles of public safety in the activities of police officers. Starodubtsev M.P., Sokolov M.I.]. Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta. 2016. No. 4 (134). Pp. 263-268.
20. Starodubtsev M.P. Sushchnost' i soderzhanie voenno-professional'nyh kompetencij oficerov vojsk nacional'noj gvardii Rossii i puti ih formirovaniya. Starodubcev M.P., Babich I.I. [the Essence and content of military-professional competence of the officers of the troops of the national guard of Russia and ways of their formation. Starodubtsev M.P., Babich I.I.]. Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta. 2016. No. 12 (142). Pp. 120-123.
21. Starodubtsev M.P. Vospitatel'nye tekhnologii obespecheniya obshchestvennoj bezopasnosti v deyatel'nosti sotrudnikov policii. Starodubcev M.P., Sokolov M.I. [Educational technology public safety in the activities of police officers. Starodubtsev M.P., Sokolov M.I.]. Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta). 2015. No. 8 (126). Pp. 156-163.
22. Starodubtsev M.P. Razvitie obshchekul'turnyh kompetencij sotrudnikov policii kak pedagogicheskoe uslovie resheniya zadach obespecheniya obshchestvennoj bezopasnosti. Starodubcev M.P., Sokolov M.I. [The Development of General cultural competence of police officers as a pedagogical condition of solving problems of public safety. Starodubtsev M.P., Sokolov M.I.]. Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta. 2015. No. 8 (126). Pp. 163-168.
23. Grachev Yu.A. Problemy formirovaniya professional'nyh kompetencij v obrazovatel'nyh organizaciyah MVD Rossii. Grachev Yu.A., Starodubcev M.P. [Problems of forming professional competencies in educational institutions of the MIA of Russia. Grachev Y.A., Starodubtsev M.P.]. Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta. 2015. No. 3 (121). Pp. 22-27.
24. Starodubtsev M.P. Integraciya mezhdisciplinarnyh znanij kak osnova razvitiya kompetencij kursantov voennyh vuzov vnutrennih vojsk MVD Rossii. Starodubcev M.P., [Integration of multidisciplinary knowledge as a basis for the development of competences of students of military universities, interior troops of the MIA of Russia. Starodubtsev M.P., Varentsov M.A.]. Varencov M.A. Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta. 2014. No. 5 (111). Pp. 175-179.
25. Starodubtsev M.P. Pedagogicheskie usloviya, neobhodimye dlya ehffektivnogo formirovaniya professional'noj gotovnosti u sotrudnikov organov vnutrennih del k vypolneniyu sluzhebnyh obyazannostej. Starodubcev M.P., Plaksin A.A. [Pedagogical conditions necessary for the effective formation of professional readiness of employees of internal Affairs bodies to perform their duties. Starodubtsev M.P., Plaksin A.A.]. Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta. 2012. No.4 (86). Pp. 153-156.
26. Shumilina D.V. Nacionalizm: ponyatie, shkoly, vidy. [Nationalism: the concept of the species.]. Youth World Politic. 2016. No. 1. Pp. 82-87.

Информация об авторе:

Олейников Владимир Стефанович, доктор педагогических наук, профессор, кафедра педагогики и социальной психологии, Санкт-Петербургский университет МВД России, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург, Россия
ivanenko.ta@mail.ru

Получена: 09.06.2017

Для цитирования: Олейников В.С. Психолого-педагогические условия воспитания готовности курсантов образовательных организаций МВД России к противодействию героизации нацистских преступников. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 1. с.207-214.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-207-214.

Information about the author:

Vladimir S. Oleynikov, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Pedagogy and Social Psychology, St. Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs, Honored Specialist of Higher School of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia
ivanenko.ta@mail.ru

Received: : 09.06.2017

For citation: Oleynikov V.S. Psychological-pedagogical conditions of formation of readiness of students of high schools of the Russia Ministry of Internal Affairs to counter the nazi criminals glorification. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 1. Pp. 207-214.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-207-214. (in Russian)

УДК 81 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-215-220

СИВАКОВА Елена Валерьевна
Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма
г. Краснодар, Россия
helen.krasnodar@mail.ru

НАЗАРОВА Ирина Павловна
Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма
г. Краснодар, Россия
leto_eto@mail.ru

Elena V. SIVAKOVA
Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism
Krasnodar, Russia
helen.krasnodar@mail.ru

Irina P. NAZAROVA
Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism
Krasnodar, Russia
leto_eto@mail.ru

К ВОПРОСУ О РАЗНЫХ ПОДХОДАХ К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА

TO THE QUESTION CONCERNING DIFFERENT APPROACHES TO THE PROBLEM OF TRANSLATION

Статья посвящена проблеме перевода и рассматривает философскую (социальную, культурную, эстетическую) значимость перевода как составляющую культурной жизни народа. Авторы опираются на авторитетные источники и соотносят проблематику перевода с проблематикой понимания, сосредоточиваются на переводе с языка на язык. Раскрываются основные направления в изучении специфики перевода. Одно направление ориентировано на рассмотрение объективных, объективизированных свойств текста, а второе сфокусировано на трактовании деятельности переводчика как специфической, социально и культурно детерминированной. Основное внимание авторы акцентируют на возможности сохранения переводчиком в процессе перевода всех типов значений в тексте оригинала, а именно референциального, прагматического и внутрилингвистического. Авторы приходят к выводу, что дать общую схему «порядка очередности передачи значений», пригодную для текстов любого типа и жанра, принципиально невозможно - в каждом конкретном случае переводчик должен решать, каким значениям необходимо отдать преимущество при передаче, а какими можно жертвовать, с тем, чтобы свести до минимума потери информации, наиболее существенной для данного текста. В качестве примеров нахождения переводчиком эквивалентов при переводе с ИЯ на ПЯ в статье приводятся два фрагмента текстов: научно-популярного с русского языка на английский и художественного с английского языка на русский.

Ключевые слова: интерпретация, переводоведение, референциальное, прагматическое и внутрилингвистическое значения, язык оригинала, язык перевода

The article is dedicated to the problem of translation and considers the philosophical (social, cultural, aesthetic) significance of translation as a component of the cultural life of the people. The authors rely on authoritative sources and relate the problems of translation with the problems of understanding; they focus on translation from one language into another language. The main directions in the study of the specifics of the translation are revealed. One direction is focused on the examination of objective, objectified properties of the text, and the second one focuses on interpreting the activities of the translator as specific, socially and culturally determined. The authors focus on the possibility of preserving by the translator in the process of translation of all types of meanings in the original text, namely, referential, pragmatic and intralinguistic. The authors come to the conclusion that it is fundamentally impossible to give a general outline of the "order of importance of the transfer of meanings", suitable for texts of any type and genre: in each specific case, the translator must decide what values should be given advantage in transmission, and which can be sacrificed, so as to minimize the loss of information, the most essential for this text. As examples of the translator's finding of equivalents when translating from the SL into the TL, the article contains two fragments of texts: popular science from Russian into English and artistic from English into Russian.

Keywords: interpretation, translation studies, referential, pragmatic and intralinguistic meanings, source language (SL), target language (TL)

Проблема перевода актуальна сегодня не только в России, но и во всем мире. Причем актуальна, как нам представляется, не столько теория перевода, а, прежде всего, описание опыта перевода как опыта человека. В чем заключается философская (социальная, культурная, эстетическая) значимость перевода как составляющей культурной жизни? Каковы пределы освоения «чужого» в переводе? Как влияет на качество переводимого материала постоянно изменявшийся социальный и культурный контекст?

Проблема заключается в способе выражения текстовой индивидуальности, и чем она индивидуальнее, тем она непереводимее. Исходя из этой проблемы, породившей полярные мнения, вытекает логический вопрос: если есть непонимание, то можем ли мы хоть в какой-то мере преодолеть его?

В современном переводоведении существует два основных направления изучения специфики перевода. Одно направление ориентировано на рассмотрение объективных, объективизированных свойств текста, а второе сфокусировано на трактовании деятельности переводчика как специфической, социально и культурно детерминированной.

Ф. Шлейермахер в своем труде определяет некую философскую задачу и четко выделяет два полюса переводческой деятельности: очуждение и одомашнивание. Область реальной практики занимает пространство между двумя упомянутыми полюсами. В повседневной работе переводчик то и дело вторгается в эту промежуточную область. При этом необходимо всегда помнить о так называемой «тончайшей линии», которую переводчик обязан чувствовать и не переходить в поисках максимального подобия между языком перевода и языком оригинала. В большинстве случаев «тончайшая линия» остается для переводчика ориентиром и предметом ответственного выбора. Идеалом для профессионала остается движение между буквализмом и вольной передачей смысла [2].

Э. Пим характеризует переводчика как «счастливого путешественника», странствующего по межкультурному пространству, вольно выбирающего себе маршрут, попутчиков (авторов), наконец, даже и собственную идентичность [6].

Традиционно перевод принято рассматривать с точки зрения филологии. Филологический подход подразумевает, что тексты, слова, фразы и в целом языки - это объективные явления, которые можно изучать отдельно от людей, изъясняющихся при помощи этих языков, слов и фраз.

Вот почему для переводчика приобретает актуальность категория понимания. При филологическом подходе, там, где в центре внимания объективные свойства языка, текст представляет собой семантически стабильный объект, поэтому его можно объективно исследовать. Как объективен оригинал, так объективен и перевод, - что дает право и основание их объективно сравнивать.

В нашей статье мы пытаемся соотнести проблематику перевода с проблематикой понимания, то есть сосредоточиться на переводе с языка на язык. По нашему мнению, основная функция перевода нацелена на раскрытие внутреннего потенциала «переводимой» и «переводящей» культуры. Переводчик работает с тем, что стоит за языком, за и над текстом, то есть с переносом, вербализацией, частичной рационализацией чужого культурного опыта. В этой связи возникает проблема перевода в ее потенциальной взаимной связи с национально-культурным компонентом.

Перевод текста может восприниматься по-разному, в зависимости от того, кем и как прочитывается. Имея перед собой определенный текст, один читатель сосредоточивает внимание на том, что говорится, то есть оценивает текст как способ передачи знаний, а другой, возможно, воспринимает перевод как литературный нарратив и обращает внимание на эстетику текста - на выразительность, качество изложения материала. Из этого можно сделать вывод об определенных стереотипах в отношении читателей к тексту.

Как нам представляется, нужно искать общее пространство, где пересекались бы забота переводчика о читателе и доверие читателя к переведенному тексту. Если потоки осмысления каким-то образом более или менее совпадают, читатель и переводчик полагают свои задачи выполненными: читатель прочел текст - переводчик перевел текст.

Вопрос перевода - это вопрос реализации внутренних интеллектуально-эстетических интенций в совокупности с культурно-речевыми возможностями переводчика, работающего с вероятно нужным, но абсолютно другим материалом.

Иначе говоря, задача переводчика заключается в передаче не только референциальных значений, выражаемых в тексте на ИЯ, но также в передаче и других типов значений, то есть значений прагматических и внутрилингвистических.

Но при этом возникает другой вопрос, а именно: все ли типы значений, выражаемых в тексте подлинника, можно сохранить при переводе?

Степень «сохранности» значений в процессе перевода оказывается неодинаковой в зависимости, прежде всего, от самого типа значения. Что же касается тех случаев, когда сами предметы или ситуации, имеющиеся в опыте языкового коллектива-носителя ИЯ, отсутствуют в опыте коллектива-носителя ПЯ, то, как отмечают специалисты в области переводоведения, любой язык устроен таким образом, что при его помощи можно описывать (хотя и не всегда достаточно экономным и удобным способом) принципиально любые предметы, понятия и ситуации и это касается передачи прагматических значений [4,5].

Внутрилингвистические значения в силу своей сущности поддаются передаче при переводе в минимальной степени, поскольку каждый язык - это своеобразная система, элементы которой находятся друг с другом в отношениях, характерных только для данной языковой системы. При переводе внутрилингвистические значения, присущие единицам одного языка, как правило, исчезают и заменяются внутрилингвистическими значениями, свойственными единицам другого языка.

Следовательно, требовать полного сохранения в процессе перевода внутрилингвистических значений, выражаемых в исходном тексте, невозможно, ибо оно равноценно требованию отказа от перевода вообще [1].

Выделенные нами типы языковых значений играют далеко не одинаковую роль в текстах разных жанров: если для такой жанровой разновидности текста, как научная и техническая литература, характерна преобладающая роль референциальных значений (то есть наиболее существенная информация, содержащаяся в текстах данного типа, заключена именно в референциальных значениях, входящих в текст языковых единиц), то для художественной литературы ведущими часто указываются не референциальные, а прагматические значения. Что касается перевода художественных текстов, переводчик нередко вынужден жертвовать передачей референциальных значений, с тем чтобы сохранить несравненно более существенную для данного типа текстов информацию, заключенную в выражаемых в нем прагматических (эмоциональных и пр.) значениях.

В ряде случаев наиболее существенная информация оказывается заключенной именно во внутрилингвистических значениях входящих в текст единиц, так что переводчик бывает вынужден жертвовать ради передачи внутрилингвистических значений значениями других типов, в первую очередь референциальными.

Итак, мы приходим к выводу, что дать общую схему «порядка очередности передачи значений», пригодную для текстов любого типа и жанра, принципиально невозможно - в каждом конкретном случае переводчик должен решать, каким значениям необходимо отдать преимущество при передаче, а какими можно жертвовать, с тем чтобы свести до минимума потери информации, наиболее существенной для данного текста.

Все ранее изложенные попытки объяснения различных подходов к переводу текста, нагляднее можно отразить в виде диаграммы:

Различные факторы, влияющие на семантику текста

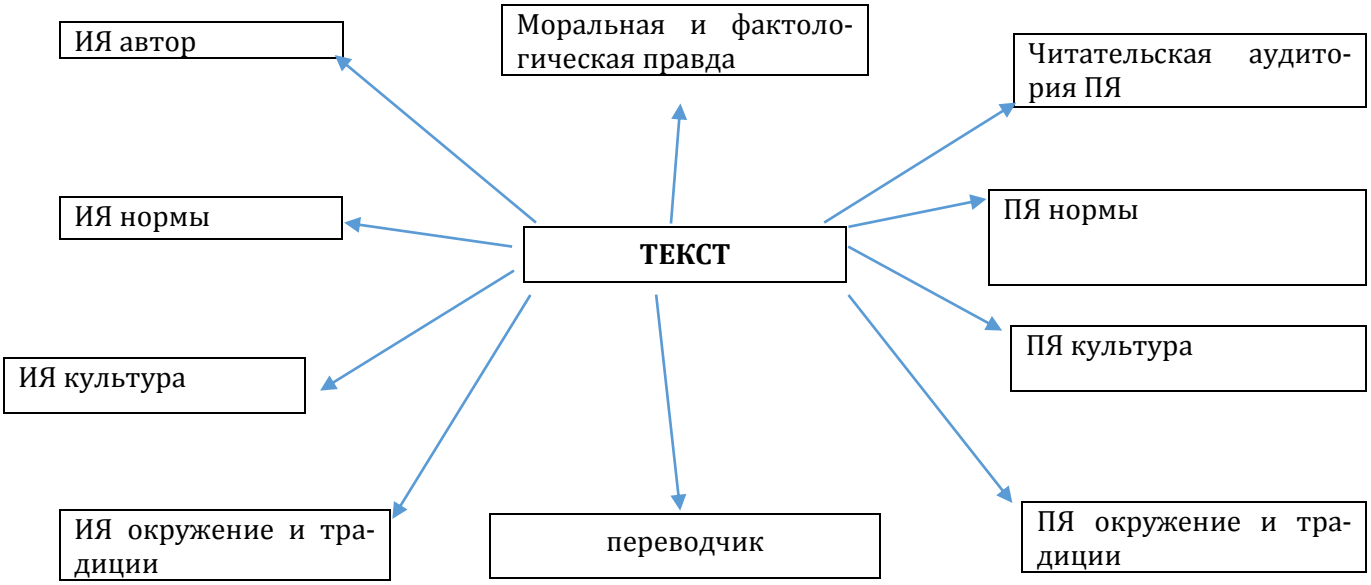


Рис. 1. Различные факторы, влияющие на семантику текста
Fig. 1. Various factors affecting the semantics of the text

В качестве примеров нахождения переводчиком эквивалентов при переводе с ИЯ на ПЯ мы приводим два фрагмента текстов: научно-популярного с русского языка на английский и художественного с английского на русский.

1. Океан сближает народы	**1. The Ocean Brings Peoples Closer Together**
Известно, что минеральные ресурсы, разведанные на континентах, постепенно истощаются. В то же время полезные ископаемые, скрытые в дне океана, лежат почти нетронутыми. А ведь развитие морских нефтепромыслов, на которых добывается пятая часть всей нефти, неопровержимо свидетельствует, что все эти богатства могут быть поставлены на службу человека. Но использование минеральных ресурсов океана невозможно без построения геологической модели его дна, которая должна содержать в себе сведения о геологической структуре и распределении запасов полезных ископаемых как вдали от берегов, так и в районе шельфов.	It is common knowledge that the mineral resources of the continents are being gradually depleted whereas the riches locked up beneath the Ocean's floor have been scarcely touched. But the development of marine oil fields, which yield one fifth of the total oil at present extracted offers indisputable evidence that there are abundant riches still to be put to man's benefit. However, the ocean's mineral resources cannot be made use of unless a geological model of its floor is constructed, which would incorporate information on the geological structure and occurrence of mineral resources both in those regions far away from the shore and in those of the shelves.
Переводческие решения 1. Известно... 2. ...постепенно истощаются... 3. ...скрытые на дне океана... 4. ...неопровержимо свидетельствуют... 5. ...невозможно без построения... 6. ...распределение запасов полезных ископаемых...	*Translator's Decisions* 1. It is common knowledge... 2. ...are being gradually depleted… 3. ...locked up beneath the Ocean's floor… 4. ...offers indisputable evidence… 5. ...unless…is constructed... 6. ...occurrence of mineral resources…

1. The Great Gatsby *by F.S. Fitzgerald* James Gats -that was really, or at least legally, his name. He had changed it at the age of seventeen and at the specific moment that witnessed the beginning of his career - when he saw Dan Cody's yacht drop anchor over the most insidious flat on Lake Superior. It was James Gats who had been loafing along the beach that afternoon in a torn green jersey and a pair of canvas pants, but it was already Jay Gatsby who borrowed a rowboat, pulled out to the "Tuolomee", and informed Cody that a wind might catch him and break him up in half an hour. *Translator's Decisions* 1. …he saw Dan Cody's yacht drop an chor 2. loaf 3. …pulled out to the "Tuolomee" 4. …a wind might catch him and break him up in half an hour	**1. Великий Гэтсби** *Ф.С. Фицджеральд* Джеймс Гетц - таково было его настоящее, или, во всяком случае, законное имя. Он его изменил, когда ему было семнадцать лет, в знаменательный миг, которому суждено было стать началом его карьеры, - когда он увидел яхту Дэна Коди, бросившую якорь у одной из коварных отмелей Верхнего Озера. Джеймсом Гетцем вышел он в этот день на берег в зеленой рваной фуфайке и парусиновых штанах, но уже Джеем Гэтсби бросился в лодку, погрёб до «Туоломея» и предупредил Дэна Коди, что через полчаса поднимется ветер, который может сорвать яхту с якоря и разнести ее в щепки. *Переводческие решения* 1. …он увидел, как яхта Дэна Коди бросила якорь 2. слоняться без дела Переводчик не перевел этот глагол на русский язык дословно, но другими словами передал настроение незанятости. 3. … погрёб до «Туоломея» 4. … ветер, который может сорвать яхту с якоря и разнести ее в щепки. В тексте оригинала отсутствует выражение «разнести в щепки», но переводчик использует при переводе именно этот фразеологизм, донеся до русскоязычного читателя на прагматическом уровне понятное для него явление.

В заключение необходимо отметить, что важными факторами перевода (и его текста) являются: намерение, значение, тон, воздействие, структура, функция и сам текст как единое целое. Доказательства для всех этих факторов могут быть найдены только в словах, использованных в тексте, которые и являются критериями перевода. В любом сложном тексте существует непрерывное напряжение между максимальным элементом - текстом и минимальным - словом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бархударов Л.С. Языковые значения и перевод / Язык и перевод. - М., 1975. - С. 237.
2. Шлейермахер Ф. О разных методах перевода // Вестник МГУ. Сер. 9 «Филология» (рубрика «Философия перевода в западноевропейской традиции»). - 2000. - № 2.
3. Фицджеральд Ф.С. Великий Гэтсби / пер. Е.Д. Калашниковой. - М.: Азбука, 2008. - 256 с.
4. Fries Ch. The Structure of English. N. Y., 1952.
5. Nida E. Toward a Science of Translating. Leiden, 1964.
6. Pym A. Schleiermacher and the Problem of "Blendlinge"//Translation and Literature. 1995, vol. 1, P. 5–30.
7. Fitzgerald F.S. "The Great Gatsby"//M.,1984. 141c.

REFERENCES

1. Barchudarov L.S. Language Meanings and Translation. Language and Tanslation. [Yazikovye osnovi i perevod. Yazyk i prervod]. M., 1975, P. 237.
2. Schleiermacher Fr. About Different Methods of Translatio. [O raznych metodach perevoda]. Vestnik MSU Iss.9 "Phililogy"[Filologiya] №2, 2000.
3. Fitzgerald F.S. "Great Gatsby" (translation by E.D. Kalashnikova) M. Azbuka, 2008. 256p.
4. Fries Ch. The Structure of English. N. Y., 1952.
5. Nida E. Toward a Science of Translating. Leiden, 1964.
6. Pym A. Schleiermacher and the Problem of "Blendlinge". Translation and Literature. 1995, vol. 1, P. 5–30.
7. Fitzgerald F.S. "The Great Gatsby". M.,1984. 141p.

Информациах об авторах:

Сивакова Елена Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Кубанский государствен-ный университет физической культуры, спорта и туризма, г. Краснодар, Россия
helen.krasnodar@mail.ru

Назарова Ирина Павловна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Кубанский государст-венный университет физической культуры, спорта и туризма, г. Краснодар, Россия
leto_eto@mail.ru

Получена: 27.06.2017

Для цитирования: Сивакова Е.В., Назарова И.П. К вопросу о разных подходах к проблеме перевода. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 1. с.215-220.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-215-220.

Information about the authors:

Elena V. Sivakova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism,
Krasnodar, Russia
helen.krasnodar@mail.ru

Irina P. Nazarova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism,
Krasnodar, Russia
leto_eto@mail.ru

Received: 27.06.2017

For citation: Sivakova E.V., Nazarova I.P. To the question concerning different approaches to the problem of translation. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 1. Pp. 215-220.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-215-220. (in Russian)

УДК 37, 517.143

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-221-226

ГОЛУБЕВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
Военно-воздушная академия им. Профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина
г. Воронеж, Россия
golsv24@mail.ru

ЯКОВЛЕВ АНДРЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ
Войсковая часть
г. Липецк, Россия
yakovlev_andy@mail.ru

ТОЛСТЫХ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ
Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации
г. Москва, Россия
oficer.1978@mail.ru

УСОВЕРШЕНСТВОВАННАЯ СИСТЕМА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ (ШТАБОВ) АВИАЦИОННЫХ СОЕДИНЕНИЙ В ХОДЕ ПРОВЕДЕНИЯ КОМАНДНО-ШТАБНОГО УЧЕНИЯ.

Результаты анализа опыта Великой Отечественной войны, современных военных конфликтов и практики боевой подготовки войск позволили установить, что при недостаточности входной информации командиру (штабу) приходится прогнозировать недостающие элементы обстановки и вероятный характер действий противника, поэтому затраты времени на оценку обстановки и, как следствие, на принятие решения будут возрастать. В ходе проведения расчетов установлено, что из общего времени трудозатрат офицеров органов военного управления на планирование до 30% его затрачивается на сбор и осмысление данных обстановки, до 70% – на разработку оперативных, (боевых) документов и организационные задачи. Это обстоятельство вызывает необходимость автоматизации процессов сбора информации, оценки обстановки и принятия решения. В современных условиях в иностранных армиях для повышения оперативности применения войск формируются системы информационного обеспечения различного назначения и осуществляется их интеграция. В этой связи значительно возрастают требования к информационному обеспечению органов управления (штабов) авиационных соединений в ходе выполнения боевых задач. Поскольку одним и важных элементов подготовки органов управления (штабов) авиационных соединений к выполнению боевых задач являются командно-штабные учения (КШУ), возникает необходимость совершенствования информационного обеспечения органов управления (штабов) авиационных соединений в ходе проведения КШУ. В статье рассмотрено содержание усовершенствованной системы информационного обеспечения органов управления (штаба) авиационного соединения в ходе проведения командно-штабного учения при отработке учебно-боевой задачи отражения авиационного удара. Применение усовершенствованной системы информационного обеспечения органов управления (шта-

SERGEY V. GOLUBEV
Military-air academy N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy (Voronezh)
Voronezh, Russia
golsv24@mail.ru

ANDREY V. JAKOVLEV
Body 62632 (Lipetsk)
Lipetsk, Russia
yakovlev_andy@mail.ru

VLADIMIR V. TOLSTYKH
Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation
Moscow, Russia
oficer.1978@mail.ru

ADVANCED SYSTEM OF INFORMATION SUPPORT OF CONTROLS (STAFFS) OF AVIATION CONNECTIONS DURING CARRYING OUT OF THE COMMAND-STAFF DOCTRINE

The results of the analysis of the experience of the great Patriotic war, modern military conflicts and practices of combat training of troops has allowed to establish that in case of lack of input information to the commander (staff) have to predict the missing elements of the situation and the probable character of the enemy, so time spent on assessment of the situation and, as a result, the decision will increase. During calculations it was found that the total time of work of officers of bodies of military management on the planning, up to 30 % of it is spent on collecting and understanding the data environment, up to 70 % - on development of operational (combat) documents, and organizational tasks. This circumstance causes the necessity of automation of processes of gathering information, assessing situation and making decisions. In modern conditions in a foreign army for increase of efficiency of use of the armed forces formed the information management system for various purposes and carried out their integration. In this regard, significantly increased requirements to information support of management (headquarters) aviation units during combat missions. As one of the important elements of training administration (headquarters) aviation units to perform combat tasks are command post exercises (CPE) there is a need for improvement of information support of the administration (headquarters) aviation units in the course of the CPE. The article describes the contents of the advanced information system of management bodies (HQ) air connection in the course of conducting command-staff exercises when working out combat training tasks of reflection of an air attack. Application of the advanced information system of management bodies (headquarters) aviation units in the course of exercise will enhance the efficiency and validity of the assessment group of enemy aircraft and decision-making officials combat crew KP (PU) when performing combat training missions.

бов) авиационных соединений в ходе проведения КШУ позволит повысить оперативность и обоснованность оценки группировки воздушного противника и принятия решений должностными лицами боевого расчета КП (ПУ) при выполнении учебно-боевых задач.

Ключевые слова: модель, орган (штаб), авиационное соединение, оценка группировки воздушного противника, командно-штабные учения

Keywords: model, body (staff), aviation connection, estimation of grouping of the air opponent, command-staff doctrines

С информационным обеспечением командно-штабных учений (далее – КШУ) возникает необходимость совершенствования информационного обеспечения органов управления (штабов) авиационных соединений в ходе проведения КШУ. Под КШУ понимается система концепций, методов и средств, предназначенных для своевременного формирования и выдачи достоверной информации для принятия управленческих решений органом управления (штабом) авиационного соединения. Информационное обеспечение определяется следующим рядом составляющих: совокупность справочных данных (о летно-тактических характеристиках авиационных комплексов, тактико-технических характеристиках авиационных средств поражения, тактико-технических характеристиках радиолокационных средств, оптических систем обнаружения, тактико-технических характеристиках средств связи и радиотехнического обеспечения и т.д. противника и своих войск); классификаторы информации, массивы информации в виде базы данных, система управления базами данных; базы знаний (с экспертной информацией); схемы информационных потоков (диаграмма информационных потоков).

Под системой информационного обеспечения КШУ мы будем понимать совокупность взаимосвязанных элементов, объединенных структурно и функционально в интересах сбора, обработки и выдачи информации для управления силами и средствами авиационного соединения.

Под элементами системы информационного обеспечения КШУ будем понимать саму информацию (данные), алгоритмы ее обработки, хранения, передачи и отображения, технические средства и рекомендуемые управляющие воздействия, в совокупности обеспечивающие решение задач оценки обстановки и принятия решения.

Суть информационного обеспечения в налаживании работы органа управления (штаба) авиационного соединения при подготовке и проведении КШУ заключается в своевременной доставке боевому расчету КП (ПУ) достоверной и полной информации, необходимой для принятия обоснованных решений в режиме реального времени в заданных условиях обстановки, с учетом имеющихся ограничений. Использование системы информационного обеспечения КШУ должно сократить время на оценку обстановки и принятие рационального решения.

Основными ограничениями при этом на сегодняшний день являются:

- отсутствие отдельных необходимых средств получения первичной информации от радиолокационных станций, оптических систем, разведывательной информации;
- низкая точность и частота выдачи данных от существующих источников первичной информации;
- отсутствие альтернативных (дублирующих) источников информации;
- дефицит времени на сбор, обработку (анализ и принятие решения) поступающей информации;
- ограниченные возможности специалистов боевого расчета по сбору, обработке и передаче информации.

Сложившаяся система информационного обеспечения (рисунок 1) отражает процесс информационного взаимодействия элементов в ходе проведения КШУ, позволяет структурировать задачи организации информационной поддержки для формирования достоверной оценки исхода вариантов отражения авиационного удара в ходе подготовки

и проведения КШУ, однако она не учитывает фактор разнородности подходов к решению задач информационной поддержки в эргатической системе (система: лицо, принимающее решение, – СППР). Для устранения этого недостатка возникла необходимость разработки моделей и способа взаимодействия системы «Орган управления (штаб) – АСУ ВН – Авиационный комплекс – Внешняя среда».

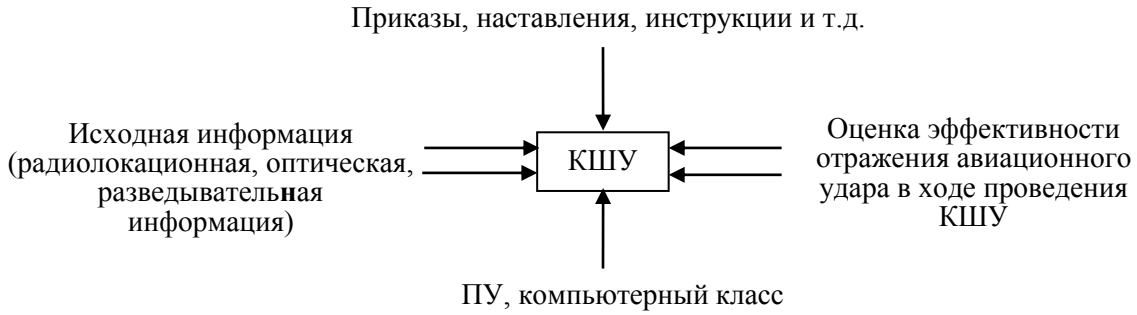


Рисунок 1. Система информационного обеспечения органа управления (штаба) в ходе проведения КШУ при отработке учебно-боевой задачи отражения авиационного удара (1 уровень)

Figure 1. The information system on management (staff) during the CPE when working out combat training tasks reflect air strike (level 1)

Структура усовершенствованной системы информационного обеспечения при проведении КШУ с авиационным соединением разработана на основе методологии IDEF0 (рисунки 2–5) и отражает взаимосвязь полученных в ходе исследования моделей и способа оценивания вариантов сил и средств для отражения авиационного удара при проведении КШУ.

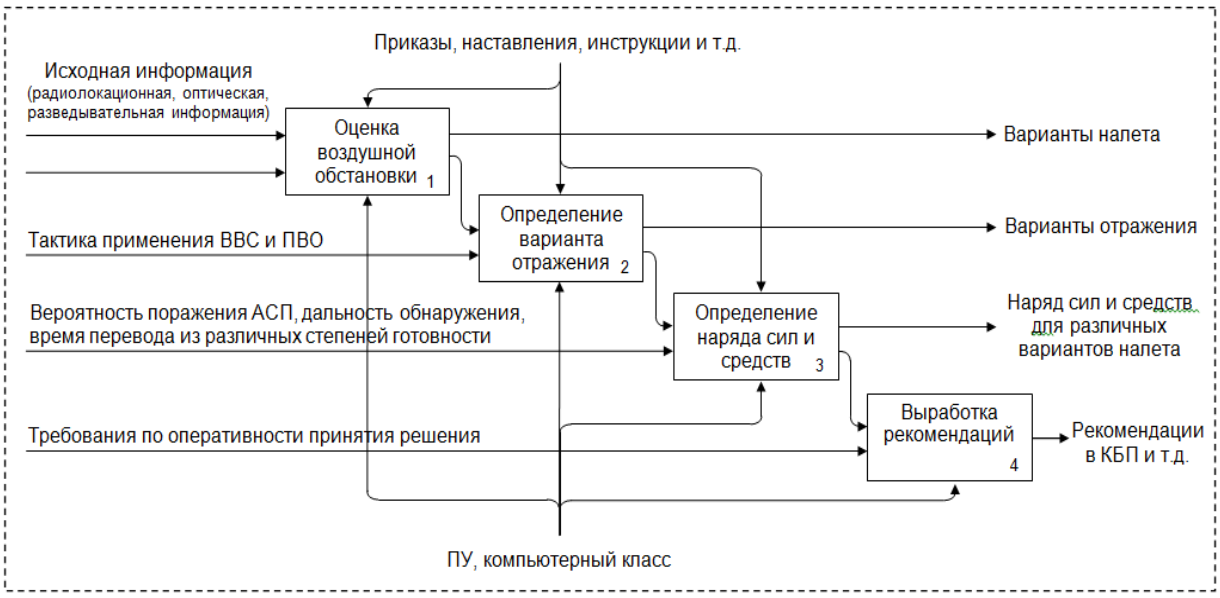


Рисунок 2. Система информационного обеспечения органа управления (штаба) в ходе проведения КШУ при отработке учебно-боевой задачи отражения авиационного удара (2 уровень)

Figure 2. The information system on management (staff) during the CPE when working out combat training tasks reflect air strike (level 2)

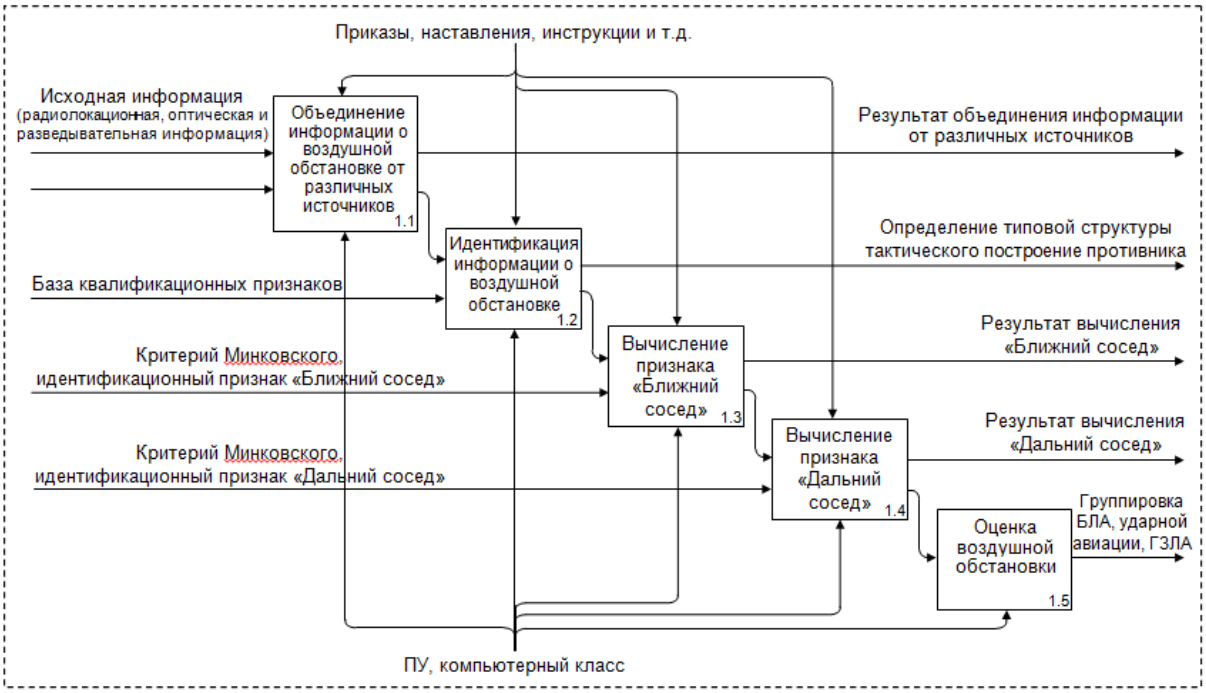


Рисунок 3. Система информационного обеспечения органа управления (штаба) в ходе проведения КШУ при отработке учебно-боевой задачи отражения авиационного удара (3 уровень)

Figure 3. The information system on management (staff) during the CPE when working out combat training tasks reflect air strike (level 3)

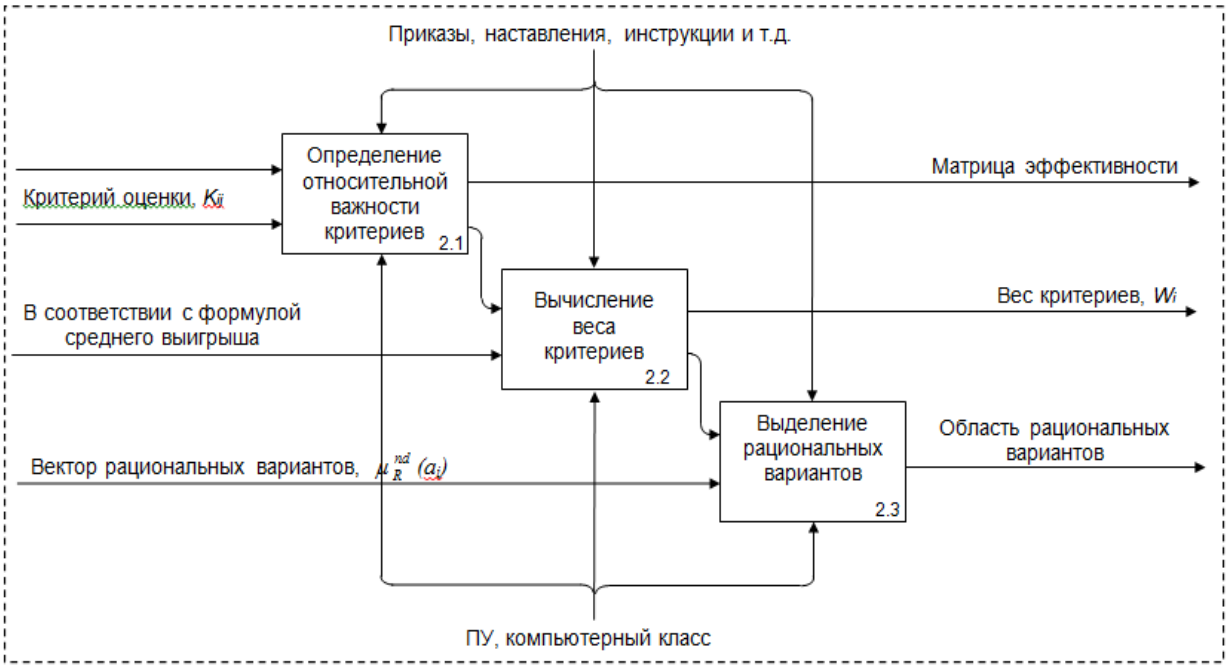


Рисунок 4. Система информационного обеспечения органа управления (штаба) в ходе проведения КШУ при отработке учебно-боевой задачи отражения авиационного удара (4 уровень)

Figure 4. The information system on management (staff) during the CPE when working out combat training tasks reflect air strike (level 4)

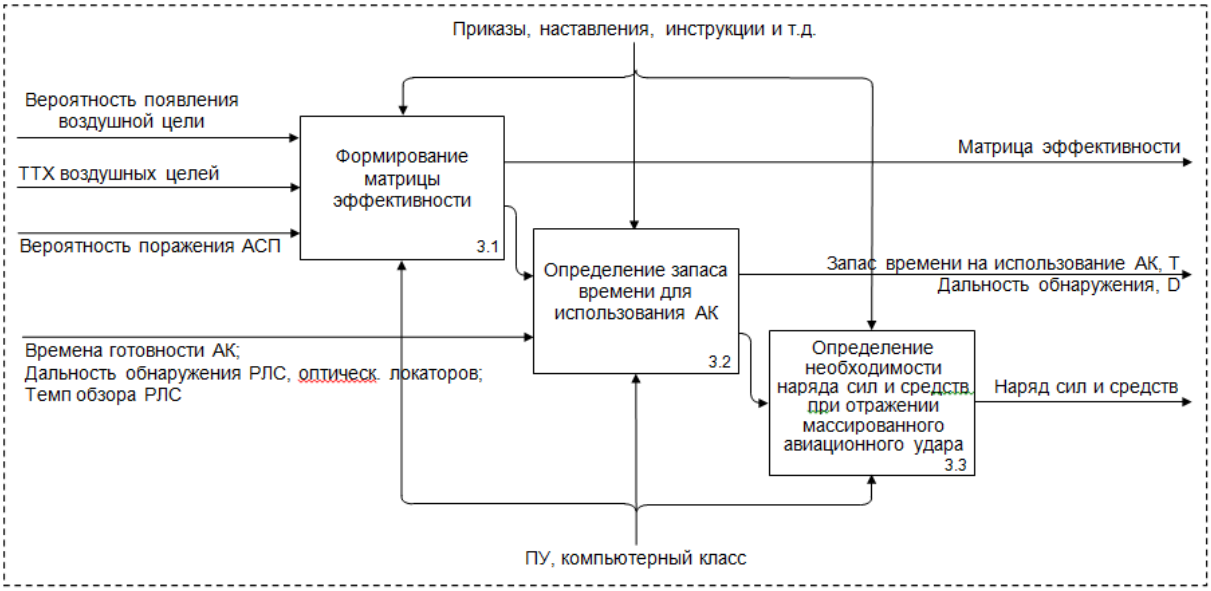


Рисунок 5. Система информационного обеспечения органа управления (штаба) в ходе проведения КШУ при отработке боевой задачи отражения авиационного удара (5 уровень)

Figure 5. The information system on management (staff) during the CPE when working out combat tasks of reflection of the air strike (level 5)

В разработанной системе информационного обеспечения органов управления (штабов) авиационных соединений в ходе проведения КШУ усовершенствованы: модель кластеризации разнородной информации при оценке состава группировки воздушного противника в ходе проведения КШУ; модель формирования области рациональных вариантов авиационного удара противника; способ оценки вариантов состава сил и средств для отражения авиационного удара при проведении КШУ с использованием СППР. Все компоненты объединены общим замыслом, направленным на последовательное снижение энтропии о характере и численности группировки воздушного противника при отработке учебно-боевых задач органом управления (штабом), при оценке состава группировки воздушного противника в ходе КШУ.

Новым в усовершенствованной системе информационного обеспечения является содержание компонент – совокупность моделей оценки состава группировки воздушного противника и способа оценивания вариантов состава сил и средств для отражения авиационного удара в ходе проведения КШУ с использованием системы поддержки принятия решений и наличия функции взаимодействия.

Таким образом, применение усовершенствованной системы информационного обеспечения органов управления (штабов) авиационных соединений в ходе проведения КШУ позволит повысить оперативность и обоснованность оценки группировки воздушного противника и принятия решений должностными лицами боевого расчета КП (ПУ) при выполнении учебно-боевых задач.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Зарубежное военное обозрение. – 2015. – № 7. – С. 12-13.
2. Зарубежное военное обозрение. – 2016. – № 5. – С. 16-17.
3. Петренко С.В. Методы и модели организации информационной поддержки для эффективного формирования бесконфликтного потока воздушных судов: Автореф. – Тамбов, 2013. – С. 10-11.
4. Командно-штабное учение / [Электронный ресурс] - http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=13290%40morfDictionary

5. Методические рекомендации по организации командно-штабных учений / [Электронный ресурс] - http://35.mchs.gov.ru/folder/1320849
6. Подготовка командно-штабных учений / [Электронный ресурс] - http://35.mchs.gov.ru/document/1324559

REFERENCES

1. Zarubezhnoe voennoe obozrenie. [The magazine "Foreign military review"]. 2015.no. 7. Pp. 12-13.
2. Zarubezhnoe voennoe obozrenie. [The magazine "Foreign military review"]. 2016. No. 5. Pp. 16-17.
3. Petrenko S.V. Metody i modeli organizacii informacionnoj podderzhki dlja jeffektivnogo formirovanija beskonfliktnogo potoka vozdushnyh sudov. Avtoreferat. [Methods and organizational models of information support for effective formation of conflict-free flow of aircraft. Abstract]. Tambov, 2013. Pp. 10-11.
4. Command post exercise (Komandno-shtabnoe uchenie). Available at: http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=13290%40morfDictionary
5. Methodical recommendations on the organization of a command post exercise (Metodicheskie rekomendacii po organizacii komandno-shtabnyh uchenij). Available at: http://35.mchs.gov.ru/folder/1320849
6. Preparation of command-staff exercises (Podgotovka komandno-shtabnyh uchenij). Available at: http://35.mchs.gov.ru/document/1324559

Информация об авторах:

Голубев Сергей Владимирович, доктор военных наук, доцент, профессор 51 Кафедры радиоэлектронной борьбы (и технического обеспечения частей РЭБ), ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
г. Воронеж, Россия
golsv24@mail.ru

Яковлев Андрей Вячеславович, кандидат технических наук, доцент, Старший офицер-исследователь войсковой части,
г. Липецк, Россия
yakovlev_andy@mail.ru

Толстых Владимир Владимирович, соискатель ученой степени кандидата военных наук, Старший научный сотрудник, Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации
г. Москва, Россия
oficer.1978@mail.ru

Information about the authors:

Golubev Sergey V. Doctor of Military Sciences, Associate Professor, Professor 51 Department of electronic warfare (and the logistics parts EW), MESC AF «Military-air academy N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy» (Voronezh)
Voronezh, Russia
golsv24@mail.ru

Jakovlev Andrey V., Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Senior science officer of the military unit, The senior officer-researcher of a body
Lipetsk, Russia
yakovlev_andy@mail.ru

Tolstykh Vladimir V., competitor of a scientific degree of Candidate of Military Sciences, Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation
Moscow, Russia

Получена: 07.07.2017

Для цитирования: Голубев С.В., Яковлев А.В., Толстых В.В. Усовершенствованная система информационного обеспечения органов управления (штабов) авиационных соединений в ходе проведения командно-штабного учения. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 1. с.221-226.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-221-226.

Received: 07.07.2017

For citation: Golubev S.V., Jakovlev A.V., Tolstykh V. V. Advanced system of information support of controls (staffs) of aviation connections during carrying out of the command-staff doctrine. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 1. Pp. 221-226.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-221-226. (in Russian)

ИНФОРМАЦИЯ
для авторов журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»

Уважаемые авторы, в связи с подготовкой научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» к включению в международные базы данных библиографического описания и научного цитирования *Scopus* и *Web of Science*, обращаем Ваше внимание на то, что с 2014 г. существенно изменены правила оформления представляемых рукописей. Особое значение теперь приобретают англоязычная аннотация к статье (Abstract) и список использованной автором литературы (References), поскольку именно они, а не текст самой статьи, находят отражение в системах международных баз данных. По своему содержанию и информативности Abstract и References должны привлечь внимание зарубежных читателей к теме статьи. Соответственно, в интересах автора тщательно подойти к подготовке этих блоков статьи и обеспечить их максимально высокое качество.

Редакция научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» рассматривает ранее не опубликованные авторские материалы в форме оригинальных, проблемных и дискуссионных статей, обзоров литературы, лекций, отчетов о научных мероприятиях и научных программах и исследованиях в области истории, социологии, педагогики.

Материалы следует направлять по электронной почте: akademus07@rambler.ru, либо через on-line форму сайта журнала http://www.hist-edu.ru/. Загружаемый в систему файл со статьей должен быть представлен в формате Microsoft Word (иметь расширение *.doc, *.docx, *.rtf). Материалы должны быть оформлены строго в соответствии с изложенными далее требованиями и тщательно вычитаны.

Поступление заявки в редакцию подтверждает полное согласие авторов на обработку и публикацию предоставленной персональной информации, а также подтверждает согласие авторов с публичной офертой на размещение присланных материалов в полном объеме в электронной и печатной версиях журнала.

Поступившая в редакцию рукопись проходит обязательное двойное слепое рецензирование (рецензент не знает авторов рукописи, авторы рукописи не знаю рецензентов) и в двухнедельный срок принимается решение о возможности ее публикации. Редактор информирует автора о решении редколлегии. Редакция вправе вносить в текст правки, не искажающие смысл авторских материалов. При переписке с редакцией автор каждый раз должен полностью указывать фамилию, имя, отчество и повод, по которому идет переписка.

Ответственность за достоверность приведенных фактов, цифровых, графических или каких-либо иных данных, равно как за точность цитируемых текстов и отсутствие правовых препятствий к размещению информации, несет полностью автор.

Все статьи, размещенные на сайте, находятся в открытом доступе и могут быть использованы для цитирования, копирования, распечатывания и другого некоммерческого использования с соблюдением авторских прав.

Журнал издается на средства авторов.

Авторам, обучающимся в аспирантурах государственных вузов и имеющим право в порядке очередности на бесплатную публикацию материалов своих научных исследований, необходимо предоставить справку из аспирантуры вуза установленной формы. Справку об обучении в аспирантуре, заверенную согласно утвержденным формам, печатью вуза, высылается простым письмом на почтовый адрес редакции. Отсканированная копия справки прилагается к электронному письму отдельными файлами с расширением *.jpg или *.pdf. Статья аспиранта может быть опубликована бесплатно при условии, что он является единственным автором

научного текста. Статьи, где аспирант выступает в качестве соавтора, к бесплатной публикации не принимаются.

При подаче статьи на электронный адрес akademus07@rambler.ru просим Вас:

1. уточнять, в какой рубрике Вы хотели бы разместить статью;
2. указывать почтовый адрес с индексом, на который можно будет выслать авторский экземпляр журнала;
3. предоставлять копию проверки оригинальности текста в текстовом или графическом файле (скриншот результата проверки http://www.antiplagiat.ru). Оригинальность текста должна составлять не менее 80%.

Объем полного текста рукописи 10-20 страниц: не более 1 п.л. (40 тыс. знаков с учетом пробелов). В индивидуальных случаях по решению редакционной коллегии допускается публикация материалов большего объема. Количество авторов одной статьи – допускается не более 3-х чел.

Текст рукописи должен быть набран в редакторе Microsoft Word, в формате А4 с полями 25 мм, выравнивание по левому краю, междустрочный интервал – полуторный (1,5), шрифт -Times New Roman, размер – 14. Подзаголовки внутри статьи - прописными буквами. Шрифт библиографических ссылок – 12**,** междустрочный интервал – одинарный (1). Шрифт текстовых сносок – 11, межстрочный интервал – одинарный (1), без отступа.

Страницы текста должны иметь сквозную нумерацию. Автоматические переносы не допускаются. Автоматические сноски не допускаются.

Рукопись должна быть структурирована по нижеописанному принципу.

Блок информации на русском языке:

1. *Индекс УДК.*
2. *Название работы* (прописными жирными буквами), точно отражающее содержание работы.
3. *Авторы статьи*. Фамилии и инициалы авторов следует указывать полностью (без сокращений). Через запятую указываются ученая степень и звание, должность автора, полное (без сокращений) название кафедры, организации (необходимо привести официальное полное название организации без сокращений), которую представляет автор, полный почтовый адрес организации(й), электронная почта всех или одного из авторов. Если авторов несколько, то фамилия каждого следующего автора с полной аффилиацией начинается с новой строки.
4. *Русскоязычная аннотация и ключевые слова*. Аннотация характеризует основную тему, актуальность, проблему объекта, цели работы и ее результаты, выводы, новизну, что помогает быстрее уловить суть проблемы. Объем текста аннотация должен быть не менее 200-250 слов. Ключевые слова (не менее 10-и слов) способствуют индексированию статьи в поисковых системах. Они должны попарно соответствовать на русском и английском языке.

Блок информации на английском языке:

1. *UDC Index.*
2. *Article title.* Название на английском языке должно по смыслу полностью соответствовать русскоязычному названию и грамотно составлено с точки зрения английского языка.
3. *Authors' names & Affiliation.* ФИО необходимо писать в соответствие с заграничным паспортом. Также на английском языке указывается ученая степень и звание, должность автора(ов). Аффилиацию необходимо указывать официальное англоязычное название учреждения. Наиболее полный список названий учреждений и их официальной англоязычной версии можно найти на сайте РУНЭБ http://elibrary.ru.
4. *Abstract & Keywords*. Англоязычная версия аннотации статьи должна по смыслу и структуре полностью соответствовать русскоязычной и быть грамотной с точки зрения английского языка. При переводе аннотаций должна использоваться англоязычная специальная терминология, следует избегать употребления общих, ничего не значащих слов, лишь увеличивающих объем, но не способствующих раскрытию содержания статьи. Англоязычная аннотация должна быть оригинальной, то есть недопустима калька (дословный перевод) краткой русскоязычной аннотации. Объем англоязычной версии аннотации должен быть не менее 200-250 слов. «Аннотации на английском языке в русскоязычном издании

являются для иностранных ученых и специалистов основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по аннотации оценивают публикацию, проявляет интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т.д. Аннотация к статье призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации».

5. Информация о спонсорстве (на русском и английском языках). Необходимо указывать источник финансирования как научной работы, так и процесса публикации статьи (грант, фонд, коммерческая или государственная организация, частное лицо и др.).

6. Благодарности (на русском и английском языках) Авторы могут выразить благодарности людям и организациям, способствовавшим публикации статьи в журнале, но не являющимся её авторами.

7. Текст статьи (на русском, английском или обоих языках). Излагаемый в работе текст должен содержать вводную часть, где описываются цель, материалы, источники и методы исследования. Далее следуют результаты исследования, их обсуждение, заключение или выводы.

В тексте статьи ссылки на источники приводятся после цитаты в квадратных скобках арабскими цифрами с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы,

*например: [*1; с. 290-316, 344], [2; л. 290-316. Л л. 2-22, 23-30, 208-212], [7; л. 29-31, 31 об.].

Документы (архивы, ГОСТы, приказы, положения, постановления, нормативы, федеральные законы) нужно указывать сносками в тексте, а не в списках литературы.

Некоторые нюансы:

- при первом упоминании лица обязательно указываются инициалы, которые отделяются пробелом от фамилии;
- в заголовках на английском языке все значимые слова пишутся с заглавной буквы;
- с заглавной буквы пишутся: Первая и Вторая мировые войны, Третий мир;
- названия фирм, организаций и т.п. следует указывать на языке оригинала;
- за исключением ООН, в названиях организаций (Европейский союз, и т.п.) с заглавной буквы пишется только первое слово;
- точка не ставится после рубрики, названия статьи, автора статьи, заголовков и подзаголовков, названий таблиц, рисунков, размерностей (с – секунда, г - грамм, м – метр);
- годы указываются только в цифровой форме: 1985–1990 гг., но 1990-е годы (а не 1990-е гг.); XX в.; XVIII–XIX вв. Годы и века даются только в сокращенном виде: в.; вв.; г.; гг.;
- буква «ё» ставится только в тех случаях, когда замена на букву «е» искажает смысл слова; во всех остальных случаях – только «е»;
- сокращения «др.», «пр.», «т.п.», «т.д.» даются только в конце предложения. Словесные формулировки «так как», «в том числе», «потому что» не сокращаются;
- при цифрах используется знак процента или промилле: 30%; 15‰;
- в цифрах миллионы от тысяч и тысячи от сотен отделяются одним пробелом (700 000, 1 560 000) или могут быть заменены соответствующими сокращенными словами «млрд», «млн», «тыс». После сокращений «млрд» и «млн» точка не ставится;
- названия денежных знаков даются в сокращенной форме, принятой в научной литературе: «долл.», «фр.», «р.», «ф. ст.». Названия других денежных знаков пишутся полностью;
- в цитатах используются кавычки-елочки (« »). Если внутри цитаты есть слова, заключенные в кавычки, они должны быть другого начертания « — “ *** “ — ».

8. Библиографические ссылки (пристатейные списки литературы). Статьи без ссылок на используемые источники и литературу не принимаются.

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования».

В оригинальных статьях желательно иметь не менее 15 источников, в обзорных – до 50. Самоцитирования в списке литературы не должны превышать 10%.

Ссылки на иностранные источники должны составлять 30%.

Шрифт ссылок – Times New Roman, размер – 12, межстрочный интервал – одинарный (1).

В библиографическом описании каждого источника должны быть представлены все авторы. В случае если у публикации более 4 авторов, то после 4-го автора необходимо поставить сокращение «и др.» или «et al.». Недопустимо сокращать название статьи.

Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте, но не в алфавитном порядке. В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например [1; с. 25].

Документы (приказы, ГОСТы, архивы, положения, постановления, нормативы, федеральные законы) нужно указывать сносками в тексте, а не в списках литературы.

Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Если статья имеет DOI, обязательно следует указать его номер.

9. References (пристатейные списки литературы на английском языке и транслитерация названия статьи). Название статьи в ссылках должно быть транслитерировано (написана латинскими буквами) и дублирована на английский язык в квадратных скобках [ ].

При транслитерации можно воспользоваться ссылкой http://ru.translit.ru/?account=bgn.

Если статья имеет DOI, то следует обязательно указать его номер.

Также следует обратить внимание на то, что название статьи и журнала не следует разделять знаком **«//»** и **«–»,** а описания даты выхода, тома, номера журнала и страниц, на которых опубликована статья, разделяются точкой. Названия отечественных журналов сокращать нельзя.

Структура библиографической ссылки в References для русскоязычных статей из журналов выглядит так:

- авторы (транслитерация);
- название статьи в транслитерированном варианте;
- перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках [ ];
- название источника (транслитерация);
- выходные данные с обозначениями на английском языке, либо только цифровые;
- язык (необходимо указать язык, на котором написан полный текст рукописи). В случае, когда автор публикует статью на двух языках, необходимо указать двойную индексацию по языку (например, [ru; en], (in Russian); (in English), (in Italy) (in Arabic) и т.д.

Для транслитерации текста можно воспользоваться ссылкой http://ru.translit.ru/?account=bgn.

Пример ссылки на статью из российского журнала:

- Mescheryakov A.V., Levushkin S.P. Perekrestnye jeffekty adaptacii k stressornym situacijam. [Cross-effects of adaptation to stress situations]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social-Educational Idea. 2015. Vol. 7. No. 3. Pp. 122-125.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-67-78 (in Russ.).

- Kalakhanova (Borlakova) Z.M. Istoricheskiy ocherk razvitiya i ustroystva Kavkazskih mineralnyih vod. [Historical outline of the development and structure of the Caucasian Mineral Waters]. Stavropol. 2015. P. 1 (in Russ).

Пример описания статей из SCOPUS, имеющих DOI:

- Zhang Z., Zhu D. Experimental research on the localized electrochemical micromachining. Russian Journal of Electrochemistry. 2008. No. 44 (8). Pp. 926-930. Cited 2 times. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-67-78 Eng.).

Ссылка на Интернет-ресурс:

APA Style (2011). Available at: http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx (accessed 5 Feb. 2011).

Pravila Tsitirovaniya Istochnikov. (Rules for the Citing of Sources). Available at: http://www.scribd.com/doc/1034528/ (accessed 7 Feb. 2011).

Материалы конференций:

Главное в описаниях конференций – название конференции на языке оригинала (в транслитерации, если нет – ее английского названия), выделенное курсивом. В скобках дается перевод названия на английский язык. Выходные данные (место проведения конференции, место издания, страницы) должны быть представлены на английском языке.

Примеры ссылок на публикации в материалах конференций:

UsmanovT.S., Gusmanov A.A., Mullagalin I.Z., Muhametshina R.Ju., Chervyakova A.N., Sveshnikov A.V. Features of the design of field development with the use of hydraulic fracturing. [Osobennosti proektirovaniya razrabotki mestorozhdeniy s primeneniem gidrorazryva plasta].Trudy 6 Mezhdunarodnogo Simpoziuma “Novye resursosberegayushchie tekhnologii nedropol'zovaniya i povysheniya neftegazootdachi” (Proc. 6th Int. Technol. Symp.“New energy saving subsoil technologies and the increasing of the oil and gas impact”). Moscow. 2007. Pp. 267-272. (in Eng.).

Antina E.V., Berezin M.B., Semeikin A.S., Dudina N.A., Yutanova S.L., Guseva G.B. Abstracts of Papers. XII Molodezhnaya konferentsiya po organicheskoi khimii (XII Youth Conference on Organic Chemistry). Suzdal. 2009. P. 248. (in Russ.).

Таблицы и иллюстрации:

- количество таблиц и иллюстраций в тексте – не более 10. Таблицы должны быть пронумерованы и иметь тематические названия на русском и английском языках;
- заголовки графиков должны быть на русском и английском языках, должны точно соответствовать их содержанию и иметь единицы измерения;
- заголовки к таблицам и рисункам должны быть указаны на русском и английском языках;
- цифры в таблицах располагают по центру, единицы размещают под единицами, десятки под десятками и т.д. Сокращения слов в таблицах, за исключением общепринятых, не допускаются;
- иллюстрации должны быть четкими, контрастными, рассчитанными на черно-белую печать без полутонов. В электронном виде иллюстрации предоставляются как внедренные объекты (в этом случае иллюстрации могут быть как созданные средствами Microsoft Office, так и представлены как графические объекты), либо отдельными файлами с расширением *.tiff и *.jpg с разрешением 300 dpi. В последнем случае имя файла должно содержать номер иллюстрации и ее название;
- фотографии, отпечатки экранов мониторов (скриншоты) и др. не рисованные иллюстрации необходимо загружать отдельно в специальном разделе формы для подачи статьи в виде файлов формата *.jpeg, *.bmp, *.gif (*.doc и *.docx - в случае, если на изображение нанесены дополнительные пометки). Файлам изображений необходимо присвоить название, соответствующее номеру рисунка в тексте.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вы можете подписаться на журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» через Агентство «Роспечать» (подписной индекс 26187), а также через редакцию журнала.

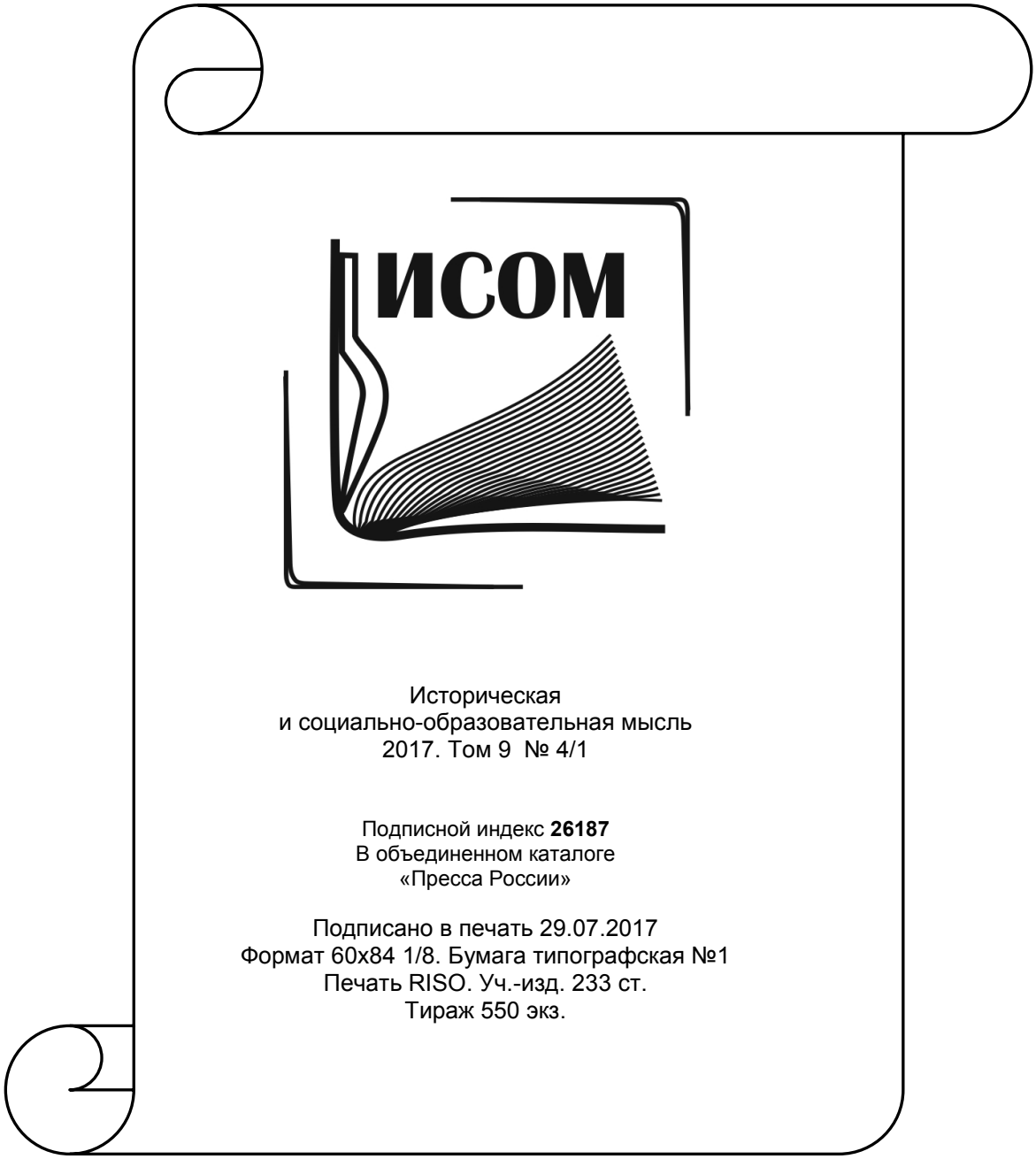
Адрес редакции:
350080, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар,
мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32, к. 301. akademus07@rambler.ru ,
сайт журнала: **http://www.hist-edu.ru**
телефон 8(861)2376219; 8(905)4713194

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей.
Идеи и выводы, высказываемые в публикуемых материалах, не обязательно отражают позицию редколлегии.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ!
Вы можете оформить подписку на журнал
«Историческая и социально-образовательная мысль»
по каталогу агентства «РОСПЕЧАТЬ»
Тел:/007 495/921-25-50 Факс: /007 495/785-14-70
E-mail: ovs@rosp.ru www: http://www.rosp.ru

ATTENTION OF FOREIGN SUBSCRIBERS!
You can subscribe to «*Historical and Social Educational Ideas»*
through the «ROSPECHAT»
agency catalogue. **«**Russian Newspapers & Magazines -2016»
Phone: /007 495/921-25-50 Fax: /007 495/ 785-14-70
E-mail: ovs@rosp.ru www: http://www.rosp.ru

Уважаемые читатели!
Мы рады сообщить вам, что журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» доступен во Всемирной сети Интернет. Вы можете найти материалы вышедших в 2009 - 2016 гг. номеров журнала на: http://www.hist-edu.ru
http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001



Историческая
и социально-образовательная мысль
2017. Том 9 № 4/1

Подписной индекс **26187**
В объединенном каталоге
«Пресса России»

Подписано в печать 29.07.2017
Формат 60x84 1/8. Бумага типографская №1
Печать RISO. Уч.-изд. 233 ст.
Тираж 550 экз.

Тираж изготовлен на полиграфической базе
Кубанской многопрофильной Академии подготовки, переподготовки
и повышения квалификации специалистов

г. Краснодар, мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32/301

© Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»